

БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Тезисы докладов X Международной
научно-практической конференции

(Могилев, 22 апреля 2022 года)

[Начать просмотр](#)

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Учреждение образования
«Могилевский институт Министерства внутренних дел
Республики Беларусь»

БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Тезисы докладов X Международной
научно-практической конференции
(Могилев, 22 апреля 2022 года)

Научное электронное текстовое издание

1 электронный оптический диск (CD-R)

Могилев
Могилевский институт МВД
2022

© Учреждение образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2022

ISBN 978-985-589-022-6

[Перейти к сведениям об издании 1 2 3](#)

[Перейти к статьям](#)

УДК 343(082)
ББК 67.48

БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Научное электронное текстовое издание

*Рекомендовано к изданию научно-методическим советом
учреждения образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь»*

Б84 **Борьба с преступностью: теория и практика** [Электронный ресурс] : тезисы докладов X Международной научно-практической конференции (Могилев, 22 апреля 2022 года) / Министерство внутренних дел Республики Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: Ю. П. Шкаплеров (отв. ред.) [и др.]. — Могилев : Могилев. институт МВД, 2022. — 1 электрон. опт. диск (CD-R). — Загл. с экрана.

ISBN 978-985-589-022-6.

В сборник вошли тезисы докладов участников X Международной научно-практической конференции «Борьба с преступностью: теория и практика» (Могилев, 22 апреля 2022 года) по актуальным проблемам совершенствования уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии, уголовного процесса, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности, судебной экспертизы в уголовном процессе.

Может быть полезен научным работникам, преподавателям, адъюнктам (аспирантам) и курсантам (студентам), а также практическим работникам.

В сборнике сохранена авторская редакция и подходы к решению заявленных проблем.

© Учреждение образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2022

[Перейти к сведениям об издании 2 3](#)

[Перейти к титульному экрану](#)

[Перейти к статьям](#)

БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Тезисы докладов X Международной
научно-практической конференции
(Могилев, 22 апреля 2022 года)

Научное электронное текстовое издание

Редакционная коллегия:

- Шкаплеров Ю. П.**, первый заместитель начальника
Могилевского института МВД,
кандидат юридических наук, доцент (ответственный редактор);
- Свиридов Д. А.**, начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики
Могилевского института МВД;
- Лаппо Е. А.**, начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности
факультета милиции Могилевского института МВД,
кандидат юридических наук, доцент;
- Демидова И. А.**, заведующий кафедрой правовых дисциплин
Могилевского института МВД, кандидат юридических наук, доцент;
- Колотилкин Ю. А.**, начальник кафедры административной деятельности
факультета милиции Могилевского института МВД

[Перейти к титульному экрану](#)

[Перейти к сведениям об издании 1 3](#)

[Перейти к статьям](#)

БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Тезисы докладов X Международной
научно-практической конференции
(Могилев, 22 апреля 2022 года)

Рецензенты:

директор Могилевского филиала учреждения образования
«БИП — Университет права и социально-информационных технологий»
кандидат юридических наук, доцент *Ю. А. Матвейчев*;

начальник кафедры криминалистики
Белгородского юридического института МВД России им. И. Д. Путилина
кандидат экономических наук, доцент *Е. В. Чиненов*

Сведения о программном обеспечении:

программы просмотра веб-страниц (браузеры) Opera, Internet Explorer 8.0 и выше, Mozilla Firefox;
Adobe Flash Player.

Минимальные системные требования:

Windows: Процессор: 2.33 GHz, Intel® Atom 1.6 GHz.

ОС: Microsoft Windows XP SP3 (32-bit), Windows Vista (32-bit), Windows 7, Windows 8
или Windows 10.

Оперативная память: 512 Мб (1 GB рекомендуется для нетбуков). Память для видеокарты: 128 Мб.

Mac OS: Процессор: Intel Core Duo 1.83 GHz. ОС: Mac OS X v10.6 и более поздние версии.

Браузер: последние версии Safari, Mozilla Firefox, Google Chrome, Opera.

Оперативная память: 512 Мб. Память для видеокарты: 128 Мб.

Linux: Процессор: 2.33 GHz, Intel Atom 1.6 GHz. ОС: Red Hat Enterprise Linux (RHEL) 5.6 и старше,
openSUSE 11.3 и старше или Ubuntu 10.04 и старше. Браузер: последние версии Firefox.

Оперативная память: 512 Мб. Память для видеокарты: 128 Мб.

Редактор технический *М. В. Жидкова*
Корректоры *Н. А. Родионова, Т. Ю. Лухтанова*

Учреждение образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь».
Ул. Крупской, 67, 212011, Могилев, тел. +375 222 72 41 58.
www.institutemvd.by

Дата подписания к использованию: 22.04.2022.

Тираж 10 экз. Объем 186 Мб. 1 электрон. опт. диск (CD-R). Заказ № 4.

[Перейти к титульному экрану](#)

[Перейти к сведениям об издании 1 2](#)

[Перейти к статьям](#)

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

УДК 343.3/.7

А. С. Агеев

*научный сотрудник научно-исследовательского
и редакционно-издательского отдела
Уральского юридического института МВД России*

ОБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА НЕЗАКОННОЙ РОЗНИЧНОЙ ПРОДАЖИ АЛКОГОЛЬНОЙ И СПИРТСОДЕРЖАЩЕЙ ПИЩЕВОЙ ПРОДУКЦИИ

В рамках борьбы с нелегальным алкогольным бизнесом Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК) был дополнен ст. 171⁴ «Незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции» [1].

Для правильной квалификации указанного деяния необходимо устанавливать все признаки состава преступления, в том числе объективную сторону. Объективная сторона является обязательным элементом состава преступления. Установление всех признаков состава преступления служит основанием уголовной ответственности.

А. В. Бриллиантов описывает объективную сторону как внешний акт человеческого поведения, причиняющий или способный причинить вред объектам, охраняемым уголовным законом, и включающий в себя общественно опасное деяние (действие или бездействие), общественно опасные последствия (преступный результат), причинную связь, а также место, время, обстановку, способ, орудия и средства совершения преступления [2, с. 115].

Подчеркивая важность объективной стороны состава преступления, дадим ее характеристику применительно к деянию, предусмотренному ст. 171⁴ УК.

Состав рассматриваемого преступления по конструкции объективной стороны является формальным и содержит один обязательный признак — общественно опасное деяние. Общественно опасное деяние выражается в виде действия — незаконной розничной продажи, совершенной неоднократно.

Под розничной продажей следует понимать вид торговой деятельности, связанный с продажей товаров для использования их в личных, семейных, домашних и иных целях, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности [3].

Розничная продажа формально представляет собой заключение договора купли-продажи. По договору купли-продажи одна сторона (продавец) обязуется передать вещь (товар) в собственность другой стороне (покупателю),

а покупатель обязуется принять этот товар и уплатить за него определенную денежную сумму (цену) [4].

Таким образом, законодатель, формулируя норму, указал только на один вид сделки — куплю-продажу, но не предусмотрел иные виды сделок, под прикрытием которых может осуществляться продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции, а такие случаи практике известны. Например, бывают случаи, когда продавцы продают сувенирную продукцию, а в подарок к ней прилагается алкоголь на выбор, при этом цена того или иного сувенира является явно завышенной и соответствует, скорее всего, цене подарочного алкоголя. Так, определением Пролетарского районного суда г. Ростова-на-Дону установлено, что на страницах одного из сайтов организован интернет-магазин по продаже алкогольной атрибутики — зажигалок, при покупке зажигалки с алкогольной тематикой в подарок доставляют крепкий алкоголь (Определение Пролетарского районного суда г. Ростова-на-Дону № 2а-1060/2018 от 26 февраля 2018 года).

На указанную проблему обращали внимание и другие исследователи, например, Я. Э. Красковский [5, с. 70], А. А. Артамонова [6, с. 12], С. Д. Бражник [7, с. 224] и др.

Кроме того, некоторые из исследователей обращают внимание что диспозицией не охватываются действия по оптовой продаже, что создает пробел в законе [8, с. 44].

Для решения указанных проблем вышеназванными авторами предлагается формулировку «розничная продажа» заменить на термин «сбыт» [5, с. 70; 6, с. 12; 7, с. 224; 8, с. 45]. По их мнению, такая формулировка позволит охватить как можно больше видов сделок, что позволит закрыть имеющиеся пробелы. Термин «сбыт» уже имеется в других составах УК, например, в ст. 228¹. Применительно к этой статье под сбытом, согласно постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 года № 14, понимается незаконная деятельность лица, направленная на возмездную либо безвозмездную реализацию (продажу, дарение, обмен, уплату долга, дачу взаймы и т. д.) другому лицу [9].

Мы считаем, что, сформулировав общественно опасное деяние как «сбыт», можно сделать норму чрезмерно репрессивной ввиду того, что ответственности будут подлежать даже те лица, которые будут преподносить алкоголь, например, в подарок другим лицам в честь какого-либо праздника, не получая взамен какой-либо оплаты, что в настоящее время является довольно распространенной практикой, либо будут осуществлять обмен алкоголя на дру-

гие вещи. В связи с этим считаем использование термина «сбыт» не совсем правильным.

Рассуждая о ситуациях, когда при покупке сувенирной продукции в дар передается алкоголь, считаем, что сделку в таком случае следует признавать притворной и рассматривать ее как фактическое заключение договора купли-продажи, кроме того, в судебной практике уже имеются подобные решения. Так, решением Ряжского районного суда Рязанской области установлено, что продажа магнитов, к которым в подарок прилагается алкоголь, является притворной сделкой, в связи с чем фактически осуществляется продажа алкогольной продукции [10]. Таким образом, в данной ситуации как таковой проблемы нет, необходимо квалифицировать подобные деяния как розничную продажу, признавая в судебных решениях сделки притворными. Аналогичным образом следует поступать при заключении любых видов сделок, которыми будет прикрываться продажа алкоголя.

Решение вопроса в случаях оптовой продажи алкоголя видится посредством переформулирования общественно опасного деяния из «розничной продажи» в термин «реализация», раскрывая его содержание в примечании к статье. Термин «реализация» нашел отражение в ст. 39 Налогового кодекса Российской Федерации (часть первая) [11], где под таковой понимается передача на возмездной основе права собственности на товары, результатов выполненных работ одним лицом для другого лица. Как видим, в данном случае сделан акцент на возмездность передачи товара, что является, по нашему мнению, обязательным условием применительно к ст. 171⁴ УК, но возмездность должна рассматриваться именно как получение оплаты за предоставляемую продукцию посредством передачи денежных средств.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, следует отметить, что диспозиция ст. 171⁴ УК нуждается в законодательной доработке. Нами предложено сформулировать общественно опасное деяние термином «реализация», раскрыть данный термин предлагается в примечании к ст. 171⁴ УК. Также предлагается примерная формулировка указанного термина: под реализацией алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции следует понимать их розничную и оптовую продажу либо ее передачу другим лицам за определенную плату.

Список основных источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : с изм. и доп. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2022. [Вернуться к статье](#)

2. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / под ред. А. В. Бриллиантова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2017. — 1184 с.

[Вернуться к статье](#)

3. Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон от 28 дек 2009 г. № 381-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2022. [Вернуться к статье](#)

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) [Электронный ресурс] : 26 янв. 1996 г., № 14-ФЗ : принят Гос. Думой 22 дек. 1995 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2022. [Вернуться к статье](#)

5. Красковский, Я. Э. Незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции: статья 171.4 Уголовного кодекса Российской Федерации и проблемы ее применения / Я. Э. Красковский // Наука. Общество. Государство. — 2018. — Т. 6. — № 1(21). — С. 67–72. [Вернуться к статье](#)

6. Артамонова, А. А. Уголовно-правовая характеристика незаконной розничной продажи алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции и ее значение для процесса доказывания / А. А. Артамонова // Наука и образование : сб. тр. участников XII Регион. науч. конф. студентов и молодых ученых, Белово, 27 нояб. 2020 г. — 2021. — С. 8–13. [Вернуться к статье](#)

7. Бражник, С. Д. Незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции (ст. 171.4 УК РФ): основания криминализации и анализ признаков состава преступления / С. Д. Бражник // Евразийское Научное Объединение. — 2020. — № 2-4(60). — С. 222–225. [Вернуться к статье](#)

8. Соловьев, О. Г. Незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции (ст. 171.4 УК РФ): некоторые вопросы криминализации, квалификации, конструирования состава / О. Г. Соловьев // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). — 2021. — № 10. — С. 38–45. [Вернуться к статье](#)

9. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 15 июня 2006 г. № 14. Режим доступа: <https://www.zakonrf.info/postanovlenie-plenum-verkhovnogo-suda-rf-14-15062006/>. Дата доступа: 11.01.2022. [Перейти к источнику](#)
[Вернуться к статье](#)

10. Решение Рязского районного суда Рязанской области № 2-175/2017 от 18 мая 2017 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/d9ENbtObNG5J/>. Дата доступа: 11.01.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

11. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) [Электронный ресурс] : 31 июля 1998 г., № 146-ФЗ : принят Гос. Думой 16 июля 1998 г. : одобр. Советом Федерации 17 июля 1998 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2022. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.6

*М. А. Акимов**доцент кафедры уголовного права
Национальной академии внутренних дел (Украина),
кандидат юридических наук, доцент*

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ ПО УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ УКРАИНЫ

Прошло три года с тех пор, как в Украине установлена уголовная ответственность за домашнее насилие, а Уголовный кодекс (далее — УК) Украины [1] дополнен ст. 126-1 [2]. В течение этого времени суды и правоохранительные органы последовательно накапливали опыт работы. Об этом свидетельствуют и данные статистики: если в 2019 году к уголовной ответственности за домашнее насилие привлечено 255 человек, то в 2020 году — уже 1089 (в 4,27 раза больше), а в 2021 году — 1772 (в 1,62 раза больше) [3].

В целом можно утверждать и о формировании осведомленности сотрудников Национальной полиции Украины об использовании предоставленных законом полномочий при реагировании на домашнее насилие, и о наработке сотрудниками прокуратуры навыков процессуального руководства и поддержания обвинения по данной категории дел.

В то же время обращают на себя внимание явные проблемы в уголовно-правовой оценке домашнего насилия при рассмотрении таких дел в судах. Если ранее закон предусматривал право потерпевшего отказаться от обвинения в производствах частного обвинения (пункт 7 части 1 ст. 284 Уголовного процессуального кодекса (далее — УПК) Украины), то теперь в данном положении содержится оговорка «кроме уголовных производств об уголовных правонарушениях, связанных с домашним насилием» [4]. Часть судей толкует ее следующим образом: если признаки состава ст. 126-1 УК Украины не установлены, то преступление, связанное с домашним насилием, отсутствует и дело — при наличии ходатайства потерпевшего — может быть прекращено.

Возникает вопрос: как соотносятся между собой понятия «домашнее насилие» (состав преступления, предусмотренный ст. 126-1 УК Украины) и «преступление, связанное с домашним насилием» (указанное, но не разъясненное в пункте 7 части 1 ст. 284 УПК Украины)?

Как известно, изменения в действующее законодательство (в части криминализации домашнего насилия) были внесены после подписания Украиной Конвенции Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (Стамбульской конвенции) от 11 мая

2011 года [5]. Одним из ее новаторских решений является комплексный характер реагирования на домашнее насилие. Действие данного международно-правового акта основано на так называемых «четырех столпах» (The Four Pillars): Prevention (предотвращение), Protection (защита жертв), Prosecution (преследование виновных) и Policy Integration (интеграция политик, т. е. координация усилий в противодействии домашнему насилию).

Исходя из действующего в Украине приоритета международного права и учитывая описанный выше комплексный подход к решению проблемы домашнего насилия, следует принять во внимание, что данное явление предполагает не столько насилие в конкретном месте (доме), сколько противоправные действия специальных субъектов в отношении специальных потерпевших (их перечень содержится в ст. 3 Закона Украины от 7 декабря 2019 года № 2229-VIII «О предотвращении и противодействии домашнему насилию» [6]). Более того, украинский законодатель не только криминализировал домашнее насилие, но и дополнил ст. 67 УК Украины новым обстоятельством, отягчающим наказание — «6-1) совершение уголовного правонарушения в отношении супруга или бывшего супруга либо иного лица, с которым виновный находится (находился) в семейных или близких отношениях». Поскольку данное обстоятельство может сопровождать совершение многих уголовных правонарушений, напрашивается вывод, что понятие «преступление, связанное с домашним насилием» гораздо шире, чем «домашнее насилие» как состав преступления, предусмотренный ст. 126-1 УК Украины.

Аналогичным образом сформулирован и квалифицирующий признак, которым дополнены ст. 152 и 153 УК Украины, устанавливающие ответственность за изнасилования и за сексуальное насилие.

Вышеперечисленное свидетельствует, что толковать понятие «преступление, связанное с домашним насилием» как деяние, предусмотренное ст. 126-1 УК Украины, означает не только сужать его смысл и давать неполную уголовно-правовую оценку содеянному, но и ограничивать применение защитных механизмов для жертв домашнего насилия (срочных запретительных предписаний, ограничительных предписаний, ограничительных мер и т. д.), регламентированных Стамбульской конвенцией и Законом Украины от 7 декабря 2019 года № 2229-VIII «О предотвращении и противодействии домашнему насилию».

На наш взгляд, особенности конструкции ст. 126-1 УК Украины позволяют сформулировать следующие правила уголовно-правовой квалификации домашнего насилия и иных преступлений, связанных с ним:

— если уголовное правонарушение совершено специальным субъектом в отношении специального потерпевшего, насилие носит систематический

характер, а санкция нормы менее сурова или равна санкции ст. 126-1 УК Украины — квалификация происходит по ст. 126-1 (домашнее насилие);

— если уголовное правонарушение совершено специальным субъектом в отношении специального потерпевшего, но насилие не носит систематического характера, а также если санкция нормы более сурова, чем санкция ст. 126-1 УК Украины, — квалификация происходит по соответствующей статье УК Украины и по пункту 6-1 ст. 67;

— если специальный потерпевший предусмотрен как квалифицирующий признак конкретного состава уголовного правонарушения — квалификация происходит по той части статьи УК Украины, которая предусматривает этот признак (если же содеянное подпадает под признаки более тяжкого состава, указанный признак все равно упоминается в формуле квалификации).

Список основных источников

1. Кримінальний кодекс України [Електронний ресурс] : Закон України від 5 квіт. 2001 р. № 2341-III. — Режим доступу: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2341-14#Text>. — Дата доступу: 07.02.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Про внесення змін до Кримінального та Кримінального процесуального кодексів України з метою реалізації положень Конвенції Ради Європи про запобігання насильству стосовно жінок і домашньому насильству та боротьбу з цими явищами [Електронний ресурс] : Закон України від 6 грудня 2017 року № 2227-VIII. — Режим доступу: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2227-19#n41>. — Дата доступу: 07.02.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Б'є значить сяде? Домашнє насильство: кого і за що карає закон в Україні [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <https://www.pravda.com.ua/columns/2022/01/6/7319432>. — Дата доступу: 07.02.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. Кримінальний процесуальний кодекс України [Електронний ресурс] : Закон України від 13 квіт. 2012 р. № 4651-VI. — Режим доступу: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/4651-17#Text>. — Дата доступу: 07.02.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

5. Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (Стамбульской конвенции) от 11 мая 2011 года [Електронний ресурс]. — Режим доступа: <https://docsoe.home.blog/coe210>. — Дата доступа: 07.02.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

6. Про запобігання та протидію домашньому насильству [Електронний ресурс] : Закон України від 7 грудня 2019 р. № 2229-VIII. — Режим доступу: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2229-19#Text>. — Дата доступу: 07.02.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 343.85

Е. Ю. Антонова*декан юридического факультета**Дальневосточного юридического института (филиала)**Университета прокуратуры Российской Федерации,**доктор юридических наук, профессор*

ПООЩРИТЕЛЬНЫЕ НОРМЫ КАК СРЕДСТВО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Одной из центральных проблем современности является противодействие деяниям коррупционной направленности. Меры, направленные на ужесточение правовых мер воздействия в отношении лиц, допускающих коррупционные нарушения, не приносят должного эффекта. К тому же данные нарушения относятся к высоколатентным, что обусловлено многими факторами. Одним из таких факторов является то, что «участники коррупционных сделок, как правило, обоюдно не заинтересованы в раскрытии информации об их взаимодействии» [1, с. 92–95].

В связи с этим представляется, что важная роль в противодействии деяниям коррупционной направленности должна отводиться стимулирующим правопослушное поведение и поощрительным нормам.

Если обратиться к российскому уголовному законодательству, то можно обнаружить, что поощрительные нормы к лицам, совершившим коррупционные преступления, регламентируют институт освобождения от уголовной ответственности лица, давшего взятку/предмет коммерческого подкупа или являющегося посредником взяточничества или коммерческого подкупа, при условии если оно активно способствовало раскрытию и (или) расследованию преступления либо в отношении дающего имело место вымогательство взятки/предмета подкупа со стороны должностного лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, либо лицо после совершения преступления добровольно сообщило в орган, имеющий право возбудить уголовное дело, о даче взятки/предмета подкупа (примечание к ст. 204, 204¹, 204², 291, 291¹, 291² Уголовного кодекса Российской Федерации). При этом если лицо обращается в соответствующие органы с заявлением уже после дачи взятки/предмета подкупа, предмет взятки/подкупа ему уже не возвращается, а обращается в доход государства.

Данные нормы в определенном смысле стимулируют граждан к положительному посткриминальному поведению, которое способствует в том числе выявлению фактов коррупционного поведения со стороны должностных лиц и

лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческой и иной организации. Вместе с тем практика показывает, что чаще всего такие сообщения следуют от указанных в примечаниях субъектов в тех случаях, когда взяткополучатель не выполняет действия (бездействие), за которое ему было передано материальное вознаграждение, либо запрашиваемая сумма оказывается чрезмерно высокой. В целом же многие граждане готовы «заплатить» за решение своих вопросов.

Согласимся с мнением ученых, полагающих, что «поощрительные нормы в антикоррупционном законодательстве должны быть направлены не столько на устранение последствий от совершенного правонарушения, сколько на предотвращение совершения правонарушений коррупционного характера, исключение или минимизацию коррупционных рисков, ориентируя граждан на активное правомерное поведение, создание атмосферы невосприятости коррупции» [2, с. 105–109].

Одной из таких поощрительных мер является вознаграждение заявителю/осведомителю о фактах коррупционного поведения. Опыт применения таких норм существует в целом ряде зарубежных стран (например, Бразилия, Венгрия, Ирландия, Италия, Казахстан, КНР, Литва, Мальта, Нидерланды, Словакия, США, Франция, Швеция и др.).

Во многих странах действуют и специальные меры по обеспечению защиты заявителя/осведомителя. В число сообщений, подлежащих защите, должны входить разоблачения, сделанные на добросовестных и разумных основаниях, и такой порядок должен быть доступен для самого широкого круга лиц как в частном, так и в государственном секторах. Процедуры для защищенного раскрытия фактов правонарушений должны обеспечивать несколько доступных каналов для передачи информации и конфиденциальность сообщающих лиц [3, с. 120].

При этом для исключения злоупотребления со стороны лиц, которые заявляют/осведомляют о коррупционных фактах, необходимо предусмотреть и меры правового воздействия, вплоть до уголовной ответственности, за недостоверность представленных данных.

Считаем, что только комплекс мер как репрессивного, так и поощрительного характера способен дать положительный результат в деятельности по противодействию коррупции. В целом же политика государств должна быть направлена на развитие нулевой терпимости к коррупционному поведению.

Список основных источников

1. Антонова, Е. Ю. Защита и поощрение осведомителей как мера противодействия правонарушениям коррупционной направленности / Е. Ю. Антонова // Право и государство: теория и практика. — 2020. — № 6 (186). — С. 92–95. [Вернуться к статье](#)
2. Пустовалова, И. Н. Поощрительные санкции в механизме противодействия коррупции / И. Н. Пустовалова // Законность и правопорядок в современном обществе. — 2012. — № 10. — С. 105–109. [Вернуться к статье](#)
3. Расулев, А. Развитие системы международных стандартов и законодательных основ зарубежных стран в сфере защиты лиц, сообщающих о коррупционных правонарушениях / А. Расулев, Б. Исмаилов // ОИИ. — 2020. — № 3. — С. 116–128. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.35+342.95

И. Н. Астафьев

*преподаватель кафедры административного права
и административной деятельности органов внутренних дел
Омской академии МВД России*

В. С. Яловик

*профессор кафедры уголовного права и криминологии
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент*

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕПОВИНОВЕНИЕ И СОПРОТИВЛЕНИЕ СОТРУДНИКУ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ (ПОЛИЦИИ) ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Удельный вес деяний, связанных с неповиновением и сопротивлением сотрудникам органов внутренних дел (полиции), остается достаточно высоким в том числе на фоне проведения несанкционированных массовых мероприятий (собраний, митингов, демонстраций, шествий, пикетирования), совершения групповых действий, грубо нарушающих общественный порядок, попыток организации «цветных революций» и т. п. Эти общественно опасные деяния не только препятствуют деятельности органов внутренних дел (полиции) по предупреждению и пресечению правонарушений, но и посягают на законодательно установленный порядок управленческой деятельности государственных органов и их представителей.

Декретом Высшего Государственного Совета Союзного государства № 6 от 4 ноября 2021 года «Об Основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2021–2023 годы» были утверждены отраслевые интеграционные союзные программы, имеющие своей целью в том числе унификацию, гармонизацию и сближение законодательства государств — участников Союзного государства. В связи с этим представляет интерес рассмотрение в сравнительном плане составов правонарушений, предусматривающих ответственность за неповиновение и сопротивление сотруднику органов внутренних дел (полиции) по административному и уголовному законодательству Республики Беларусь и Российской Федерации.

В Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях в ст. 24.3 установлена ответственность за неповиновение законному распоряжению или требованию должностного лица государственного органа

(организации) при исполнении им служебных полномочий лицом, не подчиненным ему по службе.

В этом составе правонарушения должностное лицо не является потерпевшим, как ошибочно полагают некоторые авторы. Должностное лицо является тем лицом, кто в силу своих служебных полномочий имеет право и обязанность отдавать распоряжения или предъявлять требования лицам, не подчиненным ему по службе. К таким должностным лицам, исходя из анализа п. 3 ч. 1 ст. 1.10 «Разъяснение отдельных терминов Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях», относятся сотрудники органов внутренних дел, которые как представители власти обладают полномочиями в пределах своей компетенции отдавать распоряжения или приказы и принимать решения относительно лиц, не подчиненных им по службе.

Под неповиновением следует понимать отказ от исполнения законного распоряжения или требования должностного лица государственного органа (организации) при исполнении им служебных полномочий. Неповиновение совершается как путем действия, так и бездействия, к примеру, в случаях, когда виновный игнорирует законное требование сотрудника органов внутренних дел, открыто отказывается его выполнить, садится на землю или убегает.

Ответственность за неповиновение наступает при условии, что отдавшее распоряжение или предъявившее требование должностное лицо находится при исполнении служебных полномочий. Закон требует не только наличия у должностного лица соответствующих полномочий, но и определяет, что неповиновение оказывается ему во время исполнения служебных полномочий. Таким образом, понятием «при исполнении им служебных полномочий» охватывается только период времени, связанный с непосредственным осуществлением должностным лицом своих служебных полномочий.

В ч. 1 ст. 19.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП России) предусмотрена ответственность за неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника полиции, военнослужащего либо сотрудника органа или учреждения уголовно-исполнительной системы либо сотрудника войск национальной гвардии Российской Федерации в связи с исполнением ими обязанностей по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.

В диспозиции ч. 1 ст. 19.3 КоАП России, во-первых, наряду с сотрудниками полиции названы и другие категории лиц, неповиновение которым образует состав этого правонарушения. Используемый же в ст. 24.3 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях термин «должностное лицо» является универсальным и не обязывает перечисления категорий

лиц, которые наделены полномочиями отдавать распоряжения или предъявлять требования другим лицам.

Во-вторых, неповиновение образует отказ от исполнения законного распоряжения или требования сотрудника полиции «в связи с исполнением обязанностей по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности». Термин «в связи» в теории права толкуется весьма широко и должен охватывать неповиновение сотруднику полиции не только во время, но и до, а также после исполнения им указанных обязанностей. Неповиновение сотруднику полиции в связи с выполнением служебных обязанностей, не связанных с указанной деятельностью, не образует правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 19.3 КоАП России. Ответственность может наступать только при наличии признаков других правонарушений, которые связаны не с неповиновением, а с невыполнением законных требований, в том числе и сотрудников полиции, закрепленных в ст. 12.25, 12.26 и 17.7 КоАП России.

Неповиновение, как показывает анализ правоприменительной практики, может перерасти при непосредственном контакте в ненасильственное или насильственное физическое противодействие применяемым мерам пресечения к правонарушителю, т. е. в сопротивление сотруднику органов внутренних дел или полиции (вырывание или отталкивание при задержании, хватание за форменное обмундирование, воспрепятствование доставлению в органы власти или посадке в служебный автомобиль, применение насилия или высказывание угрозы его применения и т. п.). По Уголовному кодексу Республики Беларусь, в подобных случаях активные действия виновного при ненасильственном сопротивлении квалифицируются по ч. 1 ст. 363 (основной состав), а за те же действия, сопряженные с применением насилия или с угрозой его применения, — по ч. 2 ст. 363 (квалифицированный состав).

В ситуации, когда виновный совершает эти более общественно опасные действия в отношении сотрудника полиции, привлечь его к ответственности по Уголовному кодексу Российской Федерации в соответствии с содеянным не представляется возможным. За оказание сопротивления сотруднику полиции действующим законодательством ни уголовная, ни административная ответственность не предусмотрена. В большинстве случаев виновный привлекается к ответственности за фактически причиненный вред сотруднику полиции или хулиганство, что не в полной мере отражает объект посягательства и сущность совершаемого преступления.

На наш взгляд, не менее важным является отграничение неповиновения и сопротивления сотруднику органов внутренних дел (полиции) от других смежных противоправных деяний (оскорбление, воспрепятствование, вмеша-

тельство, принуждение, насилие или угроза применения насилия, посягательство), совершаемых в связи с осуществлением им деятельности по охране общественного порядка или служебной деятельности, что требует комплексного изучения, внесения научно обоснованных предложений по их дифференциации, официальному судебному толкованию проблемных вопросов квалификации, а при необходимости по совершенствованию законодательства.

УДК 343.57

В. Н. Винокуров

*доцент кафедры уголовного права и криминологии
Сибирского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент*

ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

Преступления, предусмотренные ст. 228–233 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК), посягают на здоровье населения как социальной общности, характеризующееся такими показателями, как рождаемость, продолжительность жизни, наличие заболеваний и т. д. Преступлением против здоровья населения следует признавать только такие действия, которые создают для него угрозу. Определимся с понятием сбыта наркотических средств. Как указано в определении Верховного Суда Российской Федерации от 5 июля 2018 г. № 77-АПУ18-ЗСП, действия оперуполномоченных отдела полиции Безбородова и Мазаева, выразившиеся в помещении ими наркотических средств в автомобиль и в сумку Д. с целью фальсификации доказательств, хотя и являются способом совершения преступления — превышения должностных полномочий, не охватываются диспозицией ст. 286 УК независимо от цели, которую они преследовали, что не исключает их ответственности за незаконный оборот наркотического средства.

Думается, что более обоснованно определение Верховного Суда Российской Федерации от 23 октября 2013 г. № 16-Д 13-24, где указано, что суды не учли, что А. (потерпевший, которому подбросили наркотические средства) не был осведомлен о том, что Ш. Д. О. собирается каким-либо способом «реализовать» ему наркотические средства, в то время как понятие «сбыт» предполагает участие (личное либо опосредованное) как минимум двух лиц. Таким образом, сбыт наркотических средств подразумевает наличие двух лиц: сбытчика и приобретателя, который осознает факт приобретения им наркотических средств. Если приобретатель не осознавал факт передачи ему наркотических средств, сбыта нет [1]. Это обусловлено тем, что наркотические средства подбрасывают с целью последующего уголовного преследования за незаконный оборот наркотических средств, в дальнейшем они будут обязательно изъяты из оборота.

Следующая ситуация, на квалификацию которой влияет объект преступления, это квалификация деяний при проведении проверочной закупки. В соответствии с п. 13.1 постановления Пленума Верховного Суда Российской

Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (далее — постановление № 14), сбыт наркотических средств при проведении проверочной закупки признают окончанным сбытом.

Исходя из того, что сбыт наркотических средств влечет их последующее потребление, что причинит вред здоровью человека (как первичного звена здоровья населения, выступающего объектом преступления, предусмотренного ст. 228.1 УК), сбыт наркотических средств при проведении проверочной закупки *сотрудникам правоохранительных органов* следует квалифицировать как покушение на их сбыт. Наркотические средства в этом случае изымают из незаконного оборота, что исключает их потребление. Если же при проверочной закупке наркотические средства сбывают лицам, не являющимся сотрудниками правоохранительных органов, то тогда действия сбытчика следует квалифицировать как окончанный сбыт, поскольку эти лица могут утаить наркотические средства.

Следующий момент квалификации деяний, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, который определяется в зависимости от объекта преступления, это квалификация нескольких фактов сбыта, когда встает вопрос о разграничении продолжаемого сбыта или совокупности преступлений. В настоящее время в постановлении № 14 разграничение продолжаемого сбыта наркотических средств и совокупности преступлений не регламентировано. При решении указанного вопроса предложено основываться на признаках продолжаемого преступления применительно к хищению. Согласно п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», продолжаемое хищение характеризуется следующими признаками: тождественность действий (единый способ и единый источник), единство умысла. На основании указанных признаков продолжаемого хищения выделяют признаки продолжаемого сбыта наркотических средств: тождественность действий, единая цель (единый умысел). О единстве умысла свидетельствуют такие факторы, как сбыт наркотического средства одному и тому же лицу, сбыт наркотических средств, составляющих изначально единую массу [2].

В своих решениях Верховный Суд Российской Федерации указал, что *о наличии единого умысла на сбыт наркотических средств свидетельствует их сбыт одному и тому же лицу* (Определение Верховного Суда Российской Федерации от 26 мая 2008 г. № 83-Д08-6; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 12 мая 2011 г. № 16-Дп11-14), в случае если осужденный

делал закладки разного количества наркотических средств и их забирали *разные люди*, его действия были квалифицированы по совокупности преступлений (Определение Верховного Суда Российской Федерации от 1 марта 2018 г. № 11-УД18-5; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 16 мая 2018 г. № 5-АПУ18-16СП). Сбыт наркотических средств через закладки, предназначенные для *разных лиц*, следует квалифицировать не как одно продолжаемое преступление, а по совокупности преступлений [3].

С таким подходом сложно согласиться, так как совершение деяний в разных местах и в разное время не препятствует признанию их тождественными. Главное, чтобы они были совершены одним способом и объединены единым умыслом [4]. Представляется, что единственным точным критерием разграничения продолжаемого сбыта и совокупности преступлений выступает источник наркотического средства. Так, действия осужденных, пытавшихся реализовать наркотические средства из вновь полученной партии, квалифицировали как совокупность преступлений (Определение Верховного Суда Российской Федерации от 12 дек. 2017 г. № 3-АПУ17-8). Это обусловлено тем, что объектом преступления, предусмотренного ст. 228.1 УК, является здоровье не одного человека, а населения, т. е. многих лиц. Как одно продолжаемое деяние следует квалифицировать сбыт конкретной массы наркотического средства в несколько приемов *разным лицам*, даже если умысел виновного на сбыт наркотических средств не конкретизирован [5]. Как указал Верховный Суд Российской Федерации, по смыслу закона продолжаемыми являются преступления из ряда тождественных преступных деяний, совершаемых, как правило, через незначительный промежуток времени в одной и той же обстановке, направленных к общей цели и составляющих единое преступление. Поэтому совершение М. в одном районе города через незначительный промежуток времени объединенных единым умыслом тождественных деяний образует одно преступление, а не множественность (Определение Верховного Суда Российской Федерации от 17 дек. 2020 г. № 5-УДП20-100-К2).

Таким образом, понимание объекта преступления, предусмотренного ст. 228.1 УК, как здоровья населения, которому виновный угрожает причинить вред, следует учитывать при квалификации таких деяний, как подбрасывание наркотических средств с целью уголовного преследования, а также при проведении проверочной закупки и при решении вопроса о разграничении продолжаемого сбыта и совокупности преступлений.

Список основных источников

1. Быкова, Е. Г. Уголовно-правовая оценка действий должностных лиц при инсценировке преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров / Е. Г. Быкова, С. А. Яшков // Уголовное право. — 2017. — № 2. [Вернуться к статье](#)
2. Вишнякова, Н. В. Сбыт наркотических средств: отграничение продолжаемого преступления от совокупности преступлений / Н. В. Вишнякова // Законодательство и практика. — 2013. — № 2. — С. 35. [Вернуться к статье](#)
3. Крюков, А. А. Единый продолжаемый сбыт наркотических средств / А. А. Крюков, В. Н. Шиханов // Уголовное право. — 2021. — № 5. — С. 18. [Вернуться к статье](#)
4. Гарбатович, Д. А. Проблемы квалификации множественности преступлений при сбыте наркотических средств / Д. А. Гарбатович // Наркоконтроль. — 2009. — № 4. — С. 37–39. [Вернуться к статье](#)
5. Залов, А. Ф. Уголовно-правовая характеристика продолжаемого преступления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. Ф. Залов. — Екатеринбург, 2017. — С. 23. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.337.5

О. Ф. Воспякова*старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
Могилевского института МВД Республики Беларусь***ОТРИЦАНИЕ ГЕНОЦИДА БЕЛОРУССКОГО НАРОДА:
НОВАЦИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ**

Термин «геноцид» означает истребление отдельных групп населения или целых народов по различным мотивам: расовым, национальным, религиозным и др. Геноцид относится к числу особо тяжких преступлений и представляет серьезную угрозу для всего человечества. Ответственность за это преступление на международном уровне предусмотрена Конвенцией о предупреждении геноцида и наказании за него, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г., ратифицированной в 1954 г. СССР, куда входила и Белорусская ССР.

В белорусском уголовном законодательстве правовая норма о геноциде впервые появилась в Уголовном кодексе Республики Беларусь 1999 г. (далее — УК). Согласно ст. 127 УК, геноцидом признаются действия, направленные на планомерное уничтожение какой-либо группы людей, которая определяется на основе национального, расового, религиозного либо иного критерия. Уголовно-правовая норма указывает способы совершения этого преступления, к которым, в частности, относятся убийство членов такой группы, причинение им тяжких телесных повреждений, насильственная передача детей из одной этнической группы в другую и т. д. [1]. Никакие сроки давности за геноцид не применяются, что закреплено ст. 85 УК.

Многочисленные документальные факты свидетельствуют о том, что в годы Великой Отечественной войны геноциду подвергся и белорусский народ. Это были советские граждане, находившиеся на оккупированных территориях Белорусской ССР. По данным Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, во время войны в Беларуси было уничтожено не менее 3 млн мирных граждан [2].

В этой связи актуальным и своевременным явилось принятие в Республике Беларусь 5 января 2022 г. Закона «О геноциде белорусского народа» (далее — Закон) в целях сохранения памяти о миллионах советских граждан, которые стали жертвами в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период [3]. Речь идет о планомерном физическом уничтожении нацистскими преступниками и их пособниками, националистическими формированиями белорусского народа в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (до 1952 г.).

К сожалению, реалии сегодняшнего дня свидетельствуют о наметившейся в мире тенденции искажения итогов Второй мировой войны, оправдания нацистской идеологии. Поэтому представляется обоснованным наличие в УК ст. 130¹ «Реабилитация нацизма», а также введение вышеуказанным Законом уголовной ответственности за отрицание геноцида белорусского народа (ст. 130² УК). Данная новация в уголовном законодательстве направлена, прежде всего, на защиту исторической памяти нашего народа, без которой невозможно его существование.

Отрицание геноцида белорусского народа отнесено к числу преступлений против мира и безопасности человечества, предусмотренных главой 17 УК. Непосредственным объектом данного преступления выступают общественные отношения, обеспечивающие достоверность результатов итогов Великой Отечественной войны.

Объективная сторона рассматриваемого преступления выражается в отрицании геноцида белорусского народа как исторического факта. Это может иметь место в публичном выступлении, в печатном или ином произведении, которое демонстрируется публично, в средствах массовой информации, а также в информации, размещенной в глобальной компьютерной сети Интернет, иной сети электросвязи общего пользования или выделенной сети электросвязи. Публичный характер анализируемого преступного деяния означает, что сведения адресованы неопределенному кругу лиц, что свидетельствует о его общественной опасности.

По конструкции объективной стороны преступление имеет формальный состав и признается оконченным с момента совершения общественно опасного деяния — отрицания геноцида белорусского народа в публичном выступлении, средствах массовой информации и т. д.

Субъект преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 130² УК, общий. Ответственность наступает с 16 лет. Субъективная сторона характеризуется умышленной формой вины в виде прямого умысла.

Часть 2 ст. 130² УК имеет квалифицированный состав и предусматривает ответственность за действия, указанные в части 1 данной статьи, если они совершены лицом, ранее судимым за отрицание геноцида белорусского народа, либо должностным лицом с использованием своих служебных полномочий. В этом случае субъект специальный: лицо, имеющее судимость по ст. 130² УК, либо должностное лицо.

Таким образом, законодатель, дополнив УК статьей 130² «Отрицание геноцида белорусского народа», взял под уголовно-правовую охрану факты, имевшие место в истории белорусского народа и признанные на государствен-

ном уровне, с целью недопущения фальсификации событий и итогов Второй мировой войны.

Список основных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022. [Вернуться к статье](#)
2. Генпрокуратура: во время ВОВ в Беларуси уничтожено не менее 3 млн мирных граждан [Электронный ресурс] // Новостной портал «Белта». — Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/genprokuratura-vo-vremja-vov-v-belarusi-unichtozheno-ne-menee-3-mln-mirnyh-grazhdan-480904-2022/>. — Дата доступа: 10.02.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
3. О геноциде белорусского народа [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 5 янв. 2022 г., № 146-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.72

Р. С. Вульвач*преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
Могилевского института МВД Республики Беларусь***НАЛОГОВОЕ МОШЕННИЧЕСТВО: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Реализация государственной политики в области обеспечения национальной безопасности в Республике Беларусь основывается на программных положениях Указа Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь» (далее — Концепция), где закреплено, что экономическая безопасность как одна из составляющих национальной безопасности отражает такое состояние экономики, при котором гарантированно обеспечивается защищенность национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз [1].

Исходя из того, что налоговые платежи являются одним из важнейших источников формирования доходной части как республиканского, так и местных бюджетов, то правовая регламентация налоговой политики является одним из инструментов государства в достижении целей по выполнению налоговых обязательств всеми субъектами. А следовательно, одним из способов противодействия угрозам экономической безопасности нашего государства в налоговой сфере является совершенствование действующего законодательства, в том числе и тех отраслей права, которые регламентируют юридическую ответственность за совершение правонарушений в области налогообложения. До недавнего времени наиболее строгий вид ответственности, а именно уголовная ответственность, предусматривалась только за такие преступные деяния в данной сфере, как уклонение от уплаты налогов и сборов, которое повлекло причинение ущерба в крупном размере либо в особо крупном, как квалифицированный состав в отношении тех же деяний.

Новацией в уголовном законодательстве Республики Беларусь по регламентации преступлений в сфере налогообложения явилось внесение Законом Республики Беларусь от 26 мая 2021 года № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» (далее — Закон) изменений в Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее — УК), согласно которым УК дополнен статьей 243², предусматривающей уголовную ответственность за налоговое мошенничество [2].

С внесением данных изменений в главу 25 УК появляется насущная необходимость в разграничении двух составов налоговых преступлений, а именно уклонения от уплаты налогов и сборов и налогового мошенничества. Юридическая дифференциация указанных преступлений может быть проведена посредством точного определения всех элементов вновь введенного состава преступления, а именно налогового мошенничества.

Согласно теории уголовного права, объектом данного преступления выступают общественные отношения в бюджетной системе, а именно в сфере налогообложения.

Диспозиция ч. 1 ст. 243² УК предусматривает юридическую конструкцию объективной стороны налогового мошенничества как совершение общественно опасного деяния в виде действия по предоставлению уполномоченному лицу либо документов, которые содержат заведомо ложную информацию, либо заведомо ложных сведений любым иным способом. Обязательным признаком объективной стороны данного преступления является наступление общественно опасных последствий в виде причинения ущерба в крупном размере. Согласно примечанию к главе 25 УК, крупным размером при совершении налогового мошенничества признается сумма ущерба, в тысячу и более раз превышающая размер базовой величины, установленной на день совершения преступления [3].

Немаловажное правовое значение имеет и правильное определение субъекта указанного преступления для определения круга лиц, подлежащих уголовной ответственности по ст. 243² УК. Исходя из объективной стороны данного преступления, действия, перечисленные в ст. 243² УК, могут быть совершены любым лицом, обязанным уплачивать налоги. А следовательно, представляется возможным констатировать тот факт, что субъект данного преступления общий — лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста.

Субъективная сторона налогового мошенничества характеризуется наличием умышленной формы вины в виде прямого умысла, а также целью совершаемых деяний. Прямой умысел выражается в осознании виновным общественной опасности совершаемого им деяния, в предвидении общественно опасных последствий данных действий и в желании наступления таких последствий, а также в осознании наличия причинно-следственной связи между содеянным и наступившими последствиями. Более того, о возможности совершения налогового мошенничества только с прямым умыслом свидетельствует и обязательное наличие особого предмета преступления, воздействуя на который, преступник причиняет существенный вред объекту посягательства. Таким обязательным предметом данного преступления являются заведомо ложные сведения. Законодательное закрепление термина «заведомо» как признака,

свидетельствующего о предварительной осведомленности виновного лица о ложности данных сведений, указывает на возможность совершения преступления только с прямым умыслом. Неотъемлемым признаком субъективной стороны также выступает цель совершаемых деяний, а именно получение материальной выгоды в виде необоснованного возврата налогов и сборов. Наличие иных мотивов и целей при совершении ранее перечисленных деяний, образующих объективную сторону налогового мошенничества, исключает возможность квалификации таких действий по ст. 243² УК. Также отсутствует состав данного преступления и в том случае, если совершенные действия по предоставлению соответствующему органу заведомо ложных сведений или же документов, содержащих подобные сведения, образуют более тяжкое преступление.

Необходимо отметить и тот факт, что, помимо основного состава, закрепленного в ч. 1 ст. 243² УК, который относится к категории менее тяжких преступлений, в ч. 2 ст. 243² УК предусмотрена повышенная уголовная ответственность за совершение налогового мошенничества, которое привело к причинению ущерба в особо крупном размере, а именно в две тысячи и более раз превышающему размер базовой величины на момент совершения преступления [3]. Исходя из формы вины и максимального вида наказания, данный квалифицированный состав законодателем предусмотрен как тяжкое преступление.

Таким образом, очевидно, что совершенствование уголовного законодательства Республики Беларусь в области регламентации преступлений в налоговой сфере является актуальным и своевременным в вопросе борьбы нашего государства с преступлениями экономической направленности для гарантированного обеспечения защищенности национальных экономических интересов Республики Беларусь в целом.

Список основных источников

1. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 : с изм. и доп. от 24.01.2014 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022. [Вернуться к статье](#)
2. Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 26 мая 2021 г., № 112-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022. [Вернуться к статье](#)
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г. : с изм. и доп. от 05.01.2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.3/.7

*Д. М. Гараева**адъюнкт Казанского юридического института МВД России***СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВОСПРЕПЯТСТВОВАНИЕ
ОКАЗАНИЮ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ**

На сегодняшний день сложилась непростая ситуация в такой социально значимой сфере, как оказание медицинской помощи. Нередки случаи умышленного создания помех медицинскому персоналу при осуществлении профессиональной деятельности. Важно понимать, что эта деятельность направлена на оказание своевременной медицинской помощи пациенту, на осуществление неотложных мер по спасению его здоровья, а зачастую и жизни. При этом, как показывает практика, помехи создают как сами пациенты или их близкие (известны случаи затруднения доступа врачей к ребенку со стороны родителей, отказавшихся от традиционной медицины), так и третьи лица (например, случаи отказа водителей предоставить преимущество транспортным средствам скорой помощи на узких проезжих частях во дворах жилых домов).

На фоне участвовавших случаев создания помех при оказании медицинской помощи российским законодателем были внесены изменения в ряд нормативных актов. В августе 2019 года Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП) был дополнен ст. 6.36, предусматривающей административную ответственность за воспрепятствование в какой бы то ни было форме законной деятельности медицинского работника по оказанию медицинской помощи, за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 ст. 12.17 КоАП, если это действие не содержит признаков уголовно наказуемого деяния [1]. Соответственно, изменениям подвергся и Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК): он был дополнен ст. 124.1, установившей уголовную ответственность за воспрепятствование деятельности медиков, однако при наличии повышенной, по сравнению со статьей КоАП, общественной опасности. Речь идет о случаях воспрепятствования оказанию медицинской помощи, которые повлекли по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью пациента или его смерть. Кроме того, были внесены изменения в уже существующие ст. 115 УК «Умышленное причинение легкого вреда здоровью» и ст. 119 УК «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью», которые были дополнены квалифицирующими признаками «в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга» [2]. Данная мера также

направлена на уголовно-правовую защиту представителей некоторых профессий, наиболее подверженных агрессии со стороны третьих лиц, от преступных посягательств.

Указанная проблема является актуальной и стала предметом исследования многих авторов. Так, одному из наиболее сложных аспектов данной нормы — объективной стороне состава воспрепятствования оказанию медицинской помощи — посвящены статьи Б. Б. Эрдниева [3], Д. В. Назина и А. В. Маслова [4]. Применительно к объективной стороне исследуемого состава мы разделяем позицию Д. В. Назина и А. В. Маслова относительно того, что «под воспрепятствованием необходимо понимать совершение активных действий либо воздержание от их совершения (бездействие), направленных на создание различного рода препятствий, помех или таких условий, при которых медицинского работника либо лишают, либо существенно ограничивают его возможность оказать медицинскую помощь» [4, с. 9].

Однако, как следует из правоприменительной практики, ст. 124.1 УК не получила должного применения. Основную сложность представляет доказывание наличия причинно-следственной связи между действиями виновного лица по воспрепятствованию оказанию медицинской помощи и наступившими последствиями в виде тяжкого вреда здоровью пациента или его смерти. Данный аспект и ряд других особенностей статьи требуют дальнейшей редакции и совершенствования.

При исследовании уголовного законодательства некоторых зарубежных стран в рассматриваемой сфере мы пришли к выводу, что в большинстве государств, например, в Республике Беларусь, Германии, Бельгии, не предусмотрено специальной нормы о воспрепятствовании оказанию медицинской помощи. В ряде государств существует уголовно-правовой запрет на воспрепятствование не только оказанию непосредственно медицинской помощи, но и в целом на воспрепятствование прибытию экстренных служб. Так, уголовным законом Франции установлена уголовная ответственность за умышленное воспрепятствование прибытию помощи, предназначенной для защиты человека от неминуемой опасности [5].

Учитывая фактическое отсутствие уголовных дел по ст. 124.1 УК, а также сравнительно небольшое количество административных правонарушений по ст. 6.36 КоАП законодательство Российской Федерации следует обратить внимание на данный опыт, возможно, даже прибегнуть к правовой имплементации некоторых норм уголовного законодательства зарубежных стран. Более широкий охват видов деятельности, за воспрепятствование которым лицо подвергается уголовному преследованию, на наш взгляд, способствует, во-первых, экономии

уголовно-правовых норм, во-вторых, выработке у граждан ответственного отношения к деятельности специализированных служб.

Таким образом, следует признать, что сложившаяся в Российской Федерации ситуация в области воспрепятствования оказанию медицинской помощи действительно требовала законодательного регулирования как административно-правовыми, так и уголовно-правовыми средствами. При этом полезными для совершенствования норм отечественного законодательства в указанной сфере могут послужить некоторые положения норм зарубежного законодательства. Данный аспект требует дальнейшего изучения и анализа норм с целью их потенциальной имплементации.

Список основных источников

1. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части обеспечения прав граждан на медицинскую помощь [Электронный ресурс] : Федер. закон от 26 июля 2019 г. № 229-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2022. [Вернуться к статье](#)
2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части защиты жизни и здоровья пациентов и медицинских работников [Электронный ресурс] : Федер. закон от 26 июля 2019 г. № 206-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2022. [Вернуться к статье](#)
3. Эрдниева, Б. Б. Объективные признаки воспрепятствования оказанию медицинской помощи / Б. Б. Эрдниева // Закон и право. — 2020. — № 6. — С. 116–118. [Вернуться к статье](#)
4. Назин, Д. В. Характеристика объективных признаков статьи 124.1 уголовного кодекса Российской Федерации «Воспрепятствование оказанию медицинской помощи» / Д. В. Назин, А. В. Маслов // Центральный науч. вестн. — 2020. — Т. 5. — № 12(101). — С. 8–10. [Вернуться к статье](#)
5. Уголовный кодекс Франции (по состоянию на 1 июля 2000 г.) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://yurist-online.org/laws/foreign/criminalcode_fr/doc-5-.pdf. — Дата доступа: 26.01.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 343.7

*А. Н. Дрозд**старший преподаватель**кафедры тактико-специальной подготовки факультета милиции**Академии МВД Республики Беларусь,**кандидат юридических наук*

«ГРАБЬ НАГРАБЛЕННОЕ!», ИЛИ К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕТЕ ХИЩЕНИЯ

Легальное определение, содержащееся в примечании к главе 24 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК), называет одним из признаков хищения завладение чужим имуществом или правом на имущество (далее — имущество). Однако данная характеристика не всегда очевидна.

Понятно, что предметом хищения является имущество, которое является чужим для виновного, но при этом возникает вопрос: должно ли данное имущество находиться в чьей-либо собственности или ином правомочном владении либо предметом хищения также может быть и имущество, находящееся у другого лица в неправомерном владении (к примеру, ранее похищенное у законного собственника) или вообще не имеющее собственника (например, после смерти лица и до вступления родственников в права наследования).

Здесь среди правоведов и разворачивается дискуссия. Так, ряд ученых-юристов, среди которых Н. А. Лопашенко, З. А. Незнамова, М. В. Фролов, И. Я. Казаченко и другие, выступают с позиции того, что предметом хищения является исключительно правомочное владение [1, с. 45; 2, с. 360]. В комментарии к УК также заявляется, что при хищении имущество переходит от собственника либо иного законного владельца в неправомерное владение другого лица [3, с. 417].

Однако здесь не все однозначно. Как нам представляется, для квалификации незаконных действий как хищения не имеет значения, каким путем это имущество поступило к лицу, у которого оно похищено. По нашему мнению, более убедительными в данном случае являются тезисы тех авторов, кто считает, что предметом хищений является как имущество, находящееся в законной собственности, так и ранее приобретенное незаконным путем (прежде уже бывшее предметом кражи, грабежа, получения взятки, контрабанды или иного преступления), а также имущество, чей собственник неизвестен (например, при хищении у лица, которое неправомерно завладело находкой). В противном случае на правоохранительные органы возлагалась бы дополнительная обязанность проводить проверку при каждом преступлении на предмет, действительно ли

потерпевший является собственником имущества, ставшего предметом посягательства, а при отрицательном результате проверки деяния, содержащие в полном объеме признаки противоправности и общественной опасности, признавались бы уголовно ненаказуемыми, что очевидно противоречит принципу неотвратимости наказания.

В подтверждение сказанного звучат слова выдающегося ученого Н. С. Таганцева о том, что «понятие воровства сводится к посягательству против фактического держателя вещи, совершенно независимо от прав, ему по отношению к данной вещи принадлежащих...; похитить имущество можно даже у вора» [4, с. 254]. Его взгляды разделяли И. Я. Фойницкий, А. А. Жижиленко, Б. С. Никифоров, Г. А. Кригер [5] и др.

А. Г. Безверхов также отмечает, что для квалификации хищений не имеет значения, законно или незаконно владение, на которое посягает хищение [6, с. 110]. В. А. Владимиров указывает, что «похищение не исключается и там, где вещи изымаются у другого похитителя или у мошенника, обманом заполучившего имущество» [7, с. 32]. О. В. Дмитриев также подчеркивает, что вопрос об ответственности преступника не следует ставить в зависимость от виновности потерпевшего в совершении каких-либо противоправных действий [8, с. 9–10]. Аналогичные суждения мы можем встретить и у А. И. Бойцова, Г. В. Вериной, Г. Н. Борзенкова и других правоведов [5].

Данная точка зрения, на наш взгляд, в полном объеме согласуется и с разъяснениями, содержащимися в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 15 «О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества», которые, раскрывая данный признак, указывают только на тот факт, что имущество считается чужим, если на момент завладения виновный не являлся его собственником или владельцем на законных основаниях, более не давая никаких дополнительных пояснений [9].

Кроме того, косвенным подтверждением правильности понимания чужим имущества любого происхождения является и квалификация именно как хищения, например, кражи наркотических средств или оружия, находящихся в незаконном владении после незаконного их приобретения и хранения, которые встречаются в правоприменительной практике [10].

Естественно, следует указать, что поставленный нами вопрос гораздо шире и относится не только собственно к предмету, но и к объекту уголовно-правовой охраны в принципе. Безусловно, не оспаривая того факта, что уголовный закон призван защищать только позитивные, социально полезные общественные отношения и одновременно не может и не должен охранять интересы

противоправного характера, по нашему убеждению, в случае хищения в том числе и у недобросовестного владельца нарушается именно право собственности (хотя данное положение небесспорно и имеет своих оппонентов [5; 11, с. 52]). При этом все возможные вопросы и противоречия снимаются, если понимать под объектом уголовно-правовой охраны в данном случае не право собственности конкретного лица, а право собственности в объективном смысле.

Таким образом, под чужим имуществом как предметом хищений следует понимать любое чужое лично для лица, совершающего преступление, имущество, независимо от того, у законного или незаконного владельца оно изымается и осведомлено ли об этом виновное лицо. При этом объектом преступления при похищении предметов, находящихся в неправомерном владении, как и в иных случаях, являются отношения собственности, которым, несомненно, причиняется вред в процессе подобных посягательств.

Список основных источников

1. Лопашенко, Н. А. Преступления против собственности / Н. А. Лопашенко. — М. : ЛексЭст, 2005. — 408 с. [Вернуться к статье](#)
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. И. Чучаева. — М. : Инфра-М, 2004. — 1040 с. [Вернуться к статье](#)
3. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь : с учетом изм. и доп. по состоянию на 23 февр. 2010 г. / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. — 2-е изд., изм. и доп. — Минск : Гос. ин-т упр. и соц. технологий Белорус. гос. ун-та, 2010. — 1063 с. [Вернуться к статье](#)
4. Таганцев, Н. С. Уложение 22 марта 1903 г. / Н. С. Таганцев. — СПб. : Гос. тип., 1904. — 628 с. [Вернуться к статье](#)
5. Елисеев, С. Хищение похищенного: проблемы квалификации / С. Елисеев // Уголов. право. — 2008. — № 1. — С. 45–49. [Вернуться к статье](#)
6. Безверхов, А. Г. Имущественные преступления / А. Г. Безверхов. — Самара : Самар. ун-т, 2002. — 359 с. [Вернуться к статье](#)
7. Владимиров, В. А. Квалификация похищений личного имущества / В. А. Владимиров. — М. : Юрид. лит., 1974. — 206 с. [Вернуться к статье](#)
8. Дмитриев, О. В. Криминалистическая и уголовно-правовая характеристика вымогательства (по материалам Западно-Сибирского региона) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / О. В. Дмитриев ; Урал. гос. юрид. акад. — Екатеринбург, 1994. — 24 с. [Вернуться к статье](#)
9. О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 21 дек. 2001 г., № 15 : в ред. постановления Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 31.03.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022. [Вернуться к статье](#)

10. Красноярский хирург украл героин, извлеченный из желудка наркокурьера [Электронный ресурс] // РИА Новости. — Режим доступа: <https://ria.ru/20130813/955916473.html>. — Дата доступа: 03.01.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

11. Хилюта, В. В. «Хищение похищенного» или проблема правовой защиты преступного владения / В. В.Хилюта // Законодательство и экономика. — 2009. — № 1. — С. 50–54. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.28/.29

Ю. Е. Духовник

*доцент кафедры уголовного права и криминологии
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук*

О НЕОЧЕВИДНОЙ АБСОЛЮТНО-ОПРЕДЕЛЕННОЙ САНКЦИИ В НОРМАХ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Традиционно санкцией называется часть уголовно-правовой нормы Особенной части Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК), в которой определяются вид и размер наказания за совершение преступления, указанного в диспозиции.

В учебной литературе отмечается, что в нормах действующего УК санкции в зависимости от способа описания подразделяют на два вида: относительно-определенные и альтернативные [1, с. 40]. В научной уголовно-правовой литературе также обращается внимание на то, что законодателем при построении норм УК такой вид санкций, как абсолютно-определенные, не используется [2, с. 26].

Абсолютно-определенные санкции были присущи прежнему уголовному законодательству Беларуси. Так, например, в Уголовном кодексе Белорусской ССР 1928 г. ст. 63-2 предусматривала единственную меру — расстрел — за измену Родине, совершенную военнослужащим [3].

Нам представляется, что в действующем УК имеется еще один вид санкции, который предлагаем именовать неочевидной абсолютно-определенной санкцией. Суть сказанного заключается в следующем.

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» санкция ст. 362 УК «Убийство сотрудника органов внутренних дел, военнослужащего» изложена в следующей редакции: «наказывается лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати пяти лет, или пожизненным лишением свободы, или смертной казнью».

Данная санкция с точки зрения способа ее описания относится к альтернативной санкции, так как включает несколько видов наказания (лишение свободы, пожизненное лишение свободы, смертную казнь), любой из которых суд может назначить с учетом тяжести совершенного деяния, личности виновного, иных обстоятельств дела.

Однако, исходя из п. 4 ч. 2 ст. 115 УК, лицу, совершившему преступление в возрасте до восемнадцати лет, срок наказания в виде лишения свободы не может превышать за особо тяжкое преступление, сопряженное с умышленным посягательством на жизнь человека либо с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, двенадцати лет.

Преступление, предусмотренное ст. 362 УК, относится к особо тяжким преступлениям, сопряженным с умышленным посягательством на жизнь человека. Уголовной ответственности за совершение указанного преступления подлежит лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Таким образом, в случае совершения единичного преступления, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 362 УК, лицом в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет, санкция названной статьи становится абсолютно-определенной, так как, кроме наказания в виде лишения свободы сроком на двенадцать лет, иных вариантов для назначения судом наказания такому лицу не имеется. Отмеченное не что иное, как возникновение в УК неочевидной абсолютно-определенной санкции.

Как представляется, подобный законодательный подход не способствует дифференциации ответственности и реализации принципа справедливости при привлечении лиц в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет к уголовной ответственности за нарушение уголовно-правового запрета, предусмотренного ст. 362 УК. Более того, еще большую проблему придаст ситуация, если таким лицом будет совершено неоконченное преступление, поскольку на основании ст. 67 УК суд должен учитывать не только характер и степень общественной опасности действий, совершенных виновным, но и степень осуществления преступного намерения, а также обстоятельства, в силу которых преступление не было доведено до конца. При такой регламентации санкции суд лишен возможности учитывать при назначении наказания положения вышеуказанной нормы.

Вместе с тем, в случае совершения единичного состава преступления, имеющего признаки, предусмотренные ст. 362 УК, лицом в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет его деяния следует квалифицировать по п. 10 ч. 2 ст. 139 УК «Убийство лица или его близких в связи с осуществлением им служебной деятельности или выполнением общественного долга», поскольку ч. 2 ст. 27 УК ограничивает уголовную ответственность несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет лишь определенным кругом преступлений, к которым не относится ст. 362 УК, и соответственно такие лица могут нести ответственность лишь за те деяния, которые упомянуты в вышеуказанной норме УК, среди которых названа ст. 139 УК.

Санкция ч. 2 ст. 139 УК предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от восьми до двадцати пяти лет, или пожизненного лишения свободы, или смертной казни. Соответственно, лицам, совершившим преступление в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет, может быть назначено наказание в виде лишения свободы сроком от восьми до двенадцати лет, что в большей степени способствует реализации принципа дифференциации ответственности. Таким образом, за совершение одного и того же преступления несовершеннолетним лицом законодатель установил различную ответственность, не способствующую реализации справедливости уголовной ответственности.

В целях устранения названной «правовой дискриминации» в санкции ст. 362 УК следует понизить нижний предел наказания в виде лишения свободы на срок от десяти лет, тем самым оставив ее в этой части в редакции, в которой она действовала до изменений, внесенных в нее Законом Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности».

Подобное решение можно назвать обратным правотворчеством, однако именно оно создаст возможность реализовать основополагающие принципы уголовного закона и уголовной ответственности.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы:

1. Внесенные изменения Законом Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» в санкцию ст. 362 УК в части повышения нижнего предела санкции с десяти до двенадцати лет лишения свободы породили неочевидную абсолютно-определенную санкцию для лиц, совершивших данное преступление в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет.

2. В целях устранения названной «правовой дискриминации» следует изменить нижний предел наказания в виде лишения свободы на срок от десяти лет в санкции ст. 362 УК, что позволит в полной мере реализовывать принципы дифференциации ответственности и справедливости при привлечении к уголовной ответственности за названное преступление несовершеннолетних лиц.

Список основных источников

1. Уголовное право. Общая часть : учеб. пособие / С. В. Ананич [и др.] ; под общ. ред. А. Л. Савенка, В. С. Яловица ; учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь». — Минск : Акад. МВД, 2020. — 387 с. [Вернуться к статье](#)

2. Реутская, Е. А. Уголовно-правовые санкции: построение и применение / Е. А. Реутская ; учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь». — Минск : Акад. МВД, 2018. — 166 с. [Вернуться к статье](#)

3. Уголовный кодекс Белорусской ССР 1928 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/UK_BSSR_1928_goda.pdf. — Дата доступа: 04.01.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 343.575

*Р. А. Дюко**оперуполномоченный отделения уголовного розыска
Кличевского РОВД (Беларусь)*

О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ОБОРОТА ИНСТРУМЕНТОВ, ОБОРУДОВАНИЯ ДЛЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ (ПЕРЕРАБОТКИ) НАРКОТИКОВ

В главе 29 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) содержится статья 328, предусматривающая ответственность за незаконное изготовление наркотических средств, их прекурсоров и аналогов [1]. Необходимыми компонентами для изготовления синтетических наркотиков являются определенные химические вещества, а также лабораторное оборудование.

В 2015 году в ч. 4 ст. 328 УК были внесены изменения, согласно которым изготовление или переработка наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов с использованием лабораторной посуды или лабораторного оборудования, предназначенных для химического синтеза, признаются квалифицирующим признаком и влекут повышенную уголовную ответственность. Полагаем, что данная норма носит фрагментарный характер, поскольку перечень лабораторного оборудования для изготовления наркотиков не был криминализован, а ответственность предусмотрена лишь за использование вышеуказанного оборудования при изготовлении наркотиков.

Ответственность за нарушение правил обращения с инструментами или оборудованием, используемыми для изготовления наркотических средств или психотропных веществ, находящихся под специальным контролем, наступает по ст. 330 УК. Диспозиция данной нормы содержит такие действия, как нарушение правил производства, переработки, хранения, учета, отпуска, реализации, распределения, перевозки, пересылки, приобретения, использования, ввоза, вывоза или уничтожения наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, либо инструментов или оборудования, используемых для изготовления наркотических средств, психотропных веществ, находящихся под специальным контролем, совершенное лицом, обязанным соблюдать указанные правила, повлекшее по неосторожности утрату или расхищение названных средств, веществ, предметов [1].

Как отмечают исследователи, к указанным в ст. 330 УК инструментам или оборудованию можно отнести: заводские и кустарно изготовленные машины и приспособления для таблетирования или ампулирования веществ; автоматические и ручные мешалки субстанций, веществ (не отнесенные к изделиям,

входящим в кухонные наборы); полуфабрикаты, пустые ампулы, шприц-тубики и разных объемов капсулы; приспособления для маркировки ампул, шприц-тубиков, капсул; устройства кустарные или заводские для охлаждения жидкостей при экстракции и перегонке (не относятся бытовые холодильники), а также устройства для экстракции и перегонки; устройства для фильтрации жидкостей под вакуумом [2, с. 48; 3, с. 731–732]. В то же время перечень таких инструментов и оборудования нормативно не установлен, что влечет за собой сложности в привлечении к ответственности лиц, совершающих незаконные действия с такими инструментами или оборудованием. Полагаем, что данный правовой пробел требует устранения.

Особенностями состава ст. 330 УК являются: наличие специального субъекта в виде лица, обязанного соблюдать правила производства, переработки, хранения, учета, отпуска, реализации, распределения, перевозки, пересылки, приобретения, использования, ввоза, вывоза или уничтожения наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, либо инструментов или оборудования, используемых для изготовления наркотических средств, психотропных веществ, находящихся под специальным контролем; неосторожная форма вины указанного лица; материальный состав, предусматривающий наступление общественно опасных последствий в виде утраты или расхищения отмеченных средств, веществ, предметов [3, с. 731–732; 4, с. 33].

В то же время деятельность лиц и организаций, которые оказывают посреднические услуги в форме изготовления или поставки таких инструментов или оборудования и непосредственно не занимаются изготовлением наркотиков, остается ненаказуемой по данной статье. Между тем такая деятельность может наносить огромный ущерб, поскольку налаженная подпольная лаборатория может в течение непродолжительного времени произвести партию наркотиков, которая удовлетворит незаконный спрос на них в течение нескольких лет [2, с. 47; 5, с. 56].

С учетом этого видится необходимым и целесообразным принять нормативный правовой акт, устанавливающий перечень инструментов и оборудования, которые могут использоваться для изготовления или переработки наркотиков, а также ввести отдельную статью за незаконное использование лабораторного оборудования или инструментов для изготовления (переработки) наркотиков. Это обеспечит более эффективное привлечение к уголовной ответственности лиц, причастных к совершению противоправных деяний в рассматриваемой сфере.

Список основных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2022 г. // Консультант-Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022. [Вернуться к статье](#)
2. Харевич, Д. Л. О введении уголовной ответственности за незаконный оборот инструментов или оборудования, используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ / Д. Л. Харевич // Юстыцыя Беларусі. — 2006. — № 6. — С. 47–49. [Вернуться к статье](#)
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь: науч.-практ. коммент. / Т. П. Афонченко [и др.] ; под ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука. — Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. — 1000 с. [Вернуться к статье](#)
4. Дюко, Р. А. Оперативно-розыскная характеристика изготовления или переработки наркотиков / Р. А. Дюко // Человек: преступление и наказание : сб. материалов междунар. науч.-теорет. конф. адъюнктов, соискателей, курсантов и студентов, Рязань, 26 марта 2021 г. / Акад. ФСИН России. — Рязань, 2021. — С. 32–38. [Вернуться к статье](#)
5. Харевич, Д. Л. О совершенствовании норм, предусматривающих уголовную ответственность за незаконный оборот инструментов, материалов, оборудования, используемых для изготовления, переработки наркотиков, посева, выращивания наркосодержащих растений, грибов / Д. Л. Харевич // Законность и правопорядок. — 2020. — № 2. — С. 54–59. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.271

С. В. Ермаков

*доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент*

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ЗАМЕНЫ ШТРАФА В СЛУЧАЯХ ЕГО НЕИСПОЛНЕНИЯ

В соответствии с действующей системой наказаний (ст. 44 Уголовного кодекса Российской Федерации) штраф является одним из мягких видов. В условиях приоритетного значения наказаний, не связанных с лишением свободы, актуальность разработки штрафа существенно возрастает.

Актуальной проблемой реализации штрафа выступает практика его замены на иные наказания в случае неисполнения. Существование механизмов замены позволит обеспечить достижение целей наказания и неотвратимость уголовной ответственности.

В научной литературе отмечается отсутствие в действующем уголовном законе правил замены штрафа на иные наказания, что снижает результативность данного вида [1, с. 241].

В этой части следует заметить, что не любая разновидность штрафа может подвергаться замене, поскольку в ч. 5 ст. 46 Уголовного кодекса Российской Федерации предусмотрены следующие ограничения:

- не заменяется штраф как дополнительное наказание; в этом случае штраф может быть взыскан судебными приставами в принудительном порядке на основании Федерального закона № 229-ФЗ от 2 октября 2007 года «Об исполнительном производстве»;
- при замене штрафа, кратного взятке или подкупу, наказание не может быть условным;
- при иной разновидности штрафа в случае замены не назначается лишение свободы.

Кроме того, отсутствует решение вопросов по замене штрафа, который был назначен несовершеннолетнему лицу, которое не достигло 16 лет и не имеет собственного заработка [2, с. 125–127]; при отказе родителей и иных лиц оплачивать штраф за несовершеннолетнего при изначальном их согласии.

В соответствии со сложившейся практикой, если штраф не может быть выплачен или если от уплаты штрафа уклоняются родители или опекуны, то другой вид наказания определяется в соответствии с суммой штрафа,

общественной опасностью совершенного преступления, личностью виновного и иными обстоятельствами.

В Уголовном кодексе Республики Казахстан (ст. 41) предусматривается возможность замены штрафа на лишение свободы [3, с. 64]. В Уголовном кодексе Республики Беларусь замена может производиться на такие наказания, как арест и ограничение свободы.

Полагаем, что ограничения в части замены штрафа на лишение свободы в Уголовном кодексе Российской Федерации вызывают вопросы относительно своей обоснованности, считаем необходимым предусмотреть возможность замены на любое наказание в соответствии с санкцией статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

Отдельное внимание судам следует уделить объективной возможности исполнения наказания в виде штрафа. При изменении материального положения при отсутствии умысла на уклонение необходимость замены отсутствует. Изучение судебной практики Алтайского края показывает, что суды не всегда выясняют указанные обстоятельства. В частности, апелляционной инстанцией отказано в удовлетворении представления о замене осужденному М. штрафа в связи с увольнением осужденного с места его работы [4].

Другая крайность заключается в случаях возврата судами производств по представлениям судебных приставов-исполнителей в связи с необоснованным их внесением. Согласно нашему исследованию, основной причиной возврата судами представлений судебным приставам-исполнителям является ненадлежащее оформление, отсутствие сведений о местонахождении осужденного и недостаточность принятых судебными приставами-исполнителями мер для установления местонахождения осужденного.

В целом же можно заключить, что выявленные проблемы, касающиеся замены штрафа другими видами наказания, связаны с пробельным регулированием данных вопросов на законодательном уровне. В ч. 5 ст. 46 Уголовного кодекса Российской Федерации необходимо предусмотреть и детально регламентировать возможности замены штрафа в случае его неисполнения. При этом альтернативой должны выступать наказания как связанные, так и не связанные с изоляцией от общества.

Список основных источников

1. Лядов, Э. В. Штраф как уголовное наказание и вопросы замены / Э. В. Лядов // Евразийский юрид. журнал. — 2019. — № 3 (130). — С. 240–242. [Вернуться к статье](#)

2. Ермакова, О. В. Сложности применения к несовершеннолетним наказаний, не связанных с изоляцией от общества / О. В. Ермакова // Вестн. Барнаул. юрид. ин-та МВД России. — 2019. — № 2 (36). — С. 125–127. [Вернуться к статье](#)

3. Казанов, М. Х. Штраф как уголовное наказание в уголовном праве зарубежных стран / М. Х. Казанов // Вестн. Моск. ун-та им. С. Ю. Витте. — Сер. 2. Юрид. науки. — 2017. — № 4 (13). — С. 63–66. [Вернуться к статье](#)

4. Апелляционное постановление № 22-1829/2020 от 15 мая 2020 г. // Архив Алтайского краевого суда. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.231

О. В. Ермакова

*доцент кафедры уголовного права и криминологии
Барнаульского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент*

НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ СОЗДАНИЯ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ БЛАНКЕТНОЙ ДИСПОЗИЦИИ

Процесс создания составов преступлений характеризуется сложностью, поскольку, помимо самого формирования обязательных признаков, требуется их точное отражение в норме уголовного закона.

При этом законодатель должен определить, какой способ фиксации признаков состава преступления в том или ином случае будет наиболее оптимальным. В частности, теория уголовного права выделяет 4 вида диспозиции: простая, описательная, бланкетная и ссылочная (отсылочная).

Современная наука уголовного права фактически не анализирует вопрос о том, какими критериями должен руководствоваться законодатель при выборе варианта диспозиции.

Из всех обозначенных способов отражения состава в законе наибольшую сложность имеет бланкетный, так как в этом случае требуется анализировать не только признаки состава, указанные в уголовно-правовой норме, но и их содержание в иных нормативных правовых актах.

При этом бланкетный прием можно использовать для фиксации любого признака состава преступления: деяния, последствия, признаков специального субъекта, предмета, места, орудия и средства и т. д.

Однако следует не обращаться к бланкетным диспозициям в следующих случаях:

1. В уголовном законе при использовании понятийного аппарата других отраслей права предлагается собственное содержание, противоречащее иным нормативным правовым актам.

Такая ситуация имеет место в составе нарушения неприкосновенности жилища (ст. 139 Уголовного кодекса Российской Федерации). Понятие «жилище», по своей сути превращающее диспозиции статей уголовного закона в бланкетные, законодатель раскрывает в примечании к ст. 139 Уголовного кодекса Российской Федерации по-своему, игнорируя положения Жилищного кодекса Российской Федерации.

В частности, понятие, предложенное в уголовном законе, расширяет границы данного определения за счет следующих моментов: во-первых, к жилищу

относится не только недвижимость, входящая в жилищный фонд, предназначенная для постоянного, но и временного проживания; во-вторых, по прямому указанию Уголовного кодекса Российской Федерации, это и иное помещение или строение, не входящие в жилищный фонд, но предназначенные для временного проживания. И, наконец, в трактовке, представленной уголовным законом, вообще не упоминается про соответствие этого помещения каким-либо правилам и нормам.

Таким образом, если содержание определенного понятия приводится в ином нормативном правовом акте, то все положения уголовного закона необходимо согласовывать с искомым законодательством.

2. Использованные понятия других нормативных правовых актов не имеют в каком-либо документе четкого и однозначного содержания.

Так, предметом мошенничества, помимо имущества, может выступать право на имущество. Несмотря на то, что данный термин относится к гражданской науке, его содержание не определено [1, с. 111–114].

При этом различия не определил и сам Верховный Суд Российской Федерации, поскольку в постановлении от 17 декабря 2015 года № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (ст. 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» [2] в п. 2, разъясняя понятие имущественных прав, используется термин «право на имущество».

Существующая неопределенность в понимании предмета преступления существенно влияет на квалификацию. В связи с чем, конструируя нормы уголовного закона, законодатель обязан исключить неоднозначные формулировки, а при использовании терминов других наук разъяснить их содержание в нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

Использование бланкетного способа не свидетельствует о ненужности обозначения признака в норме уголовного закона. В этой части следует упомянуть о неудачности конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 264.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (введен 30.12.2021 г.), поскольку вместо указания на преступное деяние в диспозиции представлен в цифровом обозначении набор норм Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Соответственно, на основании обращения исключительно к норме Уголовного кодекса Российской Федерации невозможно даже понять о каком деянии идет речь. Полагаем, в данном случае возникают сложности в понимании предписаний уголовного закона, что негативно сказывается на общем предупреждении преступлений.

Таким образом, проведенное исследование приводит к выводу о том, что при использовании бланкетного способа отражения состава преступления

в нормах уголовного закона законодателю требуется убедиться в том, что те нормативные правовые акты, к которым следует обращаться для толкования, содержат четкие формулировки тех или иных терминов. Кроме того, не следует наделять применяемые термины содержанием, противоречащим искомому нормативным правовым актам. Безусловно, законодатель не может создать собственный понятийный аппарат для целей уголовно-правовой науки. Именно поэтому бланкетный способ описания составов преступлений получает все большее распространение. Однако необходимо помнить, что наиболее удачным приемом законодательной техники все же является описание всех обязательных признаков состава в самом законе, а остальные способы должны быть лишь исключением из общего правила.

Список основных источников

1. Ермакова, О. В. Использование частноправовых понятий при конструировании составов преступлений против собственности / О. В. Ермакова // Юрид. наука и правоохранительная практика. — 2015. — № 2 (32). — С.111–114. [Вернуться к статье](#)
2. О судебной практике по делам о вымогательстве (ст. 163 УК РФ) : постановление Пленума Верхов. суда Рос. Федерации от 17 дек. 2015 г. № 56 // Бюллетень Верхов. Суда Рос. Федерации. — 2016. — № 1. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.4

*А. Ю. Забелов**старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
Дальневосточного юридического института МВД России,
кандидат юридических наук*

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ ПРОВОКАЦИИ, ИНСЦЕНИРОВКИ И ПОДСТРЕКАТЕЛЬСТВА К СОВЕРШЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ И БЕЛАРУСИ

Проведение оперативно-розыскных мероприятий является эффективным способом предупреждения, выявления и пресечения высоколатентных преступлений, в том числе связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, незаконным оборотом оружия, а также коррупционных преступлений. Наибольшее значение в борьбе с этими преступлениями приобретают такие оперативно-розыскные мероприятия, как проверочная закупка и оперативный эксперимент.

Законодательство и российское, и белорусское в области оперативно-розыскной деятельности ориентируется на высокие стандарты защиты прав, свобод и законных интересов граждан. Важной общей чертой является защита граждан от провокации преступления. Так, в ст. 5 Федерального закона Российской Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно розыскной деятельности» (далее — ФЗ «Об ОРД») установлено, что органам (должностным лицам), осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, запрещается подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провокация) [1].

Такая интерпретация провокации в рамках оперативно-розыскной деятельности этимологически близка к значению провокации в толковом словаре русского языка: «Предательское поведение, подстрекательство кого-нибудь к таким действиям, которые могут повлечь за собой тяжелые для него последствия» [2, с. 607].

Из этого следует, что российский законодатель связывает провокацию к совершению преступления с подстрекательской деятельностью, в сущности признавая ее неразрывную связь с институтом соучастия.

Более широко термин «провокация» сформулирован в Законе Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности». Так, ст. 14 вышеуказанного закона устанавливает, что органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, их должностным лицам запрещается создавать обстановку (ситуацию), исключаящую возможность свободного

выбора гражданами, в отношении которых проводятся оперативно-розыскные мероприятия, характера своих деяний, в том числе реализации права на добровольный отказ от преступления (провоцировать граждан на совершение преступления) [3].

Несмотря на сформулированное в российском оперативно-розыском законодательстве понятие провокации, существует некая терминологическая неопределенность, связанная прежде всего с наличием в Уголовном кодексе (далее — УК) Российской Федерации ст. 304 «Провокация взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд». Термин «провокация», употребляемый в контексте данной статьи, не имеет ничего общего с понятием, сформулированным в ФЗ «Об ОРД», что порождает дискуссии, связанные с определением понятия и правовой сущности провокации преступления. Описанный состав преступления, предусмотренный ст. 304 УК Российской Федерации, конструктивно схож с описанием инсценировки получения взятки, незаконного вознаграждения или коммерческого подкупа в ст. 396 УК Республики Беларусь : «Передача должностному лицу, работнику государственного органа либо иной государственной организации, не являющемуся должностным лицом, или работнику индивидуального предпринимателя либо юридического лица денег, ценных бумаг, иного имущества либо оказание услуг имущественного характера в целях искусственного создания доказательств совершения преступления или шантажа» [4].

Словарь русского языка С. И. Ожегова определяет значение глагола «инсценировать» как «притворно изобразить что-нибудь» [5, с. 216]. Действия «провокатора» преступления в ст. 304 УК Российской Федерации вполне укладываются в канву данного определения.

Еще одним допустимым, на наш взгляд, термином, иллюстрирующим объективную сторону рассматриваемого преступления, является термин «имитация». Слово «имитация» имеет следующее значение — «подделка, предмет, сделанный в подражание настоящему так, что его трудно отличить от образца» [6, с. 241].

Данное слово наглядно иллюстрирует ситуацию, когда лицо не возбуждает желание у должностного лица или лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, принять взятку или предмет коммерческого подкупа, но внешне создает впечатление совершения этими лицами коррупционных преступлений.

Необходимо подчеркнуть ошибочность использования законодателем понятия провокации преступления в рамках ст. 304 УК Российской Федерации.

Эта ошибка неминуемо порождает неверность восприятия и определения провокации преступления в целом.

Исходя из этого, отметим, что состав рассматриваемых преступлений, предусмотренных ст. 304 УК Российской Федерации и ст. 396 УК Республики Беларусь, фактически совпадает. Но при этом более удачное использование терминов белорусским законодателем позволило избежать кривотолков со стороны правоприменителя, а также дискуссий на страницах юридических изданий.

Верное употребление терминов в уголовном законе имеет решающее значение, в связи с чем резонно внести изменения в диспозицию ст. 304 УК Российской Федерации, заменив слово «провокация» на термин «инсценировка» или «имитация» [7, с. 97].

Список основных источников

1. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ : в ред. от 01.07.2021 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2022. [Вернуться к статье](#)
2. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 800 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — М., 2004. — 934 с. [Вернуться к статье](#)
3. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З : в ред. от 06.01.2021 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022. [Вернуться к статье](#)
4. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2022 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022. [Вернуться к статье](#)
5. Ожегов, С. И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. — М., 1984. — 797 с. [Вернуться к статье](#)
6. Словарь иностранных слов современного русского языка. — М., 2014. — 800 с. [Вернуться к статье](#)
7. Забелов, А. Ю. Уголовно-правовая оценка провокации как преступления против интересов правосудия : дис... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. Ю. Забелов. — М., 2021. — 232 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.2/.7

С. С. Захарова

*доцент кафедры уголовного права
Академии ФСИН России,
кандидат юридических наук, доцент*

С. А. Корнеев

*преподаватель кафедры уголовного права
Академии ФСИН России,
кандидат юридических наук*

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЯ В РОССИИ

В теории уголовного права нет единообразного понимания сущности преступлений в сфере компьютерной информации. За время действия норм-новелл Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК) как в теории, так и в практике их применения выявились существенные противоречия, причинами которых являются: недостатки уголовно-правовой конструкции норм о преступлениях в сфере компьютерной информации; неверное представление правоохранительных органов о значении и роли исследуемых норм в охране общественных отношений; ошибки в теоретическом и практическом толковании некоторых уголовно-правовых терминов и положений ст. 272–274 УК. Изменения уголовного законодательства в части регламентации преступлений в сфере компьютерной информации, на наш взгляд, нуждаются в комплексном, всестороннем изучении, что и обуславливает актуальность выбранной темы исследования.

В большинстве случаев термин «преступления в сфере компьютерной информации» ученые употребляют в широком смысле и относят к ним все общественно опасные деяния, где компьютерная техника (компьютерная информация) выступает средством (способом) совершения преступления, т. е. не ограничиваются анализом деяний, предусмотренных в главе 28 УК.

Если подходить формально юридически, под «преступлениями в сфере компьютерной информации» необходимо понимать только те, которые включены в одноименную главу 28 УК. Однако очевидно, что деяния, зафиксированные, например, в ст. 159⁶ УК, являются: а) преступлениями; б) в сфере компьютерной информации, что следует из гипотезы этой статьи.

Проблема усугубляется тем, что дать однозначное определение этим преступлениям объективно затруднительно, так как есть сложности с выделением какого-либо одного объекта преступного посягательства.

Ученые по-разному объясняют отсутствие в науке и практике однозначного определения «преступлений в сфере компьютерной информации»: одни — значительным практическим разнообразием подобных преступлений [1, с. 23], другие — отсутствием единообразной доктринальной позиции и отнесения конкретных общественно опасных деяний к таким преступлениям [2, с. 54].

Очевидно, что различие в терминологии указывает на отсутствие единого подхода к данной проблеме как в научном сообществе, так и среди субъектов, уполномоченных принимать нормативно-правовые акты. Попытки систематизировать и унифицировать понятийный аппарат в рассматриваемой сфере на законодательном уровне предпринимались достаточно давно, однако прошедшие десятилетия не позволили сформировать единых подходов к определению термина «преступления в сфере компьютерной информации». Указанная проблема стала предпосылкой для развития доктринальных исследований в данном направлении, однако в уголовно-правовой науке так и не удалось выработать общепринятого и не имеющего заметных недостатков определения понятия «информационные преступления». При этом обращает на себя внимание тот факт, что все рассмотренные определения в качестве своей опорной точки используют понятие «информация», которое является крайне широким, поскольку относится к любым сведениям, сообщениям и данным независимо от их носителя.

Основной угрозой в области международной информационной безопасности является использование информационных и коммуникационных технологий с вредоносными целями. Представляется, что именно использование информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей может быть положено в основу при выделении информационных преступлений как особой группы уголовно наказуемых деяний [3]. В соответствии же с действующим законодательством, информационные технологии — это процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов. Информационно-телекоммуникационная сеть — это технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники [4].

Исходя из этого, можно определить информационные преступления как запрещенные уголовным законодательством под угрозой наказания виновно совершенные общественно опасные деяния, механизм совершения которых предполагает использование информационных технологий и (или) информационно-телекоммуникационных сетей. Сразу же становится возможным выделить особенность таких преступлений, отличающую их от уголовно наказуемых

деяний иных видов. Данные преступления по своей природе являются высокотехнологичными, требующими наличия у преступника определенных знаний и опыта, специального оборудования и (или) компьютерных программ.

Считаем, что одной из основных причин отсутствия единообразия в понимании, определении и правоприменении термина «преступления в сфере компьютерной информации» является отсутствие единообразного понимания его элементов. Так, понятие «преступление в сфере компьютерной информации» состоит из следующих элементов: «преступление»; «в сфере» и «компьютерная информация».

Определение понятий первых двух элементов не вызывает сложностей в восприятии и толковании. Сложнее обстоит вопрос с определением понятия «компьютерная информация». Полагаем, что понятие компьютерных преступлений является более широким понятием по сравнению с преступлениями в сфере компьютерной информации и включает их в себя. Такой подход, имеющийся в теории уголовного права, к разграничению компьютерных преступлений и преступлений в сфере компьютерной информации не вызывает сомнений. Уточняя его, отметим, что основным, дополнительным либо факультативным объектом посягательства при совершении компьютерных преступлений будет выступать компьютерная безопасность, т. е. состояние защищенности компьютерных и сетевых устройств от угроз различного характера.

Под преступлениями против безопасности компьютерной информации следует понимать запрещенные уголовным законом Российской Федерации виновно совершенные общественно опасные деяния, причиняющие вред или создающие опасность причинения вреда безопасности обращения (производства, хранения, использования либо распространения) компьютерной информации или вреда КИИ РФ.

Список основных источников

1. Чуищев, И. М. Может ли хакер защитить от компьютерных преступлений / И. М. Чуищев // Юрист. — 1999. — № 2. — С. 22–26. [Вернуться к статье](#)
2. Ястребов, Д. А. Институт уголовной ответственности в сфере компьютерной информации: опыт международно-правового сравнительного анализа / Д. А. Ястребов // Государство и право. — 2005. — № 1. — С. 53–63. [Вернуться к статье](#)
3. Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года (утв. Президентом Рос. Федерации 24.07.2013 г. № Пр-1753) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2022. [Вернуться к статье](#)
4. Об информации, информационных технологиях и защите информации [Электронный ресурс] : Федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2022. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.2

*Е. А. Исаченко**адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России*

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В теории уголовного права нет единого мнения о том, что является объектом преступления. Можно утверждать, что это один из вечных вопросов в доктрине уголовного права.

Е. Н. Карабанова отмечает, что понятие объекта является центральным в теории уголовного права, а вместе с тем его содержание уже более века находится на острие научной полемики [1, с. 69]. Можно выделить три основных подхода к определению объекта преступления.

Согласно первому подходу, объектом преступления являются общественные отношения, которым в результате совершения преступного деяния причиняется вред или создается угроза причинения вреда [2, с. 54]. Некоторые исследователи безоговорочно признают эту позицию истинной. Так, И. В. Харабара утверждает, что объектом преступления являются общественные отношения, не отмечая, что этот вопрос является дискуссионным [3, с. 318].

Нельзя согласиться и с распространенным утверждением о том, что уголовный закон, в отличие от иных отраслевых законов, охраняет не все, а наиболее важные общественные отношения. По сфере своего действия уголовный закон затрагивает множество сфер общественной жизни, которые одновременно регулируются нормами административного, гражданского и иного отраслевого законодательства.

Н. А. Лопашенко отмечает следующую особенность уголовно-правового регулирования — блага, подразумевая под ними права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок и общественную безопасность, окружающую среду и конституционный строй Российской Федерации, интересуют уголовное право только в той мере, в какой это необходимо для обеспечения их защиты от преступных посягательств, регулируются же они, как правило, другими правовыми отраслями [4, с. 23].

Согласно второму подходу, объектом преступления являются блага и интересы личности. Рассматривая основные положения научной концепции объекта преступления как правового блага, И. П. Семченков заключает, что представители этой концепции акцентируют внимание на том, что причинению вреда в результате преступного посягательства в конечном итоге всегда подвергается человек. Следует согласиться с тем, что в рамках данной концепции понятие «объект преступления» используется в качестве рабочего юридического

термина для обозначения тех благ (ценностей), воздействуя на которые преступление причиняет вред человеку [5, с. 13].

В соответствии с рассматриваемой позицией в действующем уголовном законе можно выявить формально неопределенные, но фактически существующие группы преступлений, складывающиеся в определенной сфере общественных отношений. Например, такая группа преступлений формируется в сфере потребительского рынка, т. е. преступления, посягающие на безопасность потребителей. Не рассматривая направленность умысла преступника, в действительности вред или угроза его причинения от преступления, совершенного в сфере обращения товаров, оказания услуг и выполнения работ, в первую очередь будет причиняться потребителю, а объектом преступного посягательства будут выступать такие блага, как жизнь и здоровье.

На наш взгляд, более справедливо утверждать, что объектом уголовно-правовой охраны, как и преступления, первостепенно являются жизнь и здоровье человека. В социальном и правовом контексте развития общества жизнь и здоровье человека представляют собой блага личности. Размышляя над вопросами, связанными с объектом преступления, В. Н. Винокуров утверждает, что отнесение к категории «блага» таких реалий действительности, как жизнь, здоровье, достоинство человека, не вызывает сомнений [6, с. 20]. По этому основанию именно блага и интересы личности можно определять объектом преступного посягательства.

Согласно третьему подходу, который отчасти можно считать революционным в теории уголовного права, под объектом преступления следует понимать человека. Традиционными представителями этого подхода являются Г. П. Новоселов, А. А. Тер-Акопов.

По Г. П. Новоселову, объект преступления основывается на двух элементах: сущность и направленность вреда, который причиняется или может быть причинен в результате совершения преступления, и общественные отношения, которые возникают для реализации интересов людей. На этом основании он приходит к выводу, что объектом любого преступления являются люди, причем в одних случаях — отдельные физические лица, в других — множество лиц, в третьих — общество в целом [7, с. 45–63].

Утверждая на первом месте в качестве объекта преступного посягательства личность, А. А. Тер-Акопов не исключал из этой категории общественные отношения. Однако общественные отношения имеют значение лишь постольку, поскольку они обеспечивают интересы личности [8, с. 10].

Содержательное исследование существующих подходов к определению объекта преступления свидетельствует о том, что это достаточно многоплано-

вое понятие, которое охватывает подвергающиеся преступному воздействию явления общественной жизни.

Представляется допустимым и актуальным признание позиции, согласно которой объектом преступления являются блага и интересы личности, в первую очередь жизнь и здоровье. Более того, развитие этой позиции в учении об объекте преступления видится необходимым и обоснованным на более глубинном уровне, то есть с позиций философского и аксиологического содержания этого учения.

Список основных источников

1. Карабанова, Е. Н. Понятие объекта преступления в современном уголовном праве / Е. Н. Карабанова // Журнал рос. права. — 2018. — № 6. — С. 69–77. [Вернуться к статье](#)
2. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / Л. В. Иногамова-Хегай [и др.]. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : ИНФРА-М, 2020. — 354 с. [Вернуться к статье](#)
3. Харабара, И. В. Объект преступления и его виды / И. В. Харабара // Образование и право. — 2020. — № 6. — С. 318–323. [Вернуться к статье](#)
4. Лопашенко, Н. А. Размышления об уголовном праве. Уголовное право. Уголовная ответственность. Уголовная политика. Авторский курс : монография / Н. А. Лопашенко. — М. : Юрлитинформ, 2019. — 396 с. [Вернуться к статье](#)
5. Семченков, И. П. Объект преступления : социально-философские и методологические аспекты уголовно-правовой проблемы : монография / И. П. Семченков. — Калининград : Калинингр. юрид. ин-т МВД России, 2002. — 164 с. [Вернуться к статье](#)
6. Винокуров, В. Н. Объект преступления : систематизация и квалификация : монография / В. Н. Винокуров. — Красноярск : СибЮИ МВД России, 2011. — 260 с. [Вернуться к статье](#)
7. Новоселов, Г. П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты / Г. П. Новоселов. — М. : НОРМА, 2001. — 198 с. [Вернуться к статье](#)
8. Тер-Акопов, А. А. Ответственность за нарушение специальных правил поведения / А. А. Тер-Акопов. — М. : Юрид. лит., 1995. — 173 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.3/.7

С. В. Казак

*доцент кафедры уголовного права
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент*

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

В настоящее время особую актуальность приобретают вопросы борьбы с терроризмом. В этой связи представляется целесообразным проанализировать уголовно-правовую характеристику преступлений террористической направленности.

В уголовном законодательстве Республики Беларусь содержится целый ряд норм, направленных на противодействие терроризму. Они расположены в различных главах Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) [1], и в зависимости от объекта посягательства их можно разделить на три группы: 1) преступления против мира, к которым относится акт терроризма в отношении представителя иностранного государства или международной организации (ст. 124 УК), акт международного терроризма (ст. 126 УК); 2) преступления против общественной безопасности — акт терроризма (ст. 289 УК), угроза совершением акта терроризма (ст. 290 УК), финансирование террористической деятельности (ст. 290¹ УК), содействие террористической деятельности (ст. 290² УК), прохождение обучения или иной подготовки для участия в террористической деятельности (ст. 290³ УК), создание организации для осуществления террористической деятельности либо участие в ней (ст. 290⁴ УК), организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 290⁵ УК); 3) преступления против государства — акт терроризма в отношении государственного или общественного деятеля (ст. 359 УК), призывы к мерам ограничительного характера (санкция), иным действиям, направленным на причинение вреда национальной безопасности Республики Беларусь (ст. 361 УК). Очевидно, что объектом большинства преступлений террористической направленности являются основы общественной безопасности.

Дополнительным объектом посягательства являются жизнь и здоровье человека (ст. 124, 126, 289, 359 УК), его личная свобода (ст. 124, 359 УК). В некоторых составах преступлений в качестве дополнительного объекта выступают отношения собственности и экологическая безопасность (ст. 126, 289, 361 УК).

Обязательным признаком состава преступления, предусмотренного ст. 290¹ УК, является предмет преступления: финансовые или имущественные средства, к которым могут относиться денежные средства, ценные бумаги либо иное имущество, в том числе имущественные права.

В ряде статей обязательным признаком состава преступления является потерпевший. Так, в ст. 124 УК в качестве потерпевшего выступает представитель иностранного государства или международной организации, в ст. 359 УК — государственный или общественный деятель.

С объективной стороны уголовная противоправность преступлений террористической направленности характеризуется активной формой преступного поведения (действием). Большинство преступлений характеризуются совершением одного или нескольких действий, так, например, преступные деяния, предусмотренные статьями 124 и 359 УК, выражаются в применении насилия в отношении потерпевшего, захвате, удержании его в качестве заложника, похищении, лишении свободы, убийстве.

Большинство составов преступлений сформулированы в виде формальных (ч. 1 ст. 124, ст. 126, 289, 290, 290¹–290⁵, 359, ч. 1 и 2 ст. 361 УК). Их окончание связано с моментом совершения указанных в диспозиции статьи действий.

Некоторые составы преступлений имеют материальную конструкцию. К общественно опасным последствиям относятся: смерть человека (ч. 2 ст. 124, ч. 2 ст. 359, ч. 3 ст. 126, ч. 3 ст. 289 УК); причинение тяжких телесных повреждений (ч. 2 ст. 126, ч. 2 ст. 289 УК); ущерб в крупном размере или иные тяжкие последствия (ч. 2 ст. 290, ч. 3 ст. 361 УК).

В качестве обязательного признака состава преступления, предусмотренного ст. 126 УК, выступает место совершения преступления: территория иностранного государства либо территория дипломатического представительства, консульского учреждения иностранного государства, находящиеся на территории Республики Беларусь.

С субъективной стороны все рассматриваемые преступления характеризуются умышленной формой вины.

Обязательным субъективным признаком большинства преступлений является специальная цель их совершения, например: провокация международных осложнений или войны либо дестабилизация общественного порядка в иностранном государстве (ст. 124, 126, 290 УК), оказание воздействия на принятие решений органами власти, либо воспрепятствование политической или иной общественной деятельности, либо устрашение населения, либо дестабилизация общественного порядка (ст. 289, 359, 290 УК) и др.

Субъектами преступлений террористической направленности могут быть лица, достигшие шестнадцатилетнего возраста. Некоторые преступления предполагают наличие специального субъекта — должностного лица, использующего свои служебные полномочия (ч. 2 ст. 290¹, ч. 3 ст. 361).

Квалифицирующими признаками данных деяний являются: убийство человека (ч. 2 ст. 124, ч. 3 ст. 126, ч. 3 ст. 289, ч. 2 ст. 359 УК), причинение потерпевшему тяжких телесных повреждений (ч. 2 ст. 126, ч. 2 ст. 289 УК), повторность (ч. 2 ст. 126, ч. 2 ст. 289, ч. 2 ст. 290, ст. 290¹ УК), совершение деяния группой лиц по предварительному сговору (ч. 2 ст. 126, ч. 2 ст. 289, ч. 2 ст. 290 УК), совершение преступления лицом, ранее совершившим иные преступления (ч. 2 ст. 126, ч. 2 ст. 289, ст. 290¹ УК), причинение ущерба в крупном размере или иные тяжкие последствия (ч. 2 ст. 290, ч. 3 ст. 361 УК), совершение деяния организованной группой (ч. 3 ст. 126, ч. 3 ст. 289, ч. 2 ст. 290¹ УК) и др.

Представляется, что в целях противодействия использованию сетевых технологий для содействия террористической деятельности ч. 2 ст. 290² УК следует дополнить таким квалифицирующим признаком, как использование средств массовой информации, глобальной компьютерной сети Интернет, иной сети электросвязи общего пользования или выделенной сети электросвязи.

Особенностью данных преступлений является также наличие специальных оснований освобождения от уголовной ответственности по ряду деяний в связи с добровольным отказом лица от совершения преступления (ст. 124, 126, 289, ч. 2 ст. 290⁴, ч. 2 ст. 359 УК) или его деятельным раскаянием (ст. 290¹, 290², 290³ УК).

Большинство исследуемых преступлений относятся к категории тяжких и особо тяжких, за совершение некоторых из них, наряду с лишением свободы на определенный срок, предусмотрены пожизненное лишение свободы и смертная казнь (ч. 2 ст. 124, ч. 3 ст. 126, ч. 3 ст. 289, ч. 2 ст. 359). К менее тяжким относятся преступления, предусмотренные в ч. 1 ст. 290 и ч. 1 ст. 361 УК.

Таким образом, анализ уголовно-правовой характеристики преступлений террористической направленности позволил выделить некоторые особенности их составов и предложить дополнения, направленные на совершенствование действующего уголовного законодательства, что в конечном итоге будет способствовать повышению эффективности борьбы с данными преступными деяниями.

Список основных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.35

В. А. Караваева

*старший преподаватель-методист отдела контроля качества
образовательного процесса учебно-методического управления
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук*

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПРИЗНАКОВ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ИНТЕРЕСОВ СЛУЖБЫ

Исследование проблем законодательного закрепления признаков субъективной стороны преступлений против интересов службы является на сегодняшний день актуальным и необходимым направлением научного поиска. В отличие от общего субъекта, признаки которого содержатся в Общей части Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК), «общей вины» для конкретных общественно опасных деяний, закрепленных в Особенной части УК, не существует. В законодательстве Республики Беларусь отсутствуют конкретные требования нормотворческой техники, охватывающие вопросы обозначения субъективной стороны в диспозиции уголовно-правовой нормы.

В отечественной юридической литературе отдельные вопросы законодательного закрепления признаков субъективной стороны преступлений против интересов службы рассматривались в работах Н. А. Бабия, Г. А. Василевича, О. И. Грунтова, А. В. Конюка, В. В. Лосева, А. Л. Савенка, В. В. Хилюты и др. Однако, несмотря на значительное количество публикаций в периодических изданиях, указанная проблема остается малоизученной.

Субъективная сторона большинства преступлений против интересов службы характеризуется умышленной виной (за исключением ст. 428 УК «Служебная халатность»), при этом указание на форму вины присутствует только в ст. 424–426 УК. Составы преступлений, предусмотренные указанными статьями (за исключением умышленного вопреки интересам службы неисполнения должностным лицом из корыстной или иной личной заинтересованности действий, которые оно должно было и могло совершить в силу возложенных на него служебных обязанностей, сопряженное с попустительством преступлению), по конструкции объективной стороны являются материальными и признаются оконченными с момента наступления общественно опасных последствий. Так, в юридической литературе указывается, что для привлечения лица к уголовной ответственности за злоупотребление властью или служебными полномочиями необходимо установить факт не только умышленного вопреки

интересам службы совершения должностным лицом из корыстной или иной личной заинтересованности действий с использованием своих служебных полномочий, но и умышленной вины по отношению к последствиям, прямо указанным в диспозиции статьи [1, с. 916]. Однако указанный вывод не вытекает из конструкции основного состава преступления злоупотребления властью или служебными полномочиями. И. О. Грунтов по данному поводу отмечает, что подобная конструкция нарушает принцип личной виновой ответственности при конструировании признаков субъективной стороны. Автор справедливо указывает, что если преступление планировалось как умышленное, то данный факт должен быть отражен по отношению к общественно опасным последствиям, поскольку с их наличием закон связывает наступление уголовной ответственности лица [2, с. 113].

Состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 428 УК «Служебная халатность», по конструкции объективной стороны также является материальным, однако субъективная сторона характеризуется неосторожной формой вины. В. В. Лосев, характеризуя указанный состав, отмечает, что неисполнение своих обязанностей или их ненадлежащее выполнение может быть совершено должностным лицом как умышленно, так и по неосторожности. Отношение же к последствиям — только неосторожное в виде легкомыслия или небрежности [3]. В п. 18 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (статьи 424–428 Уголовного кодекса Республики Беларусь)» указано, что служебная халатность может быть совершена только по неосторожности, что предполагает неосторожную форму вины как к совершенному деянию, так и к наступившим последствиям.

Конструкция основного состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 428 УК, не дает четкого представления о форме вины по отношению к деянию. Так, уяснение субъективной стороны неисполнения либо ненадлежащего исполнения должностным лицом своих служебных обязанностей вследствие небрежного отношения к службе представляется понятным: лицо не предвидит возможности наступления общественно опасных последствий своего действия или бездействия, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло их предвидеть. Значительные затруднения представляют уяснения субъективной стороны неисполнения либо ненадлежащего исполнения должностным лицом своих служебных обязанностей вследствие недобросовестного отношения к службе. Понятие «недобросовестность» не раскрывается в уголовном законе, а также в вышеуказанном постановлении Пленума Верховного Суда и, на наш взгляд, является достаточно

абстрактным для того, чтобы быть включенным в конструкцию основного состава преступления.

Отдельного внимания заслуживает законодательное закрепление признаков субъективной стороны основных составов преступлений против интересов службы, по конструкции объективной стороны относящихся к формальным. В соответствии с ч. 1 ст. 24 УК, в преступлении, для наличия которого не требуется наступления общественно опасных последствий, форма вины устанавливается по отношению лица к общественно опасному деянию. В юридической литературе указывается, что уголовная противоправность служебного подлога, незаконного участия в предпринимательской деятельности, получения взятки, дачи взятки, посредничества во взяточничестве, а также незаконного вознаграждения характеризуется умышленной формой вины в виде прямого умысла. Однако анализ конструкции указанных выше составов преступлений показывает, что форма вины по отношению к общественно опасному деянию в диспозиции четко не определена. В отличие от объективных признаков преступления, которые могут быть весьма различны и в ряде случаев их подробное перечисление нецелесообразно, субъективные признаки всегда конкретизированы и должны быть прямо указаны в диспозиции.

Таким образом, считаем важным закрепить на законодательном уровне требование нормотворческой техники уголовного закона, согласно которому законодатель, формулируя диспозицию уголовно-правовой нормы, обязан точно указывать субъективные признаки преступления.

Список основных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь : науч.-практ. коммент. / Т. П. Афонченко [и др.] ; под ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука. — Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. — 997 с. [Вернуться к статье](#)
2. Грунтов, И. О. Принцип личной виновной ответственности в уголовном законодательстве / И. О. Грунтов. — Минск : Тесей, 2012. — 365 с. [Вернуться к статье](#)
3. Лосев, В. В. Характеристика субъективной стороны и субъекта служебной халатности [Электронный ресурс] / В. В. Лосев // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.58

О. Г. Каразей

*доцент кафедры административной деятельности органов внутренних дел
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент*

ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ЖИВОТНЫМИ

В 2015 году Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее — УК) дополнен статьей 339-1 «Жестокое обращение с животным». Условием наступления такой ответственности является гибель или увечье животного, совершенные из хулиганских, корыстных или иных низменных побуждений либо в присутствии заведомо малолетнего, совершенное повторно либо группой лиц.

Практически все квалифицирующие признаки данного преступления давно известны уголовно-правовой науке, существенных проблем с их практической интерпретацией не имеется.

Проблемным же, по нашему мнению, является определение понятия «животное». При этом в законодательстве, по нашему мнению, отсутствует должное правовое закрепление данного понятия, имеющего существенное значение для квалификации рассматриваемого преступления.

Соответствующее определение содержится в Законе Республики Беларусь от 2 июля 2010 года № 161-З «О ветеринарной деятельности», в соответствии с которым под животными понимаются млекопитающие, птицы, пресмыкающиеся, земноводные, рыбы, насекомые, моллюски, черви и другие организмы, питающиеся готовыми органическими веществами, способные к активному передвижению, жизнедеятельность которых обеспечивается пищеварительной, выделительной, дыхательной и нервной системами.

Закон Республики Беларусь от 10 июля 2007 года № 257-З «О животном мире» закрепляет только дефиницию «дикие животные», к которым отнесены млекопитающие, птицы, пресмыкающиеся, земноводные, рыбы, насекомые и другие животные, обитающие на земле (на поверхности, в почве, в подземных пустотах), в поверхностных водах и атмосфере в условиях естественной свободы, а также дикие животные в неволе.

Данные определения подходят к определению животных предельно широко. Если применять такие дефиниции к преступлению, ответственность за которое предусмотрена статьей 339¹ УК, то жестоким обращением с животным будет являться умерщвление комаров, мух, тараканов, червей и т. д., что не

имеет отношения к общественным отношениям в области гуманного обращения с животными.

В этой связи представляют интерес положения принятого постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ от 27 марта 2017 года № 46-15 модельного закона «Об ответственном обращении с животными», в соответствии с которыми обращение с животными должно основываться на принципах гуманного отношения к ним, критерием которого является благополучие животных и человека в рамках общепринятых этических ценностей, а также отношения к животным как к существам, обладающим способностью чувствовать, в том числе испытывать страх и боль.

Вместе с тем модельный закон СНГ не является нормативным правовым актом Республики Беларусь, его положения предлагаются странам СНГ как образцы для национального законодательства, соответственно, указанные нормы не могут применяться в правоохранительной деятельности.

Еще более существенной проблемой является установление факта причинения животному увечья, что имеет особое значение для размежевания рассматриваемого уголовно наказуемого деяния от административного правонарушения, предусмотренного статьей 16.29 «Жестокое обращение с животным или избавление от животного» Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — КоАП).

Так, часть 3 статьи 16.29 КоАП устанавливает ответственность за жестокое обращение с животным, выразившееся в истязании животного либо повлекшее его гибель или увечье. Данная норма не «конкурирует» со статьей 339-1 УК, так как уголовная ответственность будет наступать при совершении соответствующих действий из хулиганских, корыстных, иных низменных побуждений и т. д.

В то же время часть 1 статьи 16.29 КоАП влечет ответственность за жестокое обращение с животным (за исключением истязания животного), не повлекшее его гибели или увечья. Если с гибелью животного все относительно понятно, то остается открытым вопрос об увечьях. Вне зависимости от наличия хулиганских (при условии отсутствия признаков уголовно наказуемого хулиганства) или иных низменных побуждений, наличие либо отсутствие «увечья» будет самым прямым образом влиять на квалификацию деяния как преступления либо административного правонарушения.

В настоящее время неясно, что следует понимать под увечьями. УК не раскрывает содержание указанного понятия. В примечании к статье 16.29 КоАП содержится понятие жестокого обращения с животными, что тем не менее не приближает к пониманию проблемы. Так, из данного

примечания следует, что телесные повреждения животным могут быть именно «нанесены», то есть являться результатом непосредственного воздействия физического лица (руками, ногами, с использованием различных предметов, оружия и т. п.) на тело животного.

Одновременно с этим причинение вреда здоровью животных, в том числе травм и увечий, возможно в результате «иных действий (бездействия)», по всей видимости, не тождественных «нанесению». В качестве примера таких «иных действий (бездействия)» в КоАП отнесено только «натравливание животных друг на друга». Можно предположить, что сюда же следует отнести отдачу команды животному спрыгнуть с высоты, оставление его на жаре в автомобиле и т. п., но не истощение организма животного в результате нарушения условий его содержания — это является отдельным видом жестокого обращения.

Почему законодатель противопоставляет понятия «телесные повреждения» и «вред здоровью животных, в том числе травмы и увечья»? Почему способ (обстоятельства) нанесения (причинения) данных повреждений (вреда здоровью) влечет их различное наименование? Какую задачу для квалификации деяний решает данная терминология?

По нашему мнению, аргументированные ответы на данные вопросы отсутствуют. При этом, в соответствии со статьей 2 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 года № 130-З «О нормативных правовых актах», отсутствие ясности, точности и логической согласованности норм права, в том числе вызванное наличием пробелов в законодательстве (правовом регулировании) и коллизий нормативных правовых актов, что порождает возможность неоднозначного понимания норм права и их неединообразного применения, определяется как правовая неопределенность.

Следует отметить, что Инструкция о порядке проведения судебно-медицинской экспертизы по определению степени тяжести телесных повреждений, утвержденная постановлением Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь от 24 мая 2016 г. № 16, такой правовой неопределенности в используемой терминологии не допускает. Она содержит четкие определения видов телесных повреждений и основания их дифференциации.

В то же время соответствующего нормативного правового акта, регулирующего определение телесных повреждений животных и их видов, в том числе увечий, не имеется. Судебно-экспертными организациями соответствующие исследования в нашей стране не проводятся, о чем нами получено подтверждение в Государственном комитете судебных экспертиз и Департаменте ветеринарного и продовольственного надзора Министерства сельского

хозяйства и продовольствия. Соответственно, в настоящее время положения уголовного и административно-деликтного законов о причинении увечий животным не работают.

Решению обозначенных проблем правовой неопределенности будет, по нашему мнению, способствовать развитие специализированного законодательства об обращении с животными.

УДК 654

*И. И. Кирюшин**преподаватель кафедры информатики и специальной техники
Барнаульского юридического института МВД России**П. А. Русакова**курсант Барнаульского юридического института МВД России*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РАДИОСТАНЦИЙ ГРАЖДАНАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Для эффективного исполнения своих служебных обязанностей полицейские должны иметь специальную технику, в которой применяются новейшие достижения науки и техники.

Так в соответствии с ч. 1 ст. 24 Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» право на использование радиочастотного спектра предоставляется посредством выделения полос радиочастот и (или) присвоения (назначения) радиочастот или радиочастотных каналов. Использование радиочастотного спектра без соответствующего разрешения не допускается, если иное не предусмотрено вышеназванным федеральным законом. Также на основании ч. 5 ст. 22 средства связи, иные радиоэлектронные средства (далее — РЭС) и высокочастотные устройства (далее — ВЧУ), являющиеся источниками электромагнитного излучения, подлежат регистрации [1, с. 28].

Перечень определен в Постановлении Правительства Российской Федерации от 12 октября 2004 г. № 539 «О порядке регистрации радиоэлектронных средств и высокочастотных устройств». Регистрацию РЭС ведет Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Согласно ст. 22 Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи», использование без регистрации РЭС и ВЧУ, подлежащих регистрации, не допускается. РЭС и ВЧУ, подлежащие регистрации, должны быть установлены по месту, указанному при регистрации такого средства или устройства, не позднее 30 дней со дня их регистрации.

Возникает вопрос, как правильно зарегистрировать РЭС, чтобы не нарушить закон. Так, для получения разрешения на использование радиостанции Си-Би, работающей на 27 МГц, необходимо:

- оплатить госпошлину в Сбербанке Российской Федерации;
- заполнить заявление и прийти в отделение ФГУП «РЧЦ ПФО»;
- забрать Свидетельство об образовании позывного сигнала опознавания и договор с РЧЦ;

- с документами из РЧЦ зарегистрировать радиостанцию в отделении Управления Роскомнадзора;
- забрать Свидетельство о регистрации радиоэлектронного средства.

Существует огромное количество радиостанций, работающих в диапазоне частот 430–440 МГц, и их разрешено легально применять без каких-либо разрешений. По сути, эти рации продаются во всех магазинах любого города. Как правило, в них защиты частоты в виде нескольких каналов и они регулируются с помощью переключателей [2, с. 252].

Существует так называемый гражданский диапазон — 27 МГц. Диапазон дальнобойщиков на рации — это 15-й канал, с частотой 27,135 МГц в режиме амплитудной модуляции (АМ), назначенный для связи на трассах. Есть также авиадиапазон, он равен 118–137 МГц. Воздушные суда ведут радиообмен как между собой, так и с наземными службами. Рации с диапазоном ультракоротких волн (136–174 МГц) применяются подразделениями МВД, МЧС, охранными предприятиями, службами железнодорожного транспорта, службой скорой помощи, предприятиями муниципального сектора и другими организациями, которые нуждаются в немедленной и высококачественной радиосвязи.

Эксплуатация без регистрации РЭС и (или) ВЧУ, подлежащих регистрации, приводит к наложению административного штрафа в размере от пятисот до одной тысячи рублей с изъятием РЭС и (или) ВЧУ или без таковых; что касается должностных лиц, то для них административный штраф будет составлять от одной тысячи до двух тысяч пятисот рублей; на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, — от одной тысячи до двух тысяч рублей с конфискацией РЭС и (или) ВЧУ или без таковых; так, для юридических лиц штраф составит от десяти тысяч до двадцати тысяч рублей с конфискацией РЭС и (или) ВЧУ или без таковых [3, с. 142].

К примеру, Арбитражный суд Иркутской области рассмотрел дело от 15 февраля 2021 года № А19-20790/2020, в котором филиалом федерального государственного унитарного предприятия «Главный радиочастотный центр» Сибирского федерального округа были проведены мероприятия по радиоконтролю.

Ведущим специалистом-экспертом отдела контроля (надзора) в сфере связи Управления Роскомнадзора по Иркутской области в результате анализа документов, полученных от филиала федерального государственного унитарного предприятия «Главный радиочастотный центр» в Сибирском федеральном округе, протоколом измерения технических параметров излучения радиоэлектронных средств установлен факт эксплуатации ОАО «Иркутская

электросетевая компания» РЭС базовых станций сети технологического назначения без регистрации РЭС, осуществляемой Управлением Роскомнадзора по Иркутской области, чем были нарушены требования п. 5 ст. 22 Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи», п. 4 «Правил регистрации радиоэлектронных средств и высокочастотных устройств», утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 12 октября 2004 г. № 539.

Из-за выявленных нарушений должностным лицом Управления Роскомнадзора по Иркутской области был составлен протокол касательно заявителя об административном правонарушении, которым действия лица, привлекаемого к административной ответственности, были квалифицированы по ч. 2 ст. 13.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП).

Согласно пункту 1 Перечня РЭС и ВЧУ, подлежащих регистрации, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 12 октября 2004 г. № 539, РЭС подлежит необходимой регистрации.

По итогам рассмотрения данного протокола постановлением Управления Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Иркутской области ОАО «Иркутская электросетевая компания» доказана виновность в совершении административного правонарушения, ответственность за которое предусмотрена ч. 2 ст. 13.4 КоАП, с назначением наказания в виде административного штрафа в размере 10 000 рублей без конфискации РЭС.

Появляются и новые нарушения, когда граждане вмешиваются в радиоэфир не только сотрудников полиции, но и других служб, как например, работников скорой помощи, на которых возложена обязанность по спасению жизней, тем самым нарушают не только радиообмен, но и закон. В данном случае нарушение радиоэфира может повлечь за собой тяжкие последствия, такие как смерть человека [4, с. 70].

Нарушений в данной сфере не так и много, но они есть, об этом свидетельствует судебная практика, приведенная выше.

Такие деяния наказываются по ч. 3 ст. 13.4 КоАП [5, с. 178], устанавливается ответственность за нарушение правил радиообмена или использования радиочастот либо несоблюдение норм или параметров радиоизлучения. В итоге, оплатив штраф в размере от 1000 до 1500 рублей и купив новые РЭС и ВЧУ, гражданину ничего не мешает вновь нарушать правила радиообмена. Считаем, что тяжесть совершенного преступления не соответствует наказанию. Трудность состоит в том, что за данные деяния предусмотрена лишь административная ответственность.

Таким образом, нужно использовать закрытые каналы связи для специальных служб, а также требуется введение ответственности в КоАП и УК.

Предлагаем дополнить ст. 13.4 КоАП частью 4 следующего содержания:

«При повторном совершении административного правонарушения, предусмотренного частями 1–3 настоящей статьи, — усилить наказание наложением административного штрафа на граждан в размере от десяти тысяч до двадцати тысяч рублей и обязательными работами на срок до ста двадцати часов».

Список основных источников

1. О связи [Электронный ресурс] : Федер. закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2022. [Вернуться к статье](#)
2. Быстрыков, Е. Н. Специальная техника : учеб. пособие / Е. Н. Быстрыков, М. В. Савельева, А. Б. Смушкин. — 2-е изд., стер. — М. : ЮСТИЦИЯ, 2016. — 252. [Вернуться к статье](#)
3. Баумтрог, В. Э. Специальная техника органов внутренних дел Хрестоматия / В. Э. Баумтрог. — Барнаул : Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2014. — 142 с. [Вернуться к статье](#)
4. Кемпф, В. А. Основы применения специальной техники в профессиональной деятельности сотрудника полиции : учеб. пособие / В. А. Кемпф. — Барнаул : Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2016. — 70 с. [Вернуться к статье](#)
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 30 дек. 201 г., № 195-ФЗ : принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 26 дек. 2001 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2022. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.42

*И. И. Кожевников**адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России*

ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МЕСТА СОВЕРШЕНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБРЯДОВ В КОНТЕКСТЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Криминализация общественно опасного деяния подчинена определенным основаниям. Базовым основанием криминализации является общественная опасность деяния. Как отмечается в научной литературе, анализ всех компонентов общественной опасности должен базироваться как на типовых ее критериях, которые могут быть заложены в конструкцию состава преступления, так и обстоятельствах, характеризующих конкретное деяние или лицо его совершившее. Одним из системообразующих компонентов общественной опасности, который должен приниматься во внимание законодателем в процессе криминализации деяний, является ценность объекта посягательства [1, с. 34–41].

Отметим, что права и свободы человека и гражданина признаются исключительной ценностью для государства, поэтому их охрана и обеспечение гарантий по их реализации представляют собой первостепенную задачу. При этом совершенствование норм уголовного закона, предусматривающего ответственность за нарушение прав и свобод человека и гражданина, во многом отстает от тенденции развития общества.

Одним из явных направлений изменения формы общественных отношений является их цифровизация. В интернет-пространстве происходит не только общение, обмен товарами и услугами, получение информации, но и организация различных мероприятий и онлайн-трансляций событий, имеющих значение для некоторых категорий граждан.

В Интернете можно обнаружить прямые трансляции богослужений в специально предназначенных для проведения обрядов и церемоний местах как в Российской Федерации, так и за рубежом. Особенную актуальность такие трансляции, безусловно, приобрели в период коронавирусных ограничений, а также для лиц, которые являются маломобильными. Однако такой вид осуществления вероисповедания является крайне уязвимым в интернет-пространстве.

Зарубежная практика интернет-атак на сайты религиозных организаций не является новой. Современным анонимным объединением хактивистов «Анонимус», известным своими провокационными действиями в сети Интернет, в 2008 г. была совершена массированная DDos-атака на сайт и ютуб-канал

церкви Саентологии как акция протеста против пиара религиозных и социальных убеждений церкви [2].

Так, в случае DDos-атаки на сайт, на котором осуществляется отправление богослужения, содеянное необходимо квалифицировать по совокупности статей, а именно ч. 3 ст. 148 Уголовного кодекса Российской Федерации «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий» и, исходя из сложившейся практики квалификации интернет-атак, по ст. 273 Уголовного кодекса Российской Федерации «Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ». Данная квалификация, на наш взгляд, представляется необходимой, учитывая умысел предполагаемого субъекта.

Право на вероисповедание в сети Интернет не ограничивается только лишь просмотром онлайн-трансляций. Например, на официальном сайте Русской Православной Церкви существует возможность воспользоваться платной услугой и поставить свечу онлайн [3]. Предполагается, что это положительная тенденция перевода духовных общественных отношений в цифровое пространство, однако невнимательные граждане могут стать жертвами злоумышленников. Практика создания фишинговых сайтов, то есть сайтов, которые внешне являются похожими на оригинал (в данном случае Русской Православной Церкви), но с другим доменным именем, и направлены на хищение денежных средств или данных банковских карт пользователей.

При этом возникает вопрос квалификации данного деяния. Считаем, что данное деяние необходимо квалифицировать по совокупности статей, а именно по ч. 3 ст. 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и по соответствующей части ст. 159.6 Уголовного кодекса Российской Федерации, поскольку помимо совершения мошеннических действий преступник заведомо знает о желании лица совершить религиозный обряд и умышленно воспрепятствует этому.

Отметим, что законодательный перечень мест, предусмотренный ч. 2 ст. 16 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (далее — Федеральный закон № 125-ФЗ), не отвечает всем запросам религиозных структур. Например, один из традиционных обрядов в христианской религии состоит в отпевании умершего, то есть прочтения молитв над его телом непосредственно перед его погребением или кремацией, и если погребение осуществляется на кладбище, то кремация производится в крематории морга. Данное место юридически не закреплено в вышеуказанном перечне, поэтому, исходя из толкования нормы, беспрепятственно религиозный обряд проводить в крематории не допускается.

Для уточнения юридических аспектов признания богослужений и иных религиозных обрядов, проводимых онлайн, уместно внести изменения

в ч. 2 ст. 16 Федерального закона № 125-ФЗ, дополнив перечень мест пунктами «в морге» и «путем онлайн-трансляций из вышеуказанных мест». Предполагаем, что данное дополнение позволит придать юридическое закрепление данным трансляциям и, как следствие, обеспечит возможность уголовно-правовой защиты в случае необходимости.

Список основных источников

1. Антонова, Е. Ю. Общественная опасность как основание криминализации деяний / Е. Ю Антонова // Уголовная политика и правоприменительная практика : сб. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практи. конф., Санкт-Петербург, 2 нояб. 2018 г. / Северо-Запад. филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» ; отв. ред. Е. Н. Рахманова. — СПб. : Петрополис, 2019. — С. 34–41. [Вернуться к статье](#)
2. Проект «Чанология» [Электронный ресурс] // Википедия, свободная энциклопедия. — Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Проект «Чанология»](https://ru.wikipedia.org/wiki/Проект_«Чанология»). — Дата доступа: 31.01.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
3. Платные услуги [Электронный ресурс] // Русская Православная Церковь. — Режим доступа: https://rpconline.ru/zakazat_treby/uslugi/svecha_v_hrame/. — Дата доступа: 31.01.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 343.9

А. К. Кукеев

*старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин
Южно-Казахстанского университета им. М. Ауэзова*

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

К социально-правовому механизму противодействия преступности применяют две группы гарантий: первая — условия (предпосылки) обеспечения противодействия преступности (правовые, организационные, политические, идеологические, социальные, экономические); вторая — средства обеспечения противодействия преступности, среди которых выделены: 1) организационно-структурные институты — государственные органы и неправительственные структуры (в том числе и граждан), которые поддерживают и укрепляют режим законности (в этом случае — противодействия преступности); 2) организационно-правовые методы — виды деятельности организационно-структурных институтов, практические средства, приемы, операции, формы работы, применяемые с целью обеспечения законности (противодействия преступности). Взаимодействие первых и вторых (организационно-структурных институтов и организационно-правовых способов) формирует особенный социально-правовой механизм противодействия преступности.

Правовые гарантии социально-правового механизма противодействия преступности классифицированы на общие и специальные юридические: первые выступают как официальный уровень обеспечения государством справедливости в политико-правовой и социально-правовой областях при условии, что они тесно взаимосвязаны и действительно взаимодействуют. Общие гарантии предусматривают определение и функционирование механизмов эффективного влияния права на процесс упорядочения общественных отношений. К специальным относятся правовые (юридические) гарантии социально-правового механизма противодействия преступности, то есть специфические юридические средства и внутренние юридические механизмы, являющиеся реальным противодействием предотвращения преступности. Правовыми гарантиями социально-правового механизма противодействия преступности являются: полнота и эффективность юридических норм; высокий уровень контроля и надзора за реализацией законности; высококачественная деятельность уполномоченных органов власти по обеспечению законности; усовершенствование юридической практики; повышение эффективности превентивных мер юридической ответственности [1, с. 178].

Кроме того, специальные правовые гарантии классифицированы на: общеправовые (развитость национальной правовой системы в целом, полнота и непротиворечивость законодательства, наличие развитой юридической техники и юридической процедуры, соответствующий уровень правовой культуры социума); организационно-правовые (должная деятельность законодательной, исполнительной, судебной власти и Президента как гаранта Основного Закона, а также органов специального назначения как гарантов эффективности законов и обеспечения условий для их реализации и защиты); процессуальные (наличие оперативных средств государственного принуждения, равенство правового статуса, презумпция невиновности, неотчуждаемость прав и обязанностей субъектов, нормативно предусмотренный принцип неотвратимости наказания за нарушение законодательства).

В то же время правовые гарантии законности состоят не только в создании эффективного социально-правового механизма противодействия преступности, они предусматривают и ряд мер, к которым отнесены: 1) систематическое изучение и тщательный анализ состояния и тенденций преступности в государстве, выяснение причин и условий; 2) усовершенствование нормативно-правового обеспечения социально-правового механизма противодействия преступности; 3) разработка методов, способов и средств социально-правового механизма противодействия преступности с учетом новых вызовов и угроз; 4) определение конкретного круга субъектов социально-правового механизма противодействия преступности, деятельность которых имеет четко определенные полномочия; 5) улучшение уровня ресурсного, информационно-аналитического, технического, материального обеспечения специально уполномоченных субъектов социально-правового механизма противодействия преступности, а также повышение уровня их профессиональной квалификации; 6) налаживание тесного взаимодействия правоохранительных органов с общественностью в сфере противодействия преступности; 7) усиление международного сотрудничества по противодействию преступности как с целью перенять их опыт, так и для консолидации усилий в этом направлении [2, с. 3–5].

Нормативно-правовой базис функционирования (деятельности) социально-правового механизма противодействия преступности трактован как совокупность юридических норм, регулирующих общественные отношения в сфере противодействия преступности и имеющих материальное проявление в определенных нормативно-правовых актах (кодексах, законах и других подзаконных нормативно-правовых актах). Совокупность юридических норм противодействия преступности составляют нормы разных отраслей права: уголовного, конституционного, административного, гражданского и т. д. Уголовно-

правовое обеспечение механизма противодействия преступности относится к одному из видов нормативно-правового обеспечения в этой сфере, что материально закреплено в Уголовном кодексе Республики Казахстан [3] и Уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан [4].

Отметим, что правовое регулирование предотвращения преступности реализуется по двум основным направлениям: первое определяется материальным характером и заключается во влиянии посредством права на различные социальные факторы с целью устранения криминогенных условий, а также стимулирования антикриминогенных факторов (криминогенное воздействие); второе по своему значению является определенным процессуальным и заключается в закреплении прав и обязанностей соответствующих субъектов в процессе реализации ими профилактической деятельности (уголовно-правовое воздействие).

Успех деятельности уполномоченных субъектов социально-правового механизма противодействия преступности в Республике Казахстан в значительной степени определяется наличием четкой и эффективно действующей нормативно-правовой базы, поэтому перспективами дальнейших исследований должны стать проблемы ее совершенствования. Вопреки очевидным усилиям государства в обеспечении стратегических принципов контроля за преступностью, вопросы разработки новой стратегии противодействия преступности, а также нового соответствующего закона, что не только формулировал бы отдельные организационные и правовые основы такого противодействия, но и конкретно определял ее принципы и предусматривал бы эффективные механизмы, систему общесоциальных и специально криминологических мероприятий, а также другие концептуальные основы предотвращения и противодействия преступности, с учетом современных тенденций, вызовов и угроз, до сих пор остаются нерешенными.

Список основных источников

1. Егорова, Н. А. Уголовно-правовые гарантии в механизме уголовно-правового воздействия / Н. А. Егорова // Правоведение. — 2016. — № 3. — С. 172–195. [Вернуться к статье](#)
2. Кожевников, В. В. Проблема гарантий законности и правопорядка в современной теоретико-правовой мысли: критический анализ / В. В. Кожевников // Науч. вестн. Омской акад. МВД России. — 2008. — № 4(31). — С. 3–13. [Вернуться к статье](#)
3. Уголовный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] : 3 июля 2014 г., № 226-V ЗРК. — Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226>. — Дата доступа: 01.02.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] : 4 июля 2014 г., № 231-V ЗРК. — Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231>. — Дата доступа: 02.02.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 343.57

Д. О. Куричков

*преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск)*

**БЕСКОНТАКТНЫЙ СПОСОБ СБЫТА НАРКОТИКОВ:
К ВОПРОСУ О КВАЛИФИКАЦИИ СБЫТА НАРКОТИЧЕСКИХ
СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ИЛИ ИХ АНАЛОГОВ,
СОВЕРШЕННОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ЛИБО ЭЛЕКТРОННЫХ
ИЛИ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ
(ВКЛЮЧАЯ СЕТЬ ИНТЕРНЕТ)**

На территории России при снижении общего числа преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков (далее — наркопреступлений), что объясняется эффективной реализацией Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 года № 733, в отдельных ее регионах ситуация остается тревожной.

Судебно-следственная практика показывает, что наркопреступления, совершаемые в целях сбыта, и сбыт наркотиков с использованием средств массовой информации (далее — СМИ) либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (далее — ИТКС) (включая сеть Интернет) (п. «б» ч. 2 ст. 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК)) растут с каждым годом.

Наиболее проблемные в уголовно-правовом значении аспекты связаны с тем, что в правоприменительной деятельности и научных кругах нет единого подхода к толкованию *использования* СМИ либо электронных или ИТКС (включая сеть Интернет), неоднозначно определяется момент окончания данного вида наркопреступлений и нет разъяснений по каждому из понятий, указанных законодателем в п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК.

В настоящее время ведутся научные дискуссии о выделении критериев, обнаружение в деянии которых облегчило бы процесс квалификации сбыта по рассматриваемому квалифицирующему признаку.

Примером из судебной практики по делу о сбыте наркотических средств бесконтактным способом, где судом при описании совершенного преступления, содержащего признаки состава, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК, наглядно приведены некоторые из таких критериев, может быть следующий.

Согласно апелляционному определению Верховного Суда Российской Федерации от 23 мая 2019 года по делу № 2-4/2018, использование интернет-ресурсов заключалось в следующем: «...на сайте сети Интернет <...> создал аккаунт <...> для незаконного сбыта через него наркотических средств по принципу интернет-магазина. Наркотические средства незаконно сбывались бесконтактным способом, то есть путем их раскладки в тайники, местонахождение которых сообщалось приобретателям наркотических средств через ИТКС Интернет после оплаты наркотических средств через платежный сервис Р1Ш» [1].

Вместе с тем совершенно справедливо утверждение Д. В. Токманцева и А. О. Скудры о том, что не все суды относят использование сбытчиком и приобретателем средств мобильной сети для переговоров друг с другом в целях достижения договоренности об обстоятельствах передачи наркотиков к использованию электронных или ИТКС [2].

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 года № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» не содержит разъяснений о том, что, собственно, следует понимать под использованием, но судебная практика чаще всего сводит его к непосредственному осуществлению действий, входящих в объективную сторону преступления. Анализируя приговор Бийского городского суда от 5 ноября 2020 года по делу № 1-789/2020, которым за покушение на незаконный сбыт наркотических средств с использованием электронных и ИТКС (включая сеть Интернет) группой лиц по предварительному сговору в значительном размере осужден С. [3], мы видим: квалифицирующий признак был вменен судом при наличии в деянии лиц таких форм использования сетей, как использование средств электронных и ИТКС (включая сеть Интернет) посредством технических средств вычислительной техники, путем переписки посредством различных систем (программ), с использованием при общении с потребителями различных логинов и никнеймов; использование различных платежных систем для оплаты сбываемых наркотических средств; организация и продажа наркотического средства через интернет-магазин; передача информации потребителям об адресе тайника, в котором находится наркотическое средство, и его подробного описания.

С. М. Мальков и В. Н. Винокуров обоснованно заключают, что использовать электронные или ИТКС (включая сеть Интернет) можно для рекламы и предложения наркотических средств, получения информации об оплате за их приобретение, указания места (тайника), где они находятся, с которого приобретатель может их забрать [4].

Резюмируя сказанное, видится возможным разделить схожие мнения В. В. Дорошкова, Д. В. Токманцева и А. О. Скудры, что одно лишь использование телефонной связи в переговорах, связанных со сбытом наркотического средства, не может признаваться квалифицирующим признаком [5].

Следует поддержать изыскания Н. Б. Гулиевой, Р. Г. Драпезо, В. Н. Шелестюкова о вменении п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК при наличии признака бесконтактного способа сбыта, предполагающего его реализацию посредством сети Интернет, а также отметить неясность в отношении другого из предложенных признаков — «распространение информации о сбыте, направленное на ее получение неопределенным кругом лиц» [6].

Из Обзора судебной практики Фрунзенского районного суда г. Саратова: согласно приговору суда по уголовному делу № 1-102/18, двое субъектов, действуя в составе группы лиц по предварительному сговору с не установленным в ходе следствия лицом, незаконно приобрели, хранили для последующего незаконного сбыта *потенциальным* покупателям в особо крупном размере наркотические средства, однако по не зависящим от них обстоятельствам не передали указанные средства, поскольку были задержаны сотрудниками полиции [7]. При использовании наркосбытчиками информационной сети, к которой имеют доступ неопределенный круг лиц, обязательным для квалификации должно быть распространение информации о сбыте, которая позволит одному или нескольким покупателям оплатить и получить наркотики, то есть связь между определенными индивидами.

При буквальном толковании исследуемой уголовно-правовой нормы необходимо различать понятия «СМИ», «электронные сети» и «ИТКС», а также последнее определять шире, чем термин «Интернет» (условным маркером тому является формулировка законодателя — «включая»). Однако в отличие от СМИ, Интернета и ИТКС, легального определения электронных сетей ни в законодательных источниках, ни в толковых словарях не содержится.

М. А. Любавина считает, что по содержанию термины «электронная сеть» и «ИТКС» совпадают, поэтому видит возможным исключить первый из рассматриваемого квалифицирующего признака [8]. С этим выводом можно отчасти согласиться. Полагаем, что электронная сеть связана с источником питания (электросетью), потребителями и линиями связи (магистральями) электромагнитных систем. Большинство средств вычислительной техники (персональные компьютеры, ноутбуки, планшеты), сотовые телефоны, радиостанции работают от электрической сети или источника питания. Федеральный закон от 7 июля 2003 года № 126-ФЗ «О связи» содержит такие понятия, как «сеть связи» — технологическая система, включающая в себя средства и линии связи

и предназначенная для электросвязи или почтовой связи, и «электросвязь» — любые излучение, передача или прием знаков, сигналов, голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков или сообщений любого рода по радиосистеме, проводной, оптической и другим электромагнитным системам. Классификаций компьютерных (информационных) сетей множество. Учитывая их многообразие, в том числе беспроводные, 5G, Tor, Smart Grid и пр., нельзя с полной уверенностью отождествлять данные виды сети.

Излишним, по мнению А. А. Харламовой, является указание законодателем дополнительно наряду с ИТКС на сеть Интернет, которая и так включена в первую, однако на практике исключение данного средства совершения преступления может привести к еще большим трудностям [9].

Суды допускают ошибки в квалификации деяния как оконченного состава преступления: так, деяние, квалифицированное судом первой инстанции как оконченный незаконный сбыт наркотиков в значительном размере с использованием электронных и ИТКС (включая сеть Интернет) организованной группой, вопреки отсутствию определенных критериев (в данном случае признака донесения информации до приобретателя — имело место лишь размещение наркотиков в тайниках и сообщение о них организатору), Верховным Судом Российской Федерации было переквалифицировано на покушение на незаконный сбыт [10].

Неоднозначной видится позиция Е. В. Хромова, который привел исчерпывающий список из четырех форм использования при сбыте наркотиков электронных и ИТКС без указания на их альтернативность или, напротив, совокупность. Так, первая из названных им форм сама по себе вряд ли будет указывать на оконченное преступление по п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК (переписка между оператором-куратором, курьером-фасовщиком, курьером-закладчиком по вопросам организации деятельности по сбыту, «трудоустройство», получение информации о месте нахождения оптовой партии и пр.) [11]. Сбытчик должен выполнить все необходимые действия для передачи наркотиков приобретателю, а у последнего, проинформированного первым о месте нахождения предмета незаконной сделки, должна возникнуть реальная возможность их получить.

Таким образом, необходим ряд изменений в законе в содержательной формулировке нормы, закрепленной в п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК (замена союза «или» на «и» после слова «электронных», рассмотрение вопроса о целесообразности включения в нее понятия «сеть связи»), а также разъяснение в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 14, что следует понимать под использованием средств, перечисленных в п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК.

Список основных источников

1. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 23.05.2019 г. по делу № 2-4/2018 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. — Режим доступа: <https://sudact.ru/vsrf/doc/qR3cMjpxNOIR/>. — Дата доступа: 12.01.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
2. Токманцев, Д. В. К вопросу об уголовно-правовом противодействии наркопреступлениям и пронаркотическому контенту в сети Интернет / Д. В. Токманцев, А. О. Скудра // Вестн. Сибир. юрид. ин-та МВД России. — 2021. — № 1(42). [Вернуться к статье](#)
3. Приговор № 1-789/2020 от 5 ноября 2020 г. по делу № 1-789/2020 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. — Режим доступа: <https://sudact.ru>. — Дата доступа: 12.01.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
4. Мальков, С. М. Квалификация сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей / С. М. Мальков, В. Н. Винокуров // Уголовное право. — 2014. — № 4. [Вернуться к статье](#)
5. Комментарий к Уголовному кодексу РФ : в 4 т. — Том 3. Особенная часть. Раздел IX / отв. ред. В. М. Лебедев. — М. : Юрайт, 2017. [Вернуться к статье](#)
6. Гулиева, Н. Б. Бесконтактный сбыт наркотических средств и психотропных веществ через Интернет: судебная практика Кемеровской области / Н. Б. Гулиева, Р. Г. Драпезо, В. Н. Шелестюков // Вестн. С.-Петерб. ун-та. 2020. — Т. 11. — № 2. [Вернуться к статье](#)
7. Приговор Фрунзенского районного суда г. Саратова по уголовному делу № 1-102/18. — Режим доступа: http://fr.sar.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=2985. — Дата доступа: 12.01.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
8. Любавина, М. А. Уголовно-правовое противодействие наркотизму: закон, теория, практика : монография / М. А. Любавина М. : Юрлитинформ, 2021. [Вернуться к статье](#)
9. Харламова, А. А. К вопросу об употреблении термина «информационно-телекоммуникационные сети» в российском уголовном законодательстве / А. А. Харламова // Государство и право. — 2016. — № 8. [Вернуться к статье](#)
10. Апелляционное определение от 5 февраля 2019 г. по делу № 2-10/2018. — Режим доступа: <https://sudact.ru/vsrf/doc/ogAp5DQoYLdv/>. — Дата доступа: 12.01.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
11. Хромов, Е. В. Проблемы квалификации сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») / Е. В. Хромов // Криминалист. — 2021. — № 3 (36). [Вернуться к статье](#)

УДК 343.3/.7

Д. В. Лобач

*доцент кафедры теории и истории государства и права
Дальневосточного юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук*

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИИ И БЕЛАРУСИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

В современных условиях глобализации и усложнения международных отношений международный правовой порядок становится самостоятельным объектом политико-правовой охраны. В свою очередь, по мере развития международного публичного права, включая международное уголовное право, наблюдается процесс имплементации международно-правовых норм, регламентирующих политико-правовое запрещение и осуждение или устанавливающих уголовно-правовой запрет отдельных деяний, вызывающих озабоченность у всего международного сообщества, в национальное законодательство различных государств. В этом аспекте в уголовных законах ближнего и дальнего зарубежья появляются главы и разделы, содержащие нормы о преступлениях против мира и безопасности человечества. В контексте сказанного вызывает особый интерес национальный опыт уголовно-правовой борьбы с преступлениями данной категории в Российской Федерации и Республике Беларусь, так как оба государства относятся к романо-германской правовой семье, имеют общее историческое наследие и близкие социально-культурные корни, обуславливающие ментальное сближение двух государств.

Во-первых, обращает на себя внимание тот факт, что международный мир и безопасность человечества регламентированы в качестве самостоятельных задач в уголовном законодательстве двух стран (ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации и ст. 2 Уголовного кодекса Республики Беларусь). Единственным отличием является то незначительное обстоятельство, что российский законодатель устанавливает обеспечение указанного объекта, а в белорусском законодательстве речь идет об охране. С этимологической точки зрения слова «обеспечение» и «охрана» отличаются, так как значение первого заключается в создании условий или применении мер или средств для чего-либо, а значение второго слова сводится к принятию комплекса мер по защите объекта от актуальных или потенциальных угроз. С позиции теории уголовного права и специфики регулируемых отношений оба понятия юридически

равнозначны. Вместе с тем в сравнении с российским законодательством данная задача в белорусском Уголовном кодексе поставлена на первое место по сравнению с остальными задачами, что подтверждает юридическую приоритетность и особую политическую важность. Собственно, по этой причине Особенная часть Уголовного кодекса Республики Беларусь открывается шестым разделом под названием «Преступления против мира, безопасности человечества и военные преступления».

Во-вторых, с позиции выполнения международных обязательств, связанных с борьбой с международными преступлениями, Республика Беларусь криминализовала в своем национальном уголовном законодательстве все четыре группы деяний, которые в силу особого характера общественной опасности вызывают озабоченность всего международного сообщества, в то время как в российском уголовном законодательстве все еще отсутствует норма, предусматривающая ответственность за бесчеловечные деяния, квалифицируемые как преступления против человечности.

В-третьих, с позиции юридической техники конструирование отдельных норм о преступлениях против мира и безопасности человечества в сравнении с российским законодательным опытом является более удачным. В этом плане обращает на себя внимание норма ст. 127 Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающая ответственность за геноцид. В целом указанная норма является результатом имплементации правовых положений Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 1948 г. В то же время белорусский законодатель расширил перечень демографических групп, подлежащих уголовно-правовой охране, через указание на группы, определяемые на основе любого другого произвольного критерия. С подобным подходом следует согласиться, так как в действительности нельзя исключать совершение бесчеловечных действий, направленных на полное или частичное уничтожение демографических общностей, идентифицируемых по какому-либо другому социально значимому признаку (политическому, идеологическому, роду занятий, образу жизни, сексуальной ориентации и др.). Кроме того, белорусский законодатель криминализировал не только сам геноцид, но и отрицание геноцида белорусского народа, что является свидетельством политико-правовой защиты исторической памяти от угрозы забвения, актуальной в свете современных информационных спекулятивных форм воздействия на общественное сознание.

Также не без интереса будет отметить опыт белорусского законодателя в криминализации бесчеловечных деяний, совершаемых в условиях вооруженных конфликтов (военные преступления). В отличие от российского опыта

криминализации таких деяний, выразившегося в закреплении бланкетной нормы, отсылающей к международным договорам в системе международного гуманитарного права, белорусский законодатель пошел по пути широкого закрепления деяний, определяемых как военные преступления. Так, объективная сторона преступлений, предусмотренных ст. 135 и 136 Уголовного кодекса Республики Беларусь, содержит 22 деяния, квалифицируемые как военные преступления. Вместе с тем в нормах о преступлениях, совершаемых в форме агрессии, как в белорусском, так и в российском законодательстве с некоторыми исключениями законодатель текстуально повторяет нюрнбергскую модель преступлений против мира, однако в этих нормах отсутствует легальная дефиниция преступления агрессии, что с позиции принципа правовой определенности в правотворчестве является недопустимым, так как *de-jure* редуцирует регулятивное действие уголовного закона.

В-четвертых, в белорусском и в российском законодательстве в качестве преступлений против мира и безопасности человечества были криминализованы различные деяния, которые в теории международного права рассматриваются либо как конвенционные преступления, либо как деяния, которые хотя и не были криминализованы, но в силу их особой общественной опасности вызывают озабоченность у всего международного сообщества (международные неокриминальные деяния). При этом такие неокриминальные деяния, как наемничество (ст. 132, 133) и применение оружия массового поражения (ст. 134), включены в главу 18 «Военные преступления и другие нарушения законов и обычаев ведения войны», что демонстрирует регулятивное расширение белорусского уголовного закона в целях более эффективного противодействия бесчеловечным деяниям, совершаемым в условиях вооруженного конфликта.

В заключение следует отметить, что и белорусское, и российское уголовное законодательство регламентирует ответственность за деяния, определяемые как преступления, которые посягают на всеобщий мир и безопасность человечества. Вместе с тем криминализация таких деяний в сравнительно-правовом аспекте отличается, что обусловлено разными политико-правовыми и социально-культурными подходами в борьбе с подобными преступлениями.

УДК 343.3/.7

И. С. Макеева

*заместитель начальника кафедры уголовного права
Уральского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент*

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕГЛАМЕНТАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА РЕАБИЛИТАЦИЮ НАЦИЗМА

Ни для кого не секрет, что в ряде стран Европейского континента осуществляется открытая пропаганда крайних форм нацистской идеологии, происходят процессы восстановления исторической значимости нацистских преступников, чествование гитлеровских пособников и коллаборантов.

В Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года подчеркивается, что серьезную угрозу для безопасности общества и государства представляют участвовавшие случаи умышленного искажения истории, возрождения идей нацизма и фашизма [1].

В этой связи можно с уверенностью констатировать тот факт, что на данный момент существует ряд важных вопросов в механизме противодействия реабилитации нацизма, требующих разрешения. Не последнее место среди них занимает недостаточная эффективность уголовно-правовых норм, а именно несовершенство законодательных формулировок, наличие неоднозначно разрешаемых на практике и в теории вопросов квалификации преступлений, предусмотренных ст. 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК Российской Федерации).

В первую очередь нужно отметить, что установление уголовной ответственности за реабилитацию нацизма в России представляется обоснованной мерой государства. Необходимость криминализации таких деяний в нашей стране обуславливается совокупностью исторических, социальных и политических причин. Важность для россиян исторической памяти, активизация пронацистских группировок внутри страны, нарастающая политическая напряженность относительно пересмотра итогов Второй мировой войны и положений Нюрнбергского трибунала — ключевые из них.

Вместе с тем уголовно-правовой анализ ст. 354.1 УК Российской Федерации показал, что рассматриваемая норма не лишена юридических дефектов. В частности, наименование статьи «Реабилитация нацизма», указанное законодателем, не без оснований подвергается критике научного сообщества [2, с. 54]. В указанной формулировке понятие «реабилитация» имеет явно позитивную окраску [3, с. 157]. Представляется, что термин «реабилитация» не применим

к «нацизму» ни в содержательном, ни в морально-этическом контексте. Во-первых, ввиду субъектно-личностного подхода к «реабилитации». Если конкретный человек будет говорить, что нацисты необоснованно подвергнуты преследованию и наказанию, то право на реабилитацию у нацизма не возникнет [2, с. 55]. Во-вторых, использование изначально положительного термина для обозначения противоправного деяния не согласуется с этическими нормами. Надо сказать, что УК Российской Федерации уже содержит термин, отражающий уголовно-правовой смысл, который законодатель, вернее всего, хотел заложить в наименование статьи. Этот термин — «оправдание» (см. примеч. ст. 205.2 УК Российской Федерации). Не вдаваясь в детали соотношения терминов «терроризм» и «нацизм», отметим, что «нацизм» также представляет собой преступную идеологию и практику ее применения, а ее приверженцы навязывают обществу идеи в его правильности и стремятся найти себе все больше сподвижников, говорят о возможности применения термина «оправдание» и к идеологии нацизма. В связи с этим представляется верным наименование ст. 354.1 УК Российской Федерации изложить как «Публичное оправдание нацизма». Перенос признака публичности из диспозиции в название статьи также логичен, так как он является обязательным.

Изучение ч. 3 ст. 354.1 УК Российской Федерации позволило прийти к выводу о том, что объект указанной нормы определен неверно, в связи с чем предлагается перенести состав в IX раздел УК Российской Федерации — «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка», а именно в 25 главу — «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности». Это подтверждается и несоответствием названия ст. 354.1 УК Российской Федерации — «Реабилитация нацизма» смысловому содержанию диспозиции ч. 3 ст. 354.1 УК Российской Федерации.

Законодатель сконструировал диспозицию ч. 1 ст. 354.1 УК Российской Федерации как бланкетную, указав в тексте нормы на приговор Международного военного трибунала. Это породило существенную проблему для правоприменителей. В частности, чтобы достоверно установить признаки отрицания фактов, установленных приговором, следовательно необходимо обратиться к его тексту. В последующем вполне логична ссылка на приговор в процессуальных документах, составляемых в ходе предварительного следствия. Однако официальный текст приговора никак не закреплён в отечественной правовой системе и не может считаться источником уголовного права. Безусловно, приговор Международного военного трибунала в Нюрнберге является частью международной правовой системы и его ценность как фундаментального нормативного правового акта послевоенного периода ничуть не умаляется, но его применение

не может быть прямым, так как непосредственное применение международных норм недопустимо. Указанный признак требует официального разъяснения, так как на настоящий момент не совсем ясно, где грань между отрицанием фактов, установленных приговором Международного военного трибунала в Нюрнберге, как преступлением и отрицанием как формой реализации права на свободу слова, мнения, методом научных дискуссий.

Самая дискуссионная форма реабилитации нацизма заключается в распространении заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны. Сразу возникает ряд закономерных вопросов. Например, какие сведения понимать под «заведомо ложными»? Как распространение таких сведений реабилитирует нацизм? И почему законодатель ограничился периодом именно Второй мировой войны?

К сожалению, законодатель не дает ответа на вопрос, какие сведения о деятельности СССР в указанный период достоверно считать ложными. Будет ли считаться уголовно наказуемой критика эффективности военных или политических решений советских руководителей? Множество документов того времени по сей день являются засекреченными, поэтому без ознакомления с ними трудно говорить о ложности или достоверности какого-либо исторического события.

Представляется, что в рамках юридического анализа данного деяния именно официально подтвержденные факты должны выступать гарантом «заведомой ложности» каких-либо сведений. Формой официального подтверждения таких фактов выступают документы: международные договоры, приказы, директивы. Большинство исторических событий, характеризующих деятельность СССР в рассматриваемый период, нашли свое отражение в таких документах. Распространять сведения, заведомо зная, что в общедоступных, официальных документах имеется информация, противоположная этим сведениям, — значит совершать преступление в рассматриваемой форме.

Опираясь на сказанное, предлагается ч. 1 ст. 354.1 УК Российской Федерации изложить в следующей редакции: «Отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, одобрение преступлений, установленных указанным приговором, а равно распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР по борьбе с нацизмом в годы Второй мировой войны».

Список основных источников

1. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом Рос. Федерации 28.11.2014 № Пр-2753) // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2022. [Вернуться к статье](#)
2. Пестерева, Ю. С. К вопросу о юридических дефектах статьи 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации / Ю. С. Пестерева, П. В. Пошелов // Сибирское юридическое обозрение. — 2017. — № 14(3). С. 279–283. [Вернуться к статье](#)
3. Левандовская, М. Г. Реабилитация нацизма как преступление / М. Г. Левандовская // Вестн. Ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА). — Сер. Вектор юрид. науки. — 2018. — № 12. — С. 155–162. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.7

*А. Ф. Муксинова**преподаватель кафедры уголовного права
Казанского юридического института МВД России*

УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЛЕГАЛИЗАЦИЮ (ОТМЫВАНИЕ) ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ

Отмывание преступных доходов не имеет границ. Международный характер данного общественно опасного деяния определяет необходимость тесного взаимодействия всего мирового сообщества, а для Российской Федерации особое значение имеет тесное взаимодействие с Республикой Беларусь в рамках единого Союзного государства.

Анализ законодательных норм России и Беларуси позволил нам прийти к выводу, что в обоих государствах приняты во внимание требования международно-правовых норм о легализации (отмывании) доходов, приобретенных преступным путем. И в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК Российской Федерации) 1996 г. (ст. 174 и ст. 174.1), и в Уголовном кодексе Республики Беларусь 1999 г. (далее — УК Республики Беларусь) (ст. 235) имеются нормы, криминализирующие легализацию (отмывание) доходов, приобретенных преступным путем [1; 2].

Нормы о легализации (отмывании) преступных доходов в уголовных кодексах наших стран имеют много общего. Считаем, что это связано с тем, что уголовное законодательство стран СНГ основывалось на Модельном Уголовном кодексе для государств СНГ, который являлся своего рода образцом для каждой страны. В самом Модельном Уголовном кодексе норма об ответственности за легализацию доходов, полученных противозаконным путем, закреплена в ст. 258, которая так и называется. Данное преступление относится к категории преступлений средней тяжести. В качестве квалифицирующего признака называется то же деяние, совершенное организованной группой (ч. 2 ст. 258), — тяжкое преступление [3].

Перейдем к уголовно-правовому анализу составов преступлений о легализации. В обоих уголовных кодексах рассматриваемое преступление именуется как легализация (отмывание), т. е. используются оба термина, синонима, описывающего данное явление, что, на наш взгляд, является оправданным. Термин «отмывание» используется в нормах международного и зарубежного законодательства, однако в русском языке данный термин имеет скорее

жаргонное значение. Термин «легализация» является нормативным, отражающим суть преступления.

Объектом легализации (отмывания) преступных доходов в обоих уголовных кодексах являются общественные отношения в сфере охраны экономики и экономической деятельности.

Предметом легализации по УК Российской Федерации являются «денежные средства и иное имущество, приобретенные преступным путем», а по УК Республики Беларусь — «средства, полученные заведомо преступным путем». На наш взгляд, наиболее удачной является формулировка предмета, закрепленная в УК Республики Беларусь. Кроме того, в примечании к ст. 235 УК Республики Беларусь дается нормативное разъяснение, что под средствами понимаются «денежные средства, ценные бумаги, электронные деньги, иное имущество, в том числе имущественные права, а также исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности» [2]. С развитием цифровых и финансовых технологий легализация (отмывание) преступных доходов происходит в основном с безналичными и электронными деньгами, а также с цифровыми валютами, что относится к иному имуществу (имущественным правам). Таким образом, разделение предмета легализации (отмывания) преступных доходов на денежные средства и иное имущество считаем не целесообразным.

Объективная сторона ст. 235 УК Республики Беларусь закреплена как «совершение финансовых операций», под которой понимается «сделка со средствами независимо от формы и способа ее осуществления». В ст. 174 и ст. 174.1 УК Российской Федерации общественно опасное деяние закреплено как «совершение финансовых операций и других сделок». Данные формулировки, на наш взгляд, являются не самыми удачными. Термин «финансовая операция» заимствован из законодательства США, в российском законодательстве данный термин не встречается ни в одной отрасли права. Термин «сделка» также не может быть использован при определении процесса легализации, так как сделка — это всегда правомерное действие, а в процессе отмывания преступных доходов, как правило, совершаются неправомерные действия с доходами.

Что касается субъекта преступления о легализации преступных доходов, стоит отметить, что только в УК Российской Федерации используется разделение данного состава на две нормы в зависимости от лица, совершившего преступление: в ст. 174 УК Российской Федерации субъектом является лицо, легализующее преступные доходы, приобретенные другими лицами; в ст. 174.1 УК Российской Федерации — лицо, которое самостоятельно приобрело преступные доходы в результате совершенного им самим преступления. На наш взгляд,

такое разделение составов преступления является излишним, мы выступаем за объединение ст. 174 и ст. 174.1 УК Российской Федерации в одну.

Субъективная сторона легализации (отмывания) преступных доходов и в УК Российской Федерации, и в УК Республики Беларусь характеризуется прямым умыслом и специальной целью. В УК Республики Беларусь цель закреплена следующими словами: «для придания правомерного вида владению, пользованию и (или) распоряжению указанными средствами в целях утаивания или искажения происхождения, местонахождения, размещения, движения или действительной принадлежности указанных средств», что, на наш взгляд, является наиболее оптимальной по сравнению с УК Российской Федерации, в котором цель формулируется лишь триадой права собственности «в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению».

Правовые нормы, устанавливающие уголовную ответственность за легализацию (отмывание) преступных доходов, в Российской Федерации и Республике Беларусь имеют много общего. При этом с учетом цифровизации экономики, появлением новых финансовых инструментов, цифровых прав нормы об установлении уголовной ответственности за легализацию (отмывание) преступных доходов устарели и требуют реформирования и переосмысления.

Список основных источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. от 24.02.2022 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2022. [Вернуться к статье](#)
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2022 г. // Кодексы Респ. Беларусь. — Режим доступа: <http://уголовный-кодекс.бел/>. — Дата доступа: 10.02.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
3. Модельный Уголовный кодекс [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. — Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901781490>. — Дата доступа: 10.02.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 343.34

С. А. Петров*старший преподаватель кафедры криминалистики
Дальневосточного юридического института МВД России***УСИЛЕНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННЫЙ
ОБОРОТ ОРУЖИЯ: НЕОБХОДИМОСТЬ ИЛИ ИЗЛИШНЯЯ
СУРОВОСТЬ НАКАЗАНИЯ?**

Федеральным законом от 1 июля 2021 г. № 281-ФЗ в уголовное законодательство Российской Федерации были внесены изменения в статьи, предусматривающие уголовную ответственность за незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств [1].

В результате внесенных изменений были значительно увеличены сроки наказаний за незаконный оборот оружия и взрывоопасных объектов. В уголовно-правовых нормах, предусмотренных статьями 222, 222¹ Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК), законодатель выделил в отдельную часть сбыт оружия и взрывоопасных предметов, усилив ответственность за эти действия.

В УК введена новая статья — статья 222², предусматривающая уголовную ответственность за незаконные приобретение, передачу, сбыт, хранение, перевозку, пересылку, ношение и сбыт крупнокалиберного огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов к нему [2].

Цель реформирования уголовного законодательства в части усиления уголовной ответственности за незаконный оборот оружия очевидна — сдерживание распространения оружия и взрывоопасных предметов, которые используются для совершения тяжких и особо тяжких преступлений и в целом создают потенциальную угрозу основным ценностям и жизненно важным интересам граждан, а также национальной безопасности государства.

В законопроекте к Федеральному закону разработчики указали, что, поскольку 70 % зарегистрированных в последние годы преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, совершаются с использованием сети Интернет, принятым законом устанавливается отдельный квалифицирующий признак для преступлений, связанных с незаконным оборотом и изготовлением оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств — использование сети Интернет при совершении указанных преступлений [3].

Введение в уголовно-правовую норму указанного квалифицирующего признака является обоснованным, так как при сбыте оружия или боеприпасов через сеть Интернет лицо остается анонимным и имеет большие возможности

продолжать заниматься преступной деятельностью. Способ сбыта оружия и боеприпасов посредством сети Интернет представляет большую опасность, чем обычный сбыт, и, бесспорно, подлежит более строгому наказанию.

Однако законодатель установил квалифицирующий признак «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет и для частей первых статей 222, 222¹ УК, где действия виновного лица заключаются в приобретении, передаче, хранении, перевозке, пересылке или ношении огнестрельного оружия и боеприпасов к нему, взрывчатых веществ и взрывных устройств. Введение для первой части квалифицирующего признака по аналогии, как для сбыта оружия, не логично и не соответствует характеру незаконных действий виновного. Общественная опасность от того, что виновное лицо приобрело оружие или боеприпасы по сети Интернет, не становится выше, а определяется самим фактом их незаконного приобретения. Непонятно, как можно, используя сеть Интернет хранить, перевозить, пересылать (без цели сбыта), носить огнестрельное оружие или боеприпасы к нему. Установление в статьях 222, 222¹ УК для первых частей квалифицирующего признака «с использованием сети «Интернет» является лишним и не обоснованным.

По нашему мнению, законодатель установил излишне суровые меры во всех без исключения частях статей, предусматривающих уголовную ответственность за незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств. Санкциям всегда уделялось серьезное внимание, так как они в значительной степени определяют пределы наказуемости, устанавливают для суда рамки судейского усмотрения, границы учета обстоятельств дела при назначении наказания в плане определения меры их влияния на избираемое наказание [4, с. 129]. Посредством санкции (среди прочих признаков) определяется степень тяжести преступления [5, с. 231]. В части первой статьи 222 УК за незаконные приобретение, передачу, хранение, перевозку, пересылку или ношение огнестрельного оружия и боеприпасов установлены четыре вида наказаний: ограничение свободы, принудительные работы, арест и лишение свободы. По размеру наказаний часть первая относится к категории преступлений средней тяжести. При этом обращает на себя внимание установление границ наказания в виде лишения свободы от трех до пяти лет.

Наличие в статье минимальной границы лишения свободы навряд ли можно признать удачным решением при конструировании уголовно-правовой нормы, так как установленный порог наказания ограничивает правосудие в выборе размера наказания. Ситуацию спасают альтернативные наказания, что дает возможность суду дифференцированно, в зависимости от обстоятельств совершения преступления и личности виновного, индивидуально

принимать адекватные меры государственного принуждения за неправомерные действия.

Сложилась парадоксальная ситуация с санкциями в частях третьих статей 222, 222¹ УК, где законодатель установил единственный вид наказания — лишение свободы с определенными границами размера наказания. Если гражданин, например, через сеть Интернет незаконно приобрел несколько патронов к охотничьему карабину, то, согласно установленным в статье санкциям, ему предусмотрено лишение свободы на срок от шести до десяти лет, а если приобрел через сеть Интернет банку охотничьего пороха, который является взрывчатым веществом, то наказание предусмотрено в виде лишения свободы от восьми до двенадцати лет, то есть он совершил преступление, которое относится к категории особо тяжких, что по степени общественной опасности этому явно не соответствует.

В пояснительной записке к законопроекту было отмечено, что принятые комплексные изменения позволят предоставить правоохранительным органам дополнительные возможности для противодействия организованной преступности, повысят эффективность превентивной функции уголовных норм и будут способствовать сокращению поступления оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств в незаконный оборот.

То есть принятые законодательные изменения в большей степени направлены на усиление ответственности и пресечение деятельности организованных преступных групп, занимающихся незаконным изготовлением и сбытом огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, противодействие террористическим актам и проявлениям экстремизма.

Однако в ходе реформирования уголовного закона законодатель установил излишние карательные меры воздействия на лиц, совершающих противоправные действия, связанные с незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, которые по своему характеру не являются тяжкими или особо тяжкими преступлениями.

Суровость наказания должна соответствовать опасности преступления [6, с. 78]. У суда должен всегда быть выбор при назначении вида и размера наказания с учетом общественной опасности наступивших последствий. Будем надеяться, что наказания за незаконный оборот оружия и боеприпасов будут соизмеримы с характером совершенного преступления, что, безусловно, будет свидетельствовать о гуманности и справедливости уголовного закона.

Список основных источников

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон от 1 июля 2021 г. № 281-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2022. [Вернуться к статье](#)
2. Уголовный кодекс Российской Федерации : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. от 28.01.2022 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2022. [Вернуться к статье](#)
3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в целях усиления ответственности за совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия [Электронный ресурс] : пояснительная записка профильного Комитета Гос. Думы Рос. Федерации по гос. строительству и законодательству. — Режим доступа: http://komitet2-10.km.duma.gov.ru/Novosti_Komiteta/item/26778228. — Дата доступа: 14.02.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
4. Кругликов, Л. Л. Юридические конструкции и символы в уголовном праве / Л. Л. Кругликов, О. Е. Спиридонова. — СПб., 2005. — 336 с. [Вернуться к статье](#)
5. Андреева, О. И. Санкции в уголовном праве / О. И. Андреева // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. — 2014. — № 3 (18). — С. 231–234. [Вернуться к статье](#)
6. Анисимков, М. В. Сроки наказания в виде лишения свободы / М. В. Анисимков, Е. В. Королева // Человек: преступление и наказание. — Рязань, 2013. — № 1 (80). — С. 78–83. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.34

Н. В. Пушко

*доцент кафедры правовых дисциплин
Могилевского института МВД Республики Беларусь,
кандидат экономических наук, доцент*

Е. Ф. Власенко

*курсант 4 курса факультета милиции
Могилевского института МВД Республики Беларусь*

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ОХРАНЫ ТРУДА

На современном этапе развития белорусского государства основным ресурсом и конкурентным преимуществом является человеческий потенциал. Одним из наиболее важных условий для его успешного развития является обеспечение реализации трудовых прав личности, предполагающее в части охраны труда максимально возможное снижение смертности и травматизма от профессиональных заболеваний и несчастных случаев на производстве.

В настоящее время ситуация с травматизмом на производстве улучшается: количество потерпевших при несчастных случаях на производстве уменьшилось с 21 624 чел. в 1990 г., 2 612 чел. в 2010 г., до 1754 чел. в 2020 г., то есть по сравнению с 1990 г. наблюдается снижение более чем в 12 раз, а по сравнению с 2010 г. — в 1,5 раза [1]. При этом уменьшение количества смертельно травмированных происходит не столь высокими темпами: если в 1990 г. погибло 445 чел., в 2010 г. — 198 чел., то в 2020 г. — 101 чел., а минимальное количество погибших на производстве было зафиксировано в 2015 г. — 72 чел., после чего все отмечается рост. Число погибших на производстве в расчете на 1 000 работающих снизилось с 0,093 в 1990 г. до 0,031 в 2020 г. [1] (в 3 раза) и находится на уровне развитых стран Европы.

Установлено, что основная масса травм на производстве произошла из-за неисполнения или ненадлежащего исполнения нанимателями и (или) самими работниками требований охраны труда. Так, если в 2018 г. в Республике Беларусь наиболее частой причиной производственного травматизма была исключительно вина потерпевшего (42,1 %), то в 2019 г. — эта причина составила только 32,6 %, уступив «первенство» «прочим причинам» (37,2 % в 2019 г. против 24,1% в 2018 г.) [2]. Кроме того, если в 2018 г. основной причиной травм со смертельным исходом была смешанная ответственность работодателя и потерпевшего (29,5 % от общего по республике количества несчастных случаев на производстве со смертельным исходом), то в 2019 г. основными виновниками

полученных производственных травм были сами погибшие работники — 30,7 %. Нельзя не отметить и существенный рост производственных смертей по вине работодателя на предприятиях частной формы собственности — с 29,6 % в 2018 г. до 37,0 % в 2019 г. [2], что говорит об увеличении числа случаев несоблюдения правил охраны труда руководителями и специалистами данных организаций.

Закрепленное в ст. 41 Конституции Республики Беларусь право на здоровые и безопасные условия труда нашло свою реализацию в нормах Закона Республики Беларусь от 23 мая 2008 г. № 356-З «Об охране труда» [3], в соответствии с которым как работодатели, так и работающие, виновные в нарушении законодательства об охране труда, несут за это ответственность, в том числе и уголовную. Она установлена в ст. 306 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) [4] «Нарушение правил охраны труда», в которой наказуемым признается нарушение правил техники безопасности, промышленной санитарии или иных правил охраны труда должностным лицом, ответственным за их соблюдение, повлекшее по неосторожности: профессиональное заболевание либо причинение тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения (ч. 1 ст. 306 УК); смерть человека либо причинение тяжкого телесного повреждения двум или более лицам (ч. 2 ст. 306 УК); смерть двух или более лиц (ч. 3 ст. 306 УК).

Нормы ст. 306 УК применяются в случаях нарушения должностным лицом, на которого в силу его служебных полномочий или по специальному распоряжению непосредственно возложена обязанность обеспечить соблюдение правил охраны труда на определенном участке работы, общих правил техники безопасности, промышленной санитарии или иных правил охраны труда [5].

В качестве примера можно рассмотреть случай, произошедший в январе 2021 г. в Гомельской области в одном из предприятий, когда укладчик пиломатериалов по указанию мастера цеха выполнял работы на автоматическом прессе, в процессе которых рука укладчика попала под пресс и ему были причинены тяжкие повреждения, соединенные со стойкой утратой трудоспособности. Должностным лицом, выполняющим обязанности по руководству и контролю за организацией работы, а также следящим за состоянием охраны труда в цехе являлся мастер, который допустил рабочего к выполнению работ без соответствующей квалификации, обучения, стажировки и проверки знаний по вопросам охраны труда. Все это послужило основанием инкриминировать мастеру нарушение правил охраны труда, повлекшее по неосторожности причинение тяжких телесных повреждений (ч. 1 ст. 306 УК) [6].

В качестве вывода отметим, что, несмотря на постоянное сокращение числа несчастных случаев на производстве, проблема нарушения должностными лицами организаций правил охраны труда, влекущего получение работниками травм, остается весьма актуальной. На наш взгляд, существенную роль в профилактике производственного травматизма сыграет наличие у нанимателей знаний об ответственности за нарушение законодательства об охране труда. Так, должностные лица предприятий обязаны знать, что если они не приняли мер к устранению известного нарушения правил охраны труда или дали указания, противоречащие этим правилам, взяли на себя непосредственное руководство отдельными видами работ и не обеспечили соблюдение тех же правил, то они будут привлечены к ответственности по ст. 306 УК.

Список основных источников

1. Травматизм на производстве [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/trud/>. — Дата доступа: 03.02.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
2. Травматизм в Беларуси 2019 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://otb.by/news/4377-travmatizm-v-belarus-2019/>. — Дата доступа: 07.02.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
3. Об охране труда [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 23 июня 2008 г., № 356-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022. [Вернуться к статье](#)
4. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022. [Вернуться к статье](#)
5. О судебной практике по делам о нарушении правил безопасности при производстве работ, правил охраны труда и требований пожарной безопасности (ст.ст. 302–306 Уголовного кодекса Республики Беларусь) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 28 сент. 2005 г. № 8 : в ред. от 23.12.2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022. [Вернуться к статье](#)
6. Нарушения правил охраны труда повлекли тяжкие телесные повреждения у работника: прокуратура Гомельской области возбудила уголовное дело [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://prokuratura.gov.by/ru/media/novosti/nadzor-zaresheniyami-po-ugolovnym-i-grazhdanskim-delam/narusheniya-pravil-okhrany-truda-povlekli-tyazhkie-telesnye-povrezhdeniya-u-rabotnika-prokuratura-go/>. — Дата доступа: 07.02.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 343.2/.7

*Л. А. Рябцева**старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
Могилевского института МВД Республики Беларусь*

ПОНЯТИЕ «ИНЫЕ НИЗМЕННЫЕ ПОБУЖДЕНИЯ» В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Уголовное законодательство белорусского государства представлено Уголовным кодексом Республики Беларусь (далее — УК). В массиве уголовно-правовых норм как Общей, так и Особенной частей уголовного закона частотность употребления введенных в контекст кодифицированного нормативного акта терминов и понятий, имеющих исключительное значения для понимания и применения его положений, является различной. Проявление обнаруженного факта отмечено нами и в отношении терминологической единицы «иные низменные побуждения».

В ходе контент-анализа нами было установлено, что в УК понятие текстуально точно употребляется всего в трех нормах: п. 8 ч. 1 ст. 64 УК «Обстоятельства, отягчающие ответственность» (Общая часть УК), ч. 1 ст. 339-1 УК «Жестокое обращение с животным», ч. 2 ст. 180 УК «Умышленная подмена ребенка» (Особенная часть УК) [1]. Вместе с тем, исходя из учения о составе преступления, имеем возможность заключить, что «иные низменные побуждения» существуют в границах субъективной стороны состава как разновидность мотива преступления. В данной связи представляется необходимым уточнить его содержание. Примечательным является то, что законодатель не раскрывает его сущностного смысла ни в ст. 4 УК, разъясняющей отдельные термины уголовного закона, ни далее по тексту нормативного правового акта, чего нельзя констатировать в отношении мотивов «хулиганские побуждения», «корыстные побуждения».

По этой причине считаем необходимым обратиться к справочно-энциклопедическим источникам с целью уточнения лексического значения слова «низменный», поскольку сущностная природа других составляющих анализируемого понятия достаточно очевидна. Низменный означает «подлый, бесчестный; безнравственный» [2]. Подобное смысловое содержание вполне применимо и по отношению к иным видам побуждений, включая корыстные и хулиганские, являющиеся также по своей сути противоречащими нормам морали, что позволяет вести речь о том, что понятие «иные низменные побуждения» более широкое. Данная разновидность побуждений связана с оцениванием мо-

тива на соответствие нравственно-эстетическим представлениям, утвердившимся в обществе. По общему правилу, к иным низменным побуждениям относятся месть, зависть, ненависть, злость, тщеславие, карьеризм, ревность и т. п. Перечень не является исчерпывающим, что связывается с оценочностью понятия.

Вместе с тем иные низменные побуждения могут не быть указаны в качестве конструктивного признака преступления, то есть носить характер факультативный, что не исключает обязательности установления указанного мотива совершения преступления (при его наличии). В этом случае признак «иные низменные побуждения» выступает в роли обстоятельства, отягчающего ответственность, и связывается с повышенной уголовной ответственностью лица (п. 8 ч. 1 ст. 64 УК). Также иные низменные побуждения предусмотрены в диспозициях норм в ч. 1 ст. 339-1 УК, ч. 2 ст. 180 УК соответственно, где данный мотив выступает в качестве одного из альтернативных обязательных признаков субъективной стороны преступления. При этом каждый раз суд, рассматривая вопрос о наличии мотива «иные низменные побуждения», обязан устанавливать форму его выражения.

В качестве наглядного примера обратимся к тексту одного из приговоров, который был вынесен судом Оршанского района и г. Орши от 10 ноября 2021 года по уголовному делу по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 339-1 УК, где в описательно-мотивировочной части характеризуется форма выражения иного низменного побуждения: «будучи в состоянии алкогольного опьянения, реализуя внезапно возникший умысел, направленный на жестокое обращение с животным, с целью причинения смерти животному, *действуя из иных низменных побуждений, выразившихся в желании отомстить животному за то, что оно не стало есть пищу*, беспричинно, пренебрегая общепринятыми правилами и нормами гуманного обращения с животными, проявляя жестокость к животному, в присутствии иного лица — Д., нанес не менее одного удара ногой по туловищу собаке по кличке Л., после чего прыгнул на нее двумя ногами не менее двух раз, и в результате указанных действий обвиняемого П. наступили последствия в виде гибели собаки» [3].

Если «иные низменные побуждения» в ч. 1 ст. 339-1 УК являются признаком основного состава преступления, то в ч. 2 ст. 180 УК обозначенный мотив выступает квалифицирующим признаком. Также обращает на себя внимание тот факт, что при совершении жестокого обращения с животным, согласно диспозиции ч. 1 ст. 339-1 УК, необходимо устанавливать наличие одного из трех непосредственно указанных мотивов: корыстные, хулиганские или иные низменные побуждения. Тогда как в ч. 2 ст. 180 УК при умышленной подмене

ребенка обязательных альтернативных мотивов только два: из корыстных побуждений или из иных низменных побуждений. Мотив «иные низменные побуждения» для данного состава следует трактовать расширительно, поскольку, в случае установления принадлежности мотива преступного действия к хулиганским, он будет расцениваться по признаку «иные низменные побуждения». В остальном логика описания формы выражения установленного мотива будет такой же, как и для преступления, ответственность за которое предусмотрена ч. 1 ст. 339-1 УК.

Таким образом, следует констатировать, что понятие «иные низменные побуждения» законодательно не закреплено, является оценочным по своему смысловому содержанию ввиду того, что не представляется возможным предусмотреть на уровне нормативного правового акта исчерпывающий перечень его формальных проявлений. Вместе с тем обозначенный мотив может выступать как факультативным, так и обязательным признаком субъективной стороны состава преступления, что в обоих случаях не исключает необходимости и важности его установления и описания формы его выражения.

Список основных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022. [Вернуться к статье](#)
2. Низменный // Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.gramota.ru/slovari/dic/?word=%D0%BD%D0%B8%D0%B7%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9&all=x>. — Дата доступа: 31.01.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
3. Приговор № 37У21442 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/bank-sudebnykh-resheniy/document/58246>. — Дата доступа: 01.02.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 343.2/.7

*А. Л. Савенок**заведующий кафедрой уголовного права юридического факультета
Белорусского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор*

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК СУБЪЕКТ УГОЛОВНОГО ПРАВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

Технологии искусственного интеллекта в настоящее время занимают лидирующие позиции в различных областях человеческой деятельности. Аналитики по всему миру называют их основным технологическим трендом начала XXI века. Все больше государств и различных международных компаний осуществляют инвестиции в этом направлении. Так, развитие транспорта, здравоохранения, оказание финансовых услуг, а также обеспечение безопасности тесно связаны с осуществлением таких технологий. Однако с ростом применения технологий искусственного интеллекта возникают проблемы юридического и этического свойства, которые в настоящее время не решены. Взаимодействие людей и «умной» техники оказалось гораздо сложнее, чем это предполагалось. Очевидно, что обычных предписаний в виде различного рода технических норм здесь уже недостаточно. Поэтому среди исследователей остро стоит вопрос о необходимости разработки основополагающих правил безопасности использования технологий искусственного интеллекта [1]. Особенно это актуально в ситуациях причинения вреда общественным отношениям. Как показывает практика, какой бы надежностью не обладали узлы и механизмы, а также компьютерные программы, избежать аварий или происшествий вряд ли получится. Поэтому в законодательстве всегда должна быть предусмотрена ответственность за такой вред.

Важной особенностью технологий искусственного интеллекта является способность самообучаться в процессе эксплуатации машин (машинное обучение) и менять свое «поведение» в зависимости от поставленной задачи и складывающейся обстановки. При этом отчетливо проявляются элементы самостоятельности в выборе того или иного варианта действий. В определенном смысле уже сейчас можно говорить об автономности и независимости искусственного интеллекта от человека. В связи с этим в научной литературе поднимается вопрос о правосубъектности искусственного интеллекта [2].

В настоящее время искусственный интеллект не может нести какую-либо ответственность в соответствии с гражданским или уголовным законодательством. Это связано не только с фундаментальными положениями теории отече-

ственного права, но также с определенными техническими проблемами. Как известно, внешний аудит выбора искусственным интеллектом того или иного варианта «поведения» просто невозможен в силу отсутствия полной прозрачности алгоритмической базы. Хотя исследователями уже отмечены отдельные попытки переложить на искусственный интеллект ответственность за причиненный вред [3, с. 102].

В соответствии со ст. 948 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее — ГК), юридические лица и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих, обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего. По законодательству обязанность возмещения вреда возлагается на юридическое лицо или гражданина, которые владеют источником повышенной опасности на праве собственности либо на ином законном основании, в том числе на праве аренды, по доверенности на право управления транспортным средством, в силу распоряжения соответствующего органа о передаче ему источника повышенной опасности и т. п. Кроме того, согласно п. 2 ст. 948 ГК, владельцы источников повышенной опасности солидарно несут ответственность за вред, причиненный по изложенным выше основаниям третьим лицам в результате взаимодействия этих источников (столкновения транспортных средств и т. п.). При этом вред, причиненный самим владельцем источников повышенной опасности в результате взаимодействия этих источников, возмещается на общих основаниях. Как видно из анализа положений ГК, речь в них идет о юридических лицах и гражданах.

Для привлечения к ответственности, по Уголовному кодексу Республики Беларусь (далее — УК), необходимо установить психическое отношение лица к совершенному им общественно опасному деянию и его общественно опасным последствиям (для преступлений с материальным составом), выраженное в форме умысла или неосторожности. Понятие вины основывается на закреплённом в ч. 5 ст. 3 УК принципе личной виновной ответственности, который исключает уголовную ответственность за невиновное причинение вреда. Содержание вины образуют такие элементы, как интеллект и воля. В интеллектуальный элемент вины входит осознание характера совершаемого действия или бездействия, а при совершении преступлений с материальным составом также и предвидение (возможность предвидения) общественно опасных последствий. Воля — это практическая реализация сознания. С помощью волевых усилий человек способен руководить собой, следовать своему собственному плану и менять его в соответствии со своими новыми намерениями. Как известно,

искусственный интеллект такими способностями не обладает. Именно поэтому серьезной проблемой применения технологий искусственного интеллекта является определение ответственности и лицо, которое будет ее нести. Для решения этой проблемы требуется проведение междисциплинарных исследований с привлечением специалистов в различных областях теоретического знания. И пока не будут разработаны соответствующие правовые нормы, субъектами уголовной ответственности могут быть только физические лица, на которых в установленном порядке возложена юридическая обязанность соблюдения установленных правил.

Список основных источников

1. Савенок, А. Л. Правовое регулирование применения технологий искусственного интеллекта / А. Л. Савенок // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь ; редкол. Н. А. Карпович (гл. ред.) [и др.]. — Минск, 2021. — Вып. 16. — С. 4–10. [Вернуться к статье](#)
2. Морхат, П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / П. М. Морхат ; ФГБУ ВО РГАИС. — М., 2018. — 44 с. [Вернуться к статье](#)
3. Понкин, И. В. Искусственный интеллект с точки зрения права / И. В. Понкин, А. И. Редькина // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. — Сер. Юрид. науки. — 2018. — Т. 22. — № 1. — С. 91–109. [Вернуться к статье](#)

УДК 341.4

Н. В. Сидорова

*доцент кафедры правового регулирования экономических отношений
Карагандинского университета Казпотребсоюза (Казахстан),
кандидат юридических наук, доцент*

КОНЦЕПЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА В ТЕЗИСАХ

Концепция международного уголовного права в зарубежной и отечественной правовой доктрине складывалась как достаточно дискуссионная часть юридической науки. Во-первых, на протяжении длительного периода существовали научные споры об истоках международного уголовного права, его интеграции не только в систему международного публичного права, но и в систему международного частного права, как части внутригосударственного права (например, такой позиции придерживался Э. М. Вайс) [1, с. 134]. Во-вторых, несмотря на различные подходы к сущности международного уголовного права, его предмету и методу правового регулирования большинство определений международного уголовного права имеют комплексный характер и включают не только материальные, но и процессуальные начала. То есть понятие «международное уголовное право» охватывает все аспекты международного сотрудничества государств по противодействию преступности. Сторонники данной позиции, например, Н. А. Зелинская [1, с. 134], А. Г. Кибальчик [2, с. 379] и др.

Доктринальный подход к сущности и предмету международного уголовного права открывает и другие дискуссионные аспекты, имеющие различные варианты аргументирования и толкования:

1. Международно-публичный и внутригосударственный аспекты доктринального подхода. Как отмечает Н. А. Зелинская, межгосударственное публичное международное уголовное право и внутригосударственное международное уголовное право являются правовой базой научных исследований в данной сфере [1, с. 134].

2. Комплексный характер международного уголовного права позволяет в его структуре выделить подотрасли. По мнению Н. А. Зелинской, подотраслями международного уголовного права являются:

- международное уголовное право (основания и порядок привлечения к уголовной ответственности органами международной уголовной юстиции);
- транснациональное уголовное право (включает: транснациональное материальное уголовное право, транснациональное процессуальное право, транснациональное уголовно-превентивное право) [1, с. 139].

Анализ юридической литературы по проблемам международного уголовного права, а также исследование правовых норм и правоприменительной практики в данной сфере позволяет сформулировать тезисное обозначение основных черт международного уголовного права в доктринальном аспекте:

1. Основная задача международного уголовного права — противодействие преступности в контексте поддержания международного и регионального миропорядка посредством создания правовой основы сотрудничества государств в данной сфере.

2. Реализация задач международного уголовного права происходит через национальные правовые нормы посредством имплементации норм международного уголовного права.

3. Основопологающим критерием выделения отрасли международного уголовного права в системе международного публичного права является определение преступности деяния по международному праву (на конвенционном уровне), а также выработке международных рекомендаций в борьбе с преступностью.

4. Преступность деяния в международном аспекте означает его запрещенность в международно-правовых нормах, при этом последнее не отменяет преступность деяния на национальном уровне.

5. В международном уголовном праве определены два вида преступности деяния — международные преступления, ответственность за которые устанавливается на уровне органов международной юстиции, а также преступления международного характера (транснациональные преступления), раскрытие и расследование которых, а также привлечение к ответственности виновных относится к национальной юрисдикции государства.

6. В международном уголовном праве сформировались подотрасли: международное уголовное право в материальном значении; международное процессуальное право; международное судопроизводство.

7. Субъект ответственности в международном уголовном праве определяется не только на международном уровне, но и на национальном.

8. Субъектами применения норм международного уголовного права являются не только международные, но и национальные правоприменительные органы.

9. Применение норм международного уголовного права обусловлено их императивностью или диспозитивностью, что обуславливает внутригосударственные процедуры имплементации.

10. Применение норм международного уголовного права может быть как непосредственным, так и опосредованным. Опосредованное применение преоб-

ладает в реализации материальных международных правовых норм. Непосредственное применение имеет место быть при реализации процессуальных международных правовых норм.

11. Нормы международного уголовного права включены в систему действующего права Республики Казахстан (в случае ратификации). Международное уголовное право, обладая приоритетом над национальным правом, не может отождествляться с ним либо включать в себя последнее.

12. Принципы и нормы международного уголовного права регулируют правовые и институциональные формы сотрудничества государств в противодействии преступности.

13. Принципы и нормы международного уголовного права предписывают государствам многовекторное сотрудничество в рамках борьбы с международными преступлениями, преступлениями международного характера, а также в борьбе с преступлениями внутригосударственного характера.

14. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью (как публично-правовая процедура) является не столько предметом международного уголовного права, сколько средством реализации методов последнего.

15. Международное уголовное право тесно связано с иными отраслями международного публичного права: международное гуманитарное право, международное морское право, международное воздушное право, международное экономическое право, международное экологическое право, международное дипломатическое право и др.

16. Международное уголовное право оказывает существенное влияние на уголовную политику государства, на унификацию и гармонизацию национального уголовного и уголовно-процессуального права.

Список основных источников

1. Зелинская, Н. А. Международное уголовное право в юриспруденции / Н. А. Зелинская // Актуальные проблемы экономики и права. — 2007. — № 3. — С. 134–142. [Вернуться к статье](#)

2. Кибальчик, А. Г. Международное уголовное право: теоретико-методологические и практические основы изучения / А. Г. Кибальчик // Криминологический журнал Байкал. гос. ун-та экономики и права. — 2016. — Т. 10. — № 2. — С. 379–386. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.638

С. Н. Сухарев

*доцент кафедры организации режима и надзора в УИС
Академии права и управления ФСИН России,
кандидат юридических наук*

СОТРУДНИК УИС КАК ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО ст. 319 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В современных условиях функционирования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее — УИС) особая роль в обеспечении правопорядка, борьбе с пенитенциарной преступностью, предупреждении правонарушений и преступлений в процессе исполнения уголовных наказаний возлагается на сотрудников учреждений и органов УИС.

Практически все преступления, совершаемые подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными, посягающие на жизнь и здоровье, а также честь и достоинство персонала УИС, сопровождаются оскорблениями сотрудников как представителей администрации.

На сегодняшний день существуют проблемы в практике применения норм права, регламентирующих ответственность осужденных, подозреваемых и обвиняемых за деяния, выраженные в оскорблении представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением. Совершение указанных выше действий предполагает наличие сразу нескольких видов юридической ответственности. Так, за оскорбление сотрудника УИС предусматривается уголовная ответственность в соответствии со ст. 319 Уголовного кодекса Российской Федерации «Оскорбление представителя власти» [1], ответственность в рамках совершения административного правонарушения в соответствии со ст. 5.61 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях «Оскорбление» [2] и таким дисциплинарным проступком, как злостное нарушение установленного порядка отбывания наказания осужденными к лишению свободы (ст. 116 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) [3]. Таким образом, существует проблема в разграничении исследуемого преступления с административным правонарушением и дисциплинарным проступком.

Рассматривая оскорбление сотрудника УИС как уголовно наказуемое деяние, необходимо отметить то, что основным непосредственным объектом данного преступления выступают общественные отношения, обеспечивающие установленную нормативными правовыми актами деятельность представителя

власти по исполнению им служебных обязанностей, дополнительным объектом — честь и достоинство представителя власти. Таким образом сотрудник УИС, как представитель власти является потерпевшим от данного преступления.

Несмотря на достаточно логичную конструкцию исследуемой уголовно-правовой нормы, в судебной практике возникают вопросы с толкованием термина «публичность». К сожалению, сложившаяся судебная практика не рассматривает оскорбление сотрудника УИС как публичное, если данное деяние совершено на территории учреждения или органа УИС, а также в присутствии только осужденных и сотрудников (работников) учреждения, считая их двумя заинтересованными сторонами, что ставит под сомнение превентивность данной нормы и прививает осужденным чувство безнаказанности.

Думается, что решить проблему может Верховный Суд Российской Федерации, разъяснив в рамках постановлений по исследуемым нами уголовным делам понятие «публичность» как признак указанного преступления, в том числе применительно к местам лишения свободы и содержания под стражей.

В случаях с административными и дисциплинарными методами воздействия за указанное деяние применительно к осужденным можно отметить конкуренцию норм Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации. Теоретически данная ситуация дает возможность правоприменителю реализовать ту или иную норму по своему усмотрению. Считаем, что несоблюдение соответствующих режимных требований должно повлечь за собой именно дисциплинарную ответственность в соответствии с нормами уголовно-исполнительного права, что фактически мы и наблюдаем на практике. Поэтому в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях целесообразно предусмотреть норму, закрепляющую особенность административной ответственности осужденных, находящихся в местах лишения свободы.

Таким образом, правильное разграничение составов преступлений, посягающих на сотрудника УИС, со смежными составами, а также дисциплинарными правонарушениями и решение проблем квалификации способствуют повышению эффективности уголовно-правовых мер по обеспечению защиты чести и достоинства сотрудников УИС.

Список основных источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. // ГАРАНТ. Законодательство Российской Федерации. — М., 2022.

[Вернуться к статье](#)

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 30 дек. 2001 г., № 195-ФЗ : принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 26 дек. 2001 г. // ГАРАНТ. Законодательство Российской Федерации. — М., 2022. [Вернуться к статье](#)

3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 8 янв. 1997 г., № 1-ФЗ : принят Гос. Думой 18 дек. 1996 г. : одобр. Советом Федерации 25 дек. 1996 г. // ГАРАНТ. Законодательство Российской Федерации. — М., 2022. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.712. 2

Т. Г. Черненко

*заведующий кафедрой уголовного права и криминологии
Кемеровского государственного университета (Россия),
доктор юридических наук, профессор*

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ РАЗБОЯ С ПРИМЕНЕНИЕМ ПРЕДМЕТА, ИСПОЛЬЗУЕМОГО В КАЧЕСТВЕ ОРУЖИЯ

Разбой относится к числу наиболее опасных преступлений против собственности. Общественная опасность разбоя существенным образом возрастает в случаях совершения его с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Относительно понимания оружия при квалификации разбоя проблем не возникает, поскольку оружие рассматривается при этом в узком смысле слова, то есть как предмет, признаки которого содержатся в Федеральном законе Российской Федерации от 13 декабря 1996 года № 150-ФЗ «Об оружии» [1]. Более сложным является вопрос о понимании предмета, используемого в качестве оружия. Некоторые разъяснения по данному вопросу даны высшей судебной инстанцией. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, посвященном анализу судебной практики по делам о краже, грабеже и разбое, отмечено, что «под предметами, используемыми в качестве оружия, понимаются любые материальные объекты, которыми могли быть причинены смерть или вред здоровью потерпевшего (перочинный или кухонный нож, топор и т. п.), а также иные предметы, применение которых создавало реальную опасность для жизни или здоровья потерпевшего, например, механические распылители, аэрозольные и другие устройства, снаряженные раздражающими веществами» [2]. В правоприменительной практике встречаются ситуации, при которых для оказания психического давления на потерпевшего с целью завладения его имуществом используются угрозы осуществить инъекцию препарата, якобы инфицированного ВИЧ-инфекцией или возбудителями иной болезни, представляющей опасность для окружающих. При этом демонстрируются шприцы, наполненные жидкостью, выдаваемой за зараженную инфекцией кровь. Угроза воспринимается потерпевшими как реальная, вследствие чего они отдают деньги или иное имущество нападавшему. Безусловно, подобная ситуация свидетельствует о наличии разбоя. Но тем не менее при квалификации содеянного возникает вопрос: наличествует ли при этом основной состав разбоя (ч. 1 ст. 162 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК Российской Федерации)) или квалифицированный состав — разбой

с применением предмета, используемого в качестве оружия (ч. 2 ст. 162 УК Российской Федерации)? Этот вопрос в правоприменительной практике решается неоднозначно: одни суды усматривают при изложенных обстоятельствах ч. 1 ст. 162 УК Российской Федерации, другие — ч. 2 ст. 162 УК Российской Федерации.

Среди исследователей анализируемого вопроса имеется мнение, что «более обоснованной представляется юридическая оценка содеянного как «“простого” разбоя» [3, с. 83]. Аргументация этой позиции сводится к тому, что медицинский шприц, даже наполненный ВИЧ-инфицированной кровью, «по своему функциональному назначению не предназначен для насильственного нарушения анатомической целостности органов человеческого организма и тем самым причинения смерти или вреда здоровью потерпевшего» [3, с. 83]. Указанная позиция вызывает возражение. Причинение вреда здоровью и даже причинение смерти потерпевшему вполне возможно и без нарушения анатомической целостности органов человека, о чем свидетельствует законодательная характеристика тяжкого вреда здоровью в ст. 111 УК Российской Федерации. Кроме того, нужно иметь в виду не функциональное назначение медицинского шприца, а то вещество, которое может быть введено в организм человека с его помощью.

На наш взгляд, в случае использования при разбойном нападении шприца с ВИЧ-инфицированной жидкостью или с жидкостью, выдаваемой за инфицированную, для запугивания потерпевшего необходимо при квалификации содеянного исходить из нижеследующего. Если виновное лицо, стремясь завладеть имуществом потерпевшего, угрожает ему заражением ВИЧ-инфекцией, демонстрируя при этом шприц, в действительности заполненный ВИЧ-инфицированной жидкостью, то содеянное следует квалифицировать как разбой, совершенный с применением предмета, используемого в качестве оружия (ч. 2 ст. 162 УК Российской Федерации). Указанная квалификация необходима в связи с тем, что преступник угрожает потерпевшему применением вещества, реально опасного не только для его здоровья, но и для жизни.

Если же виновное лицо, вводя потерпевшего в заблуждение, угрожает ему заражением ВИЧ-инфекцией, демонстрируя шприц с жидкостью, которая в действительности не представляет опасности для жизни и здоровья потерпевшего (но потерпевший считает иначе), то содеянное следует квалифицировать как «простой» разбой по ч. 1 ст. 162 УК Российской Федерации.

Резюмируя изложенное, отметим, что при квалификации разбойного нападения по ч. 2 ст. 162 УК Российской Федерации следует исходить из широкого понимания предмета, используемого в качестве оружия.

Список основных источников

1. Об оружии [Электронный ресурс] : Федер. закон от 13 дек. 1996 г. № 150-ФЗ : в ред. от 02.07.2021 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2022. [Вернуться к статье](#)
2. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации, 27 дек. 2002 г., № 29 : в ред. от 29.06.2021 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2022. [Вернуться к статье](#)
3. Норвартян, Ю. С. О некоторых вопросах квалификации разбоя / Ю. С. Норвартян // Уголовное право. — 2017. — № 5. — С. 81–84. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.7

*Г. И. Шарафиева**адъюнкт кафедры уголовного права**Казанского юридического института МВД России*

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ХИЩЕНИЙ БЕЗНАЛИЧНЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ

В условиях цифровизации всех сфер жизни безналичные расчеты все более проникают в повседневную жизнь общества и каждого человека, это оплата товаров, коммунальных платежей, штрафов, налогов и много другого [1]. В России нет нормативно закреплённого определения понятия «безналичные денежные средства». Однако данное понятие используется повсеместно. Согласно Гражданскому кодексу Российской Федерации (далее — ГК Российской Федерации), безналичные расчеты осуществляются путем перевода денежных средств банками и иными кредитными организациями с открытием или без открытия банковских счетов в порядке, установленном законом, и принимаемыми в соответствии с ним банковскими правилами и договором. В соответствии с ч. 1 ст. 128 ГК Российской Федерации безналичные денежные средства представляют собой объект гражданских прав и относятся к иному имуществу [2].

С учетом увеличения доли безналичных денег в общей массе денежных средств увеличивается и число преступлений, связанных с их хищением. В этой связи в Российской Федерации проводится комплекс мер, направленных на противодействие преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий. Одним из таких мер явилось внесение Федеральным законом от 23 апреля 2018 года № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» признаков «компьютеризации» в ряд статей Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК Российской Федерации). В результате особо квалифицирующим признаком «с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств» дополнены ч. 3 ст. 158 УК Российской Федерации («Кража») и ч. 3 ст. 159.6 УК Российской Федерации («Мошенничество в сфере компьютерной информации») [3; 4]. В новой редакции изложена диспозиция ст. 159.3 УК РФ «Мошенничество с использованием электронных средств платежа». Внесенные изменения породили вопросы, связанные с квалификацией по указанным статьям УК Российской Федерации, особенно проблемным стал вопрос, связанный с правовой неопределенностью при выборе нормы УК Российской Федерации в случае оплаты товаров и услуг чужой банковской картой. Часть ученых и практиков

утверждают, что в данном случае деяние должно быть квалифицировано как кража. Другая часть усматривает признаки мошенничества.

29 июня 2021 году Верховным Судом в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от № 22 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» даны разъяснения, благодаря которым удалось решить некоторые вопросы, касающиеся выбора нормы, по которой следует квалифицировать хищение безналичных денежных средств [5]. В настоящее время как кража квалифицируется хищение со счета чужой (найденной, похищенной) банковской карты, если это происходило в тайне от потерпевшего. Например, при оплате покупок и услуг путем прикладывания банковской карты к терминалу бесконтактной оплаты, при снятии денежных средств в банкомате, переводе денежных средств при помощи услуги «Мобильный банк» и т. д. В случаях, когда владелец банковского счета под воздействием обмана сам переводит безналичные денежные средства на другой банковский счет или электронный кошелек, действия виновного квалифицируются как мошенничество.

Проанализировав законодательство и судебную практику Республики Беларусь, пришли к выводу, что в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее — УК Республики Беларусь) отсутствует разграничение подобных деяний в зависимости от способа совершения хищения. Хищение денежных средств с использованием банковских платежных карт подпадает под действие ст. 212 УК Республики Беларусь «Хищение имущества путем модификации компьютерной информации». Согласно диспозиции данной статьи, общественно опасным деянием признается «хищение имущества путем изменения информации, обрабатываемой в компьютерной системе, хранящейся на машинных носителях или передаваемой по сетям передачи данных, либо путем введения в компьютерную систему ложной информации» [6]. Определение понятия «хищение» дано в примечании к главе 24 УК Республики Беларусь «Преступления против собственности», под которым понимается «умышленное противоправное безвозмездное завладение чужим имуществом или правом на имущество с корыстной целью путем кражи, грабежа, разбоя, вымогательства, мошенничества, злоупотребления служебными полномочиями, присвоения, растраты или модификации компьютерной информации» [6].

Так, хищение денежных средств посредством ввода преступником ПИН-кода чужой пластиковой банковской карты квалифицируется по ст. 212 УК Республики Беларусь [7]. То есть преступник выдает себя за законного собственника и обманывает посредством компьютерных манипуляций.

Таким образом, согласно УК Российской Федерации, хищение безналичных денежных средств может быть квалифицировано в зависимости от способа совершения хищения как кража или мошенничество. В УК Республики Беларусь из-за отсутствия подобного деления не встает вопрос их разграничения, они охватываются одним понятием «хищение» и квалифицируются по ст. 212 УК Республики Беларусь. Вместе с тем в связи с ростом и развитием преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий уголовно-правовое законодательство в рассматриваемой сфере продолжает совершенствоваться в обоих государствах.

Список основных источников

1. Евстратенко, Е. В. Хищение с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств [Электронный ресурс] / Е. В. Евстратенко // Вестн. Южно-Уральского гос. ун-та. — Сер. Право. — 2020. — № 2. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/hischenie-s-bankovskogo-scheta-a-ravno-v-otnoshenii-elektronnyh-denezhnyh-sredstv>. — Дата доступа: 28.01.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) [Электронный ресурс] : 30 нояб. 1994 г., № 51-ФЗ : принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г. : в ред. от 21.12.2021 г. : с изм. и доп. от 29.12.2021 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2022. [Вернуться к статье](#)
3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон от 23 апр. 2018 г. № 111-ФЗ // СЗ РФ. — 2018. — № 18. — Ст. 2581. [Вернуться к статье](#)
4. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. от 30.12.2021 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2022. [Вернуться к статье](#)
5. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 30 нояб. 2017 г. № 48 : в ред. постановления Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 29.06.2021 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2022. [Вернуться к статье](#)
6. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2022 г. // Национальный правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. — Режим доступа: <https://online.zakon.kz/Document/>. — Дата доступа: 28.01.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
7. Гриб, Д. В. Проблемы квалификации хищений, совершаемых с использованием компьютерной техники, в Республике Беларусь / Д. В. Гриб // Криминологический журнал. — 2018. — № 2. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kvalifikatsii-hischeniy-sovershaemyh-s-ispolzovaniem-kompyuternoy-tehniki-v-respublike-belarus>. — Дата доступа: 28.01.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 343.9.01

Т. И. Вишневская

*старший преподаватель кафедры правовых дисциплин
Могилевского института МВД Республики Беларусь*

ТИПОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА И ПОТЕРПЕВШЕГО ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА

Успешное предупреждение преступности в целом и геронтологической преступности в частности возможно лишь в том случае, если внимание будет сосредоточено на изучении личности преступника как основного элемента в механизме преступного поведения и на детальном исследовании личности потерпевшего. В связи с этим существенное значение имеет типология личности преступника и потерпевшего пожилого возраста. Типология личности представляет собой перечень социальных, нравственно-психологических, демографических и иных особенностей, являющихся общими (типичными) для определенных типов (групп) людей. Типология личности позволяет объяснить причины преступного или виктимного поведения, закономерности его зарождения и развития, составить прогноз. Криминологическая типология позволяет выделить из всего многообразия пожилых лиц наиболее характерные типы преступников и потерпевших.

Типология преступников пожилого возраста может быть представлена в традиционно устоявшихся критериях криминологической науки по степени криминальной устойчивости индивида и включает в себя пять основных типов: случайный, ситуативный, неустойчивый, злостный, особо злостный.

Теоретический анализ и результаты эмпирических исследований позволили установить, что к случайному типу относятся пожилые лица, совершившие впервые преступление, не являющееся тяжким или особо тяжким, в состоянии сильного душевного волнения, причем предшествующее поведение таких преступников характеризуется общей положительной направленностью.

Ситуативный тип личности характеризуется значительными деформациями в системе ценностных ориентаций, низким уровнем правосознания. Преступления совершаются под влиянием конкретной криминогенной жизненной ситуации, которая может возникать как в связи с собственным поведением, так и в связи с поведением других лиц. Этому типу личности характерна импульсивность, тревожность, подозрительность, неумение сдерживать себя

в конфликтной ситуации, неспособность прогнозировать отдаленные последствия своих действий.

Переходный тип личности имеют неустойчивые преступники, их криминальными качествами являются надежда на безнаказанность; убеждения, заглушающие голос совести; безразличие к общественному мнению; тяга к спиртным напиткам или наркотикам; неспособность противостоять соблазну; подверженность негативному влиянию других лиц; отсутствие позитивных привычек и устойчивых стереотипов правомерного поведения. Неустойчивые преступники совершают преступления впервые, но ранее допускали административные правонарушения или иные проступки [1, с. 111].

Представители злостного и особо злостного типа совершают преступления в результате устоявшейся антиобщественной направленности и корыстных интересов. Для них характерны агрессивное поведение, озлобленность, равнодушие, бесперспективное отношение к жизни, деградация личности. Назначенное наказание, изоляция и утрата свободы не вызывают у них страдания. Главным отличием особо злостного преступника является склонность к рецидиву.

Научный и практический интерес представляет типология потерпевших пожилого возраста. Одним из ключевых критериев, определяющих особенности виктимологической характеристики, является поведенческая характеристика жертвы, исходя из которой можно выделить следующие типы потерпевших пожилого возраста: активно-положительный, нейтрально-положительный и отрицательный.

Потерпевшие пожилого возраста с активно-положительной поведенческой характеристикой — сознательные равнодушные граждане, осуществляющие активные действия по предупреждению правонарушений, входящие в открытую конфронтацию с правонарушителями, из-за чего становятся жертвами противоправных действий. Поведение таких потерпевших соответствует нормам морали и права. К примеру, насилие в отношении пожилого лица, ставшего очевидцем правонарушения и желающего сообщить о нем в милицию.

Нейтрально-положительные потерпевшие преобладают среди всех жертв исследуемой возрастной группы. Как правило, они образованные, культурные, законопослушные, положительно характеризующиеся в быту, которые становятся жертвами из-за неспособности оказать сопротивление в силу слабости здоровья по возрасту. Например, пожилые жертвы уличных грабежей и разбоев, квартирных и карманных краж.

Отрицательные потерпевшие — это лица, которые своим негативным поведением способствуют совершению в отношении них преступлений. В большинстве случаев к данному типу относятся пожилые лица, ведущие

аморальный образ жизни, злоупотребляющие спиртными напитками, намеренно совершающие агрессивные, провоцирующие поступки, создающие конфликтную ситуацию и имеющие противоправный характер (оскорбление, клевета). Также поведение данной категории лиц может носить неосмотрительный, безответственный характер, когда лицо пренебрежительно относится к мерам личной и имущественной безопасности (излишняя доверчивость, бродяжничество).

Указанное подтверждает значительную актуальность проблемы виктимности пожилых лиц. При этом следует иметь в виду, что изучение потерпевших с помощью анализа уголовных дел имеет ограниченный характер, так как в них практически отсутствуют значимые сведения социально-демографического характера о жертве, кроме тех, которые необходимы и влияют на квалификацию содеянного [2, с. 96].

Таким образом, изложенное позволяет сделать вывод, что личности преступника и потерпевшего пожилого возраста свойственны существенные особенности. Характеристика преступников пожилого возраста позволяет выделить их типы по степени криминальной устойчивости личности: случайный, ситуативный, неустойчивый, злостный, особо злостный. Исследование особенностей поведенческой характеристики потерпевших пожилого возраста дает возможность выделить их активно-положительный, нейтрально-положительный и отрицательный типы. Предложенная типология имеет большое значение для организации и тактики профилактической работы с пожилыми лицами, склонными к криминальному и (или) виктимному поведению.

Список основных источников

1. Криминология и профилактика преступлений : учебник / В. А. Ананич [и др.] ; под общ. ред. В. А. Ананича ; учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь». — Минск : Акад. МВД, 2019. — 393 с. [Вернуться к статье](#)
2. Вишневская, Т. И. Особенности личности потерпевшего пожилого возраста / Т. И. Вишневская // Весн. Магілёў. дзярж. ун-та імя А. А. Куляшова. — Сер. Д. Экан., сац., права. — 2020. — № 2(56). — С. 92–98. [Вернуться к статье](#)

УДК 340:342.4

*И. А. Демидова**заведующий кафедрой правовых дисциплин
Могилевского института МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент*

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ КАК УСЛОВИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОВОГО ПОРЯДКА

Понятие конституционализма имеет общетеоретическое значение в силу выхода за пределы юридических наук в сферу социальной философии, политологии, социологии, психологии, а также в область юридической и политической практики. С позиций политологии конституционализм рассматривается как модель взаимодействия общества и государства в виде правления, которое ограничивается конституцией государства, что обеспечивается наличием политической системы, в основе формирования и функционирования которой лежат нормы конституции. Это позволяет характеризовать конституционализм как политико-правовой режим. В аспекте юридической теории и практики учеными-юристами исследуется зарубежный и национальный конституционализм, правительственный, судебный и иные виды конституционализма. В целом научное осмысление сути и значения конституционализма, с одной стороны, отвечает запросам на национальную правовую идентичность, с другой, современным веяниям переосмысления традиционных концепций международного и конституционного права в контексте становления глобального гражданского мирового правопорядка и системы глобального управления.

В качестве правовой теории конституционализм призван к обоснованию необходимости конституционного строя для обеспечения законности и правового порядка. Изучению конституционализма как теоретической конструкции посвящены труды таких известных советских авторов, как К. В. Арановский, О. Е. Кутафин, А. А. Мишин, Б. А. Страшун и др., которыми была заложена теоретическая база. В контексте постсоветской реальности следует отметить работы А. А. Алебастровой, Г. Г. Арутяна, А. Н. Медушевского и др. Современные направления исследований определяются вниманием к глобальному и национальному конституционализму.

Глобальный конституционализм, научное представление которого было положено философскими идеями И. Канта о возможности нового, более справедливого, глобального социального и правового порядка, определяется унифицированным видением конституционных ценностей, норм, признанием ценности прав человека, которые основаны на общей международной конструкции

права и глобального управления. Обоснованно, что базовыми понятиями, посредством которых характеризуется данное явление, выступают конституционализация, конституционализм и конституция в международно-правовом понимании [1, с. 18]. Критика теоретической конструкции глобального конституционализма связана с отсутствием эмпирического объекта исследования (общей писаной конституции), идейным противоречием глобалистов и антиглобалистов, наличием интеграционных и дезинтеграционных социальных тенденций в современном мире, сложностью унификации правовых норм, отсутствием потенциальной возможности создания единого всемирного государства [1, с. 19–20]. С позиций нормативистского понимания права глобальный конституционализм представляет собой юридическую концепцию, направленную на преодоление дуализма международного и национального права на основе фундаментальных принципов конституционного права. В свою очередь, концепция «социетального конституционализма» предлагает модель транснациональных социетально-конституционных фрагментов, что предполагает наличие так называемых «социетальных конституций» — спонтанно формирующихся систем регулирования за пределами национальных государств. В соответствии с институциональными теориями глобальный конституционализм в своем основании имеет процесс разделения власти в международной сфере [1, с. 25–29]. Заслуживает внимания также понимание глобального конституционализма как этического минимума, идеологии и политики права, призванной обеспечить незыблемость самого ядра транснациональных правовых гарантий социума перед вызовами его радикальной трансформации (авторская позиция А. Н. Медушевского). Представленный подход соответствует следующему пониманию глобального конституционализма: есть «теория, дискурс и политическая повестка, отстаивающая применение фундаментальных конституционных принципов (верховенство права, защита прав человека, разделение властей) в международно-правовой сфере, с целью обеспечить нормативное единство, эффективность и справедливость формирующегося глобального международно-правового порядка, включая, таким образом, юридические, функциональные и этические компоненты» [2, с. 976–977]. Одним из положений парадигмы глобального конституционализма является признание в качестве фактора стабилизации международных отношений легитимации глобального управления, не основанной более на государственном суверенитете [2, с. 983]. В связи с этим закономерно возникает вопрос о роли и значении национального конституционализма в данной системе мироустройства. Также отмечается нерешенность вопроса о том, «должна ли в основе этого проекта лежать классическая западная парадигма конституции (основанная на либеральной концепции прав человека)

или в ее основу должен быть положен компромисс различных правовых культур мира, включающий, в том числе, корпус нелиберальных (или т. н. постлиберальных) ценностей и даже право авторитарных режимов?» [2, с. 988]. Вследствие этого в глобальном соревновании стратегий построения нового мирового порядка отражается имеющий место ценностный раскол в мировом сообществе.

Встает вопрос о значимости конституционной самобытности отдельных правовых порядков, под которой понимаются государственно-правовые особенности в регулировании публичных, в том числе властных отношений [3, с. 71]. Имеет место точка зрения, согласно которой отмена принципов конституционной самобытности равносильна отмене текущего правопорядка. Данное положение находит отражение в преемственности конституционных правовых норм. Политический и идеологический смысл конституции государства отражают цели ее принятия, которые, как правило, фиксируются в преамбуле конституции, что призвано к обеспечению целостности «конституционного духа». В этой связи показательна преамбула Конституции Республики Беларусь 1994 года в редакции изменений и дополнений, вынесенных на республиканский референдум 27 февраля 2022 года, определяющая с учетом истории развития белорусской государственности, культурных и духовных традиций национальный правовой порядок. При этом конституционное развитие Республики Беларусь невозможно вне общих тенденций современного конституционализма, в качестве которых определяются интернационализация правового регулирования, конституционная легитимация правовых порядков, развитие национального конституционного права и становление конституционного правосудия [4]. Все обозначенные тенденции в большей или меньшей мере наблюдаются в политической жизни современных государств.

Список основных источников

1. Медушевский, А. Н. Глобальный конституционализм как правовая теория и идеология переустройства мирового порядка / А. Н. Медушевский // Сравнительное конституционное обозрение. — 2020. — № 1 (134). — С. 15–42. [Вернуться к статье](#)
2. Медушевский, А. Н. Глобальный конституционализм — теория мирового правового порядка или новая политическая идеология / А. Н. Медушевский // Журнал региональной истории. — 2020. — Т. 4. — № 3. — С. 974–1019. [Вернуться к статье](#)
3. Карпенко, К. В. Конституционная самобытность и дух конституции / К. В. Карпенко // Государство и право. — 2020. — № 3. — С. 70–81. [Вернуться к статье](#)
4. Миклашевич, П. П. Современный конституционализм: тенденции и практика / П. П. Миклашевич // Вестн. Конституц. Суда Респ. Беларусь. — 2020. — № 1. — С. 47–58. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.9.01

*Е. В. Демидова-Петрова**начальник кафедры уголовного процесса Казанского юридического института
МВД России, доктор юридических наук, доцент,
заслуженный юрист Республики Татарстан*

ПОЗНАНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ТЕОРИЯ ПЕРЕСЕЧЕНИЙ

Возникновение интернета, онлайн-пространства, динамичное распространение и развитие новых взаимоотношений, общение онлайн в социальных сетях дают основания полагать, что существуют новые, дополнительные измерения, которые могут позволить исследовать и познать мир современных лиц несовершеннолетнего возраста и, в свою очередь, дать толкование тем процессам, которые возникают в среде несовершеннолетних, в перспективе формируя основной комплекс детерминант как правомерного, так и противоправного, преступного поведения. При этом глубокое изучение его, не принимая во внимание оказываемое влияние иных микросоциумов лиц несовершеннолетнего возраста, представляется слабопродуктивным.

В настоящей работе рассмотрим роль теории интерсекциональности (теории пересечений) в процессе познания современных особенностей преступности лиц несовершеннолетнего возраста.

Так, одним из достаточно действенных инструментов исследования и познания социального мира лиц несовершеннолетнего возраста, выявления основных факторов, которые детерминируют рассматриваемый вид преступности, а также определения системы мер, субъектов предупреждения преступности несовершеннолетних является теория интерсекциональности (теория пересечений).

Название данной социологической теории было дано теоретиком права профессором Кимберли Креншоу в 1989 году, при этом следует уточнить, что сама концепция прослеживалась еще с XIX столетия.

Начиная с 1989 года данная теория получила достаточно широкое распространение. Она обсуждалась, применялась, резко осуждалась и оспаривалась, в частности в феминистских/гендерных исследованиях, где данный термин и возник [1, с. 95]. Отметим, что рассматриваемая теория, основная идея которой заключается в изучении пересечения различных форм либо систем угнетения, доминирования или дискриминации, сегодня рассматривается как ведущая среди феминистских теорий [2, с. 171–178].

М. Л. Аланен отмечает, что в настоящее время теория пересечений наметила путь за пределы феминизма, включая области изучения лиц несовершеннолетнего возраста, изучения инвалидности, исследование прав человека. В своей научной статье М. Л. Аланен задается вопросом: «Насколько новой или необходимой является теория пересечений как концепция (“линза”), метод или даже теория для теоретико-концептуального развития исследований в области детства?». И далее в статье дает на него ответ: «Интерсекциональность в настоящее время является социальной реальностью, поэтому жизнь детей также структурирована» [1, с. 95, 96].

Необходимо обратить внимание на то, что именно теория интерсекциональности (теория пересечений) является своеобразным инструментом проведения глубокого исследования, анализа, разработки мер воздействия, направленных на различные виды дискриминации, а также способной одновременно и помогать понять, как различные сочетания идентичностей влияют на доступ к правам и возможностям.

«Интерсекциональность, как утверждает постмодернистская литература, в настоящее время является социальной реальностью, поэтому жизнь детей также структурирована», — указывает М. Л. Аланен [1, с. 95, 96]. Всецело поддерживая высказанную точку зрения, представляется, что социум лиц несовершеннолетнего возраста структурирован.

Так, помимо традиционных социальных микромиров (семья, образовательное учреждение, «улица» или «двор»), современные лица несовершеннолетнего возраста представлены либо, говоря точнее, «вращаются» в онлайн-социальной среде, в онлайн-социуме. Указанные социальные микромиры вовлекают лиц несовершеннолетнего возраста, создавая своеобразную систему подчиненности и привилегий несовершеннолетнего в «системе координат» каждого из таких социальных миров.

Именно подчиненность и привилегии в рамках таких социальных миров способны формировать либо оказывать значительное влияние на реализуемые права и обязанности несовершеннолетнего, а также определять избираемую им модель поведения в каждой из указанных социальных сфер. При этом лица несовершеннолетнего возраста не могут, покидая либо меняя одну сферу взаимодействия, полностью «отключиться» от систем ценностей, принципов, установок иных социальных микромиров, в которых он представлен. Таким образом, происходит определенное пересечение или наложение социальных микромиров через несовершеннолетнего.

Итак, рассуждая о познании преступности несовершеннолетних, правильно указать, что именно в подобной диалектической взаимосвязи верно

исследовать важную с позиции криминологической науки обусловленность избираемого поведения лиц несовершеннолетнего возраста, что является детерминантом противоправного, преступного поведения.

При этом только одного указания на структуру взаимосвязи будет недостаточно в целях объяснения основных, наиболее значимых характеристик преступности лиц несовершеннолетнего возраста. В данном контексте верно применить детерминистский подход. Именно исходя из потенциала, заложенного в детерминистском подходе, становится возможным объяснить, почему среди лиц одной социально-возрастной либо профессиональной группы, находящейся под влиянием одинаковых криминогенных факторов, зарождается или, напротив, блокируется преступное поведение.

Применение теории интерсекциональности (теории пересечений) делает возможным осуществление диагностики содержания взаимодействия офлайн (реальной) социальной среды, онлайн социальной среды и личности, обуславливающего неправомерное и преступное поведение. Данные положения обладают значительной актуальностью в отношении общих задач науки криминологии и практики. Также и в вопросах организации эффективного, отвечающего современным реалиям системы мер, субъектов предупреждения преступности несовершеннолетних они являются сверхважными.

Список основных источников

1. Аланен, М. Л. Теория пересечений и другие вызовы теоретизирования детства / М. Л. Аланен // Социологические исследования. — 2018. — № 3. — С. 95–96. [Вернуться к статье](#)
2. Geerts E., Van der Tuin I. From intersectionality to interference: Feminist on to epistemological reflections on the politics of representation / Geerts E., Van der Tuin I. // Women's Studies International Forum. — 2013. — № 41. — P. 171–178. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.98

А. А. Жайлов*преподаватель кафедры деятельности ОВД в особых условиях
Санкт-Петербургского университета МВД России***В. А. Леонов***старший преподаватель кафедры деятельности ОВД в особых условиях
Санкт-Петербургского университета МВД России*

**О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НОСИМЫХ
ВИДЕОРЕГИСТРАТОРОВ ПРИ ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВОПОРЯДКА
ВО ВРЕМЯ ПРОВЕДЕНИЯ ОФИЦИАЛЬНЫХ МАССОВЫХ
МЕРОПРИЯТИЙ, А ТАКЖЕ ПРИ ПРЕСЕЧЕНИИ ГРУППОВЫХ
НАРУШЕНИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА**

Во многих странах, в том числе и в Российской Федерации, в современных условиях работы правоохранительных органов одной из насущных проблем в их деятельности является доказывание фактов совершения противоправных деяний гражданами. К таким нарушениям законодательства относятся как преступления, так и административные правонарушения. Жители многих государств гораздо чаще стали использовать в повседневной деятельности достижения современной науки и техники по сравнению с тем, как это было десять лет назад. Так называемые гаджеты имеются у многих людей. К ним стоит отнести не только мобильные телефоны, но и компьютеры, а также прочие устройства, позволяющие вести видеосъемку, пользоваться интернетом. С их помощью пользователи имеют доступ к информации, в том числе правового характера, а также могут фиксировать действия сотрудников силовых ведомств в общественных и других местах. С учетом национального и местного законодательства того государства, где стражи порядка обеспечивают правопорядок, должна строиться и тактика их работы, включая применение технических и специальных средств, необходимых для несения службы и пресечения тех или иных незаконных действий людей.

За последние несколько лет в России и Республике Беларусь, в Европе и США, других странах стало происходить все больше официальных массовых мероприятий международного характера, а также незаконных протестных акций. В нашей стране такие действия касались в основном спортивных мероприятий, включая проведение футбольных матчей в Санкт-Петербурге UEFA EURO – 2020 летом 2021 г. Кроме того, представители полиции и Росгвардии осуществляли необходимую работу во многих регионах страны

при возникновении многочисленных групповых нарушений общественного порядка, связанных с незаконными акциями политического характера.

В указанных ситуациях возникает множество сложных вопросов, касающихся соблюдения прав и свобод человека и гражданина, а также связанных с контролем за нарядами. Для этого используются любые технические возможности. При несении службы в настоящее время используются в ОВД и Росгвардии персональные регистраторы информации, т. е. носимые видеорегистраторы: «ДОЗОР-77», «ДОЗОР-78», «СТРАЖ-05», «ПАВР-002» и другие. Несмотря на кажущуюся простоту использования носимого прибора записи информации, которая заключается в том, чтобы его закрепить на форменной одежде либо элементах экипировки и включить, существуют целый ряд сложностей.

В первую очередь надлежит рассмотреть применение данного технического устройства при несении службы во время массовых мероприятий. Вне зависимости от того, какое мероприятие проводится (футбольный матч или концерт либо иное мероприятие), исходя из конкретной марки и модели носимого устройства видеофиксации событий, существует целый ряд требований, которые надлежит выполнять пользователям. Они основаны не только на документах, касающихся их использования, но и на практике их применения. В частности, в Санкт-Петербургском университете МВД России преподавателями кафедры деятельности ОВД в особых условиях накоплен большой многолетний опыт применения перечисленных выше технических средств, поскольку принимали участие в охране общественного порядка на многих официальных массовых, публичных и других мероприятиях, а также продолжают совершенствовать тактику их применения по настоящее время. К указанным требованиям следует отнести: правовую основу их использования; соблюдение правил технической эксплуатации в зависимости от различных условий и их технических характеристик; способы ношения и крепления видеорегистраторов на форменную и другую одежду сотрудников правоохранительных органов, а также на элементах их экипировки; специфику общения представителей сил правопорядка с гражданами и между собой; особенность тактических действий, связанных с перемещением правоохранителей, имеющих при себе работающее средство видеофиксации событий, как в одиночку, так и в составе наряда, группы; меры, направленные на документирование поведения лиц, а также работу самих стражей порядка.

Стоит также помнить, что на качество записи влияют множество факторов: шум ветра; попадание на объектив камеры природных осадков в виде снега, дождя; действия, которые закрывают объектив камеры; неправильное

расположение лица, осуществляющего видеосъемку событий, исключаящее или снижающее вероятность фиксации происходящего.

При пресечении групповых нарушений общественного порядка существует большая вероятность завладения мобильным регистратором, его повреждения и утраты, а кроме того, имеются сложности в документировании с его помощью противоправных действий, поскольку при пресечении правонарушений и задержании лиц, их совершивших, не всегда эти деяния попадают в поле зрения объектива. Данная особенность касается в первую очередь правоохранителей, которые оказывают непосредственное воздействие на правонарушителей, в том числе путем применения физической силы и специальных средств. Неправильное расположение и крепление носимых приборов приводит к тому, что на записи не всегда можно увидеть нарушения со стороны людей, что нередко влияет на принятие решений о наказании правоохранителей в ситуациях, когда обжалуются их действия. Стражи порядка должны понимать, что съемки, сделанные при помощи мобильных устройств регистрации информации, могут быть использованы и против них самих при подтверждении нарушения законных требований.

С учетом того, что нередко граждане сознательно провоцируют представителей правоохранительных органов на неправомерное поведение, особенно при проведении незаконных массовых мероприятий, силам правопорядка нужно знать тактику действий в подобных ситуациях и не поддаваться на провокации. Анализируя отечественное законодательство и опыт подразделений правоохранительных органов различных стран, с учетом специфики работы полиции и Росгвардии на указанных мероприятиях следует предложить некоторые рекомендации по использованию носимого видеорегистратора при несении службы:

1. Использование носимого прибора фиксации информации следует осуществлять только на основе действующего законодательства, документов правоохранительного органа, касающихся его непосредственного использования, эксплуатации.

2. Работу мобильного регистратора надлежит осуществлять с учетом требований по его эксплуатации, предъявляемых производителем данной продукции.

3. Его крепление на форменной одежде и элементах экипировки должно быть таким, чтобы исключить его утрату при перемещениях. Для этого необходимо использовать страховочные шнуры.

4. Расположение данного портативного прибора у стража порядка должно быть таким, чтобы при общении с гражданами на видеозаписи было видно

человека от головы и до пояса при нахождении на расстоянии примерно двух-трех шагов от правоохранителя. Такое размещение позволяет в большинстве своем зафиксировать действия рук и другое противоправное поведение человека. Это достигается путем опытной апробации носимого регистратора конкретным пользователем с учетом его роста.

5. Лицу, осуществляющему видеозапись, необходимо располагаться в четверть оборота к человеку, с которым идет общение или разбирательство. Идеальный вариант крепления устройства — расположение его в районе груди. Многие сотрудники носят его на правой или левой стороне форменной одежды, крепят на погон, что с учетом мер личной безопасности является не совсем правильным, а кроме того, такие способы расположения не позволяют в некоторых случаях зафиксировать объективом регистратора происходящие события в должном объеме. В частности, при креплении его на погон или карман форменной одежды направление съемки может меняться, если осуществлять различные движения руками, вплоть до закрытия объектива частями тела и экипировкой лица, у которого имеется включенный видеорегистратор.

6. Перед заступлением на службу нарядов, имеющих носимые видеорегистраторы, необходимо проводить дополнительный инструктаж о порядке общения и действиях, особенно при разбирательстве с гражданами, поскольку любые слова и деяния, зафиксированные на них, могут быть использованы не только в защиту правоохранителей, но и против них. Игнорирование данной рекомендации может привести к привлечению стражей порядка к дисциплинарной, уголовной или иной ответственности.

7. Следует предусмотреть вариант использования дополнительных источников электропитания без остановки видеозаписи, особенно при непрерывной длительной эксплуатации при минусовой температуре окружающего воздуха.

8. Следует избегать ситуации, когда солнечный или иной свет падает на объектив камеры, поскольку в данных случаях будет затруднена фиксация обстановки.

9. При креплении на элементы одежды или экипировки объектив видеокамеры не должен смотреть вверх или вниз, особенно это характерно для приборов со съемной видеокамерой.

10. Располагаться и фиксироваться мобильное устройство должно таким образом, чтобы при всех перемещениях и движениях рук видеорегистратор не менял своего положения и угла съемки. Для этого необходимо использовать надежные крепления, например, по аналогии с креплением экшн-камеры GoPro на одежду, в том числе при помощи ремней. Также необходимо использовать

подсумки с креплением типа MOLLE для ношения видеорегистратора при несении службы на бронежилете или другой экипировке.

Перечисленные способы его расположения были использованы сотрудниками полиции и Росгвардии не только при обеспечении правопорядка на официальных массовых мероприятиях, но и во время пресечения групповых нарушений общественного порядка весной 2021 г. во многих субъектах РФ.

Затронутые отдельные аспекты применения носимых средств видеорегистрации информации являются важной составляющей в обеспечении личной безопасности стражей порядка. Данная техника позволяет наиболее эффективно ее использовать при фиксации противоправного поведения людей и осуществлении должного контроля за работой личного состава привлекаемых сил для несения службы. Предложенные рекомендации по практическому использованию мобильных видеорегистраторов не являются исчерпывающими, но нашли свое отражение в практической работе патрульно-постовой и иных служб полиции, а также сотрудников и военнослужащих Росгвардии в Санкт-Петербурге и других регионах страны.

УДК 343.575:341.45

*В. И. Каралёк**оперуполномоченный отдела по наркоконтролю
и противодействию торговле людьми криминальной милиции
УВД Бобруйского горисполкома (Беларусь)*

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ МЕР МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ БОРЬБЫ С НАРКОПРЕСТУПНОСТЬЮ

Эффективная борьба с наркопреступностью предполагает объединение усилий различных стран, в связи с чем актуальна проблема международного сотрудничества в указанной сфере. Вместе с тем существует ряд неиспользуемых возможностей такого сотрудничества.

Одной из них является создание международного центра мониторинга и регулирования ситуации в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Создание такого центра вызвано необходимостью отслеживания новых наркотиков, появляющихся в незаконном обороте как в Республике Беларусь, так и в других странах, для оперативной подготовки и внесения изменений в республиканский перечень наркотических средств и психотропных веществ, находящихся под контролем в Республике Беларусь [1, с. 85–86]. Своевременное выявление новых психоактивных веществ в соседних странах позволит с определенной степенью вероятности прогнозировать их появление через некоторое время в Республике Беларусь. Сотрудничество в форме обмена сведениями о новых наркотиках, появляющихся в незаконном обороте, предусмотрено в ряде дву- и многосторонних соглашений Республики Беларусь с зарубежными государствами, однако данная форма взаимодействия используется недостаточно. Помимо функции выявления новых психоактивных веществ, появляющихся на подпольном наркорынке, предлагаемый центр может выполнять и иные функции в сфере анализа и прогнозирования наркоситуации, легального оборота наркотиков, а также в вопросах гармонизации перечня с национальными перечнями других стран.

Другой недостаточно активно применяемой на практике формой сотрудничества является обмен образцами наркотиков, изымаемых из незаконного оборота. Данная возможность предусмотрена рядом международных договоров, согласно которым с целью установления единого источника происхождения наркотиков, изымаемых из незаконного оборота, стороны могут передавать образцы наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, изъятых из незаконного оборота, для проведения сравнительных криминалистических исследований, оперативно-розыскных мероприятий. Представляется,

что из полученных таким образом образцов наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров могут создаваться коллекции наркотиков, которые могут использоваться всеми государствами-участниками. В развитие вышесказанного выше предложения о создании международного центра предлагаем возложить на него также функции по созданию и ведению указанной коллекции и проведению исследований по запросам компетентных органов государств-участников.

Определенные правовые противоречия в механизме совместного межгосударственного противодействия наркопреступности обусловлены различиями в национальных перечнях наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, что препятствует эффективной борьбе с незаконным оборотом наркотиков на территории отдельных государств. Например, при определении возможности перевозки наркотика физическим лицом в медицинских целях в пределах границ каждого государства используется внутреннее законодательство соответствующей страны, в том числе национальные перечни наркотиков. Так, в ст. 15 Закона Республики Беларусь «О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах» определен порядок ввоза и вывоза физическими лицами наркотических средств или психотропных веществ для личного применения по медицинским показаниям [2]. Однако наркотическое средство или психотропное вещество, разрешенное к использованию в медицинских целях в одном государстве, может быть запрещено в другом, так как перечни наркотиков различаются в разных государствах. В этой связи возможно возникновение ситуации, при которой лицо, правомерно вывозящее определенное наркосодержащее лекарство из одного государства, окажется правонарушителем в другом государстве, запрещающем его легальное использование. Особо актуальной данная проблема представляется в отношениях между странами постсоветского пространства, не имеющими таможенной границы и таможенного контроля друг с другом, в связи с чем незаконность ввоза и хранения наркотиков может быть выявлена правоохранительными органами через продолжительное время после въезда на территорию такого государства. Решение данной проблемы представляется в выработке соответствующего международного договора, утверждающего перечень запрещенных к обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, единый для государств — членов региональных экономических объединений, договорившихся об отмене таможенного контроля при перемещении товаров между своими территориями. Обязанности по актуализации данного перечня полагаем целесообразным возложить на указанный выше международный центр.

Перспективным направлением развития международного сотрудничества является более широкое применение такой меры, предусмотренной Конвенцией ООН против транснациональной организованной преступности, как совместные расследования. В ст. 19 указанной Конвенции предусмотрена возможность создания заинтересованными правоохрнительными ведомствами взаимодействующих государств органов по проведению совместных расследований, действующих в каждом конкретном случае. Одной из форм реализации таких совместных расследований являются «зеркальные расследования», подразумевающие одновременное ведение в двух и более странах комплекса оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий в отношении одной и той же преступной группы, действующей на территориях задействованных в расследовании стран [3]. Использование указанной формы сотрудничества позволяет значительно снизить затраты времени и устранить правовые преграды, существующие в законодательстве разных стран, оперативно принимать необходимые меры по документированию, созданию доказательственной базы, задержанию, аресту, допросу причастных лиц и свидетелей, изобличать и привлекать к уголовной ответственности всех активных участников преступных групп независимо от их местонахождения. На наш взгляд, более широкое использование «зеркальных расследований» при международном сотрудничестве в сфере борьбы с наркопреступностью позволит повысить его эффективность.

Список основных источников

1. Воробьев, О. А. О создании центра мониторинга в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов / О. А. Воробьев, Д. Л. Харевич // Проблемы оперативно-розыскного обеспечения уголовного судопроизводства : респ. науч.-практ. конф., Минск, 5 июня 2015 г. : тез. докл. / Акад. МВД ; редкол.: А. Н. Тукало (отв. ред.) [и др.]. — Минск, 2015. — С. 84–86. [Вернуться к статье](#)
2. О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 июля 2012 г., № 408-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022. [Вернуться к статье](#)
3. Харевич, Д. Л. «Зеркальные расследования» в практике деятельности правоохрнительных органов Республики Беларусь / Д. Л. Харевич // Актуальні проблеми протидії незаконному обігу наркотичних засобів та психотропних речовин у сучасних умовах : наук. вісник Юрид. акад. М-ва внутр. справ : зб. наук. пр. — 2004. — Спеціальний випуск № 2. — С. 118–120. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.92

О. А. Коченогов*заместитель начальника кафедры деятельности ОВД в особых условиях
Санкт-Петербургского университета МВД России***Т. В. Ломыкина***командир отделения Санкт-Петербургского университета МВД России*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ УЧЕБНО-ИМИТАЦИОННОГО СТРЕЛКОВОГО ОБОРУДОВАНИЯ ПРИ ПОДГОТОВКЕ СОТРУДНИКОВ ОВД К ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Изучение аспектов личной безопасности и подготовки сотрудников ОВД к выполнению служебных задач в особых условиях, несомненно, приобретает значимость. Обеспечение и гарантированность личной безопасности сотрудников являются приоритетными задачами, стоящими перед МВД России. Данный факт обусловлен прежде всего высоким уровнем травмированности и растущим числом смертей при выполнении оперативно-служебных задач как в повседневной жизни, так и в особых условиях.

Рассмотрев ряд российских и зарубежных источников, можно сделать вывод о главных критериях, способствующих формированию и развитию личной безопасности сотрудников ОВД. К их числу относят профессиональную подготовку и способность выполнять тактические приемы, обеспечивающие замедление развития факторов, негативно влияющих на личную безопасность при выполнении служебно-боевых задач, а также уменьшение риска получения травм и иного вреда здоровью сотрудника.

Для решения проблемы некачественной подготовки сотрудников ОВД к выполнению оперативных задач по обеспечению личной безопасности в особых условиях важным условием является профессионально грамотное обучение и подготовка в различных образовательных организациях МВД России по практическим дисциплинам, к которым в первую очередь относятся «Тактико-специальная подготовка», «Личная безопасность сотрудников органов внутренних дел», а также «Первая помощь».

По нашему мнению, для эффективной отработки тактики действий сотрудников полиции в особых условиях необходимо изучить теоретические основы построения действий при возникновении данных ситуаций, но весьма значимой является практическая отработка подобных задач. В рамках образовательных организаций МВД России это можно реализовать путем приобретения учебно-имитационного оборудования «Лазертаг», которое позволит отрабатывать проблемные ситуации при выполнении оперативно-служебных задач

повышенной опасности. Такое оборудование по состоянию на 2021 год имелось лишь на базе учебных заведений высшего образования МВД России города Екатеринбурга и Москвы. Рассмотрим на примере частной методики, разработанной университетом МВД России г. Екатеринбург, эффективность применения учебно-имитационного оборудования «Лазертага».

Комплект лазертаг-оборудования ТТП64 разработан на базе массогабаритных макетов автомата Калашникова, которые полностью соответствуют ему по размерам и весу. В качестве датчиков поражения в комплекте используется головная повязка с установленными на ней приемниками электронного выстрела. Попадание и степень урона фиксирует электроника. В случае «смертельного» поражения участника оружие автоматически отключится [1]. Таким образом, данное оборудование позволит создать максимально приближенную обстановку для курсантов, что увеличит эффективность обучения и подготовки к действиям в особых и экстремальных условиях.

В своей деятельности сотрудники ОВД часто контактируют с враждебно настроенными, аморальными людьми, имеющими агрессивные установки. Вследствие этого имеют место критические ситуации, связанные с огромным риском и опасностью для жизни и здоровья, данный факт обуславливает ежеминутную готовность к решению тяжелых задач, нередко в условиях недостатка времени и с использованием огнестрельного оружия.

В современных условиях существует ряд преград, мешающих эффективной подготовке сотрудников полиции к реализации профессиональных задач. Серьезной преградой, прежде всего, является возможность использования огнестрельного оружия лишь в специализированных тирах, что затрудняет развитие значимых профессиональных навыков и в разы увеличивает риск, связанный с потерей личного состава. Поэтому применение «Лазертага» в образовательных организациях курсантами позволяет вести огонь из лазерного стрелкового оборудования в различных, порой критических ситуациях, с принятием необходимых мер по обеспечению своей личной безопасности, безопасности своих коллег, а также создает для курсантов условия восприятия, оценки обстановки и принятия решения в реальных (боевых) условиях.

Для рассмотрения эффективности применения данного оборудования во всех образовательных организациях МВД России проанализируем частную методику, разработанную Уральским юридическим институтом МВД России, которая была представлена в качестве положительного опыта методической деятельности кафедры тактико-специальной подготовки института в декабре 2020 года на заседании учебно-методической секции по образовательным программам высшего образования, проводившемся на базе Московского

университета МВД России имени В. Я. Кикотя, по результатам которого эта методика была включена в информационный бюллетень «Инновационные образовательные технологии и методики в образовательных организациях МВД России» [2]. Данный бюллетень был распространен среди всех вузов МВД России.

Основными задачами частной методики являются:

- использование, обобщение и внедрение в практику обучения передового опыта, активных методов обучения с учетом исходных особенностей обучающегося как субъекта учебной деятельности;
- построение системы обучения курсантов и слушателей по дисциплине «Тактико-специальная подготовка», которая направлена на реализацию компетенций по подготовке грамотного сотрудника органов внутренних дел.

Важно отметить, что разработанная кафедрой тактико-специальной подготовки Уральского института МВД России частная методика создана с учетом обобщенного и систематизированного опыта преподавания учебной дисциплины «Тактико-специальная подготовка» [3]. Данная разработка включает в себя ряд особенностей построения практических занятий с применением учебно-имитационного оборудования курсантами для отработки тактики действий в особых и экстремальных условиях. К вышеуказанным особенностям относят:

- воспроизведение реалистичной обстановки повышенной опасности для производства обучающимися оценки и принятия соответствующих логически верных решений;
- возможность для обучающегося вести огонь из лазертаг-оборудования «электронными» выстрелами с принятием мер по обеспечению не только своей личной безопасности, но и безопасности своих товарищей, попавших в критические ситуации;
- оценивание преподавательским составом правильности действий обучающихся в условиях изменяющейся обстановки, так как возможности комплекта позволяют хорошо видеть попадание и степень урона, нанесенного обучающемуся.

Подводя итог вышесказанному, отметим эффективность применения учебно-имитационного оборудования «Лазертаг» при подготовке сотрудников к выполнению оперативно-служебных задач при возникновении особых условий. Использование данного комплекса в образовательных организациях позволит достичь поставленных целей, адекватно воспроизводить типичные проблемные ситуации в будущем при возникновении особых условий. Занятия с использованием «Лазертага» позволят раскрыть личный потенциал каждого курсанта, оценить уровень его готовности к реальным опасным ситуациям.

Список основных источников

1. Егошин, И. В. Об опыте использования учебно-имитационного стрелкового оборудования «Лазертаг» при проведении занятий по учебной дисциплине «Личная безопасность сотрудников ОВД» в образовательных организациях системы МВД России / И. В. Егошин // Полицейская деятельность. — 2020. — № 4. — С. 18–26. [Вернуться к статье](#)
2. Егошин, И. В. Опыт использования учебно-имитационного стрелкового оборудования «Лазертаг» при проведении практических занятий в Уральском юридическом институте МВД России / И. В. Егошин // Актуальные проблемы огневой, тактико-специальной и профессионально-прикладной физической подготовки : сб. ст. V Междунар. науч.-метод. конф., Могилев, 20–21 нояб. 2020 г. / Могилев. ин-т МВД Респ. Беларусь. — Могилев, 2020. — С. 20–24. [Вернуться к статье](#)
3. Егошин, И. В. Использование учебно-имитационного стрелкового оборудования «Лазертаг» при подготовке сотрудников ОВД к действиям в особых условиях / И. В. Егошин, В. Н. Константинов // Полицейская деятельность. — 2021. — № 5. — С. 36–45. [Вернуться к статье](#)

УДК 343

О. О. Лемешевский

*преподаватель кафедры юридических дисциплин
факультета внутренних войск
Военной академии Республики Беларусь*

М. И. Шишко

*курсант 2 курса факультета внутренних войск
Военной академии Республики Беларусь*

ПРИЧИНЫ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ: ИНТЕРНЕТ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ

Молодежь — будущее страны и самая активная часть населения. Молодым людям государство предоставляет большие возможности для самореализации и раскрытия потенциала, однако излишняя активность может быть направлена и на нарушение закона.

Необходимо отметить, что среди 137 государств по уровню преступности Республика Беларусь занимает 27-е место [1]. Это умеренный уровень преступности, однако определенное число этих правонарушений составляет преступная деятельность среди молодежи. По данным судебной статистики, составляемой Верховным Судом на 2020 год, за совершение различных преступлений осуждено 605 несовершеннолетних [2]. Молодежь в основном привлекается за убийство (ст. 139 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК)), кражу (ст. 205 УК), грабеж (ст. 206 УК), разбой (ст. 207 УК), изнасилование (ст. 166 УК), незаконный оборот наркотических средств (ст. 328 УК) [3].

Необходимо подчеркнуть, что возрастной ценз молодых людей, привлекаемых по вышеуказанным статьям, — от 19 до 29 лет включительно. Причины ухода молодых людей в криминал имеют комплексный характер. В первую очередь это образ жизни, окружение. Безусловно, сотрудники ОВД выполняют свои обязанности по пресечению и предотвращению преступной деятельности на высоком уровне. В данном случае необходимо работать не с последствиями и раскрытием совершенного преступления, а с причинами преступной деятельности молодежи.

Мышление подростка, его характер формируются в раннем возрасте, когда он наиболее восприимчив к различного рода воздействиям. Исходя из этого необходимо правильно построить профилактическую работу и выявить факторы влияния, которые способствуют росту преступной деятельности среди молодежи. Первым фактором будет являться семья, так как она сильно воздействует на развитие человека и его характер.

Существуют следующие типы потенциально опасных семей:

1. Социально опасная семья. Это семья, в которой процветает домашнее насилие, алкоголь в ней является неотъемлемой частью, а воспитанием ребенка никто не занимается.

2. Занятая семья. Родители увлечены лишь собой, карьерой, хобби, уделяют все свое время на личные потребности. Педагогическим воспитанием детей в семье никто не занимается, роль родителей занимают гаджеты.

3. Гиперопекаемая семья. Характеризуется чрезмерной опекой ребенка, жесткими рамками с целью дать ребенку все самое лучшее и от всего его уберечь, запретами во всем и наказанием за малейшие проступки.

Огромное влияние также оказывают и сверстники. Компания, в которой находится ребенок, может иметь различные интересы. Контроль среды, в которой находится ребенок, — тоже работа родителей. Одновременно вступает в формирование личностных качеств педагогический состав, который обучает ребенка и попутно его воспитывает и должен замечать явные и видимые нарушения в поведении ребенка и реагировать на них.

Нарушения в поведении ребенка могут быть следующими:

- 1) полное нежелание учиться;
- 2) постоянно усталый вид;
- 3) чрезмерная пугливость;
- 4) прогулы занятий;
- 5) не трезвый вид;
- 6) неопрятный внешний вид;
- 7) закомплексованность.

По приведенным критериям учитель с высокой вероятностью сможет, проанализировав поведение ученика, понять, чем он увлечен. И в случае выявления пагубного воздействия сможет принять меры.

В современных условиях на личность также влияют интернет и социальные сети, являясь одним из основных источников информации, а также площадкой для общения. Несмотря на это, в интернете присутствует огромное количество негативной и пагубно влияющей информации, сопровождающейся отсутствием контроля.

Присутствие в интернете возможно разделить на следующие типы:

1. Серфинг Интернета в поисках интересующей информации.
2. Просмотр социальных сетей и видео-хостингов с целью просмотра развлекательных программ.
3. Компьютерные и мобильные игры.

Кроме того, присутствие в Интернете молодых людей может привести к посещению негативных и криминальных площадок, которые безусловно могут повлиять на их мировоззрение, например:

- Различные призывы деструктивных телеграмм каналов.
- Смертельные группы и чаты, призывающие детей к суициду.
- Призывы популярных в определенных кругах блогеров и музыкантов к экстремистской деятельности.
- Стремление стать похожим на своего кумира, который пропагандирует алкоголь, наркотики, беспорядочные половые связи.
- Распространение наркотиков через интернет.

Для того чтобы контролировать молодых людей в Интернете, необходимо грамотно ограничить не только время посещения Интернета, но и сузить круг просматриваемой информации.

Таким образом, необходимо отметить, что Интернет является одним из основных факторов влияния на несовершеннолетнего и формирует его характер. Из этого следует, что контроль моральных качеств, на которые воздействует Всемирная сеть, является профилактикой преступной деятельности среди молодежи и существенно сузит количество преступлений, тем самым уменьшит нагрузку на сотрудников ОВД. В Республике Беларусь всегда грамотно реагировали на все вызовы и угрозы. В частности, для минимизации проведенного времени в интернете молодыми людьми на территориях войсковых частей внутренних войск МВД Республики Беларусь созданы военно-патриотические клубы, где ребята изучают военные предметы, рукопашный бой, азы медицинской подготовки. Белорусский республиканский союз молодежи проводит большое количество мероприятий, направленных на информационное просвещение, а также на патриотическое воспитание. На государственном уровне утверждена программа патриотического воспитания населения на 2022–2025 годы. Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что лучшая борьба с преступностью — это профилактика. И она добросовестно ведется в Республике Беларусь всеми должностными лицами.

Список основных источников

1. Рейтинг стран по уровню преступности [Электронный ресурс] // NONNEWS. — Режим доступа: <https://nonews.co/directory/lists/countries/crime-index>. — Дата доступа: 19.01.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
2. Данные судебной статистики за 2020 год об осужденных несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Верхов. Суд Респ. Беларусь. Интернет-портал судов общей юрисдикции Респ. Беларусь. — Режим доступа: http://www.court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/children/ef9e3be7a0bd45f7.html. — Дата доступа: 19.01.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.918

*Н. Г. Новоселов**старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности
Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗАКЛАДЧИКА КАК СБЫТЧИКА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

Сегодня каждый гражданин общества не представляет себе жизни и деятельности без использования информационно-коммуникационных технологий, которые вошли в обыденную действительность каждого члена социума.

Несомненно, использование информационно-коммуникационных технологий позволяет активно развиваться каждому человеку, получать новые знания, общаться между собой и в последнее время, в период пандемии, активно осуществлять свою трудовую деятельность. Не остались современные информационные технологии и без внимания наркопреступников, которые адаптировали свои преступные схемы к информационному пространству.

Характерными особенностями преступлений в сфере оборота наркотиков с использованием информационно-коммуникационных технологий являются: высокий уровень латентности; использование в качестве орудий совершения преступления компьютерных систем и специальных технических средств; мобильность деятельности; достаточно широкая география распространения наркотических средств и психотропных веществ; анонимность и конспиративность действий преступников; наличие профессиональных и специальных знаний у них; сложность выявления и раскрытия.

Одним из основных направлений деятельности членов организованных преступных групп по бесконтактному сбыту наркотических средств и психотропных веществ является активная вербовка новых работников преступных интернет-магазинов и в первую очередь закладчиков.

Закладчиками являются, как правило, молодые люди в возрасте от 17 до 28 лет, не имеющие постоянного источника доходов, стремящиеся быстро и без серьезных усилий получить большую прибыль. Размер их месячной заработной платы составляет в среднем 50–100 тыс. рублей и напрямую зависит от объема выполненной работы (от количества заложенных тайников).

Трудоустройство происходит путем переписки в мессенджере, где будущему работнику подробно описывается суть его деятельности, которая на первоначальном этапе заключается, как правило, в фасовке и закладке наркотиков в тайники. При получении согласия на совместную деятельность работодателю

предоставляется копия паспорта или залог денежных средств, как правило, в размере 30–50 тыс. рублей.

Далее закладчику необходимо пройти анкетирование, соответствующую программу обучения и ознакомиться с должностной инструкцией. График работы устанавливается в зависимости от требований интернет-магазина, но в целом, как правило, с 04:00 до 12:00 часов.

К основным обязанностям закладчика относятся следующие:

- В специальных местах, указанных куратором магазина, забирать мелкооптовые партии наркотических средств, расфасовывать товар и помещать в тайники, ранее отысканные и не привлекающие внимания людей.

- Соблюдать правила упаковки товара, которые предписывают фасовать наркотики в пакеты Zip-Lock, которые должны быть обернуты в пыле- и водонепроницаемый материал (фольгу, полиэтилен и др.) и помещены в упаковки от чипсов, сигаретные пачки, банки и др.

- Соблюдать требования к подготовке и оборудованию тайников. Рекомендуется подбирать места закладок наркотических средств в светлое время суток, фотографировать их панорамной съемкой, максимально точно и подробно описывать эти места. На рекогносцировку не рекомендуется выходить с наркотическими средствами, а оборудовать тайники закладками предписывается в ночное время. Тайники должны обеспечить надежность хранения и отсутствия возможности механического или погодного повреждения вплоть до реализации. При подыскивании тайников проявлять творческий подход, исключив однотипное и однообразное их оборудование [1].

- Использовать отдельный мобильный телефон («Айфон» или «Андроид») только для работы с установленным на нем приложением «Тор» и передачи сообщений OTR-шифрованием. При этом обязательным условием должно являться то, что сим-карта должна приобретаться на совершенно постороннего человека либо должна быть вовсе обезличена.

- При оборудовании тайников не одевать яркую и бросающуюся в глаза одежду. Использовать в гардеробе черно-серую цветовую гамму.

- В своей речи употреблять словосочетания двойственного толкования, смысл которых известен и понятен своему определенному кругу (например, «соль», «травы», «шоколад» и др.).

- Постоянно проводить смену учетных записей, используемых в работе.

Также необходимо отметить, что организаторами данного преступного бизнеса активно применяется комплекс методов стимулирования работников через систему мер поощрения и наказания. Сотрудники, которые зарекомендовали себя с положительной стороны, могут быть повышены в должности, им

может быть увеличена зарплата. И соответственно, к работникам, которые нарушили предписываемые требования, могут применяться меры наказания (как правило, на них накладываются штрафные санкции) [2].

Таким образом, знания некоторых особенностей в деятельности закладчиков позволят сотрудникам полиции выявлять данных лиц среди общей массы населения, правильно проводить оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия, а также эффективно использовать силы и средства органов внутренних дел.

Список основных источников

1. Ким, Д. В. Раскрытие и расследование незаконного сбыта наркотических средств, совершенного с использованием сети Интернет : учеб. пособие / Д. В. Ким, А. В. Климачков, А. В. Шебалин. — Барнаул : Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2017. — 44 с. [Вернуться к статье](#)
2. Лашенко, Р. А. Преступность в сфере информационных и телекоммуникационных технологий / Р. А. Лашенко // Проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. — Воронеж : Воронеж. ин-т МВД России. — 2021. — № 7. — С. 57–63. [Вернуться к статье](#)

УДК 378.6

*Д. Л. Петрашев**преподаватель кафедры деятельности ОВД в особых условиях
Санкт-Петербургского университета МВД России**К. В. Третьяк**слушатель 5 курса факультета подготовки сотрудников полиции
для подразделений по охране общественного порядка
Санкт-Петербургского университета МВД России*

**ПРОХОЖДЕНИЕ СЛУЖБЫ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ: ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ
АСПЕКТЫ МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ
СЛУЖЕБНО-ОПЕРАТИВНЫХ ЗАДАЧ**

Обращаясь к Федеральному Собранию Российской Федерации, Президент В. В. Путин в начале своей речи сказал: «Нам нужно быстрее, не откладывая, решать масштабные социальные, экономические, технологические задачи, перед которыми стоит страна. Их содержание и ориентиры отражены в национальных проектах, реализация которых требует нового качества государственного управления, работы Правительства, всех уровней власти, прямого диалога с гражданами» [1]. Не вызывает сомнения тот факт, что успешная реализация национальных проектов и достижение нового качества государственного управления и работы аппаратов власти невозможны без эффективного изменения на всех уровнях их кадровых аппаратов, без комплексного изменения сознания сотрудников органов государственной власти.

По мнению отдельных ученых, рассмотрение кадровой политики в органах внутренних дел невозможно осуществлять в отрыве от государственной службы в правоохранительной сфере и кадровой политики в Российской Федерации в целом. Можно сказать, что она является неотъемлемой частью государственной кадровой политики.

Система управления в органах внутренних дел является составным элементом общего управления, осуществляемого в государственных органах исполнительной власти Российской Федерации. К числу важных государственных задач, решаемых ею, можно отнести модернизацию кадровой политики органов внутренних дел в целом и повышение эффективности подготовки квалифицированных кадров, что неразрывно связано с морально-психологическим состоянием личного состава.

Следует отметить непреходящую потребность государства в функционировании правоохранительных органов, в частности, органов внутренних дел, способных эффективно противодействовать всему спектру правонарушений и другим негативным проявлениям в обществе, что напрямую зависит от качественного состояния и качественных характеристик сотрудников этих органов, развивающихся постоянно в процессе непосредственного прохождения службы.

Весь период службы сотрудника органов внутренних дел характеризуется разнообразностью и изменчивостью. Именно поэтому высококвалифицированный сотрудник должен быть готов к выполнению своих служебных обязанностей в различных условиях.

Одним из таких условий являются особые условия. В ст. 35 Федерального закона № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» раскрываются элементы, входящие в указанное понятие. Исходя из толкования данной статьи, к ним можно отнести:

1. Период действия военного или чрезвычайного положения.
2. Период проведения контртеррористической операции.
3. Условия вооруженного конфликта.
4. Обстановку при ликвидации последствий аварии, катастроф природного и техногенного характера и других чрезвычайных ситуаций [2].

Так, законодателем определяется список условий, относящихся к особым, однако, вводя в ст. 35 вышеназванного Федерального закона фразу «и других чрезвычайных ситуаций», данную норму можно подвергнуть расширительному толкованию.

По мнению ученого А. Ф. Майдыкова, «под особыми условиями следует понимать повышенную по степени опасности и последствиям для жизни и здоровья людей, сохранности материальных культурных ценностей, нормальной деятельности предприятий, организаций и учреждений обстановку (состояние), вызываемую событиями (явлениями) природного, биологического, техногенного и социального характера и требующую от органов внутренних дел для ее нормализации специальных правовых, организационных, тактических мер и их ресурсного обеспечения» [3].

Необходимо понимать, что особые условия предполагают необходимость внедрения в повседневную деятельность сотрудника органов внутренних дел совокупности различных обязательств и запретов, которые тесно связаны с ограничением прав, свобод и законных интересов человека.

Являясь представителем власти и гарантом законности, сотрудник полиции в период особых условий должен мобилизовать в первую очередь себя. Это необходимо для того, чтобы появилась возможность донести до граждан сущность запретов и ограничений. Однако знания и понимания сотрудником ОВД нормативной правовой базы, по нашему мнению, недостаточно. Важным представляется эффективно и грамотно донести до населения сущность и необходимость аспектов особых условий, что невозможно без должной морально-психологической подготовки сотрудника органов внутренних дел. К каждому гражданину требуется индивидуальный подход, предусматривающий установление прочного психологического контакта. Именно поэтому каждый сотрудник представляется нам как психолог. Он должен быть в глазах гражданина авторитетным и компетентным представителем власти. В первую очередь, сотрудник — это человек, и общается он также с людьми. Установление надежного психологического контакта обеспечивает сотруднику решение большей части поставленной перед ним оперативной задачи. Именно поэтому очень важно, чтобы морально-психологическая подготовка осуществлялась на каждом уровне, включая соблюдение выполнения действий, требуемых от своего личного состава, в том числе и самим руководителем, ответственным за организацию и проведение морально-психологической подготовки своего подразделения.

В соответствии с Порядком организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации (далее — Порядок), в перечень задач, стоящих перед руководителями, включаются [4]:

1. Разъяснение сотрудникам требований нормативно-правовых актов различных субъектов власти.
2. Формирование у сотрудников понимания высокой общественной значимости в выполнении задач в особых условиях.
3. Воспитание у сотрудников различных положительных качеств, а также чувства ответственности, проявляющегося в понимании соблюдения требований служебной дисциплины и законности.
4. Сплочение служебных коллективов на основании чувства патриотичности и понимания необходимости служения Отечеству, верности служебному долгу и Присяге сотрудника ОВД РФ, соблюдения конституционных прав и свобод граждан.
5. Поддержание высокого уровня профессионализма при выполнении поставленных задач, укрепление морально-психологической устойчивости сотрудника ОВД и готовности к действиям в кризисных ситуациях.

6. Разъяснения личному составу социальных гарантий, мер социальной поддержки, предусмотренных для тех сотрудников, которые выполняют задачи в особых условиях.

7. Проведение различных мероприятий, акций, направленных на подготовку сотрудника к умелым и правильным действиям в различных условиях обстановки, принятию быстрого и рационального решения в той или иной ситуации.

Более того, в разделе III Порядка одним из направлений психологической работы является психологическое выполнение оперативно-служебных задач, включая деятельность в особых условиях, что в очередной раз доказывает важность подготовки сотрудника к действиям как в повседневной деятельности, так и при наступлении кризисных ситуаций.

Однако, на наш взгляд, данного нормативного закрепления недостаточно: на сегодняшний день не сформулировано понятие морально-психологического обеспечения деятельности сотрудников органов внутренних дел в период введения особых условий. Более того, отсутствуют нормативно регламентированные положения и рекомендации для личного состава органов внутренних дел в рамках действий сотрудников полиции в период самих особых условий и по их завершении.

Нет сомнений в том, что в особых условиях возрастает необходимость поддержания и мобилизации у всего личного состава таких морально-психологических качеств, как психологическая устойчивость, патриотизм, активное противостояние стресс-факторам, верность и преданность делу..

Одним из ключевых этапов в формировании общественного мнения и доверия к органам внутренних дел является взаимодействие сотрудника с населением, которое проявляется в оказании компетентной помощи, этичном и профессиональном поведении по отношению к гражданам.

Эффективно реализованное морально-психологическое обеспечение охватывает и оказывает влияние на весь спектр деятельности, осуществляемой сотрудником как представителем власти, и на его личностные показатели в том числе.

Исходя из вышесказанного, мы можем прийти к выводу о том, что морально-психологическую подготовку сотрудников органов внутренних дел следует проводить поэтапно.

Во-первых, подготовительный этап охватывает период, когда обстановка на определенной территории характеризуется наибольшей напряженностью. В это время целесообразно, на наш взгляд, проводить разъяснения законодательства и его отдельных положений, укреплять моральный дух коллективов,

формировать функциональные группы по принципу их психологической совместимости, возможностей умелого и грамотного руководства и сплоченности коллектива в целом, дабы избежать конфликтных ситуаций внутри него.

Во-вторых, большинство мероприятий следует проводить с момента, когда особые условия уже наступили. Проводимые мероприятия должны быть направлены на повышение стойкости личного состава к действиям в наиболее распространенных стрессовых ситуациях, на формирование умений и навыков, способствующих успешному выполнению оперативно-служебных задач.

В-третьих, по окончании периода введения особых условий считаем правильным сотрудникам, применившим физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие, оказывать дополнительную психологическую помощь. Важно, чтобы эта помощь носила не разовый характер, а продолжалась некоторое время в зависимости от состояния каждого сотрудника, то есть здесь необходима разработка и применение индивидуального подхода.

Для успешного выполнения возложенных на сотрудника полиции обязанностей он должен иметь высокий уровень самообладания и быть эмоционально устойчивым к изменяющимся обстоятельствам.

Таким образом, особые условия, которые складываются на определенной территории в определенное время, могут явиться причиной непосредственной угрозы жизни и здоровью граждан и безопасности государства, а значит, и сотрудника полиции, стоящего на передовой [5]. Особые условия могут сопровождаться насилием, обстановкой незащищенности, повышенной опасности и, конечно, высокими психическими нагрузками. Несомненно, указанные факторы оказывают влияние на морально-психологическое состояние каждого сотрудника органов внутренних дел. Именно мероприятия морально-психологического обеспечения призваны предотвратить негативные последствия ситуаций, которые возникают в процессе развития особых условий.

Список основных источников

1. Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/62582>. — Дата доступа: 23.11.2021. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
2. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон от 30 нояб. 2011 г. № 342-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2022. [Вернуться к статье](#)
3. Майдыков, А. Ф. Предмет, задачи и система курса управления органом внутренних дел в экстремальных условиях / А. Ф. Майдыков. — М. : Акад. МВД России, 1989. — С. 9. [Вернуться к статье](#)
4. Вопросы организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] : приказ

МВД России от 25 дек. 2020 г. № 900 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2022. [Вернуться к статье](#)

5. Позднышев, А. Н. Институт государственной службы в сфере обеспечения общественной безопасности (теоретико-методологические проблемы) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / А. Н. Позднышев. — М., 2013. — 402 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.412.2:343.343.6

*А. В. Скоробогатый**оперуполномоченный отдела уголовного розыска
отдела внутренних дел Жлобинского райисполкома*

СООТНОШЕНИЕ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ И ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ

В настоящее время во многих государствах мира происходят сложные миграционные процессы, сопровождающиеся совершением таких сходных общественно опасных действий, как организация незаконной миграции и торговля людьми. Важное значение имеет правильное разграничение указанных преступлений, поскольку ошибки в данном вопросе могут повлечь за собой отрицательные последствия в виде неправильной квалификации действий виновных лиц и ошибок при определении статуса пострадавших.

Сходство между транснациональной торговлей людьми и организацией незаконной миграции выражается в наличии корыстного мотива, поскольку торговцами людьми и организаторами незаконной миграции движет жажда наживы [1, с. 193]. Организаторами преступлений данных видов могут выступать одни и те же лица, а каналы незаконной миграции — использоваться для перемещения жертв торговли людьми. При этом полноструктурный механизм торговли людьми, сопряженной с вывозом за пределы стран проживания жертв, включает в себя выполнение различных функций в разных государствах, в связи с чем осуществляется несколькими лицами с распределением ролей, как правило, под единым руководством. Данная структурная иерархия обеспечивает быстрое восполнение потерь преступной группы в случаях задержания ее отдельных членов, непрерывное функционирование и воспроизводство организованной преступности [2; 3].

Как незаконная миграция, так и торговля людьми чаще всего связаны со сложным экономическим положением людей в стране проживания, бедностью, неудачными попытками найти работу или обеспечить достойный уровень жизни. В этой связи лица, первоначально въехавшие в страну назначения как незаконные мигранты, под воздействием применения к ним насилия или других форм принуждения, обмана, злоупотребления доверием или из-за уязвимости положения могут становиться жертвами торговли людьми. При выявлении таких лиц сотрудникам правоприменительных органов трудно сразу дать правильную квалификацию выявленному преступлению. Вследствие этого практика идет по пути возбуждения уголовного дела по факту организации

незаконной миграции с последующей возможной переквалификацией на торговлю людьми при обнаружении достаточных подтверждающих данных.

Жертвы торговли людьми являются важными свидетелями или потерпевшими по уголовным делам о торговле людьми, от их показаний зависит дальнейшая возможность привлечения виновных лиц к ответственности. Значимость показаний незаконных мигрантов, как правило, ограничивается решением задачи установления лиц, осуществивших их незаконное перемещение через границу, которая может быть решена на первоначальном этапе расследования, после чего потребность в дальнейшем пребывании незаконных мигрантов на территории страны отпадает и они могут быть депортированы в связи с нарушением правил въезда [4].

Важным признаком, отличающим торговлю людьми от организации незаконной миграции, является наличие цели эксплуатации (трудовой, сексуальной или иной), а также зависимости жертвы от торговца людьми. При организации незаконной миграции цель эксплуатации отсутствует и отношения между мигрантом и преступником чаще всего прекращаются после пересечения границы либо получения последним денег. Нелегальные мигранты чаще всего не подвергаются физическому или сексуальному насилию, применяемому в отношении жертв торговли людьми [5, с. 25–27].

Согласие жертвы торговли людьми достигается применением определенных мер воздействия со стороны преступника, в то время как незаконные мигранты очень часто по собственной инициативе стремятся к выезду в другое государство [3; 5, с. 25–27; 6]. Этот аспект важен с точки зрения заинтересованности жертв торговли людьми в даче показаний против преступников, в отличие от незаконных мигрантов, которые такую заинтересованность не проявляют. Вместе с тем организация незаконной миграции зачастую совершается способами, представляющими опасность для жизни или здоровья незаконных мигрантов, например, в результате жестокого или унижающего их достоинство обращения и т. д. Оказание помощи таким лицам является оправданным, а в отношении них по аналогии с торговлей людьми полагаем обоснованным использование термина «жертва незаконной миграции».

Таким образом, сходство между организацией незаконной миграции и торговлей людьми выражается в наличии корыстного мотива в действиях виновных лиц, которыми часто выступают члены международных организованных групп, использующих каналы незаконной миграции для перемещения жертв транснациональной торговли людьми. Этому способствуют сходные детерминанты данных видов преступности, негативно воздействующие на одни и те же группы населения. В то же время имеются важные различия

между рассматриваемыми видами преступлений, выражающиеся в отсутствии посягательства на личную свободу мигранта, присутствующего в случае совершения торговли людьми. В отличие от незаконной миграции, жертвы торговли людьми подвергаются определенному воздействию со стороны преступников с целью стимулировать принятие ими решения о выезде в страну назначения. Считаем целесообразным ввести в научный оборот термин «жертва незаконной миграции» для обозначения лиц, подвергшихся воздействию, представляющему опасность для жизни или здоровья незаконных мигрантов. Законодательное закрепление возможности оказания помощи таким лицам будет способствовать их более активному вовлечению в процесс уголовного преследования организаторов незаконной миграции.

Список основных источников

1. Проблемы предупреждения отдельных видов преступности : монография / Н. И. Ретнева [и др.] ; под общ. ред. В. А. Ананича. — Минск, 2017. — 385 с. [Вернуться к статье](#)
2. Харевич, Д. Л. О распределении ролей в преступных группах, занимающихся торговлей людьми с вывозом за пределы государства [Электронный ресурс] / Д. Л. Харевич // Правовая культура в современном обществе : сб. науч. ст. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Могилев. ин-т М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. — Могилев, 2018. — С. 384–385. [Вернуться к статье](#)
3. Ретнева, Н. И. Новеллы уголовного закона и эффективность противодействия торговле людьми в Республике Беларусь: постановка проблемы / Н. И. Ретнева, И. В. Козелецкий // Право.by. — 2016. — № 2. — С. 64–68. [Вернуться к статье](#)
4. Харевич, Д. Л. Некоторые криминологические аспекты отграничения торговли людьми от организации незаконной миграции / Д. Л. Харевич // Актуальные вопросы уголовно-исполнительного права и криминологии : Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 26 мая 2017 г. : тез. докл. / Акад. МВД Респ. Беларусь ; редкол.: В. А. Ананич (отв. ред.) [и др.]. — Минск, 2017. — С. 171–174. [Вернуться к статье](#)
5. Уголовная ответственность за посягательства на личную свободу человека : пособие / Н. И. Ретнева [и др.] ; под общ. ред. Э. А. Саркисовой, Н. И. Ретнёвой ; Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. — Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2016. — 138 с. [Вернуться к статье](#)
6. Харевич, Д. Л. О некоторых способах воздействия на потерпевшего по делам о торговле людьми / Д. Л. Харевич // Вестн. Полоц. гос. ун-та. — Сер. D. — 2018. — № 5. — С. 179–184. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.97

М. В. Советова

*научный сотрудник отделения организации научно-исследовательской
деятельности научно-исследовательского отдела
Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина*

ПРОБЛЕМА СКУЛШУТИНГА В РОССИИ: ДЕТЕРМИНАНТЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Значительное число случаев массовых убийств, совершаемых подростками в образовательных организациях, которые в последние годы столь часто освещаются в средствах массовой информации, способствовали тому, что проблема скулшутинга стала серьезной угрозой общественной безопасности. Анализ последних случаев скулшутинга в России (11 мая 2021 года в г. Казани, 20 сентября 2021 года в г. Перми) указывает на специфическую особенность данной формы криминального поведения — ее практически непрогнозируемый латентный характер и высокую степень общественной опасности, т. к. чаще всего жертвами становятся дети.

Изначально проблема скулшутинга рассматривалась в контексте деструктивной идеологии «Колумбайна», которая, как известно, ведет свою историю с 20 апреля 1999 года, когда двое учеников старших классов совершили вооруженное нападение на школу «Колумбайн» в штате Колорадо США, которое закончилось криминальным суицидом нападавших и повлекло значительные жертвы среди обучающихся. Сегодня скулшутинг превратился в одну из распространенных форм подростковой делинквентности.

На сегодняшний день отечественной наукой только предпринимаются попытки осмысления данной проблемы, и первоочередным шагом в данном направлении является поиск закономерностей, причинно-следственных связей, позволяющих выявить детерминанты данного явления.

В современной науке криминологии сформировалось общее мнение [1, с. 13], которое позволяет рассматривать комплекс причин массовых убийств в образовательных организациях, совершаемых несовершеннолетними, в рамках двух ключевых групп:

- 1) фундаментальные причины и условия общей криминализации подростковой среды;
- 2) непосредственные причины и условия, которые послужили детерминации массовых убийств, совершаемых в образовательных организациях подростками.

Считаем, что подобная классификация в значительной степени отражает системный характер проблемы, так как она, во-первых, позволяет рассматривать скулшутинг в рамках общей картины преступности несовершеннолетних, во-вторых, способствует пониманию причин и условий скулшутинга в контексте общей картины детерминантов криминализации несовершеннолетних.

Анализ актуального состояния преступности несовершеннолетних [2, с. 40–41], а также последних криминологических исследований в данной области [3; 4] позволил нам определить в качестве ключевых причин, относящихся к первой группе, фундаментальные причины и условия общей криминализации подростковой среды:

- 1) ухудшение общей социально-экономической ситуации в стране;
- 2) негативная обстановка внутри семьи;
- 3) отрицательный пример старших;
- 4) недостатки в системе школьного воспитания и обучения;
- 5) криминогенный характер безнадзорности;
- 6) алкоголизм и наркотизация молодежи.

Конечно, существуют и иные детерминанты общего характера, продуцирующие криминализацию подростковой среды. Однако перечисленные выше факторы в большей степени коррелируют с непосредственными причинами и условиями, которые служат детерминации массовых убийств, совершаемых в образовательных организациях подростками. Рассмотрим их ниже:

- 1) субкультуризация скулшутинга;
- 2) тиражируемость данной субкультуры;
- 3) неоказание психологической помощи подросткам или несвоевременное ее оказание;
- 4) восприятие жестокости и насилия в качестве естественной модели поведения среди подростков.

Указанные факторы, так или иначе, способствуют процессу криминализации несовершеннолетних. При этом в контексте скулшутинга, на наш взгляд, особенно остро стоит вопрос о достаточном психологическом обеспечении подростков именно в период взросления и социализации в рамках образовательной организации.

Возможные сложности, с которыми может столкнуться подросток в период взросления, должны быть преодолены посредством оказания полноценной психологической или даже, может быть, медицинской помощи. И хотя до сегодняшнего дня мотивационная составляющая случаев скулшутинга исследована не в полной мере, но уже очевидно, что вопрос оказания психологической помощи подросткам стоит достаточно остро. В этой связи мы выступаем

за необходимость внедрения в образовательные организации института кризисных психологов, которые могли бы своевременно диагностировать возможные девиации и отклонения в поведении подростков и вслед за этим принимать эффективные меры по разрешению кризисных ситуаций.

Очевидно, что проблема скулшутинга в России приобретает все более системный характер, что, в свою очередь, указывает на необходимость комплексного воздействия на все возможные факторы, детерминирующие криминализацию подростковой среды.

Таким образом, нами была предпринята попытка определения как общих, так и частных факторов, обуславливающих скулшутинг в контексте общей системы преступности несовершеннолетних. Вывод, который следует из проведенного исследования, состоит, прежде всего, в том, что тщательный анализ корреляционных связей между криминальными последствиями в виде массовых убийств, совершаемых подростками в образовательных организациях, и причинами, обуславливающими данные последствия, позволит в большей степени приблизиться к исследованию феномена скулшутинга и на основании этого выработать комплексную систему выявления и предупреждения подобных ситуаций.

Список основных источников

1. Прозументов, Л. М. Общесоциальные детерминанты преступности / Л. М. Прозументов, А. В. Шеслер // Всероссийский криминологический журнал. — 2018. — № 1. — С. 12–14. [Вернуться к статье](#)
2. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2020 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2021/02/december.pdf>. — Дата доступа: 23.12.2021. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
3. Абдулмуталимова, З. М. Причины преступности несовершеннолетних / З. М. Абдулмуталимова, С. Э. Серкерев // Евразийский юридический журнал. — 2021. — № 4 (155). — С. 269–270. [Вернуться к статье](#)
4. Шумал, В. И. Преступность несовершеннолетних: причины и пути решения / В. И. Шумал, А. В. Васильев // Modern Science. — 2020. — № 3-1. — С. 254–258. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.575

Е. Е. Хохлов*преподаватель цикла общеправовых и социальных дисциплин**Центра профессиональной подготовки**им. Героя России майора милиции В. А. Тинькова**ГУ МВД России по Московской области*

МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КРИПТОВАЛЮТНЫМ ОПЕРАЦИЯМ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ПРОИЗВОДСТВА СИНТЕТИЧЕСКИХ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

Технологические инновации в экономическом секторе радикально изменили характер платежей и транзакций, а блокчейн теперь обеспечивает полуанонимизированную и децентрализованную сеть с шифрованием транзакций. Например, одна из криптовалют — биткойн (BTC) — была создана более 10 лет назад и сейчас является частью мировой экономики с рыночной капитализацией более 270 млрд долларов. Большинство существующих в настоящее время криптовалют (такие, как биткойн, Эфириум, Риппл, Биткойн Кэш, Монеро и другие, не являются переходным этапом, пустым модным словом или эзотерическим интересом технически подкованных энтузиастов) довольно быстры, дешевы и почти анонимны. Использование криптовалюты в рамках преступных схем растет, а использование этого платежного средства ускоряется. Технология блокчейн, лежащая в основе биткойна (BTC), имеет большие перспективы революционизировать многие отрасли, однако использование такой технологии в незаконной противоправной деятельности (в том числе в сфере незаконного оборота синтетических наркотических средств и психотропных веществ (далее — СНСиПВ)) рискует затормозить внедрение этой технологии и ограничить потенциальные выгоды для общества.

Лица, участвующие в незаконном производстве СНСиПВ, используют криптовалюты для перевода и получения внутри преступного сообщества. Операции, связанные с криптовалютой, достигли нового рекордного уровня в 2021 году: в течение года незаконные адреса преступного мира получили 14 млрд долларов по сравнению с 7,8 млрд долларов в 2020 году. Но эти цифры не раскрывают полной картины. Только в 2018 году в сферу незаконного оборота СНСиПВ было вовлечено криптовалютных активов на общую сумму более 600 млн долларов США.

Современный тренд — усложнение схем легализации наркодоходов. Финансовая структура наркобизнеса активно переместилась в криптосферу. Биткойны (BTC) и подобные криптовалюты обрели популярность на онлайн-

площадках теневого сегмента информационно-телекоммуникационной сети Интернет — DarkNet [1].

Ключом к обнаружению и деанонимизации незаконной деятельности в блокчейне, а также к предотвращению использования злоумышленниками криптовалют в сфере незаконного производства СНСиПВ и для финансирования своей преступной деятельности является использование специализированной криптоаналитики и *аналитики блокчейна*. Это единственный способ, с помощью которого правоохранительные органы и службы безопасности могут эффективно устранять и *смягчать многочисленные сложные угрозы*, а именно:

- *выявлять* незаконные или подозрительные транзакции и крипто-адреса;
- *отслеживать* действия в блокчейне;
- *разоблачать настоящих* лиц, стоящих за этими сделками, и привлекать их к ответственности.

Однако иметь доступ к передовым технологиям недостаточно. Это *постоянно развивающаяся* сфера, которая также включает в себя несколько сервисов, которые позволяют преступникам легче скрывать свои следы, например:

- *микшеры* — для смешивания потенциально идентифицируемых криптофондов с другими, чтобы поддержать анонимность криптовалюты;
- *Shapeshifters* — для смешивания и конвертации криптовалют из одной криптовалюты в другую;
- *криптовалютные кошельки с повышенной конфиденциальностью*, которые имеют встроенные функции конфиденциальности или безопасности, такие как анонимные браузеры TOR и/или сервисы микширования.

Таким образом, предотвращение криптофинансирования преступлений в сфере незаконного производства СНСиПВ также требует *глубокого знания* предметной области.

Объем и сложность данных в современном мире непосильны для правоохранительных органов и организаций, занимающихся вопросами безопасности. Платформы расширенной аналитики безопасности стали необходимостью для организаций, которые хотят получать ценную информацию в рамках противодействия из всех источников.

Современные меры противодействия криптовалютным операциям требуют, чтобы сотрудники правоохранительных органов, аналитики и эксперты анализировали большие объемы данных из нескольких источников для извлечения идей, доказательств и зацепок. Эти данные бывают как структурированными, так и неструктурированными и обычно хранятся разрозненно по всей организации.

Следовательно, использование уникальных аналитических платформ в противодействии криптовалютным операциям в сфере незаконного оборота СНСиПВ является одним из лучших подходов.

Аналитические платформы объединяют и анализируют данные, создавая единую картину данных независимо от источника или типа данных. Наличие этой четкой картины данных позволит правоохранительным органам и службам безопасности активно реагировать на угрозу, предоставляя ответы на различные вопросы по криптовалютным операциям.

Как мы знаем, расширенная аналитика меняет масштаб противодействия, предоставляя правоохранительным органам и службам безопасности прогнозную аналитику, которая помогает предотвращать инциденты до их возникновения. Аналитические платформы, в свою очередь, объединяют и обогащают крупномасштабные и разнообразные данные, чтобы представить четкую, логичную и связную картину и т. д.; предоставляют сотрудникам правоохранительных органов, аналитикам и экспертам современную рабочую среду, позволяющую максимально исследовать гипотезы и выявлять идеи, закономерности и скрытые связи с целостным обзором на 360°; отслеживают, помечают и предупреждают об изменениях модели с помощью настраиваемых форматов на основе искусственного интеллекта, машинного обучения и предпочтений аналитика; управляют информацией в целях безопасного сотрудничества.

Эффективному взаимодействию способствуют совещания рабочих групп по отдельным материалам, а также проводимые учебные занятия, на которых сотрудники (Федеральной службы по финансовому мониторингу Российской Федерации (далее — Росфинмониторинг)) рассказывают о новых инструментах и возможностях.

Федеральная служба безопасности (далее — ФСБ) России нацелена на развитие дальнейшего сотрудничества, в том числе в рамках подписанного в 2020 году совместного указания МВД России, Генеральной прокуратуры Российской Федерации, ФСБ России, Росфинмониторинга, Федеральной таможенной службы России «Об активизации межведомственного взаимодействия по установлению фактов легализации (отмывания) доходов, полученных от незаконного оборота наркотиков».

19 февраля 2021 года стало известно о Росфинмониторингом сервиса под названием «Прозрачный блокчейн», позволяющего отслеживать криптовалютные операции россиян.

О запуске этой системы глава ведомства Юрий Чиханчин рассказал на встрече с Президентом России Владимиром Путиным. По словам Юрия

Чиханчина, «Прозрачный блокчейн» позволит «увидеть все движения с криптовалютой, то есть попытки спрятаться за криптовалюту». Также он отметил, что сервис уже начал работу, по результатам которой «есть уголовные дела», возбужденные на территории Российской Федерации [2].

Также большим шагом в решении рассматриваемой проблемы стало принятие Федерального закона от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3], а в настоящее время — принятие Концепции законодательного регламентирования механизмов организации оборота цифровых валют [4], реализацию положений которой возможно осуществить в рамках доработки проектов федеральных законов:

1. Законопроекта № 1065710-7 «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» — 17 февраля 2021 года принят в первом чтении Государственной Думой, предусматривает обязанность декларирования сведений по операциям, связанным с использованием цифровой валюты, в случае, если сумма этих операций составит более 600 тыс. рублей, а также налоговую ответственность за непредставление в налоговые органы в установленный срок соответствующей информации об обороте средств и об остатке цифровой валюты, а также за неуплату (неполную уплату) налога по операциям, расчеты по которым осуществлялись с использованием цифровой валюты.

2. Законопроекта «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», который предусматривает административную ответственность за организацию незаконного оборота цифровых финансовых активов и нарушение правил совершения сделок с ними, а также за организацию незаконного приема цифровой валюты в качестве встречного предоставления. Рассмотрение дел об административных правонарушениях, а также составление протоколов в сфере незаконного оборота цифровых финансовых активов в рамках законопроекта отнесено к компетенции Банка России, а в сфере незаконного оборота цифровой валюты — к компетенции Федеральной налоговой службы России;

3. Законопроекта «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», который предусматривает ответственность за уклонение от обязанности декларирования сведений об операциях, связанных с использованием цифровой валюты, а также предусматривает, что совершение преступления с использованием цифровой валюты является обстоятельством, отягчающим наказание.

Данные преступления отнесены к подследственности следователей Следственного комитета Российской Федерации.

4. Законопроекта «О внесении изменений в статью 71 Федерального закона “О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма”», который предусматривает обязанность субъектов противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма направлять в Росфинмониторинг информацию об операциях с цифровыми валютами.

Список основных источников

1. Хохлов, Е. Е. Пронаркотический сегмент в сети «DarkNet»: от истоков до современности / Е. Е. Хохлов // Полицейская и следственная деятельность. — 2020. — № 2. — С. 10–31. [Вернуться к статье](#)

2. 2021: Запуск системы отслеживания транзакций с криптовалютой «Прозрачный блокчейн» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.tadviser.ru/index.php/Продукт:Прозрачный_блокчейн. — Дата доступа: 10.03.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2022. [Вернуться к статье](#)

4. Концепция законодательного регламентирования механизмов организации оборота цифровых валют [Электронный ресурс]. — Режим доступа URL: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2022/02/kriptovaliuty_kontseptciia.pdf. — Дата доступа: 10.03.2022. [Вернуться к статье](#)

УДК 316.6:343.9

М. В. Шайкова

*доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Юго-Западного государственного университета (Россия),
кандидат психологических наук*

ПСИХОЛОГО-ПРАВОВЫЕ ПАРАДИГМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ДЕЛИНКВЕНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ*

Современная концепция предупреждения преступности несовершеннолетних закреплена в документах международного сообщества. Основополагающее значение имеют, в частности, Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила 1985 г.), Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские принципы 1990 г.). Ряд важных положений, имеющих профилактическое значение, содержится и в ратифицированной Российской Федерацией Конвенции ООН о правах ребенка 1990 г.

Существенное значение для профилактики и предупреждения преступности несовершеннолетних имеют международные акты рекомендательного характера [1] — прежде всего, принятые в виде резолюций Генеральной Ассамблеи ООН (Минимальные стандартные правила ООН в отношении отправления правосудия по делам несовершеннолетних (Пекинские правила 1985 г.), Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы 1990 г.), Правила ООН, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, 1990 г.), а также Рекомендации Комитета Министров Совета Европы (например, Рекомендация R (87) 20 по проблеме общественной реакции на преступность среди несовершеннолетних).

Конституция РФ, утверждая права и свободы человека в качестве высшей ценности (ст. 2), гласит: «Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения» (ч. 2 ст. 17), так что ребенку от рождения принадлежат и гарантируются государством права и свободы человека и гражданина. Конституция гарантирует государственную поддержку семьи, материнства и детства (ч. 1 ст. 38) [2].

* Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания на 2020 г. № 085102020-0033 «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюции личности, общества и государства»

В соответствии с Конституцией РФ и международными стандартами, в 1998 г. в России принят Федеральный закон № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [3], направленный на создание правовых условий для реализации прав и законных интересов ребенка.

Несовершеннолетние правонарушители — это те, кто недостаточно усвоил ценности, социальные нормы общества, особенно в первичном коллективе — семье, школе т. п. Поэтому в силу особенностей возрастного развития предупреждение и предотвращение поведенческих нарушений требует хорошо организованной системы социальных и правовых воздействий.

По нашему мнению подростку-правонарушителю вначале необходимо оказывать психолого-правовую помощь, так как она является одним из уровней системы профилактики и играет в ней связующую роль. Модель психолого-правовой помощи имеет следующую структуру: психологическая превенция (психопрофилактика); психологическая интервенция (преодоление, коррекция, реабилитация), предупреждение и профилактика делинквентного поведения.

Условиями успешности профилактической работы мы считаем ее комплексность, последовательность, дифференцированность, своевременность. Последнее условие особенно важно в работе с активно формирующейся личностью, с подростком. В работе с развивающейся личностью Всемирная организация здравоохранения предлагает выделить: первичную, вторичную и третичную профилактику [4].

На сегодняшний день нельзя сказать, что в России создана целостная система по профилактике и предупреждению преступности несовершеннолетних. Органы и учреждения специальной профилактики работают разрозненно, не имея единого психолого-педагогического и правового подхода, и во многом ориентированы на формальный «учет и контроль» либо на карательные санкции в отношении «проштрафившихся» детей и родителей.

В России вся профилактическая работа основывается на Федеральном законе «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», который предписывает органам образования, социального обеспечения и правоохранительным органам работу со всеми несовершеннолетними, находящимися в «социально опасном положении», однако практика его реализации такова, что с несовершеннолетними, совершившими преступления и уже достигшими возраста уголовной ответственности, профилактическая работа ведется недостаточно.

Мы солидарны с П. А. Шацким, который предлагает следующую модель психопрофилактической работы для адаптации и социализации несовершеннолетних правонарушителей: организация социальной среды; информирование;

активное социальное обучение социально важным навыкам (реализуется в форме групповых тренингов); организация деятельности альтернативной девиантному поведению; организация здорового образа жизни; активизация личностных ресурсов; минимализация негативных последствий девиантного поведения [5].

С учетом вышеизложенного, мы считаем, что при профилактических действиях необходимо придерживаться определенных основ, которые разработали О. Ю. Вербина и Г. Г. Вербина. С точки зрения данных авторов, выделяются следующие основы психопрофилактики: «комплексность (организация воздействия на различных уровнях социального пространства, семьи или личности); адресность (учет возрастных, половых и социальных характеристик); позитивность информации; минимализация негативных последствий; личностная заинтересованность и ответственность участников; максимальная активность личности; устремленность в будущее» [6].

Список основных источников

1. Калмыкова, Е. А. Психолого-педагогические основы профилактики преступности несовершеннолетних (на примере Курской области) // Е. А. Калмыкова, М. В. Шайкова // Известия Юго-Запад. ун-та. — 2015. — № 1(14). — С. 61–68. [Вернуться к статье](#)
2. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : офиц. текст : с изм. от 30 дек. 2008 г. — М. : Айрис-пресс, 2013. — 63 с. [Вернуться к статье](#)
3. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ : с изм. и доп. — Режим доступа: <https://base.garant.ru/179146/>. — Дата доступа: 10.02.2022. [Перейти к источнику](#)
[Вернуться к статье](#)
4. Вдовиченко, А. А. О типах акцентуации характера у делинквентных подростков. Психологические проблемы психогигиены, психопрофилактики и медицинской деонтологии / А. А. Вдовиченко. — Л. : Север, 1976. — С. 23. [Вернуться к статье](#)
5. Шацкий, П. А. Подготовка будущих социальных педагогов к профилактике и коррекции девиантного поведения детей-сирот : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / П. А. Шацкий. — Саратов, 2008. — 211 с. [Вернуться к статье](#)
6. Вербина, О. Ю. Аутоагрессивное поведение и его профилактика / О. Ю. Вербина, Г. Г. Вербина // Проблемы современного педагогического образования. — 2017. — № 54-5. — С. 294–301. [Вернуться к статье](#)

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.8

Н. С. Вечкаев

*преподаватель кафедры организации
оперативно-розыскной деятельности
Академии ФСИН России*

А. С. Вечкаев

*адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров
Академии ФСИН России*

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ИНФОРМАЦИЯ В УИС: ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ, НАЗНАЧЕНИЕ

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что термин «оперативно-розыскная информация» используется в теории оперативно-розыскной деятельности с 80-х годов XX века. При этом одни представители науки определяют понятие «оперативно-розыскная информация» как получаемые субъектом оперативно-розыскной деятельности с помощью оперативно-розыскных мер фактические данные, содержащие в себе знания, необходимые и пригодные для использования в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства [1, с. 11].

Д. В. Гребельский рассматривал оперативно-розыскную информацию как совокупность первичных и выводных данных о лицах, причастных к подготовке и совершению преступлений, фактах преступных проявлений, состоянии оперативно-розыскных сил и средств, а также условий, в которых протекает деятельность — борьба с преступностью [2, с. 114].

Оперативно-розыскная деятельность как разновидность социальной деятельности имеет информационный характер. Она немыслима без информационных процессов и связей, составляющих основу информационного обеспечения оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы.

Оперативные подразделения учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, в соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — ФЗ «Об ОРД»), в пределах своей компетенции реализуют задачи и функции Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации по обеспечению личной безопасности осужденных, персонала исправительных учреждений и иных лиц; выявлению, предупреждению и раскрытию готовящихся и совершаемых в исправительных

учреждениях преступлений и нарушений установленного порядка отбывания наказания; розыску в установленном порядке осужденных, совершивших побег из исправительных учреждений, а также осужденных, уклоняющихся от отбывания наказания; содействию в выявлении и раскрытии преступлений, совершенных осужденными до прибытия в исправительное учреждение [3]. Осуществляя в установленном законом и подзаконными актами порядке выявление и проверку сведений о лицах и фактах, представляющих оперативный интерес, ориентированных на сугубо специфичные цели и задачи, оперативному сотруднику приходится сталкиваться с множеством событий, характеристик, явлений и процессов различного происхождения и сложности. Получение оперативно-розыскной информации представляет собой непрерывный процесс, при котором данные могут поступать к заинтересованному субъекту в разрозненном виде и лишь в совокупности нести ценную информацию.

Следует отметить, что оперативный сотрудник не всегда представляет, где и как следует организовывать деятельность по обнаружению информации о лицах и фактах, с помощью каких сил, средств и методов обеспечивать обслуживание объектов, представляющих оперативный интерес, на какие события и признаки следует обращать внимание.

Содержание оперативно-розыскной информации отличается широким разнообразием сведений, относящихся к характеристике оперативно-тактической обстановки, основных сил оперативно-розыскной деятельности, к оценке результатов их использования. Оперативно-розыскная информация отражает не только те явления, события, обстоятельства, изменения в среде, которые возникают в результате преступлений, но и широкий круг явлений, обстоятельств, событий, влияющих на преступное поведение отдельных лиц.

Получение информации о действиях, явлениях, фактах, порождающих противоправные деяния, можно рассматривать как приобретение с помощью сил, средств и методов оперативно-розыскной деятельности знаний о ранее неизвестном. При этом необходимо методически правильно и эффективно применять оперативно-розыскные средства, направленные на сбор и фиксацию информации о противоправной деятельности осужденных.

В настоящее время существует необходимость поиска новых подходов, изменения форм, средств и методов совершенствования оперативно-розыскной деятельности в учреждениях уголовно-исполнительной системы, повышения уровня ее информационного обеспечения. Получение оперативно значимой информации может заключаться не только в зафиксированных противоправных действиях, но и в получении ориентирующей информации, выявлении преступ-

ных намерений по косвенным признакам путем анализа и сопоставления с ранее полученными данными по другим каналам [4, с. 116–123].

Получение оперативно-розыскной информации следует рассматривать как комплекс специальных мер, в том числе технических, осуществляемых субъектами оперативно-розыскной деятельности, по созданию и использованию системы фактической информации в целях выполнения задач оперативно-розыскной деятельности, установленных законодательством.

Назначение оперативно-розыскной информации состоит в том, чтобы познать скрытый механизм развития противоправного поведения. С помощью имеющейся фактической информации можно не допустить преступления, принять все необходимые меры, исключающие возможность заниматься противоправной деятельностью, своевременно выявить характер противоправных замыслов и намерений осужденных, степень их общественной опасности [4, с. 154–157].

На наш взгляд, оперативно-розыскная информация — это получаемые субъектами оперативно-розыскной деятельности с помощью оперативно-розыскных и иных мер необходимые и используемые в целях решения задач оперативно-розыскной деятельности фактические данные, направленные на защиту жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств.

Выделим ряд основных видовых признаков, которыми в обязательном порядке должна обладать оперативно-розыскная информация:

- добывается субъектами оперативно-розыскной деятельности с помощью оперативно-розыскных и иных мер, предусмотренных законодательством в сфере оперативно-розыскной деятельности;
- используется с соблюдением режима, обеспечивающего конспирацию, надежную зашифровку источников, возможность проверки сообщаемых сведений и их применение только заинтересованными субъектами;
- содержит фактические данные о лицах, предметах, документах, фактах, событиях, явлениях и процессах;
- используется в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств.

В заключение можно сформулировать ряд выводов:

1. Решения задач оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе можно достичь только на основе оптимальной, точной, систематизированной оперативно-розыскной информации, сочетающей

в себе различные логически увязанные сведения, полученные из различных источников. Использование оперативно-розыскной информации позволит повысить уровень эффективности информационно-аналитического обеспечения оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе.

2. Эффективность функционирования уголовно-исполнительной системы по решению возложенных на нее задач во многом может быть обеспечена рациональным использованием полученной оперативно-розыскной информации. Результативность профессиональной деятельности оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы по предотвращению и пресечению криминальных деяний со стороны осужденных, обеспечению установленного порядка отбывания наказания невозможна без эффективной системы организации получения и реализации оперативно-розыскной информации.

Список основных источников

1. Аتماжитов, В. М. Реализация оперативно-розыскной информации : лекция / В. М. Аتماжитов. — М., 1984. — С. 11. [Вернуться к статье](#)
2. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Сенилова. — М. : ИНФРА-М, 2006. — 832 с. [Вернуться к статье](#)
3. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ : в ред. от 01.07.2021 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2022. [Вернуться к статье](#)
4. Горяинов, К. К. Оперативно-розыскная деятельность в системе исполнения и отбывания уголовных наказаний / К. К. Горяинов // Общество и право. — 2013. — 232 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.8

*Т. А. Казакова**доцент кафедры иностранных языков**Академии ФСИН России,**кандидат педагогических наук, доцент*

РЕИНТЕГРАЦИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПОДРОСТКОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

В настоящее время подавляющее число преступлений совершается лицами молодого возраста, при этом преступность продолжает молодеть. Вопросы привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности, их исправления, реинтеграции и, главное, предупреждения совершения новых преступлений с каждым годом становятся все более актуальными. Проблему подростковой преступности невозможно решить только лишь посредством применения к подросткам-делинквентам мер, связанных с лишением свободы. Основная задача пенитенциарной системы — дать подростку-делинквенту возможность исправиться и подготовиться к жизни на свободе. Прежде всего, общество должно заботиться о его перевоспитании [1, с. 215].

Важное значение в процессе перевоспитания несовершеннолетнего осужденного играет восстановительный период, во время которого он должен вновь адаптироваться к нормальным условиям жизни в социуме и найти свое место в обществе. Общество должно создать особые механизмы социальной реинтеграции несовершеннолетних осужденных. Реализация программ реинтеграции несовершеннолетних осужденных постоянно требует совершенствования посредством применения новых концепций и форм работы с несовершеннолетними преступниками, поскольку общество изменяется, как и социальные ценности, общественное поведение, идеалы, что ведет к разработке концептуально новых программ.

В настоящий период нужен определенный государственно-общественный институт — служба пробации (и/или законодательный механизм, который, в свою очередь, консолидирует работу ранее нами определенного института, ориентирующегося на благополучную социальную реинтеграцию осужденных подростков в постпенитенциарный период). Действительно, подготовка к реинтеграции должна начинаться еще до освобождения подростка-делинквента. После его освобождения меры вмешательства должны способствовать успешному освоению в обществе, в социальной среде, закреплять успехи, достигнутые благодаря социальным программам, которые применялись к нему в исправи-

тельном учреждении, и будут применяться до тех пор, пока не будет завершена успешная реинтеграция [2, с. 70]. Этот подход часто называют «сквозным уходом», общесистемным способом вмешательства [3]. Все вмешательства, независимо от их метода, лучше всего проводить в рамках комплексной программы, предназначенной для решения конкретных проблем и проблем конкретного правонарушителя. Кроме того, необходимо уделять внимание подходам к использованию личных и социальных активов для того, чтобы помочь подростку справиться со своими проблемами и успешно реинтегрироваться в обществе.

Реинтеграция делинквентных несовершеннолетних — это целенаправленный процесс восстановления социального статуса, утраченных либо несформированных социальных навыков у подростков-делинквентов и переориентации их социальных и референтных установок за счет включения в новые позитивно направленные отношения в рамках педагогически ориентированной системы превентивных и коррекционных мер. Ресоциализация несовершеннолетних правонарушителей связана с использованием комплекса мер, которые позволяют не фокусироваться на последствиях правонарушения, а воздействовать на его предпосылки. В качестве таких мер рассматриваются следующие формы работы с подростками-делинквентами: 1) индивидуальное и групповое консультирование с целью определения психологических и социально-педагогических проблем, связанных с делинквентным поведением несовершеннолетнего (включая причины, мотивировавшие вовлечение в преступную деятельность), и последующая разработка программ помощи для решения этих проблем; 2) образование, цель которого — дать несовершеннолетним возможность получить формальную академическую подготовку, повлиять на установки, ценности и поведение подростка; 3) профессионально-ориентированное обучение и подготовка [4, с. 147].

Как уже подчеркивалось ранее, основные потребности, которые должны быть удовлетворены посредством реализации программ по реинтеграции несовершеннолетних правонарушителей, связаны с образованием, занятостью, жильем, наркотиками и алкоголем, психическим здоровьем, когнитивными навыками и отношениями. В частности, наличие образования дает реальные перспективы для трудоустройства людям, стремящимся реинтегрироваться в общество. Высокодоходная занятость является одной из определяющих характеристик успешного возвращения в социум, что в значительной степени снижает вероятность возвращения индивида к противоправной деятельности.

Программы, как правило, разрабатываются на основе современного понимания динамических факторов риска, связанных с рецидивом, типичных потребностей правонарушителей и проблем, с которыми они сталкиваются по-

сле освобождения из тюрьмы. Программы варьируются в зависимости от факторов риска рецидива и типа проблем социальной интеграции, для решения которых они предназначены. Некоторые программы сосредоточены на конкретных проблемах, с которыми сталкиваются правонарушители, таких как наркомания, злоупотребление наркотиками или безработица, и многие программы реинтеграции были разработаны для конкретных категорий правонарушителей, например, для лиц, страдающих алкогольной или наркотической зависимостью, лиц, имеющих психические отклонения, либо лиц, совершивших преступления на сексуальной почве [5, с. 73].

Программы реинтеграции подростков-делинквентов могут включать в себя образование, психиатрическую помощь, лечение наркомании, профессиональную подготовку, психологическое консультирование и сопровождение. Эти программы более эффективны, если предварительно подросток-правонарушитель проходит полную диагностику своего состояния [6, с. 163]. Программы лечения от алкогольной, наркотической зависимости, по нормализации психического здоровья различаются по эффективности, и можно сказать, что ни одна из них не является универсальной. Медицинское вмешательство может не достичь своих целей, потому что не все правонарушители сразу поддаются лечению: отсутствие готовности взять на себя ответственность или слабая мотивация к переменам могут иметь большое значение. Основные потребности, которые должны быть удовлетворены посредством реализации программ по реинтеграции несовершеннолетних правонарушителей, связаны с образованием, занятостью, жильем, наркотиками и алкоголем, психическим здоровьем, когнитивными навыками и отношениями. Эти факторы риска динамичны, то есть подвержены изменениям, в то время как другие факторы риска — нет [7, с. 316].

Исправительный процесс не заканчивается освобождением из мест лишения свободы — он продолжается в социуме после выхода на свободу. Как и в исправительном учреждении, с освободившимся должна работать команда специалистов, которая включала бы социального работника, сотрудника уголовно-исполнительной инспекции, медицинских работников, волонтеров и других сотрудников, оказывающих подростку-делинквенту комплексную поддержку.

Список основных источников

1. Казакова, Т. А. Программы ресоциализации осужденных: зарубежный опыт / Т. А. Казакова // V Междунар. пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» : сб. тезисов выступлений и докл. участников. — Рязань : Акад. ФСИН России, 2021. — С. 215–219. [Вернуться к статье](#)
2. Finn, M. A. Employment Outcomes of Ex-offender Job Training Partnership Act (JTPA) Trainees / M. A. Finn, K. G. Willoughby // Evaluation Review. — 1996. — № 20. — P. 67–83. [Вернуться к статье](#)
3. Dawson, P. An Impact Assessment of the Prolific and other Priority Offender Programme (PDF Version) / P. Dawson, L. Cuppleditch. — London, UK : Research, Development and Statistics Directorate, Home Office, 2007. [Вернуться к статье](#)
4. Метлин, Д. Г. Особенности обеспечения социальной реинтеграции осужденных к тюремному заключению в зарубежных странах / Д. Г. Метлин // Аграрное и земельное право. — 2020. — № 9(189). — С. 146–148. [Вернуться к статье](#)
5. Казакова, Т. А. Особенности ресоциализации осужденных: опыт Германии / Т. А. Казакова // Пенитенциарная система России в современных условиях развития общества: от парадигмы наказания к исправлению и восстановлению : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. — Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2021. — С. 72–76. [Вернуться к статье](#)
6. Казакова, Т. А. Образование заключенных как составная часть их ресоциализации (зарубежный опыт) / Т. А. Казакова, М. И. Кузнецов // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия : сб. материалов VIII Междунар. науч.-практ. конф. — Пермь : Перм. ин-т ФСИН России, 2021. — С. 163–164. [Вернуться к статье](#)
7. Bonta, J. A Quasi-Experimental Evaluation of an Intensive Rehabilitation Supervision Program / J. Bonta, S. Wallace-Capretta, J. Rooney // Criminal Justice and Behavior. — 2000. — № 27(3). — P. 312–329. [Вернуться к статье](#)

УДК 343

С. В. Кузьменкова

*доцент кафедры правовой информатики
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук*

О НЕДОПУСТИМОСТИ ПЫТОК И ИНОГО ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С ОСУЖДЕННЫМИ

В настоящее время одна из главных задач уголовно-исполнительного законодательства Республики Беларусь состоит в том, чтобы при исполнении наказания исключались пытки и иное нечеловеческое обращение с осужденным, унижающее его достоинство.

Вопрос, связанный с пытками, возник в международном сообществе как реакция на действия представителей публичной власти, которые под предлогом государственных интересов посредством умышленно жестокого обращения с собственными гражданами, в силу определенных обстоятельств поставленными в условия принудительной зависимости от публичной власти, пытались добиться от них признания или соответствующих показаний либо вообще задавались целью наказать либо парализовать их волю, сломить физическое и моральное сопротивление, наконец, просто унижить или оскорбить [1, с. 89].

В литературе справедливо подчеркивается, что меры карательного и исправительно-трудового воздействия не должны быть направлены на унижение человеческого достоинства виновного, как и на умаление достоинства его личности [2, с. 116]. Данное правило в полном объеме распространяется и на осужденных, отбывающих уголовное наказание в исправительных учреждениях пенитенциарной системы Республики Беларусь.

В контексте запрещения пытки принцип уважения достоинства личности является кардинальным. Об этом в косвенной форме упоминается в п. 3 ст. 29 и ст. 30 Всеобщей декларации прав человека [3], а также в соответствующих статьях международных пактов о правах человека. Так, в п. 1 ст. 10 Международного пакта о гражданских и политических правах установлено: «Все лица, лишённые свободы, имеют право на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности», т. е. речь идет о гражданах, принудительно изолированных от общества в качестве наказания за совершенные преступления [4, с. 85]. Согласно ст. 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, «никто не должен подвергаться пыткам и бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию» [5, с. 89]. Полагается, что нормы уголовно-исполнительного законодательства должны

быть сформулированы так, чтобы исключалась возможность проявления пыток и жестокого обращения с осужденными.

Согласно примечанию к ст. 128 Уголовного кодекса Республики Беларусь, под пыткой понимается любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняются сильная боль, физическое или психическое страдание в целях принуждения данного лица либо третьего лица к действиям, противоречащим их воле, в том числе с целью получения от них сведений или признаний [6]. Определение пытки, изложенное в данном положении, практически полностью совпадает с ее определением в ст. 1 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания [7]. При этом в Конвенции отмечается, что никакие исключительные обстоятельства, какими бы они не были, будь то состояние войны или угроза войны, внутренняя политическая нестабильность или любое другое чрезвычайное положение, не могут служить оправданием пыток. Специально подчеркивается, что приказ вышестоящего начальника или государственной власти не является оправданием пыток. В это определение не включаются боль или страдания, которые возникают лишь в результате законных санкций, неотделимы от этих санкций или вызываются ими случайно.

Само по себе пребывание в исправительном учреждении в условиях изоляции — законная санкция, причиняющая страдания, которые не относятся к пытке. Иными словами, строгость изоляции уголовного наказания не должна перерастать в пытку.

Применение пытки в ее международно-правовом понимании осуществляется, как правило, в сфере деятельности, обеспечивающей отправление правосудия в стадии как предварительного расследования, так и исполнения приговора суда [1, с. 98]. Необходимо признать, что специфика функционирования правоохранительной и уголовно-исполнительной систем обуславливает наличие повышенной опасности нарушения прав человека.

Белорусское законодательство восприняло международно-правовые нормы, касающиеся соблюдения прав человека. Так, в ст. 25 Конституции Республики Беларусь закреплено важное положение о том, что достоинство личности охраняется государством; в развитие этого принципа отмечается, что «никто не должен подвергаться пыткам и жестокому, бесчеловечному либо унижающему его достоинство обращению или наказанию, а также без его согласия подвергаться медицинским или иным опытам» [8].

Таким образом, недопустимость пыток и других видов жестокого (бесчеловечного) или унижающего достоинство обращения в настоящее время

является конституционным принципом абсолютного большинства государств в системе правоохранительной деятельности.

Список основных источников

1. Хомич, В. М. Пытка как злоупотребление государства принципами, лежащими в основе ограничения прав и свобод человека / В. М. Хомич // Предупреждение пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения: Европейские стандарты и Республика Беларусь / В. В. Филиппов [и др.] ; отв. ред. В. В. Филиппов. — Минск : Тесей, 2004. — С. 86–98. [Вернуться к статье](#)
2. Уткин, В. А. Наказание и исправительно-трудовое воздействие / В. А. Уткин. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. — 189 с. [Вернуться к статье](#)
3. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] : [принята в г. Нью-Йорке, 10.12.1948 г.] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022. [Вернуться к статье](#)
4. Права человека: международно-правовые документы и практика их применения : в 4 т. / сост. Е. В. Кузнецова. — Минск : Амалфея, 2009. — Т. 1. — 816 с. [Вернуться к статье](#)
5. Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью : офиц. материалы // Совет Европы. — М. : Спарк, 1998. — 388 с. [Вернуться к статье](#)
6. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022. [Вернуться к статье](#)
7. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания [Электронный ресурс] : [заключена в г. Нью-Йорке 10.12.1984 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022. [Вернуться к статье](#)
8. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. — Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2017. — 62 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 342.815.14

С. Ю. Мельников

*преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности
факультета милиции Могилевского института МВД Республики Беларусь*

СООТНОШЕНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ЛИЦ, СОДЕРЖАЩИХСЯ ПОД СТРАЖЕЙ, И ОСУЖДЕННЫХ К НАКАЗАНИЯМ, НЕ СВЯЗАННЫМ С ЛИШЕНИЕМ СВОБОДЫ

Фундаментальным и центральным из закрепленных в Конституции Республики Беларусь (далее — Конституция) политических прав и свобод граждан является право на участие в решении государственных дел как непосредственно, так и через свободно избранных представителей. В свою очередь, это право по большей части реализуется через избирательное. Объем наделения избирательными правами различных категорий граждан отличается и изменяется с течением времени. Так, действующая в настоящее время редакция ст. 64 Конституции наделяет правом избирать граждан Республики Беларусь, достигших 18 лет. При этом в выборах не участвуют граждане, признанные судом недееспособными, и лица, содержащиеся по приговору суда в местах лишения свободы. Кроме указанных положений, действовавшая до проведения 27 февраля 2022 года конституционного референдума редакция рассматриваемой статьи содержала положение о том, что в голосовании не принимали участие лица, в отношении которых в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством, избрана мера пресечения — содержание под стражей [1; 2].

Общество развивается, и при современных тенденциях демократизации уже неоднократно обращалось внимание на политическое положение лиц, содержащихся под стражей [3; 4]. Как видим, данная категория граждан наделена избирательными правами, но, до вышеуказанного референдума, была лишена права голосовать. В то же время о каком-либо ограничении избирательных прав лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, в Конституции, как и ранее, не говорится. Однако, согласно ч. 7 ст. 60 Избирательного кодекса Республики Беларусь, кандидатами в Президенты Республики Беларусь, в депутаты не могут быть выдвинуты граждане, не имеющие права в соответствии с законодательством Республики Беларусь занимать должности в государственных органах и иных государственных организациях в связи с наличием судимости [5]. Другими словами, лица, осужденные к наказаниям, не связанным с лишением свободы, лишены пассивного избирательного права, по крайней мере, на период отбывания наказания, а в зависимости от ка-

тегории вмененного им преступления — на определенный срок. Так, например, согласно ст. 97 Уголовного кодекса Республики Беларусь, судимость погашается в отношении осужденного за тяжкое преступление по истечении пяти лет после отбытия основного и дополнительного наказаний [6]. Отметим, что приведенный пример является максимально возможным сроком погашения судимости лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы. О лишении последних права на участие в голосовании в законодательстве ничего не говорится. Таким образом, осужденные к наказаниям, не связанным с лишением свободы, лишаются права быть избранными и могут при этом реализовывать свое активное избирательное право.

Подводя итог, отметим, что до принятия на референдуме изменений и дополнений Конституции избирательный статус лиц, содержащихся под стражей, и лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, был зеркально противоположный. И если в пассивном избирательном статусе лица, заключенные под стражу, (как и сегодня) обладали преимуществом, то в активном — уступали осужденным к ограничению свободы и более мягким наказаниям. Принимая во внимание конституционный принцип презумпции невиновности, отметим, что такое соотношение активных избирательных прав рассматриваемых категорий лиц несправедливо по отношению к лицам, содержащимся под стражей, которые в последующем будут осуждены к наказаниям, не связанным с лишением свободы, или же оправданы. В действующей редакции Конституции эта проблема решена путем исключения из ч. 2 ст. 64 положения о запрете лицам, в отношении которых в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством, избрана мера пресечения — содержание под стражей, принимать участие в голосовании [1; 2].

Список основных источников

1. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 фев. 2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022. [Вернуться к статье](#)
2. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022. [Вернуться к статье](#)
3. Мельников, С. Ю. Проблемы конституционного регулирования круга субъектов избирательных прав / С. Ю. Мельников // Актуальные вопросы права, образования и психологии : сб. науч. тр. / Могилев. ин-т МВД ; редкол.: В. В. Борисенко (пред.) [и др.]. — Могилев, 2021. — С. 86–92. [Вернуться к статье](#)

4. Сазон, К. Д. Избирательное право в демократическом государстве: конституционное закрепление и практика реализации / К. Д. Сазон // Актуальные направления развития демократии в Республике Беларусь на современном этапе : круглый стол, посвященный 26-летней годовщине принятия Конституции Респ. Беларусь, Минск, 27 марта 2020 г. : сб. материалов / БГУ ; редкол.: Г. А. Василевич (отв. ред.) [и др.]. — Минск, 2020. — С. 49–57. [Вернуться к статье](#)

5. Избирательный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 февр. 2000 г., № 370-З : принят Палатой представителей 24 янв. 2000 г. : одобр. Советом Респ. 31 янв. 2000 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.06.2015 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022. [Вернуться к статье](#)

6. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.06.2015 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.81

Д. А. Павленко

*начальник отдела воспитательной работы со спецконтингентом
в исправительных учреждениях, следственных изоляторах
и лечебно-трудовых профилакториях
управления организации исправительного процесса
Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь*

ОБЪЕДИНЕНИЯ ПО ИНТЕРЕСАМ КАК ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РАСШИРЕНИЯ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ДЛЯ РЕСОЦИАЛИЗИРУЮЩЕЙ АКТИВНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ

В 2019–2020 гг. автором выдвинута и обоснована точка зрения, в соответствии с которой процесс исправления осужденных рассматривался как двусторонний процесс, включающий взаимосвязанные между собой процессы воспитания осужденных и их собственной активности по позитивному изменению своей личности [1, с. 274]. В дальнейшем данная гипотеза получила развитие, в результате чего сущность процесса исправления определена автором как организуемый в условиях отбывания наказания процесс планомерного оказания на осужденных воспитательного воздействия, направленного на их мотивирование к проявлению ресоциализирующей активности [2, с. 121]. Соответственно, выделено три взаимосвязанных компонента процесса исправления, образующих его содержание и имеющих единую цель — формирование у осужденных готовности к ведению правопослушного образа жизни:

условия отбывания наказания — комплекс правоограничений, установленных в отношении осужденных в связи с назначением наказания, и спектр доступных им (в рамках установленных правоограничений) возможностей для проявления ресоциализирующей активности;

ресоциализирующая активность осужденных — добровольно осуществляемая осужденными в период отбывания наказания активность, не противоречащая установленным в отношении их правоограничениям, направленная на приобретение (развитие, восстановление) социально значимых компетенций (знания, умения, навыки) и (или) преодоление (коррекция, нейтрализация) негативных черт личности (зависимости, склонности, привычки);

воспитательное воздействие на осужденных — основанное на психолого-педагогических методах воздействие на осужденных, осуществляемое для их мотивации к ресоциализирующей активности через пробуждение потребности в самовоспитании (внутренняя работа над собой) [2, с. 122].

Соответственно, проводимая с осужденными воспитательная работа должна побуждать осужденных к ресоциализирующей активности [3, с. 39]. В этом состоит одна из основных задач, решаемых при реализации в отношении каждого осужденного индивидуальной исправительной программы [4, с. 32].

Возможности для ресоциализирующей активности осужденных автор связывает с рядом средств исправления, независимо от их включения законодателем в число основных (то есть указанных в части 3 статьи 7 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь). Здесь автор утверждает, что в целях создания возможностей для проявления осужденными ресоциализирующей активности могут применяться любые институты, если это не противоречит установленному порядку исполнения и отбывания наказания. Более того, по мнению автора, на сегодняшний день именно расширение спектра возможностей для ресоциализирующей активности осужденных должно стать приоритетным направлением развития уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь [5, с. 218]. И именно на решение данной задачи направлена деятельность Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь (далее — ДИН) по внедрению в пенитенциарную практику такой формы добровольного объединения осужденных, как объединения по интересам.

Так, еще в 2019 году ДИН инициировано дополнение Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений (далее — ПВР) отдельной нормой (пункт 262 ПВР), представляющей возможность создания в исправительных учреждениях объединений по интересам в форме кружков, клубов, спортивных секций, студий, мастерских, лабораторий, оркестров, хоров, ансамблей, театров.

В 2020 году организации работы по созданию в исправительных учреждениях объединений по интересам был предан импульс в рамках разработанного ДИН Комплексного плана дополнительных коллективных воспитательных и психолого-педагогических мероприятий на 1-е полугодие 2021 года (далее — Комплексный план). Здесь отмечалось важное значение объединений осужденных по интересам как инструмента развития их мотивации к совместной деятельности, ведущей к личностному развитию. Также к Комплексному плану прилагались типовые положения о театральной студии и типовое положение о литературном клубе (кружке) исправительного учреждения, которые представляли собой основу для разработки соответствующих положений непосредственно в исправительных учреждениях.

В частности, процедура создания в исправительном учреждении любого объединения по интересам начинается с разработки службой исправительного процесса соответствующего положения, которое должно определять:

- форму объединения, его название и цели (задачи) создания;
- порядок отбора (приема) и исключения из объединения;
- основные направления, формы работы (общую организацию деятельности) объединения;
- иные вопросы, связанные с работой объединения в учреждении.

Одновременно с разработкой положения из числа сотрудников исправительного учреждения закрепляется ответственный за работу объединения по интересам, обеспечивающий планирование работы объединения на полугодие, а также контроль за участием членов объединения по интересам в его работе.

Следует отметить, что в исправительных учреждениях открытого типа и лечебно-трудовых профилакториях работа объединений по интересам организуется по аналогии с исправительными учреждениями (также в целях расширения образовательных возможностей осужденных (граждан) по совершенствованию возможностей и способностей личности).

По итогам 2021 года ДИН проанализирована практика создания и работы в подчиненных учреждениях объединений по интересам. Проведенный анализ позволил определить, что в исправительных учреждениях объединения осужденных создаются на основе общего интереса к:

- творческому развитию (например, театральные студии, литературные кружки, вокально-инструментальные ансамбли и т. п.);
- физическому (спортивному) совершенствованию (например, спортивный (шахматный, гиревой) клуб либо секция);
- формированию коммуникативных навыков (например, дискуссионный либо интеллектуальный клуб);
- преодолению зависимостей (например, клуб отказа от курения, клуб здорового образа жизни и т. п.);
- развитию социальной ответственности (например, клуб волонтерских инициатив, клуб «Школа материнства» и т. п.);
- духовному росту (например, кружок духовно-нравственного воспитания «Вера в моем сердце», клуб по изучению «Закона Божия» и т. п.).

Таким образом, при участии в работе объединений по интересам осужденные осуществляют совместную деятельность, направленную на приобретение социально значимых компетенций (знаний, умений, навыков) и конструктивного социального опыта либо преодоление негативных свойств личности (зависимостей, склонностей и привычек). При этом форма объединения опре-

деляется, исходя из характера деятельности, на основе интереса к которой оно создано. И, как показывает практика, универсальной формой объединения по интересам является кружок либо клуб, который может быть литературным, творческим, спортивным и т. п.

На основании изложенного автор считает возможным сделать следующие выводы:

1. Объединение по интересам — это добровольное объединение осужденных на основе общего интереса к определенному социально одобряемому виду деятельности, которую они осуществляют под контролем администрации исправительного учреждения в целях приобретения социально значимых компетенций (знаний, умений, навыков) и конструктивного социального опыта либо преодоления негативных свойств личности (зависимостей, склонностей и привычек).

2. Объединения по интересам должны создаваться в исправительном учреждении, исходя из особенностей личностных интересов содержащихся в нем осужденных (для выявления таких интересов возможно проведение анкетирования либо использование иных форм опроса осужденных).

3. К основным направлениям деятельности объединений осужденных по интересам следует отнести:

во-первых, развитие творческой деятельности осужденных: театральное творчество; музыкальное (вольное, эстрадное, хореографическое) творчество; художественное и декоративно-прикладное творчество;

во-вторых, развитие познавательной деятельности осужденных (*приобретение новых знаний, умений, навыков и конструктивного социального опыта*): изучение литературы; освоение социально значимых компетенций (изучение иностранного языка и т. п.); приобщение к духовно-нравственным ценностям; развитие эрудиции; преодоление зависимости от психоактивных веществ;

в-третьих, развитие физической активности осужденных: общефизическое развитие; шахматы, шашки; силовые виды спорта (гиревой спорт, пауэрлифтинг и т. п.); игровые виды спорта; бокс, кроссфит и иные виды спорта.

4. Объединения по интересам имеют значительный потенциал для повышения эффективности процесса исправления осужденных, в том числе, в перспективе их возможно рассматривать в качестве альтернативы самостоятельным организациям осужденных.

Список основных источников

1. Павленко, Д. А. Теоретическая модель процесса исправления лиц, осужденных за преступление, в учреждениях уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь / Д. А. Павленко // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 20 февр. 2020 г. : тез. докл. / учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: В. Ч. Родевич (отв. ред.) [и др.]. — Минск, 2020. — С. 273–274. [Вернуться к статье](#)
2. Павленко, Д. А. Процесс исправления осужденных / Д. А. Павленко // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. — 2021. — № 1. — С. 117–123. [Вернуться к статье](#)
3. Павленко, Д. А. Воспитательная работа с осужденными как основа их ресоциализации / Д. А. Павленко // Вестн. Могилев. ин-та МВД. — 2021. — № 1 (3). — С. 39–44. [Вернуться к статье](#)
4. Павленко, Д. А. Индивидуальная исправительная программа: задачи, содержание и общая логика составления / Д. А. Павленко // Вестн. Могилев. ин-та МВД. — 2021. — № 2 (4). — С. 32–38. [Вернуться к статье](#)
5. Павленко, Д. А. Подход к расширению перечня средств исправления осужденных в уголовно-исполнительной системе Республики Беларусь / Д. А. Павленко // Уголовно-исполнительная система на современном этапе и перспективы развития : сб. тез. выступлений и докл. участников Междунар. науч.-практ. конф., Рязань, 18–19 нояб. 2020 г. : в 6 т. / Акад. Федер. службы исполн. наказаний России. — Рязань, 2020. — Т. 1. — С. 216–219. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.8

О. В. Пронина

*преподаватель кафедры организации оперативно-розыскной деятельности
Академии права и управления ФСИН России*

**АЗАРТНЫЕ ИГРЫ КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ
НА ВОЗМОЖНОСТЬ ВОЗНИКНОВЕНИЯ УГРОЗ
ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ
В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ**

Объективно рассматривая вопрос организации азартных игр в исправительных учреждениях, можно сделать вывод, что азартные игры — это существующая очевидность, требующая активного вмешательства со стороны сотрудников уголовно-исполнительной системы на различных уровнях, основой чего неоспоримо может стать оптимизация законодательного обеспечения практической деятельности исправительных учреждений, направленной на нейтрализацию фактов организации азартных игр среди осужденных.

Разберем подробно, чем опасны азартные игры и какую угрозу для личной безопасности осужденных они могут представлять. Согласимся с мнением В. Н. Шабалова, что опасность азартных игр прежде всего коренится в их высокой латентности [1, с. 56]. Выразим мнение, что опасность организации азартных игр в исправительных учреждениях в первую очередь обусловлена тем, что результат каждой игры неизбежно влечет за собой отрицательные последствия как для проигравшего так и для выигравшего. Выражается это в том, что проигравшие осужденные, несмотря ни на какие условия, факты и обстоятельства, будут обязаны отдавать долг. Причем долг может быть выражен не только в денежном эквиваленте, зачастую он может выражаться в обязанности совершения противоправных действий, к которым можно отнести, например, совершение преступления против жизни и здоровья других осужденных или организацию доставки на территорию исправительного учреждения запрещенных предметов (денежные средства, сотовые телефоны, наркотические средства и т. д.). Таким образом, азартные игры порождают еще один фактор возникновения угроз личной безопасности осужденных — наличие запрещенных предметов на территории исправительного учреждения. С помощью средств сотовой связи осужденные поддерживают связь с преступным миром, организуют каналы доставки запрещенных предметов, денежные средства становятся катализатором неслужебных связей между осужденными и сотрудниками, большая

часть преступлений против личности осужденных совершается осужденными в состоянии алкогольного или наркотического опьянения.

Невозможность вернуть карточный долг может грозить физической расправой для проигравшегося или понижением его статуса в преступной иерархии. Как показал анализ практической деятельности исправительных учреждений, отсутствие возможности вернуть карточный долг является одной из наиболее частых причин обращения осужденного о переводе в безопасное место.

Выигрыш также влечет возможные опасные последствия: выигравшие осужденные становятся объектом ненависти со стороны проигравших, результатом которой могут также стать противоправные действия в отношении этой категории лиц.

Еще одним фактом, подтверждающим, что азартные игры являются фактором возникновения угрозы для личной безопасности осужденного, является то обстоятельство, что проигрыш в азартных играх часто становится причиной совершения суицида. Это прямо вытекает из тех негативных последствий азартных игр, которые мы рассмотрели выше. Ряд суицидальных попыток, конечно, носят демонстративно-шантажный характер, хотя имеют место и истинные суицидальные действия.

Таким образом, очевидно, что азартные игры на территории исправительного учреждения как фактор возникновения угрозы личной безопасности осужденных могут ухудшить качество жизни осужденного, повлечь нежелательные последствия [2, с. 286].

В настоящее время, согласно приказу Министерства юстиции Российской Федерации от 16 декабря 2016 г. № 295 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений», игральные карты являются запрещенным предметом [3]. Поэтому изъятие их у осужденного влечет за собой определенные последствия — изготовление, хранение игровых карт является злостным нарушением установленного порядка отбывания наказания осужденными к лишению свободы. При условии назначения ему взыскания, предусмотренного пунктами «в», «г», «д» и «е» части первой статьи 115 и пунктом «б» статьи 136 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, этот осужденный признается злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания.

Играют в исправительных учреждениях чаще всего именно в карты, однако распространены и такие игры «под интерес», как шашки, шахматы, лото, домино, нарды, волейбол и настольный теннис, осуществляются ставки на спортивные события, а еще — различные пари, кости, нарды. Но если

карты являются запрещенным предметом, то такие игры, как шашки, шахматы, лото, домино, осужденным официально разрешены [3]. В данном случае последствием организации азартных игр такого плана и участия в них будет лишь постановка осужденных, организующих или активно участвующих в азартных играх с целью извлечения материальной или иной выгоды, на профилактический учет.

По нашему мнению, действенной мерой для предотвращения организации азартных игр на территории исправительного учреждения может стать именно дисциплинарное воздействие на лиц, организующих и активно принимающих участие в азартных играх. В этой связи разделяем мнение А. И. Абатурова о возможности дополнении статьи 116 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в части признания злостным нарушением установленного порядка отбывания наказания осужденными к лишению свободы участие в азартных играх [4, с. 244], однако выразим точку зрения, что в целях воздействия на организаторов азартных игр целесообразнее злостным нарушением установленного порядка отбывания наказания осужденными к лишению свободы было бы признавать не только участие, но и организацию таких игр. Правильно организованные мероприятия, направленные на недопущение в исправительных учреждениях азартных игр, организуемых с целью извлечения материальной или иной выгоды, и оптимизация условий для решения проблем практической деятельности исправительных учреждений, связанных с азартными играми, несомненно, положительным образом скажутся на нейтрализации этого явления, способствующего возникновению угроз личной безопасности осужденных.

Список основных источников

1. Шабалов, В. Н. Некоторые проблемы злостного нарушения установленного порядка отбывания наказания осужденными к лишению свободы / В. Н. Шабалов // Уголовно-исполнительное право. — № 1 (9). — 2010. — С. 55–57. [Вернуться к статье](#)
2. Пронина, О. В. Причины и условия совершения преступлений против личности осужденного в исправительных учреждениях / О. В. Пронина // Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика : сб. материалов VI Всерос. науч.-практ. конф., Рязань, 16 дек. 2020 г. — Рязань : ИП Коняхин А. В. (Book Jet), 2021. — С. 285–289. [Вернуться к статье](#)
3. Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений [Электронный ресурс] : приказ М-ва юстиции Рос. Федерации от 16 дек. 2016 г. № 295 : в ред. от 01.04.2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102041891&backlink=1&nd=102103069>. — Дата доступа: 15.02.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. Абатуров, А. И. Профилактика злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания, совершенных осужденными в исправительных колониях : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. И. Абатуров ; Моск. гос. лингвист. ун-т. — М., 2009. — 264 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.85

С. Н. Смирнов

*доцент кафедры организации оперативно-розыскной деятельности
Академии ФСИН России,
кандидат юридических наук, доцент*

Б. Е. Кошелюк

*старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
Академии ФСИН России,
кандидат юридических наук*

О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ

Профилактика преступлений террористического характера и экстремистской направленности, осуществляемая сотрудниками Федеральной службы исполнения наказаний России (далее — ФСИН России), заключается в выявлении, предупреждении, пресечении и раскрытии преступлений террористического характера и экстремистской направленности, выявлении и установлении лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, а также в добывании информации о событиях или действиях террористического и экстремистского характера, создающих угрозу безопасности Российской Федерации.

В настоящее время в местах лишения свободы отмечаются процессы образования тюремных мусульманских джамаатов. В них входит множество приверженцев деструктивных идеологий ваххабизма и салафизма, в том числе членов экстремистских организаций и террористических группировок [1, с. 3]. Статистика показывает ежегодный рост количества осужденных за совершение подобных преступных проявлений по религиозным мотивам. В учреждениях ФСИН России за преступления террористического характера и экстремистской направленности в 2017 г. содержалось 1827 человек, в 2018 г. — 1997, 2019 г. — 2378, 2020 г. — 2431 [2]. В числе данных лиц находятся активисты и участники интернациональных исламских экстремистских организаций, исповедующих радикальные течения ислама.

Во главе тюремных джамаатов лидером и старшим среди мусульман является Амир, которому подчиняются другие лица, входящие в группировку. Зачастую их ряды пополняют лица в возрасте 18–35 лет с низким социальным статусом среди спецконтингента, являющиеся изгоями, которых отвергали лица, придерживающиеся «воровских» идей и традиций, не имеющие своих жиз-

ненных принципов и мнения, не умеющие принимать самостоятельно решения в нестандартных ситуациях, склонные поддаваться влиянию со стороны других. Они наиболее уязвимы, хотят вернуть себе нормальное положение в местах изоляции от общества. Прекрасно понимающие это участники и лидеры тюремных джамаатов привлекают их, обещая восстановление их статуса и уважения к ним, показывая сплоченность их группы и готовность помочь ее членам в любой ситуации, но с условием принятия исламской религии и следования их канонам.

Кроме того, в тюремных джамаатах есть лица, ведущие активную пропагандистскую работу, направленную на распространение идей радикальных течений ислама среди широких масс спецконтингента, невзирая на возраст, национальность, вероисповедание, социальное положение, в том числе в уголовно-преступной среде.

При осуществлении профилактической работы с такими лицами большое значение имеет знание и понимание основ и идеологий ислама сотрудниками уголовно-исполнительной системы (далее — УИС). Основными отличительными признаками участников тюремных джамаатов являются отращенная борода и сбритые усы, подвернутые брюки, использование масляных духов, не содержащих спирт, и т. д. Персонал УИС и особенно оперативные работники внимательно следят за всеми тенденциями и новыми криминогенными факторами не только внутри исправительных учреждений, но и за их пределами. Платформой для изучения всех тенденций могут послужить и социальные сети, которыми все в наше время активно пользуются, а для участников террористических организаций и тюремных джамаатов социальные сети — это самая удобная площадка для призывов и вербовки неограниченного количества людей.

Исламский мир насчитывает множество религиозных течений. У каждой группировки есть свои взгляды на правильность веры. Из-за этого мусульмане, имеющие различные понимания сущности их религии, вступают в конфликты между собой. Внутренних разногласий среди разных представителей мусульманского мира даже больше, чем с людьми другой религии. Чтобы понять различия взглядов в исламе, сотрудники исправительных учреждений, в т. ч. оперативных подразделений УИС, изучают характерные особенности каждого течения.

Постоянное наблюдение, изучение происходящего в местах лишения свободы и проведение сравнительного анализа позволяют делать выводы, что лица, состоящие в тюремных джамаатах, придерживаются различных течений исламской религии — салафизма, шиизма и суфизма. Сунниты изначально были

фундаментальным направлением, а салафиты появились гораздо позже и сегодня считаются наиболее экстремистскими.

Сотрудники оперативных подразделений территориальных органов УИС, обладая знаниями о криминогенных факторах, используя опыт, полученный в ходе работы с религиозным спецконтингентом, стали понимать, что тюремные джамааты с различными течениями пытаются ввести в заблуждение персонал ИУ, делая вид, что придерживаются одних идей и целей. В процессе наблюдения за их поведением и после проведения анализа полученной информации из различных источников становится явным, что представители различных течений на самом деле не общаются, более того, настроены негативно друг к другу. Такое поведение называется «такия» — это исламский термин, который обозначает благоразумное скрывание своей веры для достижения определенной цели [3].

В заключение отметим, что, несмотря на достигнутые результаты подготовки действующих сотрудников ИУ, и в частности оперативных подразделений, в целях дальнейшего повышения эффективности деятельности УИС при их обучении в образовательных организациях ФСИН России в рамках дисциплин по изучению вопросов противодействия экстремизму и терроризму следует ввести отдельный раздел по основам религиозных особенностей различных течений с приглашением на занятия специалистов-теологов.

Учитывая, что борьба с экстремизмом и терроризмом определена одним из приоритетных направлений деятельности оперативных подразделений УИС, считаем также важным для подготовки ответственных за работу в этой сфере в исправительных учреждениях и следственных изоляторах наличие технически оснащенных учебных комплексов с современной учебно-материальной базой, например, камер (иных помещений), оснащенных специальной техникой и т. д.

Список основных источников

1. Нарусланов, Э. Ф. Оперативно-розыскное противодействие религиозному экстремизму в учреждениях УИС : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Э. Ф. Нарусланов. — М., 2018. — 24 с. [Вернуться к статье](#)
2. Отчеты о состоянии преступности среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС, за декабрь 2017, декабрь 2018, декабрь 2019 и декабрь 2020 годов нарастающим итогом (форма 2-УИС). [Вернуться к статье](#)
3. Такия [Электронный ресурс] // Википедия. — Режим доступа: <https://ru.m.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%B0%D0%BA%D0%B8%D1%8F>. — Дата доступа: 18.01.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.132

Э. А. Винокуров

*доцент кафедры уголовного процесса
Белгородского юридического института
МВД России имени И. Д. Путилина,
кандидат юридических наук*

К. В. Белоусова

*слушатель 5 курса 152 взвода
Белгородского юридического института
МВД России имени И. Д. Путилина*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ЭТАПЕ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

В ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) предусмотрены следственные действия, производство которых разрешено до возбуждения уголовного дела [1]. Однако в рамках проверки сообщения о преступлении возникает немало сложностей с их реализацией.

Одной из проблем, возникающих в практической деятельности в процессе проверки сообщения о преступлении, выступает необходимость изъятия тех или иных предметов и документов. Данная проблема остается неурегулированной, поскольку в законодательстве отсутствует закрепление такого действия, как изъятие, и не предусмотрено производство выемки до возбуждения уголовного дела. В связи с этим следователи (дознаватели) при возникающей необходимости изъять тот или иной предмет или документ прибегают к производству такого следственного действия, как осмотр места происшествия, в рамках которого и производят изъятие. Однако многие авторы придерживаются того мнения, что изъятие следов преступления в ходе осмотра является второстепенным, так как основная его цель состоит в наблюдении и фиксации окружающей обстановки происшествия, обнаружении следов преступления. Но поскольку производство освидетельствования и осуществляемое в ходе него изъятие носят ограниченный характер, так как имеют несколько иную цель, то остается только один вариант — производство изъятия в ходе осмотра места происшествия. На практике встречаются случаи, когда в ходе проверки сообщения о преступлении возникает необходимость изъять предметы или документы уже после произведенного осмотра места происшествия. В этих случаях следователи

(дознаватели) используют производство дополнительного осмотра места происшествия, в ходе которого и производят изъятие. Однако не всегда имеются основания для производства осмотра места происшествия, но для того, чтобы изъять предметы и документы, следователю (дознавателю) приходится прибегнуть к данному следственному действию, что может вызвать определенные последствия, в частности, жалобы граждан на незаконность действий и недопустимость полученных в ходе его производства доказательств [2, с. 148]. В связи с вышеуказанным имеется необходимость предусмотреть в уголовно-процессуальном законодательстве возможность изъятия предметов и документов как самостоятельного действия, или разрешения в определенных предусмотренных случаях производства выемки на этапе проверки сообщения о преступлении.

Следующим следственным действием, предусмотренным ст. 144 УПК РФ, является освидетельствование, которое выступает одним из средств проверки сообщения о преступлении. Однако, соотнося нормы, мы наблюдаем нарушение правил системности, так как производство данного следственного действия разрешено в рамках проверки сообщения о преступлении, но в ст. 179 УПК РФ, регламентирующей порядок производства освидетельствования, указан определенный круг лиц, в отношении которых оно может быть произведено. Препятствием в данном случае выступает тот факт, что на этапе доследственной проверки у участников отсутствует процессуальный статус, а в ст. 179 УПК РФ закреплён круг лиц, уже наделённых определённым процессуальным статусом.

Особые трудности в том числе порождают случаи отказа участников от прохождения освидетельствования, когда необходимо применить принудительные меры для его производства, особенно на стадии возбуждения уголовного дела, где лица ещё не имеют процессуального статуса. В УПК РФ нет прямого указания на возможность принудительного производства освидетельствования, однако в отношении свидетеля такой исключительный случай предусмотрен. Отсюда возникает проблема: отсутствие процессуального статуса у данного участника на стадии возбуждения уголовного дела, хотя следственное действие в качестве проверочного мероприятия предусмотрено. В качестве одного из способов решения данной проблемы можно рассмотреть опыт Республики Казахстан, где законодатели предоставили прокурору принимать решения на применение принудительного освидетельствования ряда участников (ч. 2 ст. 223 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан).

Ещё одним достаточно дискуссионным следственным действием на этапе проверки сообщения о преступлении является назначение и производство су-

дебных экспертиз. Следователю (дознавателю) в качестве проверочных мероприятий предоставляется возможность либо изначально назначить судебную экспертизу, либо для начала направить в экспертное учреждение поручение о производстве предварительного исследования, а в ходе дальнейшего расследования назначить судебную экспертизу. В первом случае требуется меньше временных затрат, что, в свою очередь, отражается на сроке принятия процессуального решения [3, 225]. Однако необходимо учитывать случаи, когда после производства исследования объектов повторное их изучение в ходе экспертизы может оказаться проблематичным. По сравнению с предварительным исследованием, для производства экспертизы требуется более длительный срок. При таком раскладе складываются две проблемы: 1) не всегда при производстве судебной экспертизы получается вложиться в сроки проверки сообщения о преступлении, в том числе при их продлении, поскольку есть экспертизы, проведение которых требует затрат достаточно большого количества времени, а продление проверки сообщения о преступлении более 30 суток не предусмотрено; 2) временной промежуток может оказать влияние на состояние и структурное содержание некоторых объектов исследования, что влечет невозможность в последующем назначения повторной экспертизы. С учетом данных проблем следователю достаточно сложно выбрать и принять наиболее верное решение [4, с. 602–603]. Предлагается предусмотреть на законодательном уровне случаи, при которых может быть продлен срок проверки сообщения о преступлении в связи с производством экспертиз, осуществление которых превышает 30 суток.

Таким образом, можно сделать вывод, что законодательные пробелы в вопросах производства следственных действий в ходе предварительной проверки сообщения о преступлении приводят к неправильному пониманию содержания норм и различному их толкованию, в результате чего возникают предпосылки к принятию неправильного и необоснованного процессуального решения, поэтому данные вопросы обращают на себя внимание и нуждаются в доработке.

Список основных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 5 дек. 2001 г. : в ред. от 24.02.2021 г. // Собрание законодательства Рос. Федерации. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921. [Вернуться к статье](#)
2. Алиева, Ф. О. Проблемные вопросы производства осмотров до возбуждения уголовного дела / Ф. О. Алиева // Диссертационные исследования. Закон и право. — 2021. — № 9. — С. 147–148. [Вернуться к статье](#)

3. Чекулаев, Е. С. Экспертиза и исследование на стадии предварительной проверки сообщения о преступлении в аспекте Федерального закона № 23-ФЗ от 04.03.2013 г. // Известия Тул. гос. ун-та. Эконом. и юрид. науки. — 2013. — Вып. 2. — С. 223–230. [Вернуться к статье](#)

4. Долгинов, С. Д. О проблемах законодательного регулирования назначения и производства экспертизы при проверке сообщения о готовящемся либо совершенном преступлении // Перм. гос. нац. исследоват. ун-т. Уголовное право и процесс. — 2021. — № 4. — С. 598–613. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.161

А. Г. Гаркуша

*доцент кафедры уголовного процесса
Днепропетровского государственного университета
внутренних дел (Украина),
кандидат юридических наук, доцент*

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ УРОВНЯ ДОВЕРИЯ СУДА К ПОРУЧИТЕЛЮ

Уголовно-процессуальным законодательством Украины установлено, что личное поручительство является мерой пресечения, суть которой заключается в предоставлении лицами, которых следственный судья, суд считают заслуживающими доверия, письменного обязательства о том, что они поручаются за выполнение подозреваемым, обвиняемым возложенных на него обязанности, в том числе по прибытию его в орган досудебного расследования или в суд по первому требованию [1]. Исходя из этого, обязательным требованием относительно поручителя является то, чтобы это было лицо, которое заслуживает доверия.

Особенности определения уровня доверия к поручителю представляют интерес ученых и практиков в контексте применения меры пресечения и актуализируют наше исследование. Прежде всего, следует отметить, что законодатель не раскрывает это понятие, предполагая, что его суть вытекает из общепризнанных понятий. Сам термин «доверие» является оценочным и субъективным, а усиление его прилагательным «особое» усложняет его понимание. Следует отметить и то, что от правильного толкования этих оценочных понятий зависит решение вопроса о количестве поручителей при избрании меры пресечения в виде личной поруки. Следственный судья, суд может определить достаточным наличие одного поручителя только в том случае, когда им является «человек, заслуживающий особого доверия» [1]. В настоящее время существенными пробелами в отечественном законодательстве являются неопределенность органа, устанавливающая степень доверия к поручителю и неопределенность критериев такого доверия.

Проанализировав труды ученых по рассматриваемой теме, считаем необходимым сформулировать качества, на которых должно основываться доверие к поручителю со стороны следственного судьи, суда. Важное значение имеют моральные качества поручителя, его авторитет, в частности, для подозреваемого, обвиняемого, позволяющих поручителю выполнить его процессуальную функцию по требованию лица, осуществляющего уголовное производство.

Бесспорно, поручитель должен оказывать определенное влияние на подозреваемого, обвиняемого; его мнение, указание или совет должны быть значимыми для последних.

Согласимся с мнением, что авторитет поручителя должен быть одобрен еще и со стороны общества. С этой позиции следует учитывать отношение к задачам судопроизводства и общественную приемлемость в целом. Поручитель должен отвечать и определенным социальным требованиям: иметь постоянный легальный источник дохода, постоянное место жительства, не иметь судимостей, не совершать административные правонарушения, не иметь ограничения дееспособности и иметь какую-либо существенную связь с обвиняемым [2, с. 109].

Безусловно, человек может быть добропорядочным и законопослушным, но не иметь высокой репутации в обществе. Хотим отметить, что такие ограничения недопустимы ни в законе, ни в теории уголовного процесса. Прежде всего, внимание должно сконцентрироваться на тех качествах поручителя, на основании которых можно прогнозировать надлежащее поведение субъекта, в отношении которого ведется производство.

По нашему убеждению, уровень доверия следственного судьи, суда к поручителю должен определяться также с учетом положительных и отрицательных физических, психических характеристик этого лица. К физическим признакам относится возраст, состояние здоровья, которые определяют физическую способность личности быть поручителем.

Эффективным, по нашему мнению, было бы предоставление со стороны законодателя следователю, прокурору и суду больше возможностей по учету обстоятельств каждого уголовного дела и принятию на основании конкретных фактических данных разумных решений, ведущих к выполнению задач уголовного судопроизводства. Считаем, что личное поручение целесообразно применять только по ходатайству поручителей и с согласия лица, в отношении которого назначается поручительство, способствующее построению отношений взаимного «доверия» между ними.

Если в законе будет предусмотрена возможность подачи ходатайства лицами, желающими стать поручителями обвиняемого, а о согласии последнего не будет указываться, данную меру пресечения целесообразно будет выбирать даже в случае, если обвиняемый не дает своего согласия, а фактические данные по делу указывают на высокую вероятность достижения цели меры предосторожности в перспективе. К примеру, подозреваемый или обвиняемый находится в финансовой зависимости, слишком опасается влияния поручителя и не соглашается с его поручительством. Вышеупомянутое приведет к нарушению

принципа доверия самого подозреваемого или обвиняемого к поручителю и не будет способствовать исполнению обязанностей, возложенных на личность.

Обоснована позиция относительно того, что проверка данных о личности поручителя является обязательным этапом при применении личного поручительства. С этой целью, составляя соответствующее ходатайство, следователь, дознаватель или прокурор может истребовать справки, характеристики с места работы, проживания поручителя. Вместе с тем лицо, берущее на поруки подозреваемого, обвиняемого, может предоставить характеризующий его материал и самостоятельно [0].

Доверие суда к поручителю должно быть обоснованным и подкрепленным достоверными фактами. Считаем, что полезным для судебной системы нашей страны стало бы определение в законе субъектов, осуществляющих проверку данных о личности. Таким образом, удастся сократить продолжительность судебных процедур, что, в свою очередь, будет способствовать реализации принципа соблюдения разумных сроков в уголовном производстве.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что пока не все существующие пробелы в системе мер пресечения в уголовном судопроизводстве были исправлены при принятии нового Уголовного процессуального кодекса Украины. Первоочередным является законодательное закрепление критериев оценки уровня доверия к поручителю и регламентация механизма проверки сведений о личности.

Список основных источников

1. Уголовный процессуальный кодекс Украины [Электронный ресурс] : 13 апр. 2012 г., № 4651-VI принят Верховным Советом Украины 13 апреля 2012 г. : в ред. от 05.01.2022 г. // Ведомости Верхов. Совета Украины. — Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/4651-17#Text>. — Дата доступа: 11.02.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Медведева, О. В. Залог и поручительство в системе мер уголовно-процессуального принуждения по законодательству Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / О. В. Медведева. — Волгоград, 1998. — 219 с. [Вернуться к статье](#)

Фоміна, Т. Процесуальний статус поручителя у кримінальному провадженні: проблеми визначення та шляхи удосконалення / Т. Фоміна. — Проблеми законності. — 2018. — Вип. 142. — С. 200–210. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.140.02

А. А. Жижилев

*магистрант I курса магистерской программы
«Адвокат по гражданским и уголовным делам»
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (г. Москва)*

ИНСТИТУТ ПРЕЮДИЦИИ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В деятельности по уголовно-процессуальному доказыванию краеугольным камнем остается институт преюдиции. Рассмотрение данного института в ретроспективе позволяет определить его место и роль как в отечественном, так и в зарубежном законодательстве. Для российского уголовного процесса, пребывающего в условиях перманентной процессуальной реформы, поиск действенного механизма преюдиции имеет важное значение.

Задача представителей научного сообщества заключается в объективном дискуссионном обсуждении проблем. Не секрет, что те «приемы» правоприменителя, которые он использует сегодня, зачастую входят в противоречие с теоретическими конструкциями конкретной отрасли права, сформированными и апробированными не одним столетием. По этой причине существует потребность в анализе становления и развития исследуемого процессуального института.

Проведенное в историческом ключе исследование свидетельствует о том, что возникновение института преюдиции, как и самого термина, уходит корнями в римское право. Профессор Д. В. Дождев отмечает, что преюдициальные иски появились со становлением формулярного процесса, где в виде исключений допускались и являли собой доказательства в рамках последующих судебных разбирательств [1, с. 212] (к примеру, признание факта, что человек был рожден от родителей, которые не являлись рабами, выступало в качестве доказательства при заключении брака) [2]. Таким образом, в Древнем Риме преюдициальные иски проистекали из исков о признании прав.

Следующим историческим этапом, в котором произошло дальнейшее развитие учения исков о признании и, как следствие, вытекающих из них преюдициальных исков, является XIX век.

Ввиду того, что конструкция преюдициального иска представляла неоднозначное явление не только в учении об исках, но и в процедуре доказывания, происходила актуализация этого процессуального института.

Одновременно теоретиками обсуждалась юридическая сила любого судебного акта, в частности, допустимые пределы использования судебного решения в качестве доказательства в рамках других судебных процессов. Бесспорно было признано, что принятый в рамках правовой процедуры судебный акт, обладающий законной силой (*res judicata*), может стать объектом пересмотра исключительно в порядке экстраординарных процедур (кассация и т. д.). В противном случае ставится под сомнение принцип правовой определенности¹.

Несмотря на единство взглядов по центральному вопросу, среди теоретиков продолжается полемика о том, какая часть судебного акта и в отношении кого может обладать свойствами доказательства, а также допустимости оспаривания этого доказательства в рамках иного судебного процесса² [3].

В отечественном уголовном процессе указанные вопросы породили беспорядок в терминологии³. Так, существующая редакция ст. 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК) определяет императивное правило, что «обстоятельства признаются без дополнительной проверки, если они установлены вступившим в законную силу итоговым решением суда независимо от вида судопроизводства»⁴ [4, с. 298]. Судебная практика понимает вышеприведенную статью уголовно-процессуального закона так, что все факты, изложенные в мотивировочной части судебного решения, кроме «виновности» лица, должны признаваться без дополнительной проверки. Исхо-

¹Таким образом, представителями научного сообщества выработалась парадигма, согласно которой существование судебного акта (*res judicata*) не допускает разбирательства по спору, основанному на аналогичном требовании, между одними и теми же сторонами и по идентичному основанию.

²Среди представителей науки встречались точки зрения, которые не допускали саму возможность принимать в качестве доказательства судебный акт, принятый по другому делу, однако среди тех, кто не отрицал доказательственной природы подобных судебных решений, поднимался вопрос, в какой части (резолютивная или мотивировочная) наделять их доказательственной силой.

³Среди различных правопорядков (Франция, Германия) термин «преюдиция» очень редко понимается как невозможность оспаривания ранее установленных фактов другим судебным решением по той причине, что для указанных правопорядков не существует доказательств с заранее установленной силой. Несмотря на это, серьезную ценность представляет качество *res judicata*, свойственное всем судебным решениям при вступлении в законную силу. Именно указанное свойство запрещает уголовное обвинение по рассмотренному делу или в ином деле в отношении лица, участвовавшего в деле, в случае тождественности предмета и основания преследования.

⁴Федеральным законом от 29 декабря 2009 г. № 383-ФЗ законодатель ввел межотраслевую преюдицию для уголовного процесса при одновременном существовании внутриотраслевой преюдиции в уголовном судопроизводстве. Такой порядок был свойственен советскому уголовному процессу.

для из принятой законодателем формулировки, а впоследствии подтвержденной правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации [5], преюдиция в уголовном процессе стала «жесткой», т. е. правоприменитель не вправе подвергать сомнению преюдициально установленные факты. Таким образом, именуясь «преюдиция», ст. 90 УПК на самом деле имеет весьма условную связь с ранее упомянутыми исками римского права.

Кроме того, отечественная преюдиция толкуется в совокупности с положениями УПК об обязательности судебного решения. Так, ст. 392 УПК не содержит исключения обязательности судебного решения для лиц, которые не принимали участия в деле. В результате в правоприменительной деятельности берется за правило подход, согласно которому преюдиция в уголовном судопроизводстве обязательна для всех, даже для *не участвовавших в деле лиц*, — доказательственная преюдиция. Применяемый подход следует считать ошибочным. Даже указанный в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2011 г. № 30-П способ уклонения от «жесткой» межотраслевой преюдиции является не более чем паллиативом, нежизнеспособным на практике [6].

Несмотря на плачевное положение института преюдиции в российском уголовном процессе, все же следует предложить способ исправления данной ситуации: скорректировать формулировку ст. 90 УПК, где словосочетание «без дополнительной проверки» поменять на «если отсутствуют сомнения и возражения сторон». Предлагаемый способ преследует цель ослабления ныне существующей «жесткой» преюдиции.

Таким образом, следует указать, что в преюдиции, в ее различных проявлениях для целей уголовного процесса нет необходимости. В существующем сегодня виде институт преюдиции открывает широкое поле для злоупотреблений. Существующий сегодня российский уголовный процесс базируется не на формальной теории доказательств, именно поэтому ему следует отказаться от преюдиции, тем более межотраслевой. Весомых причин здесь несколько: во-первых, в гражданском судопроизводстве отсутствует фигура государственного обвинителя; во-вторых, преодоление межотраслевой преюдиции лицом, пострадавшим от нее, с помощью способа, который указал Конституционный Суд Российской Федерации, видится иллюзорным.

Список основных источников

1. Белкин, А. Р. Теория доказывания / А. Р. Белкин. — М., 1999. — 418 с. [Вернуться к статье](#)
2. Дождев, Д. В. Римское частное право : учебник для вузов / Д. В. Дождев ; под ред. В. С. Нерсисянца. — М. : ИНФРА-М : Норма, 1996. — 685 с. [Вернуться к статье](#)

-
3. Клепицкий, И. А. Преюдиция и «дело решенное» в современном уголовном процессе / И. А. Клепицкий // Закон. — № 12. — 2021. — С. 115–134. [Вернуться к статье](#)
4. Клиффорд, пол Ж. дю Плесси, и КаиусТуори. Оксфордский справочник по Римскому Праву и обществу. — Оксфорд : Юниверсити Пресс, 2016. [Вернуться к статье](#)
5. Савиньи, Ф. Система современного римского права / Ф. Савиньи. — Т. VI. — М. : Статут, 2016. — 480 с. [Вернуться к статье](#)
6. По жалобе гражданина Суринова Татевоса Романовича на нарушение его конституционных прав статьей 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 15 янв. 2008 г. № 193-О-П // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2022. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.1

Д. Ю. Каширский

*начальник кафедры информатики и специальной техники
Барнаульского юридического института МВД России,
кандидат технических наук, доцент*

Е. А. Долгова

курсант Барнаульского юридического института МВД России

РАССМОТРЕНИЕ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИСТЕМ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ

В настоящее время существует множество научных трудов, а также различных исследований, посвященных анализу новшеств уголовно-процессуального законодательства. На сегодняшний день, в период пандемии, достаточно обсуждаемой и актуальной является тема использования видео-конференц-связи (далее — ВКС). Довольно часто суды сталкиваются с отсутствием участников процесса в судебном разбирательстве из-за определенных физических ограничений, пребывания участников на довольно отдаленном расстоянии от суда, а также упомянутые выше лица могут содержаться под стражей или пребывать в местах лишения свободы. Эти обстоятельства могут весомо повлиять на уголовный процесс, что приводит к несоблюдению определенных принципов уголовного судопроизводства, а именно равенства перед законом и судом, состязательности и доступности правосудия [1]. Выходом из представленных обстоятельств будет являться так называемое дистанционное участие в судебном процессе, а именно по ВКС.

Так, 20 марта 2011 г. Федеральным законом № 39 в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК) были введены ряд изменений, в частности, в ст. 240 появилось дополнение в виде ч. 4, согласно которой суд может допрашивать свидетеля, а также потерпевшего при помощи использования систем ВКС. Также УПК был дополнен ст. 278.1, которая регламентирует определенные особенности допроса свидетеля путем использования систем ВКС [2]. Приведенные реформы определенно позволят суду быстро и качественно рассматривать уголовные дела. С использованием систем ВКС разрешено организовывать допрос свидетелей, которые находятся в длительных служебных командировках, проживают в других регионах Российской Федерации, а также отсутствующих по состоянию здоровья.

Прямое участие лиц в уголовном судопроизводстве без надобности непосредственного присутствия на заседании суда частично может быть произведено посредством систем ВКС. Такая функция, как применение систем ВКС,

регулируется ст. 155.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [3], ст. 142 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации [4], ст. 153.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [5] и ст. 29.14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [6].

Так, 28 декабря 2015 г. Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации был издан приказ от № 401 «Об утверждении Регламента организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний» [7], который регламентирует использование систем ВКС.

Основными задачами данного приказа являются:

- установление правил устройства и технической эксплуатации систем ВКС;
- точная организация ВКС в федеральном суде общей юрисдикции;
- правильная подготовка к реализации судебного слушания в режиме ВКС судом, рассматривающим уголовное дело;
- определение порядка взаимодействия федерального суда общей юрисдикции и федерального арбитражного суда при организации судебных заседаний в режиме ВКС и т. д.

Особенности и недостатки использования ВКС заключаются в том, что суд обязан проверить явку лица, установить его личность [8], а также в обязательном порядке выполнить иные процессуальные действия, в которых может появиться необходимость. В любых условиях должен быть создан ресурс, обеспечивающий точную возможность верной и несомненной идентификации лица, которое участвует в судопроизводстве. Несомненно, важной составляющей будет являться и созданная обстановка для передачи и получения письменных документов.

Изучив нормы права, регламентирующие исследуемую область, и исходя из всех вышеперечисленных условий, можно выделить, что основной преградой на пути к прогрессу использования ВКС является дефицит определенного технического оборудования и пробел в системе идентификации участников уголовного процесса [9].

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что целесообразно расширить область использования универсальных технологий в уголовном судопроизводстве. Указанные выше аспекты носят определенно дискуссионный характер, именно на основе этого нужно сейчас и в дальнейшем исследовать спорные аспекты в данной сфере, а также вырабатывать общие и частные пути их решения.

Предлагаемые нами новеллы определенно найдут свое отражение в современной системе всех стадий правосудия, а также при учете вышеизложенного данные поправки непосредственно выведут российский уголовный процесс на новый уровень.

Список основных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 5 дек. 2001 г. : в ред. от 01.07.2021 г. : с изм. от 23.09.2021 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2022. [Вернуться к статье](#)
2. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон от 20 марта 2011 г., № 39-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2022. [Вернуться к статье](#)
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 14 нояб. 2002 г., № 138-ФЗ : принят Гос. Думой 23 окт. 2002 г. : одобр. Советом Федерации 30 окт. 2002 г. : в ред. от 01.07.2021 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2022. [Вернуться к статье](#)
4. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации [Электронный ресурс] : 8 марта 2015 г., № 21-ФЗ : принят Гос. Думой 20 февр. 2015 г. : одобр. Советом Федерации 25 февр. 2015 г. : в ред. от 01.07.2021 г. : с изм. от 15.07.2021 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2022. [Вернуться к статье](#)
5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 24 июля 2002 г., № 95-ФЗ : принят Гос. Думой 14 июня 2002 г. : одобр. Советом Федерации 10 июля 2002 г. : в ред. от 01.07.2021 г. : с изм. от 16.11.2021 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2022. [Вернуться к статье](#)
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 30 дек. 2001 г., № 195-ФЗ : принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 26 дек. 2001 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2022. [Вернуться к статье](#)
7. Об утверждении Регламента организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний [Электронный ресурс] : приказ Судебного департамента при Верхов. Суде Рос. Федерации от 28 дек. 2015 г., № 401 : в ред. от 30.12.2020 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2022. [Вернуться к статье](#)
8. Тищенко, А. В. Электронное правосудие: судебное реформирование к 2020 году [Электронный ресурс] / А. В. Тимошенко // Правопорядок: история, теория, практика. — 2018. — № 4 (19). — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/N/electroNoe-pravosudie-sudebNoe-reformirovaNie-k-2020-godu>. — Дата доступа: 10.12.2021. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
9. Лебедев, З. С. Дистанционное взаимодействие с судебными органами в условиях пандемии: возможности и перспективы [Электронный ресурс] / З. С. Лебедев // Юрид. вестн. Самар. ун-та. — 2020. — №3. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/N/distaNtsioNoe-vzaimodeystvie-s-sudebNyimi-orgaNaми-v-usloviyah-paNdemii-vozmozhNosti-i-perspektivy>. — Дата доступа: 10.12.2021. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 343.1

С. А. Кутуков*заместитель начальника кафедры организации**оперативно-розыскной деятельности**Академии ФСИН России,**кандидат юридических наук, доцент*

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКОЕ ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Традиционно в теории оперативно-розыскное документирование определяется как часть документационной деятельности, заключающаяся в процессе собирания, систематизации и фиксации сведений, проверки и оценки результатов оперативно-розыскной деятельности, а также принятии на их основе решения оперативно-розыскным органом (оперативником) [1, с. 216].

Согласно ст. 10 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», «органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, для решения задач, возложенных на них настоящим Федеральным законом, могут создавать и использовать информационные системы, а также заводить дела оперативного учета» [2]. Дела оперативного учета заводятся в целях собирания и систематизации сведений, проверки и оценки результатов оперативно-розыскной деятельности, а также для принятия на их основе соответствующих решений органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. Однако документирование в ходе оперативно-розыскной деятельности не ограничивается только заведением дел оперативного учета, так как данная статья указывает лишь на возможность их заведения.

Традиционно оперативно-розыскное документирование рассматривается в свете использования его результатов в уголовном судопроизводстве, чему способствует их условное определение, данное в п. 36.1 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, результаты оперативно-розыскной деятельности — это сведения, полученные в соответствии с федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда. Такой подход прослеживается и в межведомственной Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд от 27 сентября 2013 г. [3, с. 15].

Оперативно-розыскное документирование в условиях исправительного учреждения имеет ряд особенностей и проблем организационно-правового характера. Прежде всего, действия оперативных сотрудников исправительного учреждения регулируются, помимо оперативно-розыскного, также нормами уголовно-исполнительного, уголовно-процессуального, административного законодательства, многочисленными нормативными актами ведомственного характера. Требования указанных нормативных актов напрямую влияют как на порядок, так и на форму документирования в ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности. Часто проведение оперативно-розыскных мероприятий подменяется похожими по содержанию режимными мероприятиями (например, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств заменяется проведением обыска и т. д.). Возникающая при этом проблема правового характера заключается, на наш взгляд, в различном правовом статусе образующихся при этом документов и их последующем использовании как в оперативно-розыскной деятельности, так и в уголовном процессе.

Необходимо учитывать, что в основном результаты проведения оперативно-режимных мероприятий оформляются в соответствии с нормами уголовно-исполнительного законодательства и ведомственных нормативных актов, однако во многих случаях для правильного документирования противоправных действий требуется руководствоваться уголовно-процессуальным, административным и оперативно-розыскным законодательством, где четко определена процедура использования данных материалов и форма их закрепления [4, с. 320]. Несоблюдение указанного требования часто приводит к сложностям для последующего использования полученных результатов в уголовном процессе или вообще к отсутствию такой возможности. Данная ситуация возникла прежде всего из-за того, что ст. 84 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее — УИК) расположена в гл. 12 УИК «Режим в исправительных учреждениях и средства его обеспечения», что свидетельствует о фактическом отнесении оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях к одному из средств обеспечения режима. Однако слияние этих двух видов деятельности при документировании и оформлении результатов в корне не правильно, так как они имеют совершенно различную правовую природу.

Несмотря на то, что в практической деятельности часто не возможно, а иногда и не целесообразно разделять оперативно-розыскные и режимные мероприятия, оформление их результатов должно быть обособлено. На наш взгляд, не совсем можно согласиться с некоторыми авторами, которые

утверждают, что оперативно-розыскная деятельность в исправительных учреждениях проводится в процессе обеспечения режима в исправительных учреждениях, являясь его составной частью [5, с. 16]. Согласно ст. 84 УИК, задачами оперативно-розыскной деятельности являются: обеспечение личной безопасности осужденных, персонала исправительных учреждений и иных лиц; выявление, предупреждение и раскрытие готовящихся и совершаемых в исправительных учреждениях преступлений и нарушений установленного порядка отбывания наказания; розыск в установленном порядке осужденных, совершивших побег из исправительных учреждений, а также осужденных, уклоняющихся от отбывания лишения свободы; содействие в выявлении и раскрытии преступлений, совершенных осужденными до прибытия в исправительное учреждение.

Как мы видим, задачи оперативно-розыскной деятельности, по большей части не только не совпадают с задачами обеспечения режима, указанными в ст. 82 УИК («Режим в исправительных учреждениях — установленный законом и соответствующими закону нормативными правовыми актами порядок исполнения и отбывания лишения свободы, обеспечивающий охрану и изоляцию осужденных, постоянный надзор за ними, исполнение возложенных на них обязанностей, реализацию их прав и законных интересов, личную безопасность осужденных и персонала, раздельное содержание разных категорий осужденных, различные условия содержания в зависимости от вида исправительного учреждения, назначенного судом, изменение условий отбывания наказания»), но и выходят за пределы исполнения уголовного наказания.

Таким образом, выделяя наиболее характерные проблемы, возникающие в процессе оперативно-розыскного документирования в исправительном учреждении, необходимо отметить:

1. В УИК и ведомственных нормативных актах не урегулирован порядок изъятия и использования материалов, полученных в ходе режимных мероприятий, не определен их процессуальный статус.

2. При выявлении и документировании преступных действий осужденных и иных лиц на территории исправительного учреждения следует исходить в первую очередь из целей и задач уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности, определять порядок и форму оформления документов для их последующего использования в качестве доказательств, а не только в уголовно-исполнительной сфере для обеспечения режима.

Список основных источников

1. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Сенилова. — М. : ИНФРА-М, 2012. — 690 с. [Вернуться к статье](#)
2. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ : в ред. от 30.12.2021 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2022.
3. Крымов, А. А. Направления использования результатов оперативно-режимных мероприятий, осуществляемых в исправительных учреждениях: проблемы законодательного закрепления / А. А. Крымов // Человек: преступление и наказание. — 2016. — № 1. — С. 15–18. [Вернуться к статье](#)
4. Кутуков, С. А. Использование результатов, полученных системами видеонаблюдения исправительного учреждения, в уголовном процессе: вопросы теории и практики / С. А. Кутуков, И. Б. Казак // Борьба с преступностью: теория и практика : VI Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию образования Могилев. ин-та МВД, Могилев, 2–3 апр. 2018 г. : тез. докл. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: Ю. А. Матвейчев (отв. ред.) [и др.]. — Могилев, 2018. — С. 319–321. [Вернуться к статье](#)
5. Дергачев, А. В. Оперативно-розыскная деятельность в обеспечении режима / А. В. Дергачев // Вестн. Кузбас. ин-та. — 2012. — № 5. — С. 14–17. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.14

*Л. Г. Лифанова**профессор кафедры криминалистики**Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России,**кандидат юридических наук, доцент*

ПОТЕРПЕВШИЙ КАК СУБЪЕКТ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Нормативный характер дефиниции «уголовное преследование» не исключает споров о его содержании, начале и окончании, субъектах, его осуществляющих. Различные подходы к толкованию данного процессуального института объединяет лишь то, что эта деятельность сопряжена с изобличением лица в совершении преступления. М. С. Строгович, А. М. Ларин и другие авторы фактически отождествляют уголовное преследование с обвинением [1, с. 190; 2, с. 25]. А. Б. Соловьев полагает, что уголовное преследование — более обширная деятельность, включающая в себя не только обвинение, но и подозрение [3, с. 144]. Данная позиция фактически совпадает с точкой зрения законодателя, согласно которой «уголовное преследование — процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления» (п. 55 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК)). Конституционный Суд Российской Федерации уравнивал уголовное преследование с расследованием преступлений, акцентировав внимание на том, что начинаются данные процессуальные функции с возбуждения уголовного дела [4].

Разность суждений о сущности уголовного преследования не противоречит постулату, что преследование — деятельность персонифицированная, направленная на изобличение конкретного человека в совершении конкретного преступления. Однако ограничивать его возбуждением уголовного дела не вполне правильно. Обвинительные доказательства могут быть получены в рамках доследственного производства, посредством проведения следственных и иных процессуальных действий (в ходе разного рода осмотров, освидетельствования, проведения экспертизы, получения объяснений и т. д. (ч. 1 ст. 144 УПК)). Кроме того, лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, вправе пользоваться услугами адвоката, который выступает в качестве защитника (п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК). А раз есть защитник, значит, есть от чего защищать. То есть фактически преследование может осуществляться до официального начала расследования по уголовному делу.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации определил, что уголовное преследование реализуется стороной обвинения, к которой наряду с властными субъектами, относится потерпевший. Праву потерпевшего на участие в уголовном преследовании посвящена ст. 22 УПК, однако процессуальной фигурой, на которую обращено преследование, обозначается обвиняемый. В этом нам видится серьезная правовая коллизия.

Как известно, вина лица устанавливается в процессе доказывания. Доказывание — это процесс сбора, проверки и оценки доказательств. Решение о привлечении лица в качестве обвиняемого принимается при наличии достаточных доказательств, свидетельствующих о его виновности в инкриминируемом деянии.

Буквальное толкование уголовно-процессуального закона позволяет сделать вывод о том, что только с момента привлечения лица в качестве обвиняемого у потерпевшего возникает право на участие в уголовном преследовании в отношении этого лица.

Основной содержательной частью уголовного преследования является получение обвинительных доказательств. Как было отмечено ранее, этот процесс может начаться до возбуждения уголовного дела и продолжаться на всем этапе расследования. Потерпевший, как правило, является основным источником доказательственной информации, особенно на первоначальном этапе производства по уголовному делу. Зачастую он инициирует уголовное преследование обращением в правоохранительные органы о совершенном в отношении него или готовящемся преступлении. Не считать его участником стороны обвинения, осуществляющим уголовное преследование, неправильно.

Рассуждая над данным вопросом, можно допустить, что участие в уголовном преследовании — обязанность потерпевшего, однако такое предположение не согласуется с положениями ст. 21 УПК, согласно которой к субъектам, обязанным осуществлять уголовное преследование, относятся прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель.

Кроме этого, в числе прав потерпевшего, регламентированных ст. 42 УПК, предусмотрено представление доказательств (п. 4 ч. 2). Очевидно, что доказательства, получаемые от потерпевшего в процессе расследования, преимущественно обвинительного характера. Эта деятельность ассоциируется у нас с уголовным преследованием.

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что потерпевший может являться субъектом уголовного преследования с момента его начала, задолго до официального появления процессуальной фигуры обвиняемого. Нормативные противоречия относительно анализируемых вопросов должны быть устранены

посредством внесения изменений в текст закона. Право потерпевшего на участие в уголовном преследовании не должно появляться после привлечения лица в качестве обвиняемого.

Полагаем, что диспозиция ст. 22 УПК должна быть изложена следующим образом: «Потерпевший, его законный представитель и (или) представитель вправе участвовать в уголовном преследовании обвиняемого, подозреваемого, а также лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, в порядке, предусмотренном статьей 144 настоящего Кодекса, а по уголовным делам частного обвинения — выдвигать и поддерживать обвинение в порядке, установленном настоящим Кодексом».

Одновременно необходимо скорректировать понятие потерпевшего. Данным статусом лицо наделяется исключительно после возбуждения уголовного дела. Однако отдельные процессуальные права и обязанности у лица, пострадавшего от преступления, возникают до этого момента. Представляется правильным потерпевшим считать лицо, обратившееся с заявлением о совершенном или готовящемся в отношении него преступлении. Это не только усовершенствует нормы о его праве на участие в уголовном преследовании, но и укрепит процессуальный статус данного субъекта в рамках доследственного производства.

Список основных источников

1. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. / Строгович М. С. — М. : Наука, 1968. — Т. 1 : Основные положения науки советского уголовного процесса. — 470 с. [Вернуться к статье](#)
2. Ларин, А. М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции / А. М. Ларин. — М. : Юрид. лит., 1986. — 160 с. [Вернуться к статье](#)
3. Соловьев, А. Б. Функция уголовного преследования в досудебных стадиях процесса / А. Б. Соловьев // Прокуратура и правосудие в условиях судебно-правовой реформы : сб. науч. тр. — М. : Изд-во НИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 1997. — С. 137–144. [Вернуться к статье](#)
4. По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И. П. Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 14 янв. 2000 г. № 1-П // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2022. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.13

П. А. Павлов*старший преподаватель кафедры организации
оперативно-розыскной деятельности**Академии ФСИН России,
кандидат юридических наук****Н. Д. Мусеев****доцент кафедры организации оперативно-розыскной деятельности**Академии ФСИН России,
кандидат юридических наук, доцент*

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ИЗ-ПОД СТРАЖИ

Заключение под стражу лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, является наивысшей мерой пресечения, предусмотренной Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее — УПК), и реализуется государственными органами, в частности Федеральной службой исполнения наказаний России, в целях обеспечения уголовного преследования. В любом правовом государстве следственные изоляторы являются достаточно сложной и комплексной системой, в которой на основании требований законодательства, регламентирующего данную сферу деятельности, сотрудники обязаны оказывать на подозреваемых и обвиняемых руководящее воздействие для выполнения задач, поставленных перед ними [1, с. 120]. Само содержание под стражей в следственном изоляторе существенно ограничивает конституционные права граждан, однако такие ограничения связаны с угрозой совершения ими новых преступлений либо возможностью скрыться от органов следствия и каким-либо образом помешать установлению истины по уголовному делу.

Мера пресечения в виде заключения под стражу может быть избрана только по обоснованному ходатайству следователя или дознавателя, при этом возможно продление срока задержания для представления дополнительных доказательств, но только при условии признания задержания законным и обоснованным [2, с. 13].

Ежегодно в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы содержатся порядка 100 тысяч человек, из которых далеко не всем в дальнейшем выносится обвинительный приговор и назначается наказание, связанное с лишением свободы.

Согласно ст. 311 УПК, подсудимый, находящийся под стражей, подлежит немедленному освобождению в зале суда в случаях вынесения:

- 1) оправдательного приговора;

- 2) обвинительного приговора без назначения наказания;
- 3) обвинительного приговора с назначением наказания и с освобождением от его отбывания;
- 4) обвинительного приговора с назначением наказания, не связанного с лишением свободы, или наказания в виде лишения свободы условно;
- 5) обвинительного приговора с назначением наказания и с применением отсрочки его отбывания [3].

Однако Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» предусматривает несколько иные основания освобождения из-под стражи, а именно, согласно ст. 49 рассматриваемого Федерального закона, основаниями освобождения подозреваемых и обвиняемых из-под стражи являются:

- судебное решение, вынесенное в порядке, предусмотренном законом;
- постановление следователя, органа дознания;
- постановление начальника места содержания под стражей или прокурора, осуществляющего надзор за исполнением законов в местах содержания под стражей, об освобождении указанного подозреваемого или обвиняемого в связи с истечением установленного законом срока содержания под стражей [4].

Рассматриваемые основания освобождения из-под стражи не противоречат друг другу. Однако УПК предусматривает в ст. 311 основания освобождения подсудимого именно в зале суда, а Федеральным законом «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» предусматривает освобождение непосредственно из следственного изолятора или помещения, функционирующего в режиме следственного изолятора.

Согласно ч. 2 ст. 47 УПК, обвиняемый, по уголовному делу которого назначено судебное разбирательство, именуется подсудимым. Таким образом, подсудимый, которому избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, содержится в следственном изоляторе или помещении, функционирующем в режиме следственного изолятора.

В результате анализа рассматриваемых правовых норм мы пришли к выводу, что в Федеральном законе «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» основания освобождения из-под стражи несколько шире, чем предусматривает УПК. В связи с этим мы предлагаем расширить основания, предусмотренные ст. 311 УПК, и считаем, что более широкий спектр оснований освобождения из-под стражи не только в зале суда, но и из мест содержания под стражей позволит избежать

неправильного толкования этих норм и некоторых несоответствий в процессе правоприменения.

Таким образом, мы предлагаем следующую редакцию ст. 311 УПК:

«Статья 311. Освобождение подсудимого из-под стражи

Подсудимый, находящийся под стражей, подлежит немедленному освобождению в зале суда, *а также из мест содержания под стражей*, в случаях вынесения:

- 1) оправдательного приговора;
- 2) обвинительного приговора без назначения наказания;
- 3) обвинительного приговора с назначением наказания и с освобождением от его отбывания;
- 4) обвинительного приговора с назначением наказания, не связанного с лишением свободы, или наказания в виде лишения свободы условно;
- 5) обвинительного приговора с назначением наказания и с применением отсрочки его отбывания;
- 6) постановления следователя, органа дознания;
- 7) постановления начальника места содержания под стражей или прокурора, осуществляющего надзор за исполнением законов в местах содержания под стражей, об освобождении указанного подозреваемого или обвиняемого в связи с истечением установленного законом срока содержания под стражей.»

Список основных источников

1. Казак, И. Б. К вопросу об административной ответственности за передачу запрещенных предметов в следственные изоляторы / И. Б. Казак, Н. Д. Моисеев, П. А. Павлов // Право и государство: теория и практика. — 2019. — № 9 (177). — С. 120–121. [Вернуться к статье](#)
2. Маштакова, С. А. Проблемы применения меры пресечения в виде заключения под стражу и продления его сроков / С. А. Маштакова // Проблемы обеспечения прав личности при расследовании преступлений. — № 10s. — С. 13–15. [Вернуться к статье](#)
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 5 дек. 2001 г. : в ред. от 02.08.2019 г. // Собрание законодательства РФ. — 24.12.2001. — № 52 (ч. I). — ст. 4921. [Вернуться к статье](#)
4. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : Федер. закон, 15 июля 1995 г., № 103-ФЗ : с изм. и доп. от 25 февр. 2022 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2022.

УДК 343.14

О. Е. Политыко*старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Уральского юридического института МВД России***ВНУТРЕННЕЕ УБЕЖДЕНИЕ КАК ОСНОВАНИЕ УСТАНОВЛЕНИЯ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВ УГОЛОВНОГО ДЕЛА**

Оценка доказательств представляет собой особую процедуру, которая осуществляется на большинстве стадий уголовного процесса. С другой стороны, оценка доказательств выступает как мыслительный процесс, в рамках которого уполномоченный субъект уголовно-процессуальной деятельности анализирует имеющиеся в деле доказательства, оценивает их на соответствие требованиям закона и на основании которых делает выводы об обстоятельствах уголовного дела.

Действующий в настоящее время уголовно-процессуальный закон, как в Российской Федерации, так и в Республике Беларусь, рассматривает принцип свободы оценки доказательств в качестве одного из принципов уголовного судопроизводства, указывая тем самым, с одной стороны, на значимость этой деятельности, с другой стороны, на отсутствие в процессуальном законе императивных правил оценки доказательств.

Разумеется, в законе нет и не может быть императивных предписаний относительно оценки доказательств, поскольку это мыслительная деятельность субъекта уголовно-процессуальной деятельности, которую невозможно регламентировать, ограничить и пр. Вместе с тем значимость данной деятельности приводит к необходимости научного осмысления принципа свободы оценки доказательств и исследования его содержания с точки зрения практики применения уголовно-процессуального закона.

Все сведения, которые получают должностные лица в ходе расследования преступления, подвергаются оценке. Прежде всего, они проверяются на соответствие основным требованиям к доказательствам. Такие требования непосредственно закреплены в уголовно-процессуальном законе, а именно:

1. Доказательства должны соответствовать требованиям, закрепленным уголовно-процессуальным законодательством. В ч. 2 ст. 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК Российской Федерации) указано, что доказательства, полученные с нарушением требований уголовно-процессуального закона, не могут быть положены в основу выводов субъектов расследования вследствие того, что не основаны на личном восприятии (например, недопустимыми являются показания свидетеля или

потерпевшего, если они основаны на слухах, догадках или прочем) [1]. Вместе с тем приведенный в соответствующей части перечень не является полным, так как решение правоприменителя о недопустимости доказательства может быть принято на основании любых обнаруженных нарушений закона в ходе получения доказательства.

2. Доказательства проверяются на соответствие требованию относимости.

3. Важнейшее требование к доказательствам — это требование достоверности. Поскольку на основании доказательств устанавливаются обстоятельства уголовного дела, то они подвергаются оценке с точки зрения соответствия действительности и возможности их использования для вывода о тех или иных фактах.

4. Все доказательства в совокупности оцениваются на соответствие с принципом достаточности.

Аналогичные нормы есть и в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее — УПК Республики Беларусь). Так, согласно ч. 4 ст. 105 УПК Республики Беларусь, доказательства, которые получены с нарушением закона, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения [2].

Применительно к каждому обстоятельству уголовного дела субъектом расследования должно быть собрано достаточное количество доказательств, однозначно свидетельствующих о наличии или его отсутствии.

Оценка доказательств проводится в соответствии с установленными принципами. С. В. Шевченко считает, что задача оценки представленных доказательств имеет место наряду с задачей собирания необходимых сведений по обстоятельствам рассматриваемого уголовного дела [3, с. 68].

Однако указанная задача не является компетенцией только суда. В действительности оценка доказательств неоднократно осуществляется и на иных (досудебных) стадиях уголовного судопроизводства: ее осуществляет следователь в ходе расследования уголовного дела, прокурор — при оценке обвинительного заключения и пр. Однако положения уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь в большей степени регламентируют порядок оценки доказательств судом.

В литературе указывается, что «оценка доказательств неразрывно связана не только с имеющимся объемом доказательств, которые представлены сторонами, но и с внутренним убеждением судьи и его совестью» [4].

Именно исходя из указанного в законе, формулируются не только требования к доказательствам, но и принципы их оценки, ключевым из которых является принцип свободы оценки доказательств.

Вопросы внутреннего убеждения как основания установления обстоятельств уголовного дела неоднократно становились предметом дискуссий различных ученых, поскольку данный принцип — общий для всех процессуальных отраслей российского права [5, л. 87]. В настоящее время данные вопросы не теряют своей актуальности, а потому современные ученые продолжают их исследование и анализ.

В ст. 17 УПК Российской Федерации указывается, что оценка доказательств дается на основании внутреннего убеждения, при этом ориентирами, «источниками» внутреннего убеждения служат совесть и закон. Схожая формулировка содержится в ст. 19 УПК Республики Беларусь. Поскольку в приведенных положениях обнаруживается несколько неоднозначных понятий («внутреннее убеждение», «совесть»), представляется необходимым дать им некоторую характеристику.

Внутреннее убеждение в уголовном процессе рассматривается как психическое состояние, отличающееся твердой уверенностью в истинности достигнутых результатов, объективно отражающее состояние доказанности факта, события. Оно непосредственно связано с оценкой доказательств и является совокупностью трех составляющих: знания, веры в правильность этого знания и волевого стимула, побуждающего к определенным практическим действиям. Строго говоря, лицо не может быть признано виновным, если судья не уверен в его причастности к совершению преступления. В этой части также будет действовать презумпция невиновности, т. е. все неустранимые сомнения толкуются в пользу подсудимого.

Внутреннее убеждение формируется под влиянием многочисленных факторов, оно основывается на знаниях, логике и психологических факторах. Вместе с тем субъект процессуальной деятельности должен придерживаться требований закона и руководствоваться некоторыми нравственными установками.

В действительности оценка доказательств — это всегда сложный мыслительный процесс, поскольку любой субъект процессуальной деятельности обязан абстрагироваться от своих личных симпатий или антипатий к уголовно преследуемому лицу и оценивать только лишь доказательства. Разумеется, разные люди по-разному могут оценить одни и те же доказательства. Вместе с тем во многих случаях единые формальные правила логики приведут опытных правоприменителей к одинаковым выводам. Очевидно, такая оценка и будет являться правильной оценкой доказательств, а установленные на ее основании обстоятельства — истиной по делу.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что уголовно-процессуальный закон на сегодняшний день закрепляет требования к доказательствам

и принципы оценки доказательств. Именно в процессе деятельности по оценке доказательств, которая в большей степени осуществляется на судебных стадиях уголовного судопроизводства, хотя, безусловно, играет важнейшую роль на досудебных стадиях, субъект процессуальной деятельности оценивает на соответствие требованиям допустимости, относимости и достоверности каждого доказательства в отдельности, а также достаточности всех доказательств в совокупности.

Список основных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 5 дек. 2001 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2022. [Вернуться к статье](#)
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 06.01.2021 г. № 85-З // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2022. [Вернуться к статье](#)
3. Шевченко, С. В. Принципы оценки доказательств в уголовном судопроизводстве / С. В. Шевченко // Теория и практика общественного развития. — 2019. — № 2. — С. 66–72. [Вернуться к статье](#)
4. Балакшин, В. С. Принцип свободы оценки доказательств в системе принципов уголовного судопроизводства / В. С. Балакшин // Вестн. Удмурт. ун-та. — 2017. — № 2 (23). — С. 67–72. [Вернуться к статье](#)
5. Пилюгина, Н. Н. Свобода оценки доказательств в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.09 / Н. Н. Пилюгина. — Саратов, 2007. — 194 л. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.121.5

*В. В. Стародубов**помощник прокурора Рогачевского района (Беларусь)*

АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ЗАМЕНЫ ЗАКОННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Определенной проблемой для проведения предварительного следствия является уклонение от явки законного представителя несовершеннолетнего для проведения следственных действий с целью препятствия следствию или по иным мотивам без уважительной причины.

Стоит отметить, что, в соответствии со ст. 436 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — УПК Республики Беларусь), при наличии у несовершеннолетних подозреваемого или обвиняемого родителей или других законных представителей их участие в уголовном деле обязательно [1].

Также, в соответствии со ст. 433 УПК Республики Беларусь, вызов несовершеннолетних подозреваемого или обвиняемого, не содержащихся под стражей, к следователю или в суд производится через их родителей или других законных представителей.

Сегодня, согласно действующему законодательству Республики Беларусь, законный представитель — это основная гарантия государства на соблюдение и обеспечение его законных прав и интересов [2].

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь не предусматривает способов для принудительной доставки либо обеспечения явки законного представителя несовершеннолетнего, что ставит перед следователем вопрос о возможности применения ст. 56 УПК Республики Беларусь в случае уклонения законного представителя от явки.

Одним из способов реагирования можно рассматривать возможность применения ч. 4 ст. 436 УПК Республики Беларусь в виде отстранения законного представителя несовершеннолетнего, так как уклонение от явки способствует отсутствию законного представителя при проведении следственных действий, а соответственно, наносит ущерб интересам несовершеннолетних подозреваемого или обвиняемого.

Данное положение применимо лишь в случае наличия другого законного представителя обвиняемого, который вполне может отсутствовать.

В связи с этим встает вопрос о законности вынесения постановления о признании законным представителем несовершеннолетнего органа опеки и попечительства в таком случае, так как, согласно ст. 1, ч.1 ст. 56 УПК Республики Беларусь, законные представители — это родители, усыновители,

опекуны, попечители подозреваемого, обвиняемого, лица, совершившего общественно опасное деяние, потерпевшего или гражданского истца; представители организаций, на попечении которых находятся подозреваемый, обвиняемый, лицо, совершившее общественно опасное деяние, потерпевший или гражданский истец.

При обращении к указанному понятию, закреплённому в кодексе, следует однозначный вывод о том, что орган опеки и попечительства не входит в перечень лиц, которые могут быть назначены законным представителем несовершеннолетнего за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 ст. 56 УПК Республики Беларусь.

Исходя из требований ч. 2 ст. 56 УПК Республики Беларусь, орган опеки и попечительства может быть признан законным представителем только при отсутствии у подозреваемого, обвиняемого несовершеннолетнего лиц, указанных в ч. 1 ст. 56 УПК Республики Беларусь.

Трактовка отсутствия данных лиц может быть применима к детям-сиротам, у которых родители фактически отсутствуют.

Вынесение постановления о признании законным представителем несовершеннолетнего ввиду уклонения законного представителя несовершеннолетнего от явки, основываясь на ст. 56 УПК Республики Беларусь, ставит под сомнение вопрос законность такого постановления, а также всех следственных действий, проведенных с участием органа опеки и попечительства.

Из указанного следует, что следователь в данной ситуации не обладает какой-либо возможностью в случае уклонения от явки законного представителя потерпевшего продолжить предварительное следствие путем привлечения органа опеки и попечительства, так как это является нарушением УПК Республики Беларусь, что ставит вопрос о возможности законным образом продолжать предварительное следствие по уголовному делу.

С учетом вышеизложенного предлагается внести изменения в ч. 4 ст. 436, а также в ч. 2 ст. 56 УПК Республики Беларусь и изложить их в следующей редакции:

«4. Законный представитель может быть отстранен от участия в уголовном деле, если в ходе предварительного следствия установлено, что его действия наносят ущерб интересам несовершеннолетних подозреваемого или обвиняемого. Об этом следователь выносит мотивированное постановление. В таком случае к участию в деле должен быть допущен другой законный представитель несовершеннолетнего, а в случае отсутствия таковых применены требования ч. 2 ст. 56 настоящего закона.»;

«2. При отсутствии у подозреваемого, обвиняемого, лица, совершившего общественно опасное деяние, потерпевшего, гражданского истца законного представителя из числа указанных в части первой настоящей статьи лиц либо если данные лица отстранены, в соответствии с ч. 4 ст. 436 настоящего закона, орган, ведущий уголовный процесс, признает их законным представителем орган опеки и попечительства».

Список основных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 26.05.2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022. [Вернуться к статье](#)

2. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 278-3 : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.14

Т. В. Топчиева

*доцент кафедры уголовного процесса
Барнаульского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук*

А. А. Топчиев

курсант 4 курса Барнаульского юридического института МВД России

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ В ХОДЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ (ПО УПК РОССИИ И УПК РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

На протяжении последних нескольких лет уголовно-процессуальное законодательство многих стран постсоветского пространства активно включает нормы, позволяющие использование видео-конференц-связи (далее — ВКС) в ходе досудебного производства по уголовным делам (Казахстан, Украина, Беларусь, Узбекистан и др.). Круг процессуальных, в том числе следственных действий, проводимых при помощи ВКС, в разной степени отличается, исходя из особенностей национального законодательства. Вместе с тем вектор развития уголовно-процессуального права стран постсоветского пространства направлен на расширение тенденции внедрения в процесс доказывания современных информационно-телекоммуникационных технологий.

Россия не является исключением, однако до последнего времени использование систем ВКС осуществлялось лишь при производстве допроса свидетелей в судебном заседании по правилам, предусмотренным ст. 278.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК Российской Федерации) [1]. В ходе предварительного расследования российский уголовно-процессуальный закон предусматривал производство следственных действий исключительно в очном формате. Хотя на практике необходимость использования ВКС, особенно при производстве допроса, назрела давно. Пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19 лишь обострила указанную проблему. Пытаясь своевременно противостоять социальным вызовам, российский законодатель в декабре 2021 года ввел в уголовно-процессуальное законодательство нормы, регламентирующие особенности производства следователем (дознавателем) допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи (ст. 189.1 УПК Российской Федерации) [1], которые, на первый взгляд, очень близки к нормам ст. 224.1 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — УПК Республики Беларусь) [2].

Общее сходство прослеживается в целеполагании применения ВКС при производстве следственных действий (своевременность их осуществления для обеспечения всестороннего исследования обстоятельств уголовного дела и соблюдения сроков предварительного расследования); перечне следственных действий, проводимых с использованием ВКС (допрос, очная ставка, опознание); субъектах производства следственных действий (следователь, дознаватель, орган дознания); участниках (потерпевший, свидетель).

Существенные различия касаются оснований и процессуального порядка проведения отдельных следственных действий с применением ВКС. Если УПК Республики Беларусь четко закрепляет основания производства следственных действий с применением ВКС, то российский уголовно-процессуальный закон данный вопрос полностью отдаст на откуп правоприменителя, устанавливая лишь запрет на производство допроса, очной ставки и опознания с применением ВКС: в случае возможности разглашения государственной или иной охраняемой федеральным законом тайны либо данных о лице, в отношении которого приняты меры безопасности [1]. В России практика применения ВКС органами предварительного расследования находится еще в стадии становления, однако очевидно, что в основном ВКС в большей степени будет использоваться в случае невозможности непосредственного участия лица, показания которого необходимы, по уважительным причинам.

Следует отметить, что нормы ст. 189.1 УПК Российской Федерации позволяют проводить указанные следственные действия с более широким кругом участников процесса, нежели в Беларуси. С использованием ВКС могут быть получены показания как потерпевшего, свидетеля, так и специалиста, эксперта. Хотя закон не рассматривает подозреваемого (обвиняемого) как участника допроса посредством ВКС из-за сложившейся практики, согласно которой предварительное расследование осуществляется по месту нахождения обвиняемого либо при избрании меры пресечения подозреваемый (обвиняемый) находится территориально в месте производства предварительного расследования по уголовному делу, что позволяет следователю или дознавателю непосредственно произвести допрос данных лиц. Однако если говорить о менее тяжких преступлениях, избрание меры пресечения при которых разрешается только в исключительных случаях, а также учитывать возможность расследования уголовного дела по месту нахождения большинства свидетелей, вышеприведенная позиция законодателя ставится под сомнение. Помимо этого, российский законодатель умалчивает о возможности дачи показаний несовершеннолетними участниками процесса (в то время как УПК Республики Беларусь напрямую регулирует указанные правоотношения). Полагаем, что и в России производство допроса,

очной ставки, опознания с участием несовершеннолетних потерпевшего и свидетеля будет осуществляться с применением ВКС, поскольку стоит руководствоваться правилом: что законом напрямую не запрещено, следовательно — разрешено.

Согласно нормам ст. 189.1 УПК Российской Федерации, оформление протокола и ведение следственного действия возлагается на следователя (дознателя), в производстве которого находится уголовное дело [1]. Следователь (дознатель, орган дознания), исполняющий поручение о производстве отдельного следственного действия и находящийся по месту его производства, выполняет лишь организационную функцию: оформляет подписку, осуществляет сбор необходимых документов и своевременное их направление в орган предварительного расследования. Однако при производстве следственных действий с использованием ВКС порой невозможно применить некоторые тактические приемы в ходе их проведения, а также обеспечить надлежащее поведение участников процесса. В этой связи более логичными представляются нормы ст. 224.1 УПК Республики Беларусь, определяющие порядок составления протокола по месту производства следственного действия [2].

Видео-конференц-связь характеризуется необходимостью не только в качественном техническом оборудовании, но и в стабильной трансляции на протяжении всего следственного действия. Часть 4 ст. 224.1 УПК Республики Беларусь закрепляет требование о надлежащем качестве изображения и звука. В России аналогичные требования определены подзаконными нормативными актами. Вместе с тем каким совершенным не было бы оборудование, на практике довольно часто возникают различного рода помехи, сбои и другие технические неполадки во время проведения видео-конференц-связи, поэтому специалист как лицо, которое способно технически обеспечить непрерывный ход следственного действия, должен быть включен в круг участников следственных действий, проводимых посредством ВКС. Полагаем, что данный участник должен присутствовать с обеих сторон, поскольку двусторонний контроль за качеством проводимой трансляции позволит беспрепятственно проводить следственное действие, тем самым освободив следователя от выполнения организационных моментов. При этом об участии специалиста должна делаться соответствующая запись в протоколе следственного действия.

Таким образом, проведенный анализ норм ст. 189.1 УПК Российской Федерации и ст. 224.1 УПК Республики Беларусь свидетельствует о необходимости переосмысления положений российского уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих применение ВКС, которые должны учитывать следующее: обязательное участие специалиста при допросе

с использованием ВКС для обеспечения функционирования оборудования видео-, аудиосвязи; возможность проведения допроса всех участников уголовного судопроизводства вне зависимости от их процессуального статуса; определение процедуры наделения следователя по месту нахождения лица, дающего показания, полномочиями по совершению процессуальных действий, направленных на обеспечение производства допроса.

Список основных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 5 дек. 2001 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2022. [Вернуться к статье](#)
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. // Кодексы Респ. Беларусь. — Режим доступа: http://kodeksy-by.com/ugolovno-protssesualnyj_kodeks_rb.htm. — Дата доступа: 20.01.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 343.13

Ж. А. Шилко

*старший преподаватель кафедры
уголовного процесса и криминалистики
Могилевского института МВД Республики Беларусь*

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПОЛНОМОЧИЯХ ПО ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ УСКОРЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Анализ отдельных положений института ускоренного производства свидетельствует о необходимости их дальнейшего совершенствования, а именно в части регламентации процессуальных полномочий лиц, ведущих уголовный процесс. Несмотря на неоднократные изменения и дополнения, внесенные на протяжении последних двух десятилетий в редакцию Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — УПК), процессуальные полномочия лиц, осуществляющих уголовное преследование при ускоренном производстве, так и не были дополнены соответствующими предписаниями о выборе либо о начале данной процессуальной формы.

Так, нынешняя редакция ст. 36 УПК, регламентирующая полномочия следователя, не содержит упоминаний о проведении следователем досудебного производства в виде ускоренного производства наряду с предварительным следствием. Буквальное толкование ч. 1 ст. 36 УПК свидетельствует о том, что следователь в пределах своей компетенции, предусмотренной УПК, осуществляет предварительное следствие. Однако, согласно содержанию ст. 454 УПК, именно следователь, признав собранные материалы по заявлению или сообщению о преступлении (поступившие, как правило, в орган предварительного следствия из органов дознания) достаточными для возбуждения уголовного дела и направления его в суд, выносит постановление о возбуждении уголовного дела в порядке ускоренного производства, принимает его к своему производству, привлекает в качестве обвиняемого лицо, подозреваемое в совершении преступления и не отрицающее его совершения [1]. Полагаем, что соответствующие дополнения необходимо внести в ч. 5 ст. 36 УПК, положения которой регламентировали бы право следователя возбуждать уголовное дело и проводить предварительное следствие, а также осуществлять ускоренное производство.

В аналогичных дополнениях нуждаются и полномочия начальника следственного подразделения, которые в действующей редакции, согласно п. 4 ч. 2 ст. 35 УПК, касаются права поручать производство только предварительного

следствия. Так, начальник следственного подразделения вправе поручать следователю производство предварительного следствия и давать об этом указания.

По нашему убеждению, ключевой причиной обозначенной проблемы является отсутствие законодательного закрепления момента начала ускоренного производства, что является предметом научной полемики на протяжении продолжительного времени. Разумеется, что последнее слово о применении ускоренного производства либо проведении предварительного следствия остается за следователем. Ведь именно следователем после изучения полученного от органа дознания заявления (сообщения) о преступлении с материалами проверки на основе оценки имеющихся фактических данных, по своему внутреннему убеждению либо по указанию начальника следственного подразделения принимается решение о возбуждении уголовного дела в порядке ускоренного производства. Однако не стоит упускать из вида то обстоятельство, что органом дознания уже проведена предварительная проверка, порядок которой урегулирован ст. 452 УПК, а не ч. 2 ст. 173 УПК, что убедительно свидетельствует об осуществлении уголовно-процессуальной деятельности в порядке ускоренного производства. Ведь ускоренное производство не ограничивается рамками процессуальной деятельности, начинающейся с момента принятия решения о возбуждении уголовного дела.

Из сложившейся в теоретическом и практическом плане действительности в качестве своеобразного процессуального решения, обозначающего начало ускоренного производства, сейчас приходится рассматривать только указание начальника следственного подразделения тому или иному следователю о проведении ускоренного производства, оформленное в соответствии с требованиями УПК письменно. Таким образом, предложенные выше дополнения в процессуальные полномочия начальника следственного подразделения крайне необходимы. Такие указания должны иметь место еще и по той причине, что положения УПК об осуществлении ускоренного производства при наличии указанного в ч. 1 ст. 452 УПК условия носят императивный характер. Поэтому указания начальника следственного подразделения о проведении досудебного производства в форме ускоренного производства способствуют и процессуальному контролю за соответствием процессуальных решений следователя положениям уголовно-процессуального закона. Представляется, что полномочия начальника следственного подразделения необходимо дополнить и изложить соответствующие пункты ч. 2 ст. 35 УПК в следующей редакции: п. 2. «поручать производство предварительного следствия, ускоренного производства следователю» и п. 4. «давать указания следователю о производстве предварительного следствия, ускоренного производства, привлечении в качестве обвиняемого,

квалификации преступления и объеме обвинения, направлении дела, производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий, применении мер пресечения, а также о применении мер по обеспечению безопасности».

Аналогичные изменения и дополнения требуется внести и в полномочия начальника органа дознания, которому поручается проведение проверки по заявлениям и сообщениям о преступлениях. Так, в ч. 4 ст. 38 УПК необходимо закрепить право начальника органа дознания поручать проведение проверки и в порядке ускоренного производства. Кроме этого, последнее предложение ч. 4 ст. 38 УПК после слов «направляет в органы предварительного следствия заявления или сообщения о преступлениях вместе с материалами проверки по ним при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления, в соответствии с пунктом 3 части 1 статьи 174 настоящего Кодекса» необходимо дополнить словами «в том числе в порядке ускоренного производства».

Подводя итог вышесказанному, хотелось бы еще раз подчеркнуть значимость устранения существующих пробелов в процессуальных полномочиях лиц, вовлекаемых в сферу уголовно-процессуальных отношений при проведении ускоренного производства. Сущность данного производства, его процессуальная экономия и эффективность должны достигаться прежде всего рациональным построением самого порядка процессуальной деятельности, в том числе четкой регламентацией процессуальных полномочий лиц, ведущих уголовный процесс.

Список основных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.102

Ю. П. Шкаплеров*первый заместитель начальника**Могилевского института МВД Республики Беларусь,**кандидат юридических наук, доцент***ЗАДЕРЖАНИЕ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ БССР
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.**

Интерес при изучении правовых памятников в уголовном процессе представляет рассмотрение нормативной регламентации мер процессуального принуждения в общем и задержания в частности как уголовно-процессуальных институтов, существенно ограничивающих конституционные права и свободы граждан. Относительно истории задержания заслуживающей внимания видится вторая половина XX в., т. е. время действия Уголовно-процессуального кодекса (далее — УПК) БССР 1960 г., что обусловлено следующим.

В Основах уголовного судопроизводства 1958 г. ст. 32 «Задержание подозреваемого в совершении преступления» располагалась перед ст. 33 «Применение мер пресечения», в то время как в УПК БССР 1960 г. ст. 119, устанавливавшая порядок задержания подозреваемого, включалась в структуру главы 10 «Дознание» раздела 3 «Дознание и предварительное следствие», в которой содержались нормы, регулирующие деятельность органов дознания по уголовным делам, вызов подозреваемого на допрос, окончание и приостановление дознания. Аналогичный подход был характерен и для уголовно-процессуального закона РСФСР, что позволяло таким ученым, как, например, И. Е. Быховский, считать задержание следственным действием [1, с. 15].

В соответствии со ст. 119 УПК БССР 1960 г., правом на задержание подозреваемого обладал только орган дознания, что, на первый взгляд, видится не логичным, т. к., согласно ч. 6 ст. 44 УПК БССР 1960 г., таким полномочием наделялся и следователь. Однако, если вспомнить, в каком контексте в уголовно-процессуальном законе впервые появилось задержание, то озвученный подход советского законодателя становится понятным. В частности, до Октябрьской революции 1917 г. именно полиции, как службе, первой прибывшей на место преступления, делегировалось право задержания лица, заподозренного в его совершении (ст. 257 Устава уголовного судопроизводства 1864 г.). Причем дореволюционные основания задержания, «дрейфуя» по последующим уголовно-процессуальным законам, благополучно с определенными корректировками получили свое закрепление в УПК БССР 1960 г. Точно так же за столетие, прошедшее с момента принятия Устава уголовного судопроизводства,

сохранилась и идея о том, что задержание подозреваемого по горячим следам может осуществить только орган дознания (чаще всего — милиция), оперативно прибывший по сообщению о преступлении. Такая концепция прослеживается как в Инструкции милиции и уголовному розыску о порядке производства дознаний 1926 г. [2, с. 8–9], так и в ст. 100 УПК РСФСР 1922 г., действовавшего на территории советской Белоруссии, и в УПК БССР 1927 г.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 июля 1976 г. в целях обеспечения соблюдения прав граждан и укрепления законности с 1 января 1977 г. вводилось в действие Положение о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления (далее — Положение), которое существенно, по сравнению с уголовно-процессуальным законом, детализировало процессуальный порядок рассматриваемой меры процессуального принуждения. Так, согласно ст. 5 Положения, должностное лицо органа уголовного преследования, осуществившее задержание, теперь обязывалось уведомлять об этом родственников задержанного либо законных представителей несовершеннолетнего лица, подозреваемого в совершении преступления. Исключение из данного правила составляло задержание по подозрению в совершении тяжкого преступления, когда решение о необходимости уведомления членов семьи задержанного принимали следователь, лицо, производящее дознание, индивидуально в каждом конкретном случае [3, с. 3–18]. Кроме того, в отличие от ч. 4 ст. 119 УПК БССР 1960 г., в которой указывалось лишь на необходимость составления протокола задержания и отсутствовало требование о вынесении соответствующего постановления, последнее, но без описания процедуры его вынесения, упоминалось в ч. 2 ст. 3 Положения [3, с. 11]. По сложившейся в МВД практике, нашедшей свое отражение в ведомственных нормативных актах, лицо, производящее дознание, решение о задержании утверждало у начальника органа внутренних дел [4, с. 13]. Статьей 16 Положения подробно регламентировались основания и порядок освобождения задержанного, зафиксированные позднее в УПК Республики Беларусь и, соответственно, не получившие закрепления в УПК БССР 1960 г. В частности, такое освобождение подлежало проводить на основании постановления прокурора, следователя или лица, производящего дознание [3, с. 44]. Однако правило об освобождении задержанных из камер предварительного заключения лишь только на основании постановлений следователя и органа дознания в системе МВД СССР существовало и ранее. Также еще до принятия Положения 1976 г. по указанию МВД СССР милицейские органы дознания и следователи обязывались уведомлять администрацию по месту работы и учебы задержанного лица о его освобождении по реабилитирующим основаниям [4, с. 53–54].

Непосредственно в УПК БССР 1960 г., в отличие от действующего ныне белорусского уголовно-процессуального закона, отсутствовали нормы, устанавливавшие особенности задержания отдельных категорий лиц. Однако такие правила устанавливались в других нормативных актах, например, в Законе СССР «О статусе депутатов Советов депутатов трудящихся в СССР» от 20 сентября 1972 г. [5]. В свою очередь, Положением о дипломатических и консульских представительствах иностранных государств на территории СССР запрещалось задержание главы и персонала дипломатического представительства, а также проживающих вместе с ними членов их семей, не являвшихся советскими гражданами [6].

Таким образом, стоит констатировать, что в рассматриваемый исторический период происходила серьезная нормативная и доктринальная трансформация задержания из фактически дореволюционной формы, когда оно рассматривалось в большей мере как некая специфическая деятельность полиции, в современную, когда под задержанием понимается самостоятельная мера принуждения, применяемая всеми органами уголовного преследования при обязательном соблюдении прав и свобод граждан.

Список основных источников

1. Быховский, И. Е. Процессуальные и тактические вопросы проведения следственных действий : учеб. пособие / И. Е. Быховский. — Волгоград : Высш. следственная школа, 1977. — 95 с. [Вернуться к статье](#)
2. Инструкция Милиции и Уголовному Розыску о порядке производства дознаний. — Могилев-Белоруссия : Типо-Литография изд. «Соха и Молот», 1926. — 42 с. [Вернуться к статье](#)
3. Гуляев, А. П. Комментарий к Положению о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления / А. П. Гуляев, Б. В. Комаров, С. М. Малиновкин ; под ред. С. В. Мурашова. — М. : Юрид. лит., 1982. — 56 с. [Вернуться к статье](#)
4. Березин, М. Н. Задержание в советском уголовном судопроизводстве / М. Н. Березин, И. М. Гуткин, А. А. Чувилов. — М. : Акад. МВД СССР, 1975. — 93 с. [Вернуться к статье](#)
5. О статусе депутатов Советов депутатов, трудящихся в СССР : Закон СССР от 20 сент. 1972 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://museumreforms.ru/pode/13912>. — Дата доступа: 26.01.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
6. Об утверждении Положения о дипломатических и консульских представительствах иностранных государств на территории Союза Советских Социалистических Республик [Электронный ресурс] : Указ Президиума Верхов. Совета СССР от 23 мая 1966 г. № 4961-VI. — Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/9009773>. — Дата доступа: 26.01.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 343.13

*И. С. Щелконогова**преподаватель кафедры административной деятельности
и охраны общественного порядка
Волгоградской академии МВД России*

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С ПРОИЗВОДСТВОМ ОБЫСКА В ОТНОШЕНИИ СПЕЦСУБЪЕКТОВ, В ТОМ ЧИСЛЕ АДВОКАТА

В нормах Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК) имеется глава 52, регламентирующая особую процедуру производства в отношении лиц, наделенных правом иммунитета [1]. Особый порядок производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц подразумевает под собой особую уголовно-процессуальную форму, которая обусловлена закономерностями правового регулирования специального статуса должностных лиц и характером общественных отношений, имеющих место быть при производстве в отношении этих лиц [2]. Несмотря на наличие указанной выше главы, существует множество аспектов, связанных с лицами с особым правовым положением, которые разработаны не в полном объеме. В соответствии с п. 8 ч. 1 ст. 447 УПК, адвокат относится к данной категории лиц. Что касается адвокатов, то они являются борцами с беззаконием и самоуправством. Особый статус адвоката и работа наделяют последнего некоторыми привилегиями, однако не стоит забывать о том, что провести обысковые мероприятия сотрудники предварительного следствия имеют право и у самого адвоката, в связи с чем он не сможет уже сослаться на адвокатскую тайну.

17 апреля 2017 года Федеральным законом были введены нормы ст. 450.1 УПК, касающиеся производства обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката. Хотелось бы отметить, что данные изменения коснулись только адвоката — одного лица из всего перечня, отнесенного к специальным субъектам. Новеллы направлены на гарантии сохранения адвокатской тайны, однако остается вопросом, почему изменения урегулировали только адвокатские образования. Методические рекомендации для представителя адвокатской палаты были утверждены решением совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации (протокол № 2) [3].

До преобразования положений было известно множество случаев производства обыска в отношении адвокатов в адвокатских офисах, когда представители правоохранительных органов изымали документы по своему усмотрению, на что адвокатами высказывались возражения, были написаны жалобы,

которые остались без изменения. После этого адвокатам ничего не оставалось, кроме того, как направить свой протест в Европейский суд по правам человека. Возможно, это явилось одной из причин внесения поправок в главу 52 УПК. В нормах ч. 1 ст. 450.1 УПК указано, что при обыске, осмотре и выемке в отношении адвоката обязательно присутствие члена совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, либо иного представителя, который уполномочен президентом этой же палаты. По нашему мнению, в нормах рассматриваемой нами статьи имеется пробел, связанный с тем, что в нормах УПК не указан статус адвокатского представителя, нет нормы статьи, в которой были бы четко прописаны права и обязанности его как участника уголовного судопроизводства. В практической деятельности нет понимания, кто может являться данным лицом. Что касается его прав и обязанностей, то, по нашему мнению, необходимо процессуально закрепить их в нормах УПК. К примеру, производство беседы наедине с адвокатом является его правом или обязанностью. Так, в положении адвокатской палаты г. Москвы о представителях адвокатской палаты указано, что последний обязан провести беседу с адвокатом, а также указаны другие обязанности [4]. Кроме того, если мы обратимся к нормам Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», то там также нет упоминания о представителе адвоката [5]. Остается спорным также момент, каким образом происходит уведомление данного представителя, каковы сроки уведомления. Считаем, что для избежания трудностей в практической деятельности должны быть регламентированы сроки уведомления, а также его прибытия на место.

Некоторая часть преступлений, совершаемых адвокатами, связана с осуществлением ими мошеннических действий. К примеру, было возбуждено уголовное дело в отношении адвоката в г. Брянске [6].

Отметим, что прошло четыре года с момента введения рассматриваемых нами выше положений статьи. Нормы новой процедуры требуют участия представителя адвокатской палаты при обыске у адвоката. Предполагаем, что данное обстоятельство направлено на сокращение обысков у адвокатов.

На основании вышеизложенного приходим к выводу, что с принятием изменений в УПК, направленных на закрепление процессуального статуса и полномочий представителя адвокатской палаты, ситуация в практической деятельности при производстве обыска не будет вызывать вопросов.

Список основных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 5 дек. 2001 г. : в ред. от 30.12.2021 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2022. [Вернуться к статье](#)
2. Маматкулов, А. Т. Правовая природа особого порядка производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц / А. Т. Маматкулов // Труды Акад. управления МВД России. — М., 2018. — № 1 (45). — С. 158–161. [Вернуться к статье](#)
3. Методические рекомендации для представителя адвокатской палаты при производстве обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката [Электронный ресурс] // ФПА РФ. — Режим доступа: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/guidelines-for-the-representative-of-the-bar-association-during-the-search-inspection-and-seizure-in/>. — Дата доступа: 07.02.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
4. Обыск с представителями [Электронный ресурс] // Адвокатская газета. — Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/novosti/obysk-s-predstavitelyami/>. — Дата доступа: 08.02.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
5. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2022. [Вернуться к статье](#)
6. В Брянске возбуждено уголовное дело в отношении адвоката [Электронный ресурс] // ГТРК БРЯНСК. — Режим доступа: <http://www.br-tvr.ru/index.php/kriminal/34382-v-bryanske-vozbuzhdeno-ugolovnoe-delo-v-otnoshenii-advokata>. — Дата доступа: 08.02.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343.97

А. А. Агеева

адъюнкт Уральского юридического института МВД России

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ПРЕСТУПНИКАМИ-МИГРАНТАМИ

Тенденция совершенствования науки криминалистики набирает обороты под влиянием различных модернизированных методов и средств расследования и раскрытия преступлений. Многообразие имеющихся и разрабатываемых научных категорий криминалистики предопределяет многосмысловое значение практически каждого из них. В рамках данной статьи будет проведено исследование относительно категории «криминалистическая модель преступлений, совершаемых преступниками-мигрантами» с целью дальнейшей разработки криминалистической методики расследования преступлений, совершаемых преступниками-мигрантами. До сих пор в криминалистической науке не сформировалось единого мнения относительно интерпретации категории «криминалистическая модель преступления». Следует привести некоторые точки зрения ученых-криминалистов, активно исследующих данный аспект.

Так, Е. И. Фойгель под криминалистической моделью преступлений, совершаемых адвентальными лицами, понимает «научную абстракцию, созданную на основе познания и анализа закономерностей преступной деятельности, механизма преступления и личностных характеристик адвентального лица в целях создания информационного базиса наиболее эффективных направлений выявления, расследования, раскрытия и предотвращения преступлений, совершаемых адвентальными лицами» [1, с. 160].

Н. П. Яблоков отмечает: «Знания о преступлениях, накопленные теорией криминалистики, выступают в форме типовых моделей преступной деятельности (криминалистической характеристики преступлений). Знания же о преступлении, полученные в результате практического расследования, выступают в форме индивидуальной модели расследуемого преступления, его индивидуальной криминалистической характеристики» [2, с. 102].

Приведенные точки зрения в полном объеме отражают не только теоретический, но и практический кластер информации о криминалистической модели преступлений. Тем не менее в рамках проводимого исследования будет дано авторское определение категории криминалистической модели преступлений, совершаемых преступниками-мигрантами.

В целях детализации структурных компонентов рассматриваемой категории необходимо аргументировать целесообразность включения таковых в комплексное положение. Однозначно при рассмотрении структурных компонентов криминалистической модели преступлений, совершаемых преступниками-мигрантами, первостепенное значение приобретает криминалистическая характеристика преступления, которая составляет базу методики расследования группы (вида) преступлений, помимо этого: комплекс знаний из различных отраслей права, нормы зарубежного законодательства, опыт расследования рассматриваемой категории уголовных дел; событие преступления, подлежащее расследованию; обстоятельства, подлежащие установлению, исходя из анализа следственных ситуаций и выдвинутых на их основе версий по расследованию преступлений; личность преступника-мигранта; мотивация и цель совершения преступления преступником-мигрантом; алгоритмизация действий следователя по расследованию; средства и способы устранения противодействия со стороны участников расследования; организация профилактических мероприятий, направленных на предупреждение совершения преступных деяний.

В целях правильного понимания необходимости отнесения в комплексную криминалистическую модель преступлений, совершаемых преступниками-мигрантами, следует кратко детализировать отдельные ее элементы.

Дискуссионности с отнесением криминалистической характеристики преступления к криминалистической модели преступлений, совершаемых преступниками-мигрантами, к обстоятельствам, подлежащим установлению, не возникает, чего не скажешь о комплексности знаний, нормативности отдельных положений, опытности. Обращаясь к источникам методики расследования преступлений той или иной категории, правоприменитель в каждом случае обращается к нормативно-правовым установлениям, научным позициям, опыту других структурных подразделений, обладающих знаниями в области установления личности преступника-мигранта, его розыска и прочее. Именно поэтому автор относит данный элемент в общую криминалистическую модель преступлений, совершаемых преступниками-мигрантами.

Следующий структурный элемент — событие преступления, подлежащее расследованию. Данная категория абстрактна, т. к. включает в себя многие криминалистические элементы, входящие в криминалистическую характеристику преступления, тем не менее, в рамках рассматриваемой модели важно установить именно событие преступления, а не сам факт его совершения, дабы исключить возможности инсценировки, укрывательства и т. д. Мотивация и цель совершения преступления выступают элементами субъективной стороны преступления, однако с точки зрения криминалистической науки данные

категории особенно важны в ходе установления поведенческих особенностей личности преступника, его образа жизни, деятельности, сложившихся жизненных ситуаций на момент совершения преступления.

Такие элементы, как противодействие расследованию преступления и предупреждение совершения таковых в дальнейшем, обоснованно востребованы в том смысле, что следователь (дознатель) самостоятельно принимает меры к устранению криминогенного фактора, способного вызвать повторное либо совершение нового преступления.

Сложность представленной структуры криминалистической модели преступлений, совершаемых преступниками-мигрантами, ее изменчивость и специфичность обусловлены особенностями криминалистической деятельности в рамках расследования совершенного преступления. Возникающие трудности с установлением и тактически верным закреплением механизма преступной деятельности однозначно обуславливают потребность в теоретико-практической разработке криминалистической модели преступлений, совершаемых преступниками-мигрантами.

Основой расследования преступлений, совершаемых преступниками-мигрантами, выступает обнаружение, фиксация и изъятие следов преступлений, а также установление личности преступника-мигранта с целью привлечения его к уголовной ответственности. Наличие многообразия имеющихся причинно-следственных связей отдельных элементов криминалистической модели преступления требует от следователя (дознателя) пристального внимания в установлении закономерностей в ходе совершения такого преступления.

Список основных источников

1. Фойгель, Е. И. О криминалистической модели преступлений, совершаемых адвентальными лицами / Е. И. Фойгель // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. — 2019. — № 33. — 227 с. [Вернуться к статье](#)
2. Яблоков, Н. П. Криминалистика : учебник / Н. П. Яблоков ; под ред. Н. П. Яблокова. — 4-е изд. перераб. и доп. — М. : Норма : Инфра-М, 2010. — 752 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.98

*Т. Ю. Баранова**адъюнкт 1 года обучения ФПНПиНК**Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя*

ЭЛЕМЕНТЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ОБЪЕКТАХ ВОЗДУШНОГО ТРАНСПОРТА

Криминалистическая характеристика состоит из определенного количества составных элементов, которые представляют собой совокупную систему признаков, характерных для конкретного вида преступных деяний. Конкретизируем содержание этой системы.

Важно отметить тот факт, что криминалистическая характеристика является ориентирующим, поисковым звеном, выступающим в роли составной части конкретных частных методик расследования преступлений, которое, в свою очередь, собирает в себе исходную информацию о преступлении в форме структурированного, проанализированного материала, благодаря которому создается информационная база для дальнейшего детального изучения аналогичных противоправных действий [1].

Предопределяя значение криминалистической характеристики, важно отметить, что изучение преступлений на первоначальном этапе состоит из собирания информации по данному факту, имеющей значение для принятия дальнейших решений.

Вышеперечисленные положения содержат в себе обобщенные данные о понятии, содержании, структуре и значении криминалистической характеристики преступлений в целом, а также являются научной основой для определения этой криминалистической категории применительно к преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее — ИТТ) на объектах воздушного транспорта. При этом важно иметь в виду особенности уголовно-правовой характеристики данного состава преступления.

Объектом преступных посягательств данного вида, в том числе на воздушном транспорте, выступает общественная безопасность, поскольку противоправные деяния в данной сфере приводят к нарушению эффективного функционирования воздушного транспортного комплекса.

Предметом преступлений, совершаемых на объектах воздушного транспорта с использованием ИТТ, выступают сведения (сообщения, данные),

представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи, что является одним из элементов криминалистической характеристики [2].

Для обстановки преступлений, совершаемых на объектах воздушного транспортного комплекса с использованием ИТТ, характерно использование виртуального пространства [3].

К способам совершения преступлений на объектах воздушного транспорта с использованием ИТТ относятся:

- несанкционированный доступ пользователя к ресурсам систем, обеспечивающих безопасность транспортного комплекса;
- получение злоумышленником информации о программно-аппаратной среде;
- получение злоумышленником данных о применяемых системах защиты;
- перехват данных, передаваемых по каналам связи;
- установка и использование нештатного аппаратного обеспечения и т. д.

Преступники в процессе совершения преступлений с помощью ИТТ на объектах воздушного транспорта пользуются современными средствами связи, различными интернет-сервисами, электронными носителями информации, а также создают интернет-страницы и сайты. В этих условиях речь можно вести о появлении информационных следов в виртуальном пространстве и о необходимости обнаружения, фиксации, изъятия и исследования информации, содержащейся на электронных носителях [4].

Подводя итоги изложенному, отметим, что криминалистическая характеристика преступлений, совершаемых на объектах воздушного транспортного комплекса с использованием ИТТ, складывается из элементов, установление которых имеет особое значение при раскрытии преступлений. К таковым относятся: объект преступного посягательства, предмет, типичные черты, последствия преступных деяний, характеристика личности преступника и т. д.

Результаты изучения криминалистической характеристики преступлений, совершенных с использованием ИТТ на объектах воздушного транспортного комплекса, убеждают в необходимости применения в целях их выявления и расследования специальных знаний в области информационных технологий, компьютерной и криминалистической техники в форме предварительных, а затем и экспертных исследований. Совершение высокотехнологичных преступлений объективно обуславливает необходимость использования еще более совершенных технологий, систем и аппаратно-программных комплексов в целях их выявления и расследования.

Эффективное реагирование на преступления, совершаемые с помощью ИТТ на объектах воздушного транспорта, возможно при реализации основных форм и методов противодействия. К таковым относятся: наличие и своевременное изменение в соответствии с уровнем потенциальных угроз многоуровневой системы защиты рабочих мест на основе технологий нового поколения; защита каналов связи, обеспечивающая единый безопасный шлюз для взаимодействия встроенных электронных блоков управления и защиту центров обработки данных, позволяющую обеспечивать надежную защиту сетей, серверов и рабочих мест с возможностью централизованного контроля.

Список основных источников

1. Белкин, Р. С. Криминалистическая энциклопедия / Р. С. Белкин. — М. : Мегатрон XXI, 2000. — 2-е изд. — 334 с. [Вернуться к статье](#)
2. Овчинский, В. С. Основы борьбы с киберпреступностью и кибертерроризмом : учеб. пособие / Овчинский В. С.; под ред. В. С. Овчинского. — М. : 2017. — 528 с. [Вернуться к статье](#)
3. Топорков, А. А. Криминалистическая методика расследования преступлений (бакалавриат) : учебник / А. А. Топорков. — М. : Юстиция, 2018. — 427 с. [Вернуться к статье](#)
4. Сидакова, А. А. Система норм об обеспечении транспортной безопасности в уголовном законодательстве России и за рубежом / А. А. Сидакова // Транспортное право. — М. — 2018. — № 1. — С. 22–25. [Вернуться к статье](#)

УДК 336.719.2

С. Ю. Воробьёв*начальник сектора информационной безопасности ЗАО «РРБ-Банк»****Г. В. Мишнев****заместитель начальника отдела**Генеральной прокуратуры Республики Беларусь*

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАЩИТЫ БАНКОВСКОГО ТЕРМИНАЛЬНОГО ОБОРУДОВАНИЯ ОТ ВРЕДОНОСНОГО ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Одними из наиболее существенных угроз национальной безопасности государства являются угрозы в экономической и информационной сферах. Противоправная деятельность злоумышленников в киберпространстве, направленная на информационную инфраструктуру банков, которая основывается на использовании современных информационных систем и технологий, может привести к дестабилизации финансовой и денежно-кредитной систем государства.

В каждом банке функционирует собственная служба безопасности (в том числе информационной). Многие сертифицируют свои процессы в соответствии с требованиями международных стандартов в сфере информационной безопасности, таких как PCI DSS, ISO 27001, Программа безопасности пользователей SWIFT и т. д. Применение в информационных системах банковских учреждений защитных мероприятий по тщательному отбору персонала, поддержанию здорового климата в коллективе, ролевой модели доступа пользователей, эксплуатации антивирусного программного обеспечения, а также DLP-систем и SIEM-систем, брандмауэров, разработке локальных актов по вопросам информационной безопасности в совокупности существенно снижает вероятность успешной реализации таргетированной кибератаки злоумышленников.

Вместе с тем в банковской деятельности широко применяются банкоматы, информационные платежные терминалы самообслуживания, электронные депозитарные машины (так называемое терминальное оборудование). Одновременно за последние несколько лет произошла эволюция от физических атак на терминальное оборудование до атак с применением средств высоких технологий.

Для логического завершения кибератаки на банкомат необходимо находиться рядом с последним для изъятия наличных денежных средств. Как правило, для непосредственного обналичивания денег с атакованного банкомата

злоумышленники привлекают «мулов» — пособников, которые по команде вводят уникальный сессионный ключ либо используют специальную карту для авторизации несанкционированной транзакции, после чего изымают наличность [1].

Однако до финальной стадии необходимо осуществить внедрение вредоносного программного обеспечения (далее — ВПО) в компьютер банкомата, что производится получением физического доступа к USB-портам либо оптическому приводу последнего либо удаленным внедрением ВПО, посредством предварительной компрометации внутренней информационной сети банка, получением и дальнейшим распространением зловреда на сеть банкоматов.

Вышеуказанные инциденты с терминальным оборудованием крайне негативно сказываются на репутации кредитно-финансовых учреждений [2].

Необходимо отметить, что в технических нормативных правовых актах, регулирующих сферу информационной безопасности в банковской отрасли Республики Беларусь (СТБ 34.101.41-2013 и ТТП ИБ 1.1-2020), отсутствует прямое нормативное предписание на обеспечение антивирусной защиты терминального оборудования (обязательной антивирусной защите подлежат только серверы и рабочие станции), что также увеличивает риск заражения терминального оборудования в случае атак с использованием ВПО.

Так, согласно абз. 1 п. 7.5.1 СТБ 34.101.41-2013, *«на всех автоматизированных рабочих местах и серверах автоматизированной банковской системы, если иное не предусмотрено технологическим процессом, должны применяться средства антивирусной защиты, сертифицированные в национальной системе сертификации либо имеющие положительное заключение государственной экспертизы»* [3]. Таким образом, прямое требование по установке антивирусного программного обеспечения на терминальное оборудование в вышеуказанном СТБ отсутствует (установка антивируса фактически осуществляется банками — владельцами терминального оборудования «инициативно»). Абзац 1 п. 7.5.1 ТТП ИБ 1.1-2020 фактически дублирует требование стандарта *«на всех автоматизированных рабочих местах и серверах автоматизированной банковской системы, если иное не предусмотрено технологическим процессом, должны применяться средства антивирусной защиты»* [4].

На основании вышеизложенного представляется целесообразным в данных СТБ и ТТП дополнить абз. 1 п. 7.5.1 словами «а также терминальном оборудовании», изложив его в следующей редакции: *«На всех автоматизированных рабочих местах и серверах автоматизированной банковской системы, если иное не предусмотрено технологическим процессом, а также терминальном оборудовании (банкоматах, платежно-справочных терминалах*

самообслуживания, электронных депозитарных машинах) должны применяться средства антивирусной защиты».

Вышеуказанные изменения закрепят необходимость обязательного применения средств антивирусной защиты и, как следствие, повысят безопасность при использовании операций с банковскими платежными картами и наличными денежными средствами.

Список основных источников

1. Торчиков, В. 10 лет изящного взлома. Как развивалось вредоносное ПО для банкоматов / В. Торчиков // Системы безопасности. — 2019. — № 5. — С. 32–36. [Вернуться к статье](#)
2. Защита банкоматов и платежных терминалов от вредоносных программ и инсайдеров [Электронный ресурс] // Издание Anti-Malware.ru – Независимый информационно-аналитический центр по информационной безопасности. — Режим доступа : <https://www.anti-malware.ru/node/2354>. — Дата доступа: 21.12.2021. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
3. Информационные технологии и безопасность. Обеспечение информационной безопасности банков Республики Беларусь. Общие положения = Інформаційні технології і безпека. Забезпечення інформаційної безпеки банків Республіки Беларусь. Агульні палажэнні : СТБ 34.101.41-2013. — Введ. впервые. — Минск : Белорус. гос. ин-т стандартизации и сертификации, 2013. — 40 с. [Вернуться к статье](#)
4. Технические требования и правила информационной безопасности в банковской деятельности [Электронный ресурс] // Официальный сайт Национального банка Республики Беларусь. — Режим доступа: <https://www.nbrb.by/legislation/informationsecurity>. — Дата доступа: 21.12.2021. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 343.98

*Ю. Н. Гаркуша**магистрант**Академии МВД Республики Беларусь*

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ХИЩЕНИЙ ГОРЮЧЕ-СМАЗОЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ

Обеспечение экономической стабильности государства является одной из приоритетных задач Республики Беларусь. Выполнению этой задачи способствует в том числе и активное противодействие преступности в экономической сфере. Экономические правонарушения — опасное явление, которое нарушает не только права человека, но и, порождая социальное неравенство, вызывает недоверие граждан к органам государственной власти. При этом правонарушения в области экономики обладают так называемой сверхлатентностью (незарегистрированная государственными органами часть фактической преступности). К самым распространенным преступлениям в сфере экономики относятся хищения горюче-смазочных материалов (далее — ГСМ). По оценкам экспертов, количество выявленных преступлений в топливно-энергетическом комплексе ничтожно мало по сравнению с реальными оборотами такого продукта на теневом рынке.

Причинами многих правонарушений в сфере оборота ГСМ выступают рассогласование экономического механизма, нарушение воспроизводственных пропорций, отсутствие правильно организованного учета и контроля, относительно легкий способ создания излишков, основанный во многом на манипуляциях в связи с постоянным ростом цен на ГСМ.

Для правонарушений в сфере оборота ГСМ характерны следующие виды хищений: кража, присвоение и растрата вверенного имущества, хищение путем злоупотребления служебными полномочиями. Ввиду вовлеченности в большинстве случаев в совершение хищений материально ответственных и/или должностных лиц противоправные действия могут содержать и признаки служебного подлога.

Анализ специальной литературы свидетельствует о том, что методике расследования хищений ГСМ уделяется недостаточно внимания. Имеются некоторые проблемы и в правоприменительной практике. Так, изучение приостановленных и архивных уголовных дел о рассматриваемых видах преступлений, отказных материалов показывает, что на первоначальном этапе расследования хищений ГСМ следователями и оперативными сотрудниками нередко допускаются ряд различных ошибок, связанных с поиском и фиксацией следов

преступления, использованием специальных знаний и др., исправить которые в дальнейшем невозможно ввиду утери потенциальной доказательственной информации. Значительная часть подобных ошибок обусловлена недостаточным знанием следователями и оперативными сотрудниками закономерностей преступного поведения расхитителей; недостаточностью криминалистических рекомендаций по поиску следов преступления, их криминалистическому анализу, просчетами в систематизации и использовании содержащихся в документах финансово-хозяйственной деятельности сведений.

Кроме того, изменения, произошедшие в социально-экономической и правовой сферах, влекут возникновение принципиально новых следственных ситуаций, требующих теоретического осмысления и выработки современных практически значимых рекомендаций по проведению расследования рассматриваемых преступлений, включающих организационно-тактические особенности проведения следственных действий, использования специальных знаний, взаимодействия следователя с другими правоохранительными и контрольно-надзорными органами. Комплексное решение отмеченных и иных вопросов возможно при помощи разработки частной криминалистической методики расследования хищений ГСМ и внедрения ее основных положений в следственную и оперативную практику.

Разработкой темы хищений ГСМ занимались такие ученые как Г. С. Орлов, А. И. Приходько, В. Н. Омелин, Н. Н. Романец, О. П. Грибунов, А. И. Милюс, Е. В. Бухтояров и другие. В их работах отражены вопросы, преимущественно связанные со средствами, приемами и методами противодействия хищениям нефтепродуктов из магистральных трубопроводов. При этом альтернативным способам хищения ГСМ должного внимания не уделяется.

Вышеизложенное свидетельствует о необходимости разработки теоретических положений и основанных на них научно обоснованных и практически значимых рекомендаций и предложений по совершенствованию расследования хищений ГСМ посредством раскрытия таких вопросов, как взаимодействие оперативных сотрудников со следственными органами, особенности проведения проверочных мероприятий в ходе противодействия хищениям ГСМ, использование специальных знаний в ходе противодействия хищениям ГСМ.

Углубленное изучение обозначенных вопросов обусловлено как тенденцией роста хищений ГСМ, так и появлением новых способов совершения рассматриваемых преступлений, недостаточной разработанностью стратегии и тактики борьбы правоохранительных органов с ними, потребностью совершенствования уровня соответствующей подготовки и образования сотрудников правоохранительных органов, повышения эффективности взаимодействия следователей и работников оперативных подразделений.

УДК 343.982

В. Л. Григорович*доцент кафедры криминалистики юридического факультета**Белорусского государственного университета,**кандидат юридических наук, доцент*

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ АКТОВ С ПОМОЩЬЮ РАДИОГОЛОГРАФИИ

Террористический акт является постоянно действующим политическим фактором дестабилизации обстановки в государстве и обществе. В наше время теракты с использованием взрывных устройств, вооруженное насилие все чаще используются для оказания давления и запугивания при достижении корыстных целей. Данные преступления оказывают ощутимое негативное морально-психологическое воздействие на население, порождают страх, беспокойство за свою жизнь и жизнь близких, чувство неуверенности и незащищенности.

В большинстве случаев указанные деяния совершаются в условиях неочевидности. Это обстоятельство предопределяет необходимость тесного взаимодействия следственных, оперативно-розыскных и экспертно-криминалистических подразделений, а также напрямую зависит от использования современных средств предотвращения преступлений. Одним из таких средств является высокоскоростной терминал досмотра людей (пассажиров), обладающий высокой проникающей способностью и высоким пространственным разрешением. Основным звеном терминала является радиоголографический сканер, работающий на отражение, т. е. передающая и приемная части антенны расположены с одной стороны зондируемой поверхности, поэтому не требуется иметь двухсторонний доступ к исследуемому объекту.

Уникальный высокоскоростной терминал досмотра пассажиров разработали российские ученые А. В. Журавлев, С. И. Ивашов, В. В. Разевиг, И. А. Васильев (Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана) и А. С. Бугаев (Московский физико-технический институт) [1; 2].

Стоит отметить, что в нашу жизнь уже давно вошли такие средства обеспечения безопасности, как аэропортные металлодетекторы, специально разработанные для применения в местах проведения массовых мероприятий, школах, банках, аэропортах, университетах, зданиях судов, на вокзалах, станциях метрополитена, стадионах и в других учреждениях.

Так, например, многозонный аэропортный металлодетектор «КОРДОН С2» предназначен для обнаружения огнестрельного и холодного оружия, а также

других запрещенных к проносу металлических предметов при личном досмотре человека, осуществляющего проход через арку металлодетектора (рис. 1). Расположение обнаруженных металлических предметов отображается с помощью 6-зонных светодиодных индикаторов на торцах панелей по всей высоте зоны прохода, что облегчает процесс досмотра и увеличивает пропускную способность. Чувствительность металлодетектора регулируется в широких пределах, позволяя его настроить для решения различных задач — от обнаружения оружия до поиска небольших металлических предметов, а установленное в нем оборудование позволяет подавать сигнал тревоги путем срабатывания световой и звуковой сигнализации. Увидеть объект, на который среагировала сигнализация, металлодетектор не позволяет, и его использование при обнаружении того же пистолета, спрятанного под одеждой, не даст ответа на вопрос, какие именно предметы находятся как в одежде человека, так и под ней: пуговица, ключ, пистолет, нож или иной металлический предмет. Применение средств радиолокации позволяет точно определить, что и где именно находится у человека, проходящего сквозь радиолокационный комплекс.

Высокоскоростной терминал досмотра пассажиров имеет достаточное разрешение, обладает хорошей проникающей способностью для плотной и влажной одежды, позволяет досматривать людей, не затрудняя и не ограничивая их естественное перемещение.

В разработанном терминале рассмотрены возможности использования волн сантиметрового диапазона для получения изображений предметов, скрытых под одеждой человека. Волны данного диапазона, по сравнению с миллиметровыми волнами, имеют значительно более низкий коэффициент затухания в средах с высокой влажностью. Увеличенная длина волны отчасти приводит к ухудшению пространственного разрешения, но это не оказывает существенного влияния на обнаружение крупных предметов размером в несколько сантиметров. Кроме того, количество отражений от мелких неоднородностей, зашумляющих конечное восстановленное изображение, уменьшено. Низкая стоимость элементарной базы сантиметрового диапазона приводит к более низкой стоимости радиолокационной системы. Для повышения скорости сканирования рассмотрена возможность использования обработки сигнала, применяемой в MIMO (Multiple Input Multiple Output) системах.

Для получения экспериментальных голограмм с высоким пространственным разрешением был специально изготовлен радиолокационный комплекс, состоящий из линейного сканера, передатчика, приемника, блока управления и антенны, программного обеспечения микроконтроллера и программного обеспечения на стороне управляющего персонального компьютера. При создании

комплекса был применен опыт разработки голографических радиолокаторов серии «РАСКАН» [3–8]. Объектом исследования являлся манекен человека с расположенным на поясе пистолетом (рис. 2). Размер области сканирования — 100×112 см, шаг сканирования — 0,5 см, частота — 14,4 ГГц. Радиолокатор перемещался при помощи сканера. Горизонтальное перемещение манекена осуществлялось с помощью подвижной платформы (рис. 3).

Рис. 1. Многозонный арочный металлодетектор «КОРДОН С2»

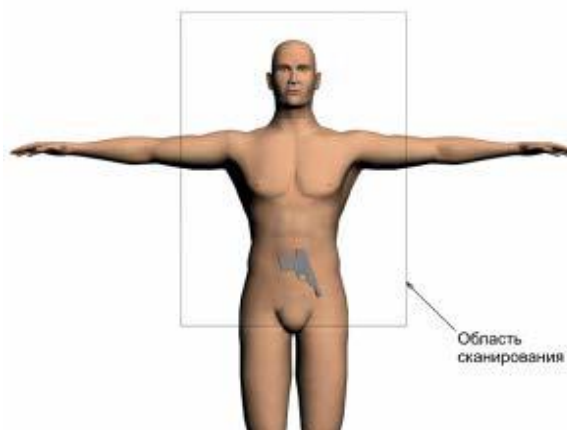

Рис. 2. Модели человека и пистолета на его теле, использованные в экспериментах

С использованием изготовленного радиоголографического сканера были получены экспериментальные голограммы манекена, под одеждой которого располагался пистолет (рис. 4). Зондирование осуществлялось с различных расстояний от непосредственной близости до расстояния одного метра [1; 2].

Рис. 3. Макет микроволнового сканера с подвижной платформой для горизонтального перемещения манекена

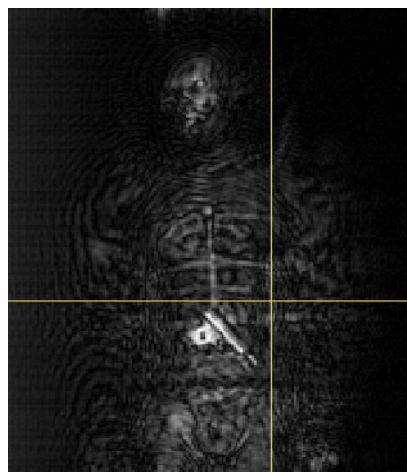

Рис. 4. Изображение радиоголограммы манекена и пистолета на его теле

Еще одним перспективным устройством, над созданием которого активно работают указанные выше авторы, является ручной радиолокатор для обследования подозрительных пассажиров, способный получать радиоизображения скрытых предметов, расположенных под одеждой человека. Для слежения за относительным перемещением вдоль поверхности одетого испытуемого может быть также использован оптический датчик, подобный тем, что используются в оптических манипуляторах типа «мышь» с персональными компьютерами. Совместная обработка данных оптического и радиолокационного датчиков позволит получить регистрируемые радиоизображения, а использование широкой полосы частот значительно улучшит их качество. Оперировать таким прибором будет не сложнее, чем металлодетектором, а преимущество использования радиолокатора будет заключаться в способности получать изображение как металлических, так и диэлектрических предметов под одеждой человека [6].

В заключение отметим, что использование правоохранительными органами ручного радиолокатора и высокоскоростного терминала досмотра пассажиров будет иметь самое положительное значение. Это обеспечит предотвращение не только терактов, но и других преступлений, таких как разбойные нападения, убийства, контрабандный вывоз за границу исторических и культурных ценностей белорусского народа, и многих других.

Список основных источников

1. Разевиг, В. В. Моделирование процесса регистрации радиоголограмм объектов сложной формы радиолокаторами малой и сверхмалой дальности / В. В. Разевиг // Наука и образование : электр. науч.-техн. журнал МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2014. — № 6. — С. 336–353. [Вернуться к статье](#)
2. Разработка методов, основанных на регистрации и восстановлении голографических радиолокационных изображений СВЧ диапазона, для создания высокопроизводительных железнодорожных терминалов досмотра пассажиров [Электронный ресурс] / А. В. Журавлев [и др.] // Технические и программные средства систем управления, контроля и измерения : тр. III рос. конф. с междунар. участием. — М.: ИПУ РАН, 2012. — С. 321–333. Режим доступа: http://cmm.ipu.ru/sites/default/cmm12cd/CD/Papers/report_pdfed_.pdf. — Дата доступа: 07.02.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
3. Holographic Subsurface Radar of RAS-CAN Type: Development and Applications / S. I. Ivashov [et al.] // IEEE Journal of Selected Topics in Earth Observations and Remote Sensing. — Vol. 4. — № 4. December 2011. — P. 763–778. [Вернуться к статье](#)
4. Разработка технологии голографических подповерхностных радиолокаторов и ее применение / С. И. Ивашов [и др.] // Успехи современной радиоэлектроники : науч.-техн. журнал, 2009. — № 1–2. — С. 5–18. [Вернуться к статье](#)
5. Применение голографических подповерхностных радиолокаторов для обследования и диагностики конструкционных материалов / В. В. Разевиг [и др.] //

Радиолокация и радиосвязь : материалы III Всерос. науч.-техн. конф., Москва, 26–30 окт. 2009 г. / ИРЭ РАН. — М. : ИРЭ РАН, 2009. — Т. 1. — С. 210–218. [Вернуться к статье](#)

6. Лаборатория дистанционного зондирования RSLab [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rslab.ru/russian/product>. — Дата доступа: 07.02.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

7. The Holographic Principle in Subsurface Radar Technology, International / S. Ivashov [et al.] // Symposium to Commemorate the 60th Anniversary of the Invention of Holography, Springfield, Massachusetts USA, October 27–29. — 2008. — P. 183–197. [Вернуться к статье](#)

8. An example of holographic radar using at restoration works of historical building / V. V. Razevig [et al.] // Progress In Electromagnetics Research Letters. — 2008. — Vol. 1. — P. 173–179. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.98

*Т. Н. Данькова**адъюнкт научно-педагогического факультета
Академии МВД Республики Беларусь*

О НЕОБХОДИМОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ВЛАСТЬЮ ИЛИ СЛУЖЕБНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ

Эффективное противодействие коррупционным проявлениям является приоритетным направлением деятельности государственных органов.

Одним из направлений борьбы с указанного рода преступными проявлениями является совершенствование теоретической и практической составляющей правоохранительных органов.

До настоящего времени в Республике Беларусь на монографическом уровне не проводились исследования, посвященные методике расследования злоупотребления властью или служебными полномочиями (далее — злоупотребление). Имеющиеся работы отечественных авторов затрагивают уголовную составляющую борьбы со злоупотреблением либо отдельные элементы криминалистической методики расследования рассматриваемого преступного деяния.

Проведенный ретроспективный анализ становления и развития криминалистических знаний о расследовании злоупотребления показал, что зарождение основ методики расследования указанного преступления происходило в рамках групповой методики расследования должностных преступлений. В 1925 г. В. И. Громов в своей работе «Дознание и предварительное следствие» в главе, посвященной особенностям расследования должностных преступлений, сформировал ряд положений, касающихся расследования злоупотребления [1]. С этого времени начала формироваться методика расследования злоупотребления, происходила реализация отдельных ее элементов.

В различные исторические периоды методика расследования злоупотребления менялась с учетом познаний в научной деятельности и изменений в практике расследования злоупотребления.

Свой вклад в становление и развитие криминалистической методики расследования злоупотребления внесли Э. У. Бабаева, О. Ш. Багиров, А. Н. Васильев, А. В. Дулов, Т. Д. Кривенко, А. А. Кузнецов, Э. Д. Куранова, Н. О. Лаговьер, А. Н. Ларьков, С. П. Митричев, П. И. Тарасов-Родионов, М. П. Хилобок, А. М. Хлус, Б. М. Шавер, М. П. Шаламов и др.

Как было отмечено выше, отечественными авторами исследования по проблемам расследования злоупотребления практически не проводились.

Работы последнего тридцатилетия, в которых имеются криминалистические рекомендации по расследованию злоупотребления, носят единичный характер.

Для оптимизации практической деятельности прокуратурой Республики Беларусь в 2006 г. разработано пособие «Методика расследования коррупционных преступлений». В указанном пособии методике расследования злоупотребления отведена отдельная глава, в которой отражены отдельные элементы криминалистической характеристики злоупотребления (способ и обстоятельства, способствующие совершению указанного преступления), а также особенности тактики и методики расследования указанного преступного деяния в целом [2].

Согласимся с А. М. Хлусом, который, проведя анализ рекомендаций, изложенных в вышеуказанном пособии, указал, что в нем изложен только один криминалистический элемент — способ совершения злоупотребления. Иные элементы, такие как мотив, обстоятельства, способствующие совершению преступления, а также связь должностных преступлений с другими преступными деяниями напрямую не относятся к криминалистическим знаниям о расследовании отдельных видов преступлений. Также обращает на себя внимание отсутствие в криминалистической характеристике рассматриваемого преступления таких важных ее элементов, как описание личности преступника, объекта преступления и обстоятельств, подлежащих установлению и доказыванию, которые являются важной составляющей частью многих криминалистических характеристик иных преступлений [3, с. 252].

Большинство рекомендаций по расследованию злоупотребления, выработанных различными авторами в период становления и развития методики расследования указанного преступного деяния, не соответствуют потребностям времени, а также требуют пересмотра с учетом развития теоретических основ методики расследования отдельных видов преступлений.

Для совершенствования практической составляющей борьбы со злоупотреблением, а также продвижения в познании криминалистических знаний о расследовании указанного преступного деяния считаем необходимым проводить исследования, в ходе которых изучить криминалистическую характеристику злоупотребления, выявить закономерные взаимосвязи между ее структурными элементами, выделить типичные следственные ситуации, возникающие в ходе расследования злоупотребления, и определить оптимальную последовательность действий органа уголовного преследования в каждой из них, а также выработать предложения, направленные на совершенствование правоприменительной практики правоохранительных органов в ходе расследования злоупотребления.

Подводя итог сказанному, отметим, что в настоящее время необходимо совершенствование методики расследования злоупотребления властью или служебными полномочиями путем разработки теоретических положений и практико-ориентированных рекомендаций, направленных на совершенствование деятельности по расследованию злоупотребления властью или служебными полномочиями.

Список основных источников

1. Громов, В. И. Дознание и предварительное следствие / В. И. Громов ; под ред. Н. В. Крыленко. — М. : Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1925. — 210 с. [Вернуться к статье](#)
2. Методика расследования коррупционных преступлений : науч.-практ. пособие для следователей и оперативных работников правоохранительных органов / С. В. Войцеховская [и др.] ; под общ. ред. В. Х Кадырова. — Минск, 2006. — 306 с. [Вернуться к статье](#)
3. Хлус, А. М. Некоторые аспекты уголовно-правовой и криминалистической характеристики злоупотребления властью или служебными полномочиями / А. М. Хлус // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Респ. Беларусь. — 2018. — Вып. 11. — С. 247–254. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.985

*И. А. Демченко**адъюнкт кафедры криминалистики и домедцинской подготовки
Днепропетровского государственного университета
внутренних дел (Украина)*

БЕЗОПАСНОСТЬ УЧАСТНИКОВ СЛЕДСТВЕННЫХ (РОЗЫСКНЫХ) ДЕЙСТВИЙ КАК УСЛОВИЕ ИХ ПРОВЕДЕНИЯ

Организация и проведение следственных (розыскных) действий всегда сопровождаются рисками и угрозами. Законом Украины «Об обеспечении безопасности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве» регламентируются права и обязанности органов, обеспечивающих безопасность, права и обязанности лиц, требующих защиты [1]. Меры обеспечения безопасности, определенные в ст. 7 рассматриваемого закона, реализуются путем: личной охраны, охраны жилья и имущества; выдачи специальных средств индивидуальной защиты и оповещения об опасности; использования технических средств контроля и прослушивания телефонных и других переговоров, визуального наблюдения; замены документов и изменения внешности; изменения места работы или учебы; переселения в иное место проживания; помещения в школьное, воспитательное учреждение или учреждение органов социальной защиты населения; обеспечения конфиденциальности сведений о личности; закрытого судебного рассмотрения [1]. Рассматриваемый нормативно-правовой акт направлен на обеспечение безопасности участников уголовного производства, нуждающихся в защите.

Требуют внимания и позиции ученых относительно рассматриваемой категории. Определение оптимальной линии поведения со стороны должностных лиц правоохранительного органа при применении мер обеспечения безопасности, как утверждает В. С. Зеленецкий, требует учета конкретной ситуации. Автором отмечается, что на практике в процессе борьбы с преступностью реализуются разные варианты применения одного и того же средства безопасности в разных ситуациях, что позволяет говорить о функциональной поливариантности средств безопасности [2, с. 116]. Указанное обуславливает тактику действий соответствующих субъектов расследования в обеспечении безопасности.

Приведенная позиция отражает такое распространенное условие досудебного расследования, как противодействие преступности и ее преодоление. Уголовный процессуальный кодекс Украины (далее — УПК Украины) [3] наделяет правами по обеспечению мер безопасности такую категорию участников уголовного производства, как подозреваемый, обвиняемый (согласно

ч. 12 ст. 42 УПК Украины — «заявлять ходатайство о проведении процессуальных действий об обеспечении безопасности относительно себя, членов своей семьи, близких родственников, имущества, жилья и т. д.»); потерпевший (согласно ч. 5 ст. 56 УПК Украины — «при наличии соответствующих оснований на обеспечение безопасности относительно себя, близких родственников или членов своей семьи, имущества и жилья»); свидетель (согласно ч. 8 ст. 66 УПК Украины — «заявлять ходатайство об обеспечении сохранности в вариантах, предусмотренных законом»). Подобными правами наделены и иные участники, в частности, переводчик (ч. 4 ст. 68 УПК Украины); эксперт (ч. 7 ст. 69 УПК Украины); специалист (ч. 6 ст. 71 УПК Украины); представитель персонала органа пробации (ч. 2 ст. 72-1 УПК Украины). Положения анализируемых нами статей в первую очередь направлены на обеспечение безопасности участников производства от осуществления давления на них и их физической и психической безопасности. В то же время указанные положения не учитывают возможности организации и проведения расследования вообще и отдельных следственных (розыскных) действий в условиях эпидемии (пандемии) в частности. Это, по нашему мнению, обуславливает необходимость уделения должного внимания данному вопросу, результатом которого стали бы аргументированные предложения по усовершенствованию законодательства с расширением прав на обеспечение безопасности участников уголовного производства в условиях эпидемии (пандемии).

Чувство опасности соответствующим участником не позволит сосредоточиться на процессе проведения процессуальных действий, что будет обуславливать их ненадлежащий результат и усложнит (исключит) судебную перспективу. Поэтому тезис В. Н. Плетенца о том, что между степенью давления на участников производства и количеством предоставленных ими сведений об обстоятельствах совершенного события может прослеживаться прямо пропорциональная зависимость [4, с. 240], находит свое отражение и в условиях проведения следственных (розыскных) действий во время эпидемии (пандемии). Указанное, обусловлено необходимостью обеспечения участникам психологической безопасности. Последняя, по мнению Э. Эдмондсона, необходима для наиболее продуктивной деятельности [5]. Осознание соответствующим участником риска инфицирования будет выражаться в принятии им мер: уклонения под любым поводом от участия в расследовании; изменения занятой позиции с добросовестной на недобросовестную; ненадлежащего отношения к участию в следственных (розыскных) действиях и т. п. Это усложнит получение необходимого количества сведений для установления всех обстоятельств уголовного правонарушения и осуществления юридической оценки

действий его участников. Стоит отметить, что эпидемии (пандемии) инфекционных заболеваний определяются опасностями природно-техногенного характера. В то же время противодействие досудебному расследованию и связанное с ним влияние на участников производства можно рассматривать как опасность, имеющую социальное происхождение, что демонстрирует уровень сформированности общества, с одной стороны, и действенность созданных им институтов государства — с другой. Так, рассматриваемая нами природно-техногенная опасность как эпидемия (пандемия) выступает условием организации и проведения следственных (розыскных) действий и в зависимости от степени (уровня) угрозы здоровью участников уголовного производства или иных лиц может приобретать как императивное, так и дискреционное значение. Мы не исключаем возможности использования манипулирования не заинтересованными в расследовании лицами к участникам производства в виде преувеличенного риска инфицироваться инфекционной болезнью как способа проявления противодействия досудебному расследованию, что требует к себе соответствующего внимания со стороны уполномоченных лиц.

Таким образом, субъекту расследования необходимо учитывать указанные нами обстоятельства во время организации и проведения следственных (розыскных) действий. Это позволит минимизировать возможность инфицирования участников расследования и иных лиц, возможности манипулирования со стороны не заинтересованных в расследовании лиц, что в итоге повысит эффективность деятельности уполномоченных лиц.

Список основных источников

1. Про забезпечення безпеки осіб, які беруть участь у кримінальному судочинстві: Закон України від 23 грудня 1993 року // Відомості Верхов. Ради України. — 1993. — № 11. — Ст. 51. [Вернуться к статье](#)
2. Зеленецкий, В. С. Обеспечение безопасности субъектов уголовного процесса / В. С. Зеленецкий, Н. В. Куркин. — Х. : КримАрт, 2000. — 404 с. [Вернуться к статье](#)
3. Кримінальний процесуальний кодекс України [Електронний ресурс] : 13 квіт. 2012 р., № 4651-VI. — Режим доступу: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/4651-17#Text>. — Дата доступу: 21.01.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
4. Плетенець, В. М. Деякі аспекти забезпечення безпеки осіб в умовах протидії досудовому розслідуванню Науковий / В. М. Плетенець // Вісн. Луганськ. Держ. ун-ту внутр. справ ім. Е. О. Дидоренка. — 2020. — № 3. — С. 239–247. [Вернуться к статье](#)
5. Эдмондсон, Э. Взаимодействие в команде: как организации учатся, создают инновации и конкурируют в экономике знаний / Э. Эдмондсон. — М. : Эксмо, 2016. — 320 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.711.64

Р. А. Дерюгин*заместитель начальника кафедры криминалистики
Уральского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук****Е. П. Шевырталов****курсант 406 учебной группы
факультета подготовки сотрудников полиции
Уральского юридического института МВД России*

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННЫХ СПОСОБОВ ХИЩЕНИЯ АВТОТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Определение термина «способ преступлений» позволяет трактовать его как понятие междисциплинарного характера, рассматриваемое рядом юридических наук уголовно-правового цикла: уголовным правом, уголовным процессом, криминалистикой. Вместе с тем вследствие неодинаковости задач, поставленных перед указанными юридическими науками, отраслевое понятие способа преступления, присущее каждой науке, наполняется специфическим содержанием. Уголовно-правовое понимание способа преступления предполагает действия, предусмотренные объективной стороной деяний, уголовно-процессуальное — подразумевает один из элементов перечня обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Толкование данной дефиниции связано с криминалистическим учением о способе преступления, разработанным Г. Г. Зуйковым. В криминалистике под способом совершения преступления понимают «систему действий по подготовке, совершению и сокрытию общественно опасного деяния, детерминированных условиями внешней среды и свойствами личности, которые могут быть связаны с использованием соответствующих орудий, средств, условий места и времени» [1, с. 16–17].

Ситуация борьбы с преступлениями в сфере хищений автотранспортных средств существенно усложнена организованным и тщательно спланированным характером данного деяния. Постепенно утрачивают актуальность обыкновенные способы угона авто, такие как кража ключей или вскрытие дверей. На фоне все еще встречающихся в практике подобных фактов наибольший интерес вызывают кражи, совершаемые с использованием специальных технических устройств.

Угоны автомобилей с последующей перепродажей или разбором на запчасти является прибыльным бизнесом, поэтому этой деятельностью

занимаются организованные преступные группы, имеющие большой криминальный опыт и специализированную технику. Для выработки эффективных мер, направленных на борьбу с угонами и хищениями транспортных средств, необходимо проанализировать основные преступные способы их совершения. В ограниченных рамках статьи рассмотрим некоторые наиболее распространенные схемы реализации данных преступлений.

Необходимо отметить, что большинство угонов совершаются преступными группами, работающими как хорошо отлаженный механизм. Первый из группы ищет необходимый автомобиль и проводит разведку, подбирая лучший момент для хищения. Второй и третий по выработанному плану угоняют машину и транспортируют в «отстойник»*. Другие перебивают идентификационные номера, подготавливают документы и далее реализуют транспортное средство.

Для успешного угона необходима качественная подготовка, которая начинается с выбора автомобиля. После того как необходимый авто найден, начинается этап слежки за ним, определяется, как часто он используется, куда передвигается, в каком месте и на какое время паркуется. Вся эта информация необходима для определения наиболее подходящего момента и способа угона.

Во время подготовки очень важно проверить автомобиль на наличие противоугонных систем. Проще всего провести визуальный осмотр, так как некоторые элементы сигнализации (передающие антенны и световые индикаторы) видны невооруженным глазом. Также подготовленные угонщики провоцирует срабатывание автосигнализации и при помощи анализатора поля определяют наличие GSM спутниковой сигнализации.

Следующий этап — хищение транспортного средства.

Хищение дорогостоящих автомобилей, оборудованных профессиональными охранными комплексами, требует высокого уровня преступного мастерства и опыта от угонщиков. Нередко на современные авто устанавливают системы дистанционного управления дверными замками. Для их вскрытия используются специальные радиоэлектронные устройства, но наиболее распространенным считается код-граббер. Это устройство способно эмулировать радиокomанды оригинальных ключей (пультов дистанционного управления) и открывать закрытые автомобильные двери. Зачастую код-граббер замаскирован под обычный брелок сигнализации или мобильный телефон [2].

После вскрытия дверей требуется завести двигатель. Заводом-изготовителем предусмотрена противоугонная система — иммобилайзер.

* Гараж, закрытая стоянка или подземный паркинг, где автомобиль находится после угона до момента последующих с ним действий.

Эта система состоит из электронных блоков, которые специальным микропроцессором по заложенным в нем программам управляют работой двигателя. Для несанкционированного запуска двигателя угонщики используют «программаторы иммобилайзера», их подключают к диагностическому разъему автомобиля и записывают данные ключа зажигания злоумышленников, после этого блок управления воспринимает подменный ключ как оригинальный и двигатель запускается, автомобиль спокойно уезжает с места стоянки. Стоимость такого оборудования сегодня составляет несколько тысяч рублей, ограничений по его продаже нет, поэтому приобрести его можно без особых проблем.

Так, гражданин Н., находясь на улицах города Челябинска, подыскал для хищения автомобиль LAND ROVER, принадлежащий С., тщательно готовясь к осуществлению задуманного, в ходе наблюдения установил, что С. в ночное время оставляет автомобиль на неохраняемой парковке возле подъезда, где проживает. Осуществляя свои преступные намерения Н., проследовал к указанному автомобилю, разбил стекло водительской двери, после чего проник в салон автомобиля LAND ROVER. Находясь в салоне автомобиля, Н. вставил в диагностическое гнездо автомобиля находящийся при нем программатор блоков иммобилайзеров, тем самым разблокировав электронную систему автомобиля, активировал необходимые опции и запустил двигатель [3].

Поговорим о вершине прогресса в области автоугона — радиоретрансляторы команд управления. Это устройство способно как открыть салон, так и запустить двигатель машины. Данное устройство предназначено для удаленной аутентификации смарт-ключей*. Злоумышленники такие приспособления называют «удочка» или «длинная рука». Минусом, или скорее всего особенностью, данного технического средства является его сфера применения — угон дорогостоящих автомобилей, оборудованных системой бесключевого доступа.

Радиоретранслятор представляет собой комплект, состоящий из двух устройств: блок обнаружения автомобильного смарт-ключа и эмулятор, располагаемым около «атакуемого» автомобиля. Весь комплект работает по следующей схеме: блок в зоне приема обнаруживает смарт-ключ и производит радиобмен информацией с эмулятором, располагаемым около угоняемого автомобиля. После этого автомобиль воспринимает эмулятор за смарт-ключ владельца и открывает доступ ко всем системам. Радиобмен между устройствами возможен на расстояниях до 300–400 метров.

Хоть и такие устройства обладают высокой ценой, на черном рынке средняя цена на них 500 тыс. руб., все же пользуются они высоким спросом,

* Специальный закодированный брелок, дающий владельцу возможность «бесключевого» доступа к авто.

это объясняется быстрой окупаемостью, поскольку используются «удочки» и «длинные руки» для хищения дорогих иномарок.

Сделаем вывод о том, что одновременно с развитием противоугонных систем растет уровень преступного мастерства злоумышленников. На помощь автоугонщикам «приходят» электронные устройства взлома и получения доступа ко всем системам работы автомобиля, уходя в прошлое «дедовские» методы хищения транспортного средств. Учитывая выше сказанное, отметим, что без соответствующего исследовательского подхода по изучению всех аспектов хищений авто невозможно повысить раскрываемость этого вида преступлений.

Список основных источников

1. Зуйков, Г. Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Г. Г. Зуйков. — М., 1970. — 31 с. [Вернуться к статье](#)
2. Как угоняют авто с различной защитой, защити свою машину [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ugonavto.net/obzor/kak-ugonyayut-avto-s-razlichnoj-zashhitoy.html>. — Дата доступа: 05.02.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
3. Приговор № 1-21/2020 1-459/2019 от 22 апреля 2020 г. по делу № 1-21/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. — Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/puXbCgjdGXlv/>. — Дата доступа: 01.02.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 343.985.4

*Е. А. Едомский**старший преподаватель кафедры криминалистики
Омской академии МВД России*

ОСОБЕННОСТИ ОСМОТРА ЧАСТЕЙ РАСЧЛЕНЕННОГО ТРУПА НА МЕСТЕ ИХ ОБНАРУЖЕНИЯ

В своей работе сотрудники правоохранительных органов иногда сталкиваются с достаточно сложными ситуациями, связанными с обнаружением частей расчлененного трупа. Как правило, трупы расчленяются с целью сокрытия совершенного преступления и/или затруднения идентификации убитого. Поэтому привлечение специалиста в области судебной медицины является обязательным при обнаружении данной категории трупов. Это будет способствовать не только качественному сбору потенциально значимой информации на месте, но и позволит максимально эффективно провести в дальнейшем судебно-медицинскую экспертизу. Если же привлечение специалиста в области судебной медицины по каким-либо причинам невозможно, то лица, участвующие в осмотре места происшествия и частей расчлененного трупа, должны знать некоторые особенности.

В соответствии с приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 12 мая 2010 года № 346н «Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации», при обнаружении частей расчлененного трупа необходимо обратить внимание на следующие особенности [1]:

1. Количество частей тела, места их обнаружения, на каком расстоянии они находятся относительно друг друга, а также отсутствующие части. Обычно после расчленения части тела разносятся на большое расстояние, чтобы затруднить установление обстоятельств произошедшего. Если же части тела расположены относительно близко, то можно сделать вывод о том, что у преступника не было времени или возможности более тщательно скрыть следы преступления, а следовательно, он мог оставить достаточно вещественных доказательств, так как не довел свой преступный замысел до конца.

2. Наличие упаковки частей тела, ее вид и характер. Это могут быть различные коробки, бумага, полиэтиленовые мешки, предметы одежды и постельного белья. Весь упаковочный материал тщательно осматривается на наличие каких-либо особенностей, которые помогут идентифицировать преступника или указать на место, откуда был взят данный упаковочный материал: надписи,

штампы, ценники на коробках, бирки с указанием размера на одежде, вышивка на предметах постельного белья и т. д. Также необходимо отметить наличие веревок и завязанных узлов на упаковке. Узлы развязывать нельзя ни в коем случае, так как детальное исследование узла при проведении экспертизы может указать на характерную профессию или навыки лица, завязавшего узел (морские узлы, узлы альпинистов и т. д.). Обращать внимание на все эти мелочи у преступника обычно нет времени, так как решение о расчленении трупа, как правило, принимается спонтанно, за редким исключением, когда все действия продуманы заранее.

3. Если части тела не упакованы, то с целью идентификации личности расчлененного трупа необходимо тщательно описать наличие и особенности одежды и обуви на частях тела: наименование, цвет, размер, материал, особые метки и фирменные названия, наличие постороннего запаха (лакокрасочных материалов, бензина и т. п.), повреждения. Каждая из обнаруженных частей тела маркируется в соответствии с анатомическим названием (рука, нога, кисть, стопа, голова и т. д.), указываются примерные размеры, наличие и характер волос на кожном покрове, степень развития мускулатуры, а также особые приметы: татуировки, послеоперационные рубцы, родинки, родимые пятна и др.

4. Описываются различного рода загрязнения на поверхности частей трупа (цемент, грунт, песок, известь и др.). Это в некоторых случаях может указать на место, где труп подвергался расчленению.

5. Если на частях трупа сохранились трупные пятна, то их обязательно исследуют с целью установления давности наступления смерти.

6. При наличии повреждений на частях расчлененного трупа указывается их количество, взаимное расположение, локализация, форма, размеры, особенности краев и концов, а также другие особенности (дополнительные надрезы, наличие посторонних предметов в дне раны и т. п.).

7. Особое внимание уделяется линиям расчленения. Так, по характеру линии расчленения на костях можно даже уже на месте высказать предположение об орудии. Если линия распила ровная, то расчленение происходило, скорее всего, электрическим инструментом; наличие дополнительных надпилов рядом с основной линией расчленения может говорить о том, что использовался ручной инструмент, например ручная пила; наличие острых костных отломков в месте расчленения указывает на применение топора. Также необходимо обращать внимание на место расчленения. Если расчленение тела происходило в области суставов с использованием острого предмета, например ножа, то можно сделать предположительный вывод о том, что преступник владеет

некоторыми базовыми знаниями анатомии, а это, в свою очередь, поможет сузить круг подозреваемых.

8. Достаточно часто после расчленения части тела пытаются сжечь в различного рода отопительных очагах. Как правило, это печь частного дома или топка бани. При подозрении на криминальное сожжение частей трупа тщательно исследуется состояние отопительного очага (температура, размеры топки, поддувала и др.), наличие жирной копоти на стенках очага, количество золы, ее расположение в очаге, характер и вид (мелкая, с кусками угля, фрагментами костей, другими примесями). Необходимо изъять из разных мест топки и поддувала не менее четырех проб золы (примерно по 50 г), отдельные предметы (кусочки костей, металлические детали и др.) в отдельные пакеты, а по окончании осмотра остальную золу.

Таким образом, работа на месте происшествия, связанном с обнаружением частей расчлененного трупа, всегда представляет много сложностей. Поэтому, зная основные особенности работы с данной категорией трупов, сотрудники правоохранительных органов уже на месте смогут получить достаточно информации для установления обстоятельств происшествия, даже в тех случаях, когда участие судебно-медицинского эксперта невозможно.

Список основных источников

1. Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации [Электронный ресурс] : приказ М-ва здравоохранения и соц. развития Рос. Федерации, 12 мая 2010 г., № 346н // Федер. гос. бюджетное учреждение Рос. центр суд.-мед. экспертизы Минздрава России. — Режим доступа: http://www.rcsme.ru/News/index.php?ELEMENT_ID=1443&sphrase_id=54735. — Дата доступа: 02.02.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 34.343

Е. В. Зайцева

*доцент кафедры организации следственной работы
учебно-научного комплекса по предварительному следствию в ОВД
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент*

К ВОПРОСУ О РАССЛЕДОВАНИИ НЕЗАКОННОЙ РУБКИ ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ

Россия является крупной лесной державой. Леса в ней занимают площадь не менее 800 млн гектаров, что составляет почти половину территории России и около одной четверти мировых лесных запасов. В настоящее время обстановка с соблюдением лесного законодательства остается крайне сложной, огромный ущерб государственным интересам наносит незаконная рубка деревьев и кустарников [1, с. 273].

Недостаточная раскрываемость незаконных рубок во многом обусловлена объективными причинами. В первую очередь это отдаленность мест совершения лесонарушений от населенных пунктов и районных центров, отсутствие возможности постоянного патрулирования всей территории лесного фонда. Следствием этого является несвоевременное обнаружение фактов незаконных рубок деревьев, что негативно влияет на сохранность следов преступления, возможность раскрытия преступления по горячим следам. В связи с этим в материалах уголовных дел отсутствует какая-либо информация о лицах, причастных к совершению преступления, и о свидетелях произошедшего.

В ходе расследования преступлений в сфере лесопромышленного комплекса органы предварительного следствия постоянно сталкиваются с проблемой позднего обнаружения незаконных рубок, что влечет позднее прибытие следственно-оперативных групп на место происшествия и осложняет раскрытие преступления [2, с. 156].

Взаимодействие следователя с оперативными подразделениями органов внутренних дел, сотрудниками лесничеств при выявлении подобных преступлений должно находиться на качественно высоком уровне и осуществляться в рамках специализированных следственно-оперативных групп, созданных в целях своевременного выявления, пресечения и расследования преступлений в сфере лесопользования по муниципальным образованиям республики. Сотрудники лесничеств участвуют в качестве специалистов как в ходе проведения проверок по сообщениям о преступлениях, так и при расследовании уголовных

дел о преступлениях, предусмотренных ст. 260 Уголовного кодекса Российской Федерации, оказывают помощь в проведении осмотра места происшествия.

Положительным примером организации взаимодействия является следующее уголовное дело (материалы приговора Костомукшского городского суда Республики Карелия, дело № Х-111-20).

В ходе предварительного следствия установлено, что Ф., являясь начальником лесного отдела в ООО НПО «ФинТек», имея право от имени ООО НПО «ФинТек» подписывать и визировать документы, принимать решения в пределах своей компетенции, в период с августа 2018 г. по апрель 2019 г., осуществляя возложенные на него обязанности, находясь на территории Костомукшского городского округа Республики Карелии, реализуя умысел на совершение незаконной рубки лесных насаждений, с использованием своего служебного положения подготовил от имени ООО «Выборгское ЛПХ» для заготовки древесины в квартале 91 (делянка 1 выдел 5) Костомукшского участкового лесничества ГКУ РК «Костомукшское центральное лесничество» Республики Карелии необходимые документы, в том числе лесную декларацию, технологическую карту, ведомость пересчета деревьев, назначенных в рубку, ведомость материально-денежной оценки лесосек, и произвел отвод предназначенной в рубку древесины. Продолжая свой преступный умысел, Ф., не имея разрешительных документов, дающих право на заготовку древесины в квартале 91 (делянка 1 выдел 5) Костомукшского участкового лесничества ГКУ РК «Костомукшское центральное лесничество» Республики Карелии, осознавая противоправность своих действий, передал вышеуказанные документы директору подрядной организации ООО «Еремлес» С., введенному в заблуждение относительно законности действий Ф., на основании которых, по указанию С., работниками данного предприятия при помощи необходимого оборудования для заготовки древесины была произведена незаконная рубка лесных насаждений объемом 739,2 куб. м на площади 4,2 га, в результате чего Российской Федерации причинен материальный ущерб на общую сумму 9 903 432 руб.

В основу предъявленного Ф. обвинения легли показания 19 свидетелей и результаты проведенных оперативно-розыскных мероприятий, а именно прослушивания телефонных переговоров и снятия информации с технических каналов связи в период расследования.

Следует отметить, что успешному расследованию уголовного дела способствовало тесное взаимодействие следователя с сотрудниками ОЭБиПК ОМВД России по г. Костомукше, совместно с которыми сразу после возбуждения уголовного дела был составлен подробный совместный план следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, определен порядок

проведения допросов свидетелей и подозреваемого, обыска в офисе ООО НПО «ФинТек» и выемки в ГКУ РК «Костомукшское центральное лесничество» в целях получения оперативно значимой информации и доказательственной информации.

Подводя итог, следует отметить, что организация процесса расследования по уголовным делам о незаконной рубке лесных насаждений вызывает определенные сложности у практических сотрудников. В каждом отдельном случае необходим индивидуальный подход к процессу расследования, грамотное планирование следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, налаженное взаимодействие следователя с оперативными службами и экспертными подразделениями.

Список основных источников

1. Зайцева, Е. В. Отдельные аспекты расследования преступлений, предусмотренных ст. 260 УК Российской Федерации (незаконная рубка лесных насаждений) / Е. В. Зайцева // Евраз. юрид. журнал. — 2019. — № 1 (128). — С. 273–275. [Вернуться к статье](#)
2. Янина, И. Ю. Незаконная рубка лесных насаждений, совершенная путем посредственного причинения: особенности квалификации / И. Ю. Янина // Актуальные проблемы рос. права. — 2018. — № 9. — С. 154–160. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.985

Е. И. Климова

*доцент кафедры правовых дисциплин
филиала Российского государственного
социального университета в г. Минске,
кандидат юридических наук, доцент*

ТАКТИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ЭТАПЫ ПРИНЯТИЯ

Раскрытие и расследование преступлений представляет собой многоуровневую, сложную по структуре деятельность, отличающуюся остропроблемным характером. Развитие научно-технического прогресса оказало ощутимое влияние на все без исключения сферы жизнедеятельности общества, обусловило глобальные социальные изменения, повлекшие, в свою очередь, необходимость поиска новых подходов к совершенствованию методики расследования отдельных видов и групп преступлений. Криминалистика как область научных знаний призвана с учетом стремительных изменений научно-технического прогресса создавать условия для эффективной практической деятельности, которая обеспечивается целенаправленно выбранной совокупностью приемов, методов и средств получения, накопления, преобразования и систематизации информационных ресурсов на различных этапах расследования [1, с. 152].

Одной из многочисленных проблем, требующих осмысления и конкретизации, в современных условиях видится такая криминалистическая категория, как тактическое решение. Она не является новой в криминалистике. Ее исследованием занимались многие ученые и практики, чьи находки и подходы были детально изучены и обобщены [2, с. 156–164]. Авторы акцентировали внимание на психологических аспектах формирования тактического решения, на необходимости использования данных теории управленческой деятельности для обоснования и наиболее эффективного его применения. Существующие незначительные различия в определении исследователями тактического решения позволяют в качестве такового рассматривать выбор цели тактического воздействия на конкретную следственную ситуацию или отдельные ее составляющие, на ход и результаты расследования с определением средств, приемов и методов оказания такого воздействия. Данный подход в целом представляется оправданным, но возникает необходимость конкретизации этапов формирования тактического решения.

Многогранность деятельности по расследованию преступления обуславливает полифункциональный характер рассматриваемой криминалистической категории. К функциям тактического решения можно отнести *познавательную*, поскольку его принятие связано с получением исходной информации; *аналитическую*, предполагающую осмысление и систематизацию этой информации; *организационно-управленческую*, позволяющую придать процессу расследования упорядоченный, согласованный характер; *оптимизирующую*, создающую условия для получения запланированного результата при наименьших затратах; *поисковую*, дающую возможность получения, осмысления и использования новых информационных потоков; *психологическую*, направленную на формирование у субъекта расследования психологической готовности к деятельности в условиях проблемных, конфликтных, требующих значительного психоэмоционального напряжения ситуаций, отличающихся динамичностью и трудоемкостью.

Приведенные положения, как представляется, свидетельствуют о необходимости выделить следующие этапы в процессе формирования тактического решения:

1. Получение и глубокое осмысление исходной информации для уяснения сути проблемы и всех ее составляющих аспектов. При этом могут быть использованы любые методы познавательно-практической деятельности.
2. Определение целей и задач, разрешение которых будет способствовать нейтрализации выявленной проблемы.
3. Предварительное ограничение круга альтернативных способов действия, позволяющих решить намеченные задачи и достичь поставленной цели.
4. Оценка критериев оптимальности, по которым может быть отдано предпочтение тому или иному способу действия в конкретных условиях; распределение выбранных критериев оптимальности по степени важности для предстоящей деятельности — определение приоритетов.
5. Выявление условий, факторов, обстоятельств, которые в сложившейся ситуации на момент принятия тактического решения могут в той или иной степени повлиять на ситуацию и процесс его формирования, ограничить возможности принятия такого решения и его реализации.
6. Исключение явно неэффективных способов решения поставленных задач, исходя из критериев оптимальности либо с учетом препятствующих обстоятельств.
7. Прогнозирование возможных изменений следственной ситуации, которые могут произойти в связи с применением каждого из выбранных

альтернативных способов, т. е. итогового наиболее вероятного в данных условиях результата.

8. Выбор оптимального способа поведения и принятие решения о его практической реализации с определением времени, места, конкретных приемов и средств, очередности выполнения намеченных действий, участников каждого из них, способов, средств и форм их взаимодействия.

Значение тактического решения трудно переоценить и с теоретической, и с практической точки зрения. Как теоретическая категория тактическое решение имеет значение для совершенствования криминалистической тактики в целом и отдельных ее составляющих, для уточнения понятийного аппарата науки, для формирования теоретических положений и практических рекомендаций по выбору тактических приемов и средств при расследовании преступлений в целом и при проведении отдельных следственных действий в частности, для совершенствования методики расследования отдельных видов и групп преступлений.

В практической деятельности умение формирования и реализации тактических решений приобретает особое значение при оценке достаточности оснований для работы по конкретному материалу, в том числе для возбуждения уголовного дела; при определении направлений и объема расследования; при формировании отдельных поручений сотрудникам оперативно-розыскных подразделений; при оценке доказанности совокупностью собранных фактических данных расследуемого события; при построении схем доказывания по каждому конкретному эпизоду и формировании плана работы по каждому субъекту, проходящему по уголовному делу, и т. д. Кроме того, тактические решения и их реализация являются обязательным условием принятия правовых, связанных с квалификацией содеянного, и процессуальных решений, обусловленных требованиями законодательства и принципами уголовного судопроизводства.

Список основных источников

1. Калужина, М. А. Организация информационного обеспечения субъектов расследования / М. А. Калужина // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. — Сер. 5. Юриспруденция. — 2016. — № 1 (30). — С. 151–155. [Вернуться к статье](#)
2. Белкин, Р. С. Курс криминалистики : в 3 т. / Р. С. Белкин. — М. : Юрист, 1997. — Т. 3 : Криминалистические средства, приемы, рекомендации. — 480 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.98

*П. А. Кононов**иностранный адъюнкт кафедры криминалистики
Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя*

**ОБ АКТУАЛЬНОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НАРУШЕНИЕМ
ПРАВИЛ БЕЗОПАСНОСТИ ДВИЖЕНИЯ АВТОТРАНСПОРТА
(ПО МАТЕРИАЛАМ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)**

Общая картина аварийности на дорогах Республики Беларусь показывает, что дорожно-транспортная сфера является достаточно криминогенной. С 2017 по 2021 год увеличилось количество дорожно-транспортных происшествий на 5,2 %, регистрируемых по статьям 317 и 321 Уголовного кодекса Республики Беларусь «Нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств» и «Нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта».

Согласно ответу, полученному на запрос из Информационного центра Министерства внутренних дел Республики Беларусь, в 2017 году на территории Республики Беларусь зарегистрировано 3 418 учетных дорожно-транспортных происшествий с пострадавшими, из которых 514 произошло по вине пешеходов, 142 — по вине велосипедистов; в 2018 году — 3 399, 462 и 134; в 2019 году — 3 567, 476 и 140; в 2020 году — 3 599, 471 и 150 соответственно. Общее количество дорожно-транспортных происшествий за вышеуказанный период по вине пешеходов и велосипедистов составило значительное количество, а именно 2 489. Таким образом, дорожно-транспортные происшествия, совершенные по вине пешеходов и велосипедистов, составляют 17,3 — 19,2 % в общей массе регистрируемых происшествий.

В настоящее время нами усматривается стремительный рост востребованности таких относительно новых средств передвижения — средств индивидуальной мобильности, использование которых не урегулировано законодательством, негативным образом характеризует динамику дорожно-транспортных происшествий, как и отсутствие надлежащего правового статуса у лиц, управляющих ими. Ввиду привлекательной стоимости, удобства и простоты использования средства индивидуальной мобильности все активнее используются гражданами Республики Беларусь.

При изучении законодательства Республики Беларусь, относящегося к рассматриваемой категории дел статуса и определения лица, использующего для передвижения иной маломобильный транспорт — электросамокаты,

моноколеса, сигвеи, гироскутеры и т. п., в настоящее время нет [1; 2]. При исследовании материалов проверок и уголовных дел по фактам происшествий с участием средств индивидуальной мобильности установлено, что сотрудники правоохранительных органов приравнивают их как к пешеходам, так и к водителям. Хотя по своим скоростным и габаритным характеристикам лица, участвующие в дорожном движении и управляющие вышеуказанными средствами индивидуальной мобильности могут быть равны с лицами, управляющими мопедами, скутерами и велосипедами. Данное обстоятельство вызывает вопросы и разногласия, аналогичные тем, которые были связаны в свое время с неопределенным статусом мопедов и скутеров.

Какой-либо информации о количестве участвующих в дорожном движении средств индивидуальной мобильности на дорогах Беларуси нет. Это связано с тем, что они не регистрируются и не ведется их учет государственными органами [3]. Однако ритейлеры зафиксировали рост количества продаж электросамокатов в несколько раз в 2019–2020 годах [4]. Популярность и активное использование маломобильного транспорта становятся причинами увеличения числа фактов регистрации происшествий с его участием.

Согласно тем же данным Информационного центра Министерства внутренних дел Республики Беларусь, впервые дорожно-транспортное происшествие с участием электросамоката на территории Республики Беларусь зарегистрировано в 2018 году. Общее количество происшествий с участием средств индивидуальной мобильности с 2018 по 2021 год увеличилось на 350 %. Значительный всплеск вышеуказанных происшествий, по нашему мнению, вызывает беспокойство как в вопросах возбуждения уголовных дел, так и в проведении расследований по уголовным делам и материалам проверок.

В Республике Беларусь предметные исследования, посвященные криминалистическому обеспечению расследования преступлений правил, обеспечивающих безопасную работу автотранспорта, в значительном объеме не осуществлялись. Отдельные аспекты данной проблемы рассматривались в трудах и диссертационном исследовании Р. В. Скачека «Расследование дорожно-транспортных преступлений, связанных с наездами на пешеходов» [5].

Таким образом, резюмируя вышеизложенное, мы приходим к следующему выводу. Успех расследования во многом определяется эффективностью криминалистического обеспечения данного вида деятельности. Именно криминалистика располагает соответствующим опытом разработки методов, средств и рекомендаций по раскрытию и расследованию преступлений. Очевидна необходимость совершенствования имеющихся криминалистических разработок в виде технических средств, тактических и методических рекомендаций,

а также решения проблем, связанных с их внедрением в практику расследования рассматриваемого вида преступлений. В их числе научно-технические, правовые, организационные, кадровые и иные, существование которых взаимобусловлено, что свидетельствует о важности взаимосвязанных подходов к их решению.

Список основных источников

1. О дорожном движении [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 5 янв. 2008 г., № 313-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 14.12.2021 г., № 134-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022. [Вернуться к статье](#)
2. Правила дорожного движения Республики Беларусь [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента Респ. Беларусь, 28 нояб. 2005 г., № 551 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 01.01.2020 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022. [Вернуться к статье](#)
3. Об утверждении Положения о порядке государственной регистрации и государственного учета транспортных средств, снятия их с учета и внесения изменений в документы, связанные с государственной регистрацией транспортных средств [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 31 дек. 2002 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022. [Вернуться к статье](#)
4. Цены самокатятся вверх и почему резко вырос спрос на альтернативные виды транспорта. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4773679>. — Дата доступа: 05.02.2022. [Перейти к источнику](#)
[Вернуться к статье](#)
5. Скачек, Р. В. Расследование дорожно-транспортных преступлений, связанных с наездами на пешеходов : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.9 / Р. В. Скачек. — Минск, 2012. — 197 л. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.985

*Э. П. Костюкович**доцент кафедры тактико-специальной подготовки**факультета милиции**Академии МВД Республики Беларусь,**кандидат юридических наук, доцент*

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОЛИГРАФА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Установление истины является одной из основных проблем правосудия с момента формирования первого государства и до настоящего времени. Еще на заре цивилизации была подмечена зависимость психофизиологического состояния человека, подозреваемого в совершении правонарушения, от ситуации, складывающейся не в его пользу и реально угрожающей ему разоблачением. Например, нарушение ритма сердцебиения, слюноотделения или двигательной активности рук как реакция на вопрос о причастности или непричастности к преступлению. На этой корреляции основывались различные испытания подозреваемого, преследовавшие цель выявить такие изменения в его состоянии и сделать вывод о его причастности или непричастности к исследуемому событию.

В современных условиях указанные выше закономерности изменения состояния человека активно используются в деятельности правоохранительных органов при решении различных задач посредством применения инструментального метода установления психофизиологического состояния человека. Реализация данного метода осуществляется путем проведения опроса с использованием регистратора психофизиологического состояния (далее — полиграфа).

В настоящее время использование полиграфа в деятельности правоохранительных органов осуществляется по следующим направлениям: скрининговые проверки (прием сотрудников и гражданского персонала на службу (работу), перемещение по службе); проведение служебных проверок и служебных расследований (сотрудники и гражданский персонал); раскрытие преступлений (проведение оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ)); расследование преступлений (проведение судебной психофизиологической экспертизы).

Для деятельности органов внутренних дел (далее — ОВД) актуальны первые три направления использования полиграфа, в ходе которых получается как криминалистически значимая информация, так и информация, позволяющая принять эффективное управленческое решение при подборе сотрудников. Отметим, что до момента создания специального подразделения

в Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь полиграфологи ОВД проводили и судебную психофизиологическую экспертизу с использованием полиграфа [1, с. 81].

Следует отметить, что вопросам теории и практики применения в правоохранительной деятельности инструментального метода установления психофизиологического состояния лица уделялось определенное внимание в юридической литературе [2–5]. Однако результаты изучения практики использования ОВД рассматриваемого технического средства показали, что ряд правовых аспектов указанной проблемы требуют дополнительного анализа.

Применение полиграфа в деятельности ОВД регламентируется положениями ряда нормативных правовых актов Республики Беларусь, причем каждое из направлений использования полиграфа имеет свою специфику в правовом регулировании.

Так, при приеме лица на службу или работу в ОВД или внутренние войска использование полиграфа осуществляется в рамках специальной проверки, определенной п. 18 Положения о прохождении службы в органах внутренних дел Республики Беларусь [6], а порядок проведения опроса с его использованием — Инструкцией о порядке проведения опроса с использованием технических средств (полиграфа) в отношении граждан, принимаемых на службу (государственную службу, работу) в органы внутренних дел, на военную службу (государственную службу, работу) во внутренние войска министерства внутренних дел [7].

При проведении служебных проверок и служебных расследований порядок и условия опроса с использованием полиграфа регламентируются Инструкцией о порядке проведения опроса с использованием технических средств (полиграфа).

При раскрытии преступлений полиграф используется для получения криминалистически значимой информации в рамках гласного проведения ОРМ «оперативный опрос». Отметим, что до ноября 2020 года все вопросы его применения были определены Инструкцией о порядке проведения органами внутренних дел Республики Беларусь опроса граждан с использованием полиграфа [8]. После отмены данного нормативного документа, по нашему мнению, при определении основания, порядка и условий использования полиграфа в ходе проведения гласного оперативного опроса следует руководствоваться нормами, закрепленными в абз. 5 ст. 15, ст. 16, абз. 8 ст. 19, ст. 20, ст. 21 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» [8]. При этом следует понимать, что данное техническое средство, применяемое в ходе гласного оперативного опроса, будет выступать не как средство негласного

получения (фиксации) информации, а как «... иные средства, не наносящие ущерба жизни и здоровью граждан и не причиняющие вреда окружающей среде» [8]. Наличие данного алгоритма правового регулирования гласного использования полиграфа в ходе ОРМ не отменяет насущную потребность практических подразделений криминальной милиции в разработке новой редакции инструкции по его использованию как в гласной, так и негласной формах.

Список основных источников

1. Николаенко, В. А. Об опыте производства судебных психофизиологических экспертиз с использованием полиграфа сотрудниками МВД Республики Беларусь / В. А. Николаенко // Социально-психологические аспекты обеспечения национальной безопасности : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 3–4 дек. 2015 г. : в 2 т. / Ин-т нац. безопасности Респ. Беларусь ; редкол.: С. Н. Князев (гл. ред.) [и др.]. — Минск, 2016. — С. 78–82. [Вернуться к статье](#)
2. Варламов, В. А. Детектор лжи / В. А. Варламов. — 2-е изд. — М. : ПЕР СЭ-Пресс, 2004. — 352 с. [Вернуться к статье](#)
3. Князев, В. М. Полиграф и его практическое применение : учеб. пособие / В. М. Князев, Г. В. Варламов. — М. : «Принт-Центр», 2012. — 859 с. [Вернуться к статье](#)
4. Оглоблин, С. И. Инструментальная «детекция лжи»: академический курс / С. И. Оглоблин, А. Ю. Молчанов. — Ярославль : Ньюанс, 2004, — 464 с. [Вернуться к статье](#)
5. Холодный, Ю. И. Применение полиграфа при профилактике, раскрытии и расследовании преступлений (генезис и правовые аспекты) : монография / Ю. И. Холодный. — М. : Мир безопасности, 2000. — 160 с. [Вернуться к статье](#)
6. О вопросах прохождения службы в органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 15 марта 2012 г., № 133 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=P30100671>. — Дата доступа: 20.01.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
7. О порядке проведения опроса с использованием технических средств (полиграфа) [Электронный ресурс] : постановление М-ва внутр. дел. Респ. Беларусь, 4 нояб. 2020 г., № 218 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=W22036042&p1=1>. — Дата доступа: 20.01.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
8. Об оперативно-розыскной деятельности : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-З : с изм. и доп. от 6 янв. 2021 г. № 88-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022. [Вернуться к статье](#)

УДК 343. 985

А. А. Кузнецов

*профессор кафедры криминалистики
Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации*

СИТУАЦИИ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ПРОВЕРКЕ СООБЩЕНИЯ О КРАЖЕ, СОВЕРШЕННОЙ С НЕЗАКОННЫМ ПРОНИКНОВЕНИЕМ В ЖИЛИЩА

Хищения личного имущества граждан в любом его проявлении всегда приковывали внимание сотрудников правоохранительных органов. Кражи, совершаемые с незаконным проникновением в жилище, отличаются от иных преступлений латентностью и низкой эффективностью работы следователя по их раскрытию. Причин этому много и на протяжении достаточно большого времени в юридической печати мы находим их анализ и справедливую критику создавшегося положения [1; 2]. Изоляция общества, связанная с пандемией, особенно не повлияла на раскрываемость данных преступлений.

Следует отметить, что сотрудниками правоохранительных органов принимаются меры по раскрытию краж с проникновением в жилище и изобличению виновных в их совершении. Эффективность этих мер наиболее наглядно проявляется в работе следственно-оперативных групп на месте происшествия, выборе наиболее оптимальных направлений в деятельности оперативных подразделений по поиску преступника и установлении мест нахождения похищенного имущества [3, с. 122]. Методические рекомендации, которые разрабатываются в криминалистике, в основном связаны с проведением первоначальных следственных действий. Фактически речь идет о ситуациях, когда следователю достаточно материалов для возбуждения уголовного дела и лицо, причастное к совершению преступления, установлено. Возможны ситуации, когда имеется достаточно оснований предполагать, кто может совершить такое преступление. Несомненно, такой этап является основным в работе следователя, однако мы хотели обратить внимание на ситуации, когда информации о лице, совершившем преступление, недостаточно или такая информация является противоречивой. Речь идет об этапе предварительной проверки сообщений о преступлении.

Разнообразие современных видов и способов совершения преступления выдвигает в первую очередь получение доказательств уже при получении информации о совершенном преступлении. Особенно ярко такое положение проявляется на этапе проверки сообщений о преступлении, когда неясен механизм

преступного деяния, в связи с необходимостью установления признаков преступления. Для этого проводятся следственные действия, оперативно-розыскные мероприятия или они осуществляются в комплексе. Их проведение будет наиболее оптимально, если рассматривать организацию данного процесса применительно к объему первичной (полученной) информации.

Сегодня законодатель представил следователю достаточно большой объем средств предварительной проверки в соответствии со ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. При имеющихся отдельных проблемах применения положений действующего закона следует отметить существенный момент — сокращение сроков доследственной проверки и принятия обоснованного процессуального решения.

Применительно к теме нашего исследования следует отметить, что в большинстве случаев информация о совершении незаконного проникновения в помещение поступает от пострадавшего. Общеизвестно, что чем раньше следственно-оперативная группа прибывает для осмотра места кражи (выяснения обстановки), тем больше вероятность обнаружения следов преступника, установления свидетелей, определения направления поиска и задержания злоумышленников. В то же время оценка информации, поступающей от дежурного, принявшего заявление о совершенной краже, должна учитываться следователем при организации работы как на месте происшествия, так и в последующем при сборе дополнительных сведений об обстоятельствах совершенного преступления. Речь не идет о том, чтобы относиться критически как к заявлению о краже от пострадавшего, так и к сообщению из иных источников. Задача следователя связана с определением ситуаций начала расследования, а значит, и перечня средств предварительной проверки.

Анализ практики расследования краж, совершенных с незаконным проникновением в жилище, позволяет выделить наиболее часто возникающие ситуации:

1. Информация о совершенной краже с проникновением в жилище поступает в дежурную часть органа внутренних дел непосредственно от пострадавшего по телефону. Предполагается, что владелец помещения осмотрел его до прибытия работников полиции и самостоятельно сделал вывод о количестве пропавших ценностей, способе проникновения преступников, времени совершения преступления. В данной ситуации деятельность следователя будет направлена не только на проверку оснований для возбуждения уголовного дела, но и на организацию преследования преступника по горячим следам. Возможно изменение такой ситуации, особенно когда пострадавший не сразу понимает, что в его помещении совершена кража. Проходит значительное время, за кото-

рое преступник может скрыться с места преступления, реализовать похищенное. В таком случае требуется дополнительная информация от пострадавшего об обстоятельствах обнаружения преступления. Несомненно, речь идет о предположениях, что при входе в помещение пострадавший не обратил внимание на следы взлома (проникновение путем подбора ключа) или такие следы были преступником уничтожены после совершения преступления. Возможно, выбран способ проникновения, при котором следов вообще может не остаться (преступник проникает через окно, а выходит через дверь, открыв ее изнутри).

2. Информация о совершаемой краже поступает от соседей, родственников пострадавшего. Чаще всего такие бдительные свидетели сообщают о незаконном проникновении в помещение в частном секторе, нередко принимая самостоятельные меры по охране собственности соседей, вплоть до задержания злоумышленников на месте преступления. Практика показывает, что в такой ситуации на месте происшествия можно обнаружить большое количество разнообразных следов и в дальнейшем следователь вынужден тратить дополнительно время по их проверке. В целом такую ситуацию следует считать благоприятной.

3. Информация о совершении незаконного проникновения в помещение поступает от сотрудников органов внутренних дел, осуществляющих охрану общественного порядка. В том числе такая информация может поступить от сторожа или сотрудника частной охранной фирмы.

4. Информация о краже, совершенной с незаконным проникновением в жилище, поступила от оперативных сотрудников органов внутренних дел при реализации материалов оперативной разработки.

5. Информация о краже, совершенной ранее, поступает при проведении следственных действий в результате расследования иных преступлений. В данном случае можно говорить как о явке с повинной, так и обращении граждан по фактам совершения в отношении их собственности преступлений, которые не обращались в правоохранительные органы по различным причинам.

Для каждой из приведенных ситуаций этапа предварительной проверки требуется свой алгоритм действий следователя с учетом всего арсенала средств, предусмотренных ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Список основных источников

1. Асташкина, Е. Н. Криминалистические алгоритмы в расследовании квартирных краж : учеб. пособие / Е. Н. Асташкина, Н. А. Марочкин. — М. : Юрлитинформ, 2003. — 112 с. [Вернуться к статье](#)

2. Особенности раскрытия, расследования некоторых видов краж и использование при этом специальных познаний : учеб.-метод. пособие. — Тюмень : Академия, 2007. — 92 с. [Вернуться к статье](#)

3. Гаврилин, Ю. В. Криминалистика: методика расследования отдельных видов преступлений : курс лекций / Ю. В. Гаврилин, Н. Г. Шурухнов ; под ред. профессора Н. Г. Шурухнова. — М. : Книжный мир, 2004. — 468 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.98

В. М. Логвин

*профессор кафедры криминалистики
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент*

О НЕКОТОРЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ВОПРОСАХ СЛЕДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В юридической литературе достаточно часто используется такое понятие, как «следственная деятельность». Так, отдельные авторы говорят о наличии теории следственной деятельности [1], другие — о необходимости дополнения Конституции нормами, посвященными институциональным и процессуальным основам следственной деятельности [2], с подобным названием издаются научные труды [3], печатаются результаты работы научно-практических конференций [4; 5] и т. п. Одновременно следует отметить, что в названных и иных исследованиях достаточно сложно отыскать определение понятия «следственная деятельность», не всегда исследователи называют ее цели, задачи, признаки, содержание, принципы. На наш взгляд, такой подход не в полной мере отвечает потребностям развития общества, права, правоохранительных органов Республики Беларусь, следователя как участника уголовного процесса. Попытаемся акцентировать внимание на основных аспектах этой проблемы.

Безусловно, ключевым в этом понятии является термин «деятельность». Что следует под ним понимать? Ответ на этот вопрос является достаточно сложным. Например, «Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений» насчитывает 19 синонимов к этому слову [6]. Наиболее употребляемыми из них являются слова «практика», «действие», «труд», «работа», «дело», «занятие».

В словарях даются разные определения деятельности. В большинстве случаев подчеркивается то, что это осознанная активность человека, направленная на достижение определенной цели. Так, например, в одном из них говорится о том, что это «... сознательное активное взаимодействие субъекта (разумного существа) с объектом (окружающей действительностью), во время которого субъект целенаправленно воздействует на объект, удовлетворяя какие-либо свои потребности, достигая цели» [7].

Философы говорят о многомерности категории деятельности. По их мнению, можно фиксировать, по крайней мере, четыре наиболее общих, но разных смысла, которые обычно вкладываются в это понятие. Деятельность представляется, например, как совокупность результатов и последствий; процесс

преодоления трудностей как общий способ решения проблем и задач, как совокупность средств их решения; процесс самоизменения человека в ходе изменения обстоятельств своей собственной жизни; всеобщий способ отношения сообщества людей к условиям своей жизни (вне своей конкретной результативности) как всеобщая форма практики во всей ее культурно-исторической развертке [8].

Благодаря трудам Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна, Г. П. Щедровицкого и др. в психологии была создана теория деятельности [9].

Не вдаваясь в тонкости научной дискуссии, мы будем исходить из того, что следственная деятельность является одним из видов профессиональной. Ее возникновение стало следствием исторического процесса разделения и специализации труда. Лица, ее осуществляющие, относятся к работникам умственного труда, поскольку в процессе работы они затрачивают преимущественно интеллектуальные усилия для решения тех задач, которые перед ними стоят.

Следственная деятельность характеризуется наличием следующих специфических признаков: строгое регулирование нормами права; осуществление специально на то уполномоченными лицами; ограниченный круг средств доказывания обстоятельств совершенных преступлений; установление обстоятельств совершенного преступления, которые имели место в прошлом и др.

На наш взгляд, при рассмотрении вопросов следственной деятельности является ошибкой понимание под таковой только деятельности конкретного следователя по расследованию уголовного дела. Очевидно, что эта деятельность носит многоуровневый характер. Как минимум здесь можно выделить стратегический, организационно-управленческий и тактический уровни. Первые два уровня главным образом решают задачи обеспечивающего характера (кадровое, правовое, управленческое, материально-техническое обеспечение и т. п.) по отношению к тактическому уровню.

Низший уровень следственной деятельности является основным, и для нас он представляет наибольший интерес. Цель следственной деятельности в данном случае состоит в установлении всех обстоятельств конкретного уголовного дела, решении задач, которые изложены в ст. 7 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь. При этом характер этой работы должен исключать принятие ошибочного решения.

Следует отметить, что этот вид деятельности носит разносторонний характер и проявляется в правовом, логическом, информационном, психологическом, коммуникативном, организационном и иных аспектах работы.

Анализ юридической литературы, нормативных правовых актов и других источников позволяет выделить основные положения (принципы) этой

деятельности. На наш взгляд, они позволяют познать ее природу и сущность, на основе чего не только обеспечивается разработка и практическое использование научно обоснованных рекомендаций по расследованию конкретных видов и групп преступлений, но и осуществляется создание надлежащих условий по осуществлению такой деятельности. С позиции их значимости все принципы можно разделить на общие и специальные. Группа общих принципов характерна для всех без исключения сторон следственной деятельности. К ней мы можем отнести следующие принципы: законности, научности, этичности, планомерности, экономичности, взаимодействия. Вторая группа специальных принципов характеризует тактическую сторону следственной деятельности. Сюда, по нашему мнению, относятся следующие основные положения: ситуационность; активность; беспристрастность; внезапность; сохранение в тайне данных, полученных в ходе предварительного следствия; быстрота принятия решений (оперативность).

Таким образом, изложенное позволяет говорить о том, что вопросы следственной деятельности требуют комплексного исследования, результаты которого могут оказать существенное влияние на эффективность работы органов уголовного преследования.

Список основных источников

1. Чабукиани, О. А. Теория следственной деятельности как часть теории уголовного процесса / О. А. Чабукиани // Вестн. Моск. ун-та МВД России. — 2015. — № 1. — С. 124–127. [Вернуться к статье](#)
2. Цветков, Ю. А. Конституализация следственной деятельности: перспективы и преимущества / Ю. А. Цветков // Рос. следователь. — 2019. — №3. — С. 71–73. [Вернуться к статье](#)
3. Следственная деятельность : в 3 кн. : монография / под ред. Н. А. Колоколова. — М. : Юрлитинформ, 2021. [Вернуться к статье](#)
4. Следственная деятельность: наука, образование, практика : Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 24 июня 2021 г. : тез. докл. ; редкол.: С. Я. Аземша (председ.) [и др.]. — Минск : СтройМедиаПроект, 2021. — 464 с. [Вернуться к статье](#)
5. Следственная деятельность: проблемы, их решение, перспективы развития : материалы IV Всерос. молодежной науч.-практ. конф., Москва, 30 нояб. 2020 г. — М. : Моск. акад. Следственного комитета Рос. Федерации, 2021. — 383 с. [Вернуться к статье](#)
6. Деятельность [Электронный ресурс] // Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. — Режим доступа: <https://synonymonline.ru/%D0%94/%D0%B4%D0%B5%D1%8F%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C>. — Дата доступа: 02.02.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

7. Деятельность [Электронный ресурс] // Википедия. — Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B5%D1%8F%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C>. Дата доступа: 02.02.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

8. Слободчиков, В. И. Психология человека. Введение в психологию субъективности [Электронный ресурс] / В. И. Слободчиков. — Режим доступа: https://bookap.info/book/slobodchikov_psihologiya_cheloveka_vvedenie_v_psihologiyu_subektivnosti/gl17.shtm#1. — Дата доступа: 11.02.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

9. Теория деятельности [Электронный ресурс] // Википедия. — Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%B5%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F_%D0%B4%D0%B5%D1%8F%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8. — Дата доступа: 11.02.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 343.98

*Д. Н. Лозовский**профессор кафедры уголовного процесса
Краснодарского университета МВД России,
доктор юридических наук, доцент*

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Развитие в современном обществе информационных технологий обусловило не только облегчение общения граждан, но и появление новых способов совершения преступлений, в том числе связанных с незаконным оборотом наркотиков [1, с. 121].

Для расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, необходимо рассмотреть все элементы криминалистической характеристики преступлений данной категории дел. Это обусловлено еще и тем, что следователи в своей деятельности используют различные частные методики, включая методику по расследованию уголовных дел в сфере незаконного оборота наркотиков.

Согласно точке зрения Р. С. Белкина, элементами криминалистической характеристики являются:

- предмет преступного события;
- способ совершения и сокрытия преступления;
- информация о следах преступления;
- сведения о личности преступника и потерпевшего;
- обстоятельства, способствующие совершению преступления.

Обстановке совершения преступлений данной категории присуща определенная специфика. Значительное количество таких преступлений совершаются в крупных городах (по результатам изучения уголовных дел — 70 %), где скапливается большое количество людей, стремящихся к удовлетворению разнообразных потребностей.

Сбыт наркотических средств через сеть Интернет представляет наибольшую сложность ввиду того, что сбытчиков запрещенных веществ сложнее выявить в обезличенной среде.

Временная характеристика данных преступлений не является их специфической чертой, так как такие преступления могут совершаться в любое

время, независимо от наличия каких-либо обстоятельств. Но следует отметить, что зачастую они совершаются в вечернее или ночное время.

Таким образом, основными местами сбыта наркотиков в рамках рассмотренных уголовных дел по территориальному признаку являются крупные города — 80 % случаев; чаще всего закладки находятся в таких местах, как парки и скверы — 60 % случаев, клубы — 25 % случаев и иные места — 15 %. Временем совершения данных преступлений является вечернее или ночное время. Предмет, место и время совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков через сеть Интернет являются специфическими ввиду способа совершения таких преступлений и обусловлены им.

Покупка наркотиков посредством сети Интернет осуществляется следующим образом: покупатель находит сайт интернет-магазина, выбирает объект покупки и знакомится с ценовой политикой сайта. При возникновении желания приобрести товар покупатель связывается с продавцом по закрытым каналам связи, на которые ему указывает администратор сайта. Иногда на таких сайтах размещается непосредственно номер телефона, по которому можно связаться с оператором для получения необходимой информации о товаре.

Существуют сайты, где для заказа товара необходимо заполнить предлагаемую форму, в которой указывается характеристика объекта покупки, а также сумму, за которую покупатель может приобрести товар. Данный заказ отправляется через электронную почту. Далее с заказчиком посредством телефона связывается продавец для уточнения деталей заказа.

Покупатель, находясь на сайте, проходит соответствующую регистрацию. Спустя некоторое время ему приходит пароль по электронной почте или телефону, который позволяет заказчику зайти на сайт для ознакомления с ассортиментом, ценами, свойствами и количеством товара. Выбрав необходимый товар, покупателю сообщается информация о месте, времени и упаковке, в которой будет находиться товар.

Стоит отметить, что способам совершения преступлений указанной категории через интернет-сайты соответствует определенный способ подготовки. Такие способы подготовки состоят в совершении действий по поиску сайтов в интернет-пространстве, которые осуществляют продажу запрещенных веществ, знакомятся с ассортиментом, получают необходимую информацию о свойствах приобретаемого товара, характеристиках и оказываемом воздействии наркотиков на организм человека, условиях и способах доставки, оплаты и упаковки, а затем выбирают магазин, удовлетворяющий их требованиям.

Основные способами продаж следующие:

- доставка курьером оговоренного количества товара домой или в иное указанное место (15 %);
- доставка товара в тайники, которыми могут служить корни деревьев, рамы окон и т. п., затем сбытчик сообщает об этом покупателю, который забирает товар (80 %);
- пересылка наркотиков, такие лица подлежат уголовной ответственности по совокупности за незаконный сбыт и незаконную пересылку наркотиков (5 %).

Соккрытие таких преступлений осуществляется еще на подготовительной стадии при регистрации доменов и создании сайтов, где указываются неверные персональные данные или данные иных лиц, переадресация обращений пользователей, смена адреса веб-ресурса и т. д. Нередко злоумышленники с целью сокрытия следов данного преступления при связи с покупателем используют средства электронной связи, которые не поддаются контролю: телефоны, факсы, компьютеры, спутниковые телефоны, «клонированные» сотовые телефоны, телефонные карточки с предварительной оплатой, широкополосные радиочастоты, чат-комнаты в интернете с ограниченным доступом и т. д. [2, с. 121]. Примером может послужить использование переадресации или нахождение сим-карты вне телефонного аппарата. Соккрытие также осуществляется посредством кодирования электронных посланий в сети Интернет.

Таким образом, анализ отдельных элементов криминалистической характеристики мошенничества в сфере предпринимательской деятельности, выявление корреляционных связей между ними способствует повышению эффективности расследования исследуемой категории преступлений.

Список основных источников

1. Ошлыкова, Е. А. Особенности расследования незаконного сбыта наркотических средств, совершенного бесконтактным способом с использованием сети Интернет / Е. А. Ошлыкова // Гражданское общество и правовое государство. — 2015. — Т. 2. — С. 121–123. [Вернуться к статье](#)
2. Агафонов, В. В. Способы совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков с использованием интернета и электронных средств связи / В. В. Агафонов, Л. Ю. Чистова // Вестн. Моск. ун-та МВД России. — № 3. — 2011. — С. 116–121. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.98

*А. Ф. Мотолько**заместитель начальника управления Следственного комитета
Республики Беларусь по г. Минску*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Использование технико-криминалистических средств в ходе расследования преступлений, как правило, осуществляется с целью поиска и фиксации вещественных доказательств. Однако в современных условиях применение информационно-коммуникационных технологий связано не только с возможностью получения и использования относимой к делу доказательственной информации, но и с возможностью ее визуализации и демонстрации в ходе уголовного процесса.

Уголовно-процессуальный закон предусматривает использование технических средств с целью закрепления информации в нетекстовой форме, доступной для визуального восприятия. Составление планов-схем и чертежей, наряду с результатами фото- и видеосъемки, представляет собой устоявшийся набор, визуализирующий место происшествия. Подобные средства, как и протоколы следственных действий, направлены на воссоздание картины произошедшего, которое происходит в форме мысленного моделирования в результате мыслительно-познавательной деятельности следователя, прокурора, судьи и иных участников уголовного процесса [1, с. 251]. Использование же в уголовном процессе современных информационно-коммуникационных технологий визуализации способствует более корректному воссозданию произошедшего.

Так, например, демонстрация с помощью ноутбука и проектора в судебном разбирательстве видеозаписи совершения преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта, связанного с нарушением правил дорожного движения, позволяет более детально уяснить механизм произошедшего дорожно-транспортного происшествия.

Как отмечал еще в 1970-х гг. А. А. Леви, одной из задач использования научно-технических средств в суде является увеличение наглядности представленных доказательств [2, с. 14].

Наиболее распространенным и доступным способом визуального представления данных является инфографика, которая сегодня лежит в основе мультимедийных технологий организации и подачи информации. Инфографический способ визуализации данных осуществляется с целью донесения сложной информации быстрым и понятным способом путем упрощения формы по-

дачи информации с сохранением смысла. С помощью изображений любая информация становится более понятной и убедительной, поскольку визуальные элементы обрабатываются мозгом в 60 тысяч раз быстрее, чем текст [3]. Таким образом, графический способ подачи информации в материалах уголовного дела существенно упрощает процесс ее восприятия участниками уголовного процесса.

Так, разработанное коллективом Следственного отдела по Прикубанскому округу г. Краснодара методическое пособие по повышению уровня наглядности доказательств по указанию руководителя следственного управления внедрено и используется в подразделениях Следственного комитета Российской Федерации по Краснодарскому краю [4].

Предусмотренный Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь набор средств, направленных на наглядно-образное воссоздание материальных следов произошедшего на месте происшествия, является довольно консервативным. На практике наиболее часто при производстве осмотра места происшествия используется фотосъемка. Однако в современных условиях судебная фотография превращается в архаизм, уступая место трехмерной (3D) фиксации обстановки места происшествия.

Возможность создания трехмерных измерений фиксируемой информации о месте происшествия (создание трехмерной модели места происшествия с помощью трехмерной фотосъемки, трехмерного сканирования, трехмерного моделирования посредством программных средств) позволяет следователю значительно сэкономить время на детальном описании сложных объектов, а также обеспечить получение детального представления об обстановке места происшествия, его узлах и деталях в целях фиксации и последующей максимально полной визуализации.

Международная судебно-следственная практика уже имеет опыт использования комплексов фиксации, создающих 3D-модели обстановки места происшествия для последующего ее анализа. Так, например, в США полицией г. Розуэлл штата Нью-Мексико используется 3D-сканер, который позволяет следователям производить 3D-рендеринг места преступления — оцифрованный панорамный вид любой его области. По утверждению представителей американской полиции, информация с места происшествия представляется с такой высокой точностью и наглядностью, что следователи, судьи и жюри присяжных имеют очень точное визуальное представление [5].

В 2018 году российскими криминалистами разработан виртуальный инструмент для работы на месте происшествия в виде специальной программы «Конструктор места происшествия», которая позволяет «оцифровывать» место

происшествия, создавая его виртуальную трехмерную реконструкцию. Данная программа апробирована в тестовом режиме Главным управлением криминалистики Следственного комитета Российской Федерации при осуществлении осмотров мест происшествия в Астраханской, Ивановской областях и Удмуртской Республике [6].

В Следственном комитете Республики Беларусь с 2018 года при проведении осмотров мест происшествия успешно используются комплекты для проведения 3D-панорамной фотосъемки, имеющиеся на вооружении в криминалистических отделах управлений Следственного комитета Республики Беларусь по областям и г. Минску. Кроме этого, в целях повышения эффективности фиксации обстановки места происшествия с обширной площадью и сложной локализацией сотрудниками Следственного комитета Республики Беларусь используется аэросъемка посредством беспилотных радиоуправляемых летательных аппаратов — квадрокоптеров.

Таким образом, использование информационно-коммуникационных технологий при визуализации уголовного дела делает полученные доказательства более доступными для зрительного обозрения и анализа, а сам процесс собирания и закрепления доказательств более прозрачным.

Применение информационно-коммуникационных технологий визуализации способствует лучшему пониманию излагаемого участниками уголовного процесса доказательственного материала, убедительной аргументации и наглядному обоснованию приводимых доводов, позволяет отражать невидимые или слабо видимые процессы и объекты, фиксировать характеристики отдельных объектов и следов, в целом оптимизировать процесс изучения и оценки доказательств.

Список основных источников

1. Бертовский, Л. В. Криминалистический рендеринг: основные положения / Л. В. Бертовский, И. А. Кучерков, А. Л. Лисовецкий // Евраз. юрид. журнал. — 2015. — № 7. — С. 250–253. [Вернуться к статье](#)
2. Леви, А. А. Научно-технические средства в суде / А. А. Леви. — М. : [б. и.], 1974. — 106 с. [Вернуться к статье](#)
3. Тринадцать причин, почему наш мозг любит инфографику [Электронный ресурс] // QWRT. — Режим доступа: <http://www.qwrt.ru/news/550>. — Дата доступа: 03.02.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
4. Визуализация уголовных дел в органах СК РФ [Электронный ресурс] : метод. пособие на основе опыта работы Следств. отд. по Прикуб. окр. г. Краснодар / авт.-сост. А. Ю. Симонов // АРРУД: программа визуализации анализа результатов расследования уголовных дел. — Режим доступа: [http://arrud.ru/files/instructions/5/методичка%20\(2\)-ilovepdf-compressed.pdf](http://arrud.ru/files/instructions/5/методичка%20(2)-ilovepdf-compressed.pdf). — Дата доступа: 03.02.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

5. Американская полиция использует 3D-сканер для воссоздания аварий и сцен преступления [Электронный ресурс] // 3D-принтеры сегодня. — Режим доступа: <https://3dtoday.ru/industry/american-police-uses-a-3d-scanner-to-recreate-accidents-and-scene-of-the-crime.html>. — Дата доступа: 03.02.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

6. Создан виртуальный конструктор места происшествия для криминалистов [Электронный ресурс] // Известия. — Режим доступа: <https://iz.ru/793625/dmitrii-liudmirskii/sozdan-virtualnyi-konstruktor-mesta-proisshestiia-dlia-kriminalistov>. — Дата доступа: 03.02.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 343.98

И. А. Неупокоева*доцент кафедры криминалистики
Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент****О. И. Гутникова****старший преподаватель кафедры криминалистики
Омской академии МВД России*

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ПРОВЕДЕНИЕ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПРИ ВЗРЫВАХ

Последствия совершения террористических актов проявляются в дестабилизации социальной и общественной жизни общества; вызывают разрушение систем жизнеобеспечения отдельных территорий, местности, зданий, сооружений; проявляются в причинении вреда здоровью граждан, который влечет наступление смерти. Благодаря деятельности правоохранительных органов Российской Федерации ситуация с предупреждением преступлений террористического характера полностью находится под контролем. Директор Федеральной службы безопасности Российской Федерации Александр Бортников заявил, что в России за последние 10 лет предотвращено около 200 терактов, количество совершенных преступлений террористической направленности уменьшилось в 260 раз, в 2021 году предотвращено 65 преступлений террористической направленности [1]. Современная детерминация терроризма на территории России ярко выражается экспансированным вовлечением населения, его отдельных социально-демографических групп без учета национального фактора и территориального расположения. Совершение террористического акта является инструментом реализации преступных целей террористических организаций и захватывает общеопасные виды преступлений. Отметим, что в 2020 году на территории России правоохранительными органами из незаконного оборота изъято 134 самодельных взрывных устройства, свыше 100 тыс. патронов, а также более 3 тыс. мин, гранат и иных боеприпасов [2]. Негативной тенденцией является динамика роста случаев применения взрывных устройств террористическими организациями для достижения ими своих преступных целей. Так, по данным Национального антитеррористического комитета, на территории России в 2021 году с использованием оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных или имитирующих их устройств было совершено 4,7 тыс. преступлений [3]. Осмотр места происшествия при расследовании террористического акта с применением взрывного устройства является

комплексным, сложным и опасным следственным действием. Анализ расследования данных преступлений позволяет нам обозначить факты допущения следователями ошибок тактического, организационного, психологического характера, которые вызваны недостаточными знаниями в области применения технико-криминалистических средств и методов, выбора тактики осмотра места происшествия и закрепления следов совершенного террористического акта, организации и проведения спасательных работ, а также медицинской помощи пострадавшим. Организационно-тактической особенностью проведения осмотра места происшествия при взрывах является незамедлительное, своевременное и результативное оказание первой медицинской помощи пострадавшим.

В ситуации взрыва энергия взрывной волны является начальным поражающим фактором. Поражающее действие энергии взрыва на открытом пространстве убывает по мере удаления от эпицентра, в закрытом пространстве взрывная волна, отражаясь от препятствия, может многократно усиливаться. Эта особенность определяет расположение пострадавших и трупов на месте взрыва, последовательность осмотра и оказания первой помощи пострадавшим. На особенности взрывных травм влияют вид взрывного устройства, его способ доставки на место происшествия, наличие свойств поражающего элемента, наличие оболочки [4, с. 352]. Взрыв приводит в действие следующие повреждающие факторы: 1. Резкое повышение давления в виде воздушной ударной волны, распространяющейся с высокой скоростью, приводит к баротравме с повреждением среднего уха и легких, к разрыву барабанных перепонок; в ткани легкого вызывает разрыв альвеол, кровоизлияния, обширную эмфизему мягких тканей, средостения, пневмоторакс. В дальнейшем у пострадавших развивается острый респираторный дистресс-синдром. 2. Взрыв придает кинетическую энергию металлическим и пластиковым деталям, содержащимся во взрывном устройстве (шарики, болты, гайки, рубленые куски арматуры), которые с большой скоростью разлетаются вокруг, нанося обширные и смертельные повреждения. Дополнительным фактором поражения могут быть костные фрагменты тела террориста-смертника или жертв, находящихся рядом с ним. Эти биологические вторичные снаряды наносят серьезные повреждения, у выживших они вызывают нагноение и могут быть причиной возникновения гемоконтактных вирусных инфекций. 3. Взрывная волна, отбрасывая тело пострадавшего на острые углы, металлоконструкции, приводит к тяжелым повреждениям груди, живота, головы и конечностей. 4. Если самодельные взрывные устройства содержат горючие вещества, то возникают термические или химические ожоги тела; в случае возникновения пожара на месте происшествия

токсические химические ингредиенты взрывчатого вещества и продукты горения могут вызывать тяжелые отравления [5, с. 41].

Распределение травм по анатомическому признаку при массовых поражениях характеризуется преобладанием повреждений конечностей. В 72 % случаев при минно-взрывных ранениях повреждается голова, характер повреждения очень опасный, при травмах черепа многие из пострадавших просто не успевают получить экстренную медицинскую помощь и погибают на месте. Повреждаются и другие анатомические области (грудь, живот, таз и внутренние органы). Так, у 49 % раненых с минно-взрывными ранениями повреждается грудь, у половины раненых выявляются переломы ребер, а у 9 % — проникающие ранения груди [6, с. 53].

Оказание медицинской помощи в данной ситуации проводят в условиях медицинской эвакуации, которая представляет собой транспортировку пациента в целях спасения жизни и сохранения здоровья. Массовость и одномоментность поражений приводят к невозможности оказания полноценной медицинской помощи всем в ней нуждающимся. Сократить временной период оказания помощи в полном ее объеме позволяет создание эшелонированной группировки медицинских сил и средств в рамках специализированной медицинской помощи. Факторами, определяющими вариант группировки, являются: место совершения взрыва; наступившие последствия; характер травм и повреждений; количество пострадавших и нуждающихся в стационарном лечении; возможности лечебных учреждений по оказанию медицинской помощи. Оценивая последствия взрыва на месте происшествия, работники скорой помощи проводят медицинскую сортировку пострадавших, которая способствует своевременному оказанию медицинской помощи и разумной эвакуации пострадавших в лечебные учреждения.

Система оказания медицинской помощи населению при массовых поражениях определена совместным приказом Министерства здравоохранения и Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий № 394/589 от 3 ноября 1999 года «О совершенствовании системы оказания экстренной медицинской помощи лицам, пострадавшим от террористических актов» и приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 4 мая 2012 года № 477н «Об утверждении перечня состояний, при которых оказывается первая помощь, и перечня мероприятий по оказанию первой помощи». В систему входят действия, обеспечивающие направление в зону массового поражения дежурных и резервных бригад скорой медицинской помощи. В зону взрыва направляются бригады психиатрического профиля,

создается резерв госпитальных коек, пострадавшие срочно эвакуируются санитарным или авиационным транспортом в ближайшие медицинские учреждения.

Таким образом, можно отметить, что одними из важных факторов, влияющих на проведение осмотра места происшествия при взрывах, являются достижение в ограниченно короткие сроки максимальной минимизации ущерба; своевременная ликвидация последствий; качественное и профессиональное оказание медицинской помощи пострадавшим лицам; устранение негативных психологических, моральных и социальных воздействий.

Список основных источников

1. Интерфакс [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/>. — Дата доступа: 10.01.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
2. Состояние преступности [Электронный ресурс] // М-во внутр. дел Рос. Федерации. — Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762>. — Дата доступа 19.11.2021. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
3. Национальный антитеррористический комитет [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://nac.gov.ru/>. — Дата доступа 28.12.2021. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
4. Военно-полевая хирургия : учебник / под. ред. проф. Е. К. Гуманенко. — СПб. : Фолиант, 2004. — 464 с. [Вернуться к статье](#)
5. Военно-полевая хирургия : учеб. пособие / под ред. М. В. Лысенко — М. : ГЭОТАР-Медиа, 2010. — 576 с. [Вернуться к статье](#)
6. Аникина, Т. А. Предотвращение террористических угроз среди населения / Т. А. Аникина [и др.]. — Казань, 2016. — 101 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.98

*А. А. Нуждин**докторант факультета подготовки**научно-педагогических кадров**Академии ФСИН России,**кандидат юридических наук, доцент*

СУБЪЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ (КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Вопросы, связанные с раскрытием, расследованием и предупреждением преступлений, в настоящее время актуальны для учреждений уголовно-исполнительной системы России [1]. В последние годы наметилась тенденция к увеличению числа регистрируемых пенитенциарных преступлений при ежегодном снижении среднесписочной численности лиц, содержащихся в исправительных учреждениях и следственных изоляторах. Об этом свидетельствуют данные официальной ведомственной статистической отчетности Федеральной службы исполнения наказаний России: в 2012 г. коэффициент преступности на 1000 человек составлял 1,33, а в 2021 г. — 2,69.

Анализ пенитенциарной преступности позволяет выделить следующие группы противоправных деяний: насильственные преступления, корыстные преступления, преступления против общественной безопасности и общественного порядка, против правосудия и порядка управления. В независимости от вида преступления в процессе его раскрытия, расследования и предупреждения приходится прибегать к использованию специальных знаний. Деятельность по выявлению обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений (предупредительная деятельность), также не обходится без использования специальных знаний.

Использование специальных знаний в процессе предупреждения пенитенциарных преступлений регламентировано Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации [2, с. 205]. Исходя из буквальной трактовки уголовно-процессуального законодательства, можно сделать промежуточный вывод, что специальные знания являются прерогативой только эксперта и специалиста. Возникает вопрос: должен ли следователь (дознатель) обладать специальными знаниями при осуществлении своей профессиональной деятельности? Уголовно-процессуальным законодательством данный аспект деятельности напрямую не регламентирован, а ученые-правоведы не имеют единого мнения по данному вопросу [3]. Представляется, что следователю (дознателю)

необходимо обладать определенным набором специальных знаний и он вправе их использовать в процессе расследования и предупреждения преступлений.

Особенно ярко необходимость использования специальных знаний следователем (дознавателем) проявляется в процессе выявления обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений. В соответствии с ч. 2 ст. 38 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, следователь уполномочен «...самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий...». Следователь (дознаватель) должен знать и уметь применять имеющиеся в его распоряжении технические средства, обеспечивающие возможность производства процессуальных действий. Также следователь (дознаватель) должен знать возможности экспертов (специалистов) при привлечении к производству процессуальных действий и при назначении экспертиз.

В условиях исправительных учреждений и следственных изоляторов субъектом использования специальных знаний будет являться сотрудник того или иного учреждения уголовно-исполнительной системы. Уголовно-правовой статус должностных лиц уголовно-исполнительной системы окончательно не определен. Но не вызывает сомнения тот факт, что при обнаружении преступления отдельные должностные лица уголовно-исполнительной системы вправе провести комплекс неотложных следственных действий. Естественно, производство следственных действий требует от должностных лиц уголовно-исполнительной системы применения специальных знаний.

Как уже отмечалось выше, основным обладателем специальных знаний является специалист. В соответствии со ст. 58 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, специалист привлекается к участию в процессуальных действиях для содействия «в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств, для постановки вопросов эксперту» и т. д. В качестве специалиста может быть привлечено любое лицо, обладающее необходимым набором специальных знаний. В условиях исправительных учреждений и следственных изоляторов в качестве специалиста часто привлекаются сотрудники данных учреждений: медицинский работник (для констатации факта наступления смерти, помощи в осмотре трупа, помощи в документальном оформлении результатов осмотра), сотрудник информационно-технического отдела (для снятия информации с систем видеонаблюдения, пояснения особенностей работы технических средств охраны и надзора) и т. д.

Эксперт также является лицом, обладающим специальными знаниями (ст. 57 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). Эксперт реализует свои специальные знания в процессе производства судебной

экспертизы и дачи заключения. Предупредительное значение результатов проведенных экспертиз в условиях учреждений уголовно-исполнительной системы сложно переоценить.

На основании изложенного выше можно сделать вывод, что субъектами использования специальных знаний в условиях учреждений уголовно-исполнительной системы выступают: специалист, эксперт, следователь (дознатель), должностное лицо уголовно-исполнительной системы, производящее неотложные следственные действия.

Список основных источников

1. Нуждин, А. А. Организационно-правовое обеспечение предупреждения преступности / А. А. Нуждин // Тамбовские правовые чтения имени Ф. Н. Плевако : сб. ст. / сост.: В. Ю. Стромов. — Тамбов, 2017. — С. 265–267. [Вернуться к статье](#)
2. Шурухнов, Н. Г. Соотношение понятий «специальные знания» и «специальные познания», предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации / Н. Г. Шурухнов // Уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические вопросы борьбы с преступностью : сб. ст. / Куб. гос. аграрный ун-т им. И. Т. Трубилина ; сост.: С. А. Куемжиева, А. А. Тушев. — Краснодар, 2021. — С. 204–211. [Вернуться к статье](#)
3. Шурухнов, Н. Г., Смолькова, И. В. Следователь как субъект использования специальных знаний и собирания доказательств в противодействии преступности / Н. Г. Шурухнов, И. В. Смолькова // Всерос. криминологический журнал. — 2020. — № 5. — С. 808–815. [Вернуться к статье](#)

УДК 343

Н. В. Павлова

*доцент кафедры криминалистики и домедицинской подготовки
Днепропетровского государственного университета
внутренних дел (Украина),
кандидат юридических наук, доцент*

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ МОШЕННИЧЕСТВ

Следует отметить, что неумелый и неподготовленный переход к рыночной экономике, становление и развитие ее институтов создали условия, при которых нарушение закона превратилось в вынужденный образ жизни части населения, а преступная деятельность стала выгодной. Это явилось предпосылкой появления различных видов мошенничества.

Пытаясь не отставать от современных достижений научно-технического прогресса, мошенники проявляют смекалку и оперативно применяют в своей преступной деятельности новейшие научно-технические достижения, в результате чего процесс технологизации и компьютеризации общества обусловил изобретение уникальных способов совершения уголовных правонарушений разных категорий [1].

Мошенничества характеризуются быстрой адаптацией к новациям в рыночных отношениях и изменениям в законодательстве, маскировкой под осуществление гражданско-правовых соглашений, созданием фиктивных фирм и нотариальных контор, использованием технических средств, знанием преступниками правовой регламентации заключения сделок и т. д.

Рост профессионализации преступности в разных сферах экономики требует, чтобы мошенникам противостояли опытные мастера, досконально знающие «законы» и условия их жизни, преступной деятельности. Однако в последние годы текучесть кадров привела к резкому сокращению профессионального ядра следствия. У основной части сотрудников этих категорий стаж работы не превышает 23 лет. Вместе с опытными сотрудниками уходят в прошлое знания особенностей криминальной среды, апробированные формы и методы борьбы с ней. Следует согласиться с исследователем преступной деятельности Н. С. Карповым, что отсутствие стабильного ядра квалифицированных кадров правоохранительной системы сегодня является одной из существенных причин низкого уровня противодействия профессиональной преступности [2].

И, как следствие, лишь небольшой процент (35 %) уголовных производств по мошенничествам доходит до стадии судебного разбирательства.

Как показали результаты проведенного опроса работников, специализирующихся на расследовании уголовных правонарушений указанной категории, существуют и другие факторы, оказывающие негативное влияние как на организацию расследования, так и на само расследование в целом, а именно:

1) отсутствие в правоохранительных органах отделений из числа работников, которые имели бы отдельную специализацию по знаниям и умениям выявления, раскрытия и расследования уголовных правонарушений в сфере недвижимости, в сфере туризма, в банковской сфере, в сфере информационных технологий и т. п.;

2) трудности, связанные с отграничением мошенничества от гражданско-правовых деликтов;

3) вмешательство в процесс досудебного расследования заинтересованных лиц, оказывающих влияние на соответствующие решения правоохранительных органов;

4) недостаточное взаимодействие органов досудебного расследования со специалистами по вопросам действительности и соответствия оформления документов, связанных с заключением сделок;

5) принятие решения об остановке расследования даже без проведения всех необходимых следственных (розыскных) действий и оперативно-розыскных мероприятий;

6) активное противодействие со стороны преступников и т. д.

С целью усовершенствования деятельности органов досудебного расследования и улучшения их взаимодействия с оперативно-розыскными службами следует объединить их усилия, что особенно важно при раскрытии и расследовании сложных и многоэпизодных мошенничеств. Органу досудебного расследования необходима информация, получаемая оперативным путем, для выдвижения версий, повышения эффективности процессуальных действий, обеспечения быстрого и полного расследования. Правильно организованная связь, четкое распределение обязанностей различных служб, конечной целью которых является решение общих задач и достижение общего результата, позволяют достичь его в более короткий срок с меньшими затратами сил и средств. Весьма необходимо и взаимодействие с органами, которые оформляют документы по заключению гражданско-правовых соглашений и имеют непосредственное отношение к этому процессу. Эти органы позволяют следователю выяснить содержание процесса, предоставят объяснения его этапов, документов, которые должны использоваться

при этом, и лиц, которые оформляли необходимые документы, помогут отграничить гражданско-правовой деликт от преступных деяний.

В общем, следственная деятельность по расследованию мошенничеств разных видов требует от должностного лица непосредственного владения определенным объемом гражданско-правовых, уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, а также криминалистических знаний, чтобы при расследовании каждого уголовного производства уметь отграничивать уголовно наказуемое деяние от гражданско-правового деликта, сделать верный взвешенный вывод об обстоятельствах совершения мошенничества, причинах и условиях, при которых оно произошло, правильно сориентироваться в мотивации преступника, выяснить вопрос о виктимности потерпевшего и наличии провоцирующих действий с его стороны и т. д. Для выполнения этих задач следователю нужно быть еще и психологом, и достаточно тактичным человеком, принципиально использовать оценочные критерии относительно информации, которая поступает в связи с расследованием преступления и формирует следственную ситуацию.

Следовательно, путями усовершенствования деятельности следователей по расследованию мошенничеств являются:

1) создание при ГУНП областей отделений из числа наиболее квалифицированных специалистов, специализирующихся на расследовании мошенничеств в разных сферах;

2) разработка и распространение среди этих лиц соответствующего методического обеспечения по расследованию мошенничеств;

3) налаживание взаимодействия между следователями и работниками оперативных подразделений, специалистами, государственными и частными органами, имеющими отношение к оформлению документов при совершении различных видов мошенничеств, и др.;

4) квалифицированная подготовка будущих следователей в высших учебных заведениях со специфическими условиями обучения, которые будут изучать специальный курс по методике расследования мошенничеств и т. д.

Список основных источников

1. Рущенко, І. П. Соціологія злочинності : монографія / І. П. Рущенко. — Харків, 2001. — 370 с. [Вернуться к статье](#)
2. Карпов, Н. С., Злочинна діяльність : монографія / Н. С. Карпов. К. : Вид-во Семенко Сергія, 2004. — 310 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.98

*И. В. Пашута**доцент кафедры криминалистики
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент*

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ НЕЗАКОННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ОТНОШЕНИИ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ, БОЕПРИПАСОВ И ВЗРЫВЧАТЫХ ВЕЩЕСТВ

Противодействие незаконным действиям в отношении оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ выступает важным средством обеспечения защиты жизни и здоровья граждан, охраны собственности, общественной безопасности, предотвращения незаконного распространения оружия и предупреждения таких преступлений. Одним из эффективных средств такого противодействия является привлечение виновных к уголовной ответственности путем быстрого, полного и всестороннего расследования преступлений о незаконных действиях в отношении огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ.

Процесс расследования данных преступлений носит четко выраженный познавательный характер и направлен в конечном итоге на установление истины по уголовному делу путем решения правовых и тактических целей. Последние определяют систему правовых и тактических задач расследования.

Тактические задачи во многом зависят от ситуаций расследования, обусловливающих принятие решения по способу действий в русле выбранного направления производства по делу. Решение тактических задач обусловливается следующими типичными следственными ситуациями: 1) преступник застигнут на месте преступления, известен потерпевший, имеются очевидцы и явные следы преступления; 2) преступник с места преступления скрылся, но известны его приметы; 3) незаконные действия в отношении оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ совершены, но преступник неизвестен. В первой ситуации решение тактических задач направлено на закрепление доказательств, уличающих преступника в совершенном общественно опасном деянии. Во второй и третьей ситуации основными тактическими задачами являются установление личности преступника, его местонахождения; задержание; проведение следственных действий, направленных на доказывание виновности задержанного лица в совершенном преступлении; установление иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Что касается правовых задач, то они решаются путем установления предмета доказывания, включающего признаки незаконных действий в отношении

огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, предусмотренные ст. 294–295¹ Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК Республики Беларусь), и обстоятельства, подлежащие доказыванию, закрепленные в ст. 89 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь. Для этого необходимо ответить на следующие вопросы: какие конкретно противоправные действия совершены подозреваемым (обвиняемым); имеются ли в них признаки хищения огнестрельного оружия, его составных частей или компонентов, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств и какого именно (кража, грабеж, разбой, мошенничество и т. п.); совершались ли противоправные действия с целью сбыта, повторно, группой лиц; в чем именно выразились незаконные изготовление (создание или восстановление), приобретение (возмездное или безвозмездное их получение лицами, не имеющими на это права, путем покупки, мены, присвоения и т. п.), передача во владение, сбыт, хранение, перевозка, пересылка или ношение огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств.

Доказывая наличие общественно опасного деяния, ответственность за которое предусмотрена ст. 294–295¹ УК Республики Беларусь, важно помнить, что вопрос о том, являются ли оружием, составными частями или компонентами к нему, боеприпасами, взрывчатыми веществами или взрывными устройствами те или иные предметы, разрешается с учетом заключения эксперта по результатам проведения баллистической или взрывотехнической экспертизы.

Наиболее сложно доказать виновность обвиняемого в совершении преступления. Для установления этого обстоятельства необходимо выяснить: каково отношение обвиняемого к совершенному деянию; свидетельствует ли оно о том, что обвиняемый действовал умышленно; признавал ли обвиняемый, что своими преступными действиями безвозмездно завладевает огнестрельным оружием, его составными частями или компонентами, боеприпасами, взрывчатыми веществами или взрывными устройствами или приобретает право на них; предвидел ли обвиняемый наступление общественно опасных последствий и желал ли их наступления; какие цели преследовал обвиняемый и были ли эти цели достигнуты. Если хищение огнестрельного оружия, его составных частей или компонентов, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств совершается группой лиц, данные обстоятельства выясняются в отношении каждого из преступников.

Обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности обвиняемого, доказываются посредством получения ответов на следующие вопросы: в каких условиях формировалась личность обвиняемого, кто его родители, какой образ жизни он ведет, чем занимается в свободное от работы (учебы)

время, на какие средства существует (если не работает), каковы его интересы, жизненные приоритеты; каков круг его общения, как характеризуются лица из его компании (ближайшего окружения), нет ли среди них ранее судимых или ведущих явно антиобщественный образ жизни; привлекался ли обвиняемый ранее к уголовной ответственности, по какой статье УК и сколько раз; какие свойства биологического характера присущи обвиняемому (наличие хронических заболеваний, инвалидности); находился ли он в момент совершения преступления в состоянии опьянения, какого именно (алкогольное, наркотическое, токсическое); имеются ли смягчающие или отягчающие ответственность обстоятельства, предусмотренные ст. 63 и 64 УК Республики Беларусь.

Для того чтобы установить обстоятельства, отражающие характер и размер вреда, причиненного хищением огнестрельного оружия, его составных частей или компонентов, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств, необходимо получить ответы на следующие вопросы: какие последствия имели противоправные действия; являются ли наступившие общественно опасные последствия результатом хищения; кому и какой именно вред (моральный, физический, имущественный) причинен; каковы характер и степень тяжести причиненных телесных повреждений, каков размер материальных затрат, необходимых для лечения, реабилитации, а также размер компенсации физического вреда и т. п.; какова реальная стоимость похищенного имущества и т. п.

В заключение необходимо отметить, что задачи, возникая в результате мышления, отражаются в предметно-практической деятельности по расследованию преступлений. Предложенная система правовых и тактических задач, решаемых при расследовании незаконных действий в отношении оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, позволит придать этому процессу более целеустремленный характер.

УДК 343.98

*Н. Н. Пашута**адъюнкт научно-педагогического факультета**Академии МВД Республики Беларусь*

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА

Сотрудники подразделений уголовного розыска в повседневной деятельности осуществляют не только оперативно-розыскную функцию, но и уголовно-процессуальную. В последнем случае их деятельность может быть связана с производством по материалам, проведением дознания, исполнением поручений следователя о производстве процессуальных и следственных действий. Осуществление подобной деятельности без надлежащего криминалистического обеспечения крайне затруднительно.

Известно, что криминалистическое обеспечение деятельности подразделений уголовного розыска, помимо вооружения их соответствующими криминалистическими средствами, приемами и методами, достигается в том числе путем криминалистического образования [1, с. 30]. Под ним принято понимать систему обучения по использованию методов и средств криминалистики в практической деятельности и привитию обучающимся необходимых для такого использования умений и навыков, соответствующих параметрам квалификационных характеристик специалистов. Криминалистическое образование представляет собой тот канал, по которому криминалистические знания внедряются в практику органов внутренних дел, в том числе и подразделений уголовного розыска [2, с. 66].

Анализ юридической литературы, обобщение результатов деятельности сотрудников подразделений уголовного розыска, личный опыт автора позволяют выделить следующие уровни криминалистического образования для названных субъектов: 1) основное (базовое); 2) дополнительное; 3) самообразование.

Рассмотрим указанные уровни более подробно. Так, основное (базовое) криминалистическое образование возможно получить в учреждениях высшего образования Республики Беларусь при обучении по юридическим специальностям на первой ступени высшего образования в ходе изучения курса учебной дисциплины «Криминалистика», который направлен на подготовку специалистов, обладающих специальными (профессиональными) знаниями, умениями и навыками. Наличие базовых знаний в области криминалистики, полученных на первой ступени, дает право на продолжение образования на второй ступени

высшего образования (магистратура), в рамках которой формируются знания, умения и навыки научно-педагогической и научно-исследовательской работы. Получение базового (основного) криминалистического образования достижимо и при прохождении первоначальной подготовки в ведомственных учебных заведениях системы МВД Республики Беларусь при поступлении на службу в органы внутренних дел с последующей возможностью переподготовки специалистов по специализации «оперативно-розыскная деятельность (уголовный розыск)».

Произошедшие изменения в системе правоохранительных органов, уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь, увеличение объема научных знаний, появление новых форм преступных посягательств требуют от сотрудников уголовного розыска постоянного повышения своего профессионального уровня, в том числе криминалистического, дополнительного образования (второго уровня), которое можно получить: а) при прохождении повышения квалификации; б) в рамках служебной подготовки непосредственно в территориальных подразделениях органов внутренних дел.

Необходимость постоянного профессионального совершенствования сотрудников органов внутренних дел закреплена и ведомственным нормативным правовым актом, которым определен порядок организации и осуществления служебной подготовки. В ее рамках осуществляется проведение учебных занятий по изучению вопросов, связанных с необходимостью качественного выполнения должностных обязанностей.

В целях обеспечения качественной и эффективной служебной деятельности в уголовно-процессуальной сфере служебная подготовка сотрудников уголовного розыска, на наш взгляд, должна включать ряд тем (вопросов), направленных на: 1) актуализацию имеющихся у сотрудников криминалистических знаний и умений; 2) получение новых криминалистических знаний и формирование навыков их практического применения; 3) получение знаний в области научной организации труда; 4) анализ проблемных ситуаций и т. п.

Для проведения учебных занятий в рамках служебной подготовки, на наш взгляд, целесообразно привлекать наиболее подготовленных сотрудников подразделений криминальной милиции, Следственного комитета Республики Беларусь, Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, преподавателей ведомственных учреждений высшего образования. В ходе проведения учебных занятий они смогут продемонстрировать современную криминалистическую технику, обучить правилам эксплуатации и работы с ней, а также ознакомить с возможностями современных экспертиз, использования криминалистических учетов и коллекций. Наиболее эффективными формами

проведения подобных занятий являются демонстрация учебных фильмов с последующим их обсуждением и проведение практических занятий на соответствующих криминалистических полигонах.

Третий уровень криминалистического образования сотрудников уголовного розыска обеспечивается в рамках самообразования, которое направлено на приобретение сотрудниками знаний, обусловленных служебными потребностями и интересами, в свободное от работы время. Оно предусматривает самостоятельное изучение сотрудниками уголовного розыска различных литературных источников по криминалистике, рекомендаций и методических пособий по использованию специальных знаний как в ходе производства по материалам проверок, так и при осуществлении иных функций уголовно-процессуального характера; участие в научно-практических конференциях; подготовку и публикацию научных материалов; изучение передового опыта стран ближнего и дальнего зарубежья и т. д. Основы самообразования закладываются системой высшего образования, формирующей интерес и стремление к творческому, самостоятельному подходу в практической деятельности, что обеспечивает воплощение концепции непрерывного образования «Lifelong Learning — обучение сквозь жизнь».

Проведенный анализ уровней криминалистического образования свидетельствует об имеющихся проблемах подготовки сотрудников уголовного розыска, решение которых требует более детального изучения.

В завершение необходимо отметить, что получение сотрудниками уголовного розыска криминалистических знаний, умений и навыков, а также их совершенствование в процессе служебной деятельности является неотъемлемой частью достижения высокого уровня профессионализма, обеспечивающего соблюдение законности при осуществлении проверки по заявлениям или сообщениям о совершенных преступлениях, производстве дознания или исполнении поручения следователя о производстве следственных действий.

Список основных источников

1. Волынский, А. Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений : учеб. пособие / А. Ф. Волынский. — М. : Моск. ун-т МВД России им. В. Я. Кикотя, 2016. — 196 с. [Вернуться к статье](#)
2. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования : учеб. для вузов МВД России / Т. В. Аверьянова [и др.] ; под ред. Т. В. Аверьяновой, Р. С. Белкина. — М. : Новый Юрист, 1997. — 400 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.98

*С. В. Петлицкий**иностраннный адъюнкт кафедры криминалистики
Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя*

РОЛЬ УГОЛОВНОГО ПРАВА В МЕЖНАУЧНОМ ПОДХОДЕ К ОРГАНИЗАЦИИ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

Процесс раскрытия и расследования преступлений является одним из важнейших видов деятельности любого правового государства. В современных условиях построения такого государства особое место занимает работа правоохранительных органов по поступающим им на рассмотрение заявлениям (сообщениям) о преступлениях. Республика Беларусь не стала исключением.

Служебной деятельности белорусских правоохранительных служб, качеству осуществления ими уголовного судопроизводства (работе по материалам и уголовным делам) всегда уделялось на различных государственных уровнях пристальное внимание. Наглядным тому примером является проведенное Президентом страны 20 августа 2019 года рабочее совещание по вопросам качества работы правоохранительных органов при выявлении и расследовании преступлений.

Однако, несмотря на все положительные аспекты белорусской политики в сфере борьбы с преступностью, надлежащее решение задач в указанном направлении во многом предопределяется организационной составляющей. Иными словами, даже наличие накопленного многолетнего опыта, высококвалифицированной подготовки сотрудников, современной техники не гарантирует качественного и оперативного решения задач в раскрытии и расследовании преступлений без должной организации всего этого процесса.

Поэтому организации, связанной с этим видом деятельности, всегда уделялось и уделяется пристальное внимание со стороны как сотрудников правоохранительного блока, так и различных представителей наук уголовно-правового цикла, прежде всего, криминалистики, которая по своей правовой природе призвана интегрировать достижения других наук для целей и нужд практики в борьбе с преступностью. Между тем, как показывает анализ юридической литературы, до сих пор остаются дискуссионными вопросы о понятии и содержании организации раскрытия и расследования преступлений, о ее месте в системе наук уголовно-правового цикла.

В научных трудах криминалистов не отмечается единства взглядов на понятие и содержание этой криминалистической категории. Для одних это

«рациональный выбор расстановки сил, орудий, средств», другие утверждают, что это «процесс создания умственной модели предстоящей деятельности», а некоторые полагают, что это «процессуальное руководство следователя ходом расследования и его участниками». Однако при этом остается неопределенной структурно-содержательная характеристика организации раскрытия и расследования преступлений [1, с. 32].

Как нам представляется, наиболее рациональным подходом в решении данного вопроса является анализ определения, предложенного профессором А. Ф. Волынским. В своих трудах криминалист обосновывает межнаучный подход применительно к организации раскрытия и расследования преступлений, в котором ссылается на научно осмысленное и методологически выверенное понятие «организация» безотносительно к виду деятельности, изложенное в энциклопедических изданиях. Не трудно заметить, что во всех вариантах определения, данного в Большой Советской Энциклопедии, фигурирует понятие «взаимодействие» [2, с. 12].

Это, в свою очередь, позволило ученому прийти к выводу о том, что институт организации раскрытия и расследования преступлений как «целое» включает в себя организационно обособленные, но взаимодействующие, взаимосвязанные «автономные части». Исходя из указанного определения, криминалистом была предложена структурно-содержательная характеристика, состоящая из организации уголовно-процессуальной, организации оперативно-розыскной и организации криминалистической деятельности, осуществляемой в различных ее формах.

Такая научная концепция нами разделяется, так как она в полной мере согласуется с проведенной в Республике Беларусь реформой правоохранительных органов, когда статус самостоятельных субъектов приобрели следственные и судебно-экспертные учреждения страны, тем самым произошел их переход от моносистемы к полисистеме. При этом за каждым из органов, включая оперативно-розыскные подразделения (органы дознания), осталась исключительная компетенция в решении отдельных задач по борьбе с преступностью.

Правоохранительные службы, осуществляющие эти виды деятельности, обладают организационной обособленностью и характеризуются иерархической системой управления. Но все они сориентированы на достижение общей цели — раскрытие и расследование преступлений. Поэтому их взаимодействие фактически составляет основу организации их совместной работы по материалам и уголовным делам, а сама деятельность в таком случае представляется как межведомственная, межнаучная категория. Однако если организация взаимодействия способствует созданию условий для успешной и эффективной

деятельности «автономных частей», то правовой основой для начала совместной работы этих «частей» являются нормы уголовного права.

Другими словами, нельзя раскрыть и расследовать преступление, которого нет. Уголовный закон закрепляет исчерпывающий перечень общественных отношений, находящихся под особой защитой. С момента начала поступления заявления (сообщения) о преступлении и до вынесения по нему окончательного решения уполномоченным субъектом действие (бездействие) квалифицируется по конкретному составу преступления, строго регламентированного уголовным законодательством. В зависимости от категории преступления, его вида определяются тактика и методика расследования (проведения проверки), выдвигаются версии по обстоятельствам произошедшего, планируется ход работы по делу, определяются виды оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, необходимых для установления подозреваемого, и т. д.

Таким образом, резюмируя вышеизложенное, мы приходим к следующему выводу. В белорусской модели функционирования правоохранительных органов организация раскрытия и расследования преступлений характеризуется межнаучностью ее положений, вытекающих из различных наук уголовно-правового цикла. При этом криминалистике отводится роль интегрирующей науки. Системообразующая роль в содержании организации раскрытия и расследования преступлений отводится взаимодействию как элементу, объединяющему полисистемных, автономных субъектов со своими задачами и функциями для достижения единой цели. В качестве правовой основы их совместной деятельности выступает уголовное право, нормы которого фактически определяют направление и порядок работы уполномоченных субъектов по материалам и уголовным делам.

Список основных источников

1. Волынский, А. Ф. Оперативно-розыскная деятельность: почему возможное по УПК России недопустимо? / А. Ф. Волынский // Оперативник (сыщик). — 2017. — № 3 (52). — С. 30–35. [Вернуться к статье](#)
2. Волынский, А. Ф. Организация раскрытия и расследования преступлений – комплексная, межнаучная категория / А. Ф. Волынский // Вестн. Моск. ун-та МВД России. — 2015. — № 10. — С. 10–13. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.98

К. С. Плахота*адъюнкт факультета подготовки**научно-педагогических и научных кадров**Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя*

ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В СУДЕ В ХОДЕ ПРИМЕНЕНИЯ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ

Цифровизация экономико-правовых и общественных отношений несет обществу и государству не только блага, но и угрозы, в том числе связанные с преступностью. В этой связи особого внимания требуют проблемы разработки и внедрения информационных и компьютерных технологий в деятельность правоохранительных органов.

Актуализировались вопросы использования видео-конференц-связи (далее — ВКС) в судебных разбирательствах. Это связано с тем, что суды часто сталкиваются с проблемой, когда участник уголовного судопроизводства не может явиться на судебное заседание. Его отсутствие может быть обусловлено удаленным от суда местом жительства, невозможностью самостоятельно передвигаться по состоянию здоровья, пребыванием в местах лишения свободы и т. д. При этом нарушаются сразу несколько принципов, регламентированных Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: непосредственности участия в судебном заседании, состязательности сторон, доступа к правосудию, а также равенства всех граждан перед судом. Применение системы ВКС позволяет решить указанные проблемы, однако не все участники уголовного судопроизводства могут участвовать в судебном заседании дистанционно [1].

На практике суд сталкивается и с другими проблемами правового, организационного и технического характера. Например, судья может отказать в удовлетворении ходатайства об участии в судебном заседании посредством ВКС, если:

1. Отсутствует техническая возможность применения ВКС.

В связи с тем, что проверить наличие технической возможности невозможно, суд имеет возможность при получении поручения о производстве судебного действия дистанционно дать отрицательный ответ. К тому же юридических последствий не существует.

2. Судебное разбирательство проходит в закрытом судебном заседании. При этом запрещается использовать ВКС, так как должен соблюдаться режим секретности и конфиденциальности информации.

Проблемы технического характера. Качество связи не всегда отвечает предъявляемым к ней требованиям, из-за чего приходится прерывать ход судебного заседания с целью стабилизации связи и повышения качества звука и видеоизображения. При этом стороны обязаны дожидаться возобновления ВКС, а при необходимости должны повторить все, что было сказано ранее. Важно отметить, что помехи, сбои, шумы способствуют нарушению прав граждан. Так, в постановлении Европейского суда по правам человека по делу Стэндфорда отмечено: «Если в результате плохой акустики в зале суда ни одна из сторон не имеет возможности слышать и, следовательно, следить за ходом разбирательства, то это может быть использовано в поддержку жалобы заявителя на нарушение ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, регулирующей право участников процесса на доступ к правосудию, но только в том случае, если этот вопрос был поднят во время судебного процесса» (Решение Европейского Суда по правам человека по делу Стэндфорда от 23 февраля 1994 г., Series Л, № 282-Л / Гемьен Д., Харрис Д., Зваак Л.).

Ситуация осложняется также отсутствием в штате суда сотрудников, которые бы являлись специалистами в области ИТ, несмотря на то, что приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 28 декабря 2015 года № 401 «Об утверждении Регламента организации применения видео-конференц-связи в федеральных судах общей юрисдикции» предусмотрено наличие лица, ответственного за техническое обеспечение ВКС [2]. Однако в данном документе не регламентированы требования, предъявляемые к его образованию, опыту работы и квалификации.

Проблемы правового характера. В ходе дистанционного допроса свидетель/потерпевший и иные участники уголовного судопроизводства могут предоставлять доказательства в письменной форме при условии наличия технических средств для обеспечения такого представления.

Несмотря на закрепление этой возможности, представить дополнительные доказательства довольно сложно. Фактически существует противоречие с принципом непосредственности при анализе доказательств судом, рассматривающим дело, поскольку закон не регулирует механизм подачи оригиналов документов. На наш взгляд, можно наделить «дистанционного судью» дополнительными полномочиями по изучению представленных сторонами доказательств, но тогда, по сути, частично дело будет рассматривать «дистанционный судья», а не судья, в производстве которого оно находится.

Проблемы организационного характера. Нередко участниками судебного заседания являются лица, имеющие дефекты здоровья, например, нарушения

речи, зрения, слуха либо различные психические нарушения. Для реализации ими прав и обязанностей в судебном заседании можно привлечь сурдопереводчиков или использовать технические возможности в виде субтитров. Участие данной категории лиц посредством использования системы ВКС возможно лишь в том случае, если они могут в полной мере воспринимать и передавать информацию, а также способны воспользоваться наделенными правами.

Проблемы, возникающие в суде первой инстанции:

1. Свидетель и (или) потерпевший, допрашиваемые в суде с использованием системы ВКС, должны быть предупреждены об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний (ст. 307 Уголовного кодекса Российской Федерации) и за отказ от дачи показаний (ст. 308 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Однако как быть, если потерпевший/свидетель находится за пределами России и отказывается от дачи показаний? В литературе высказывается мнение, что участник уголовного судопроизводства должен быть предупрежден о такой ответственности, если это предусмотрено законодательством страны пребывания.

2. Другой дискуссионный вопрос затрагивает местонахождение защитника подсудимого, переводчика, адвоката свидетеля, представителя потерпевшего и т. п. Тактически верным, по нашему мнению, будет присутствие защитника по месту нахождения подзащитного в период судебного заседания, то есть в специально оборудованной камере следственного изолятора (так у защитника с подсудимым гарантировано осуществление права на конфиденциальную беседу; исключается давление на осужденного со стороны других участников процесса). Касаясь процессуальной стороны вопроса, следует отметить, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации предусматривает дистанционное участие осужденного, содержащегося под стражей, в судебном заседании; для защитника такой возможности не предусмотрено.

Следующим шагом во внедрении ИТ в уголовный процесс, на наш взгляд, должно стать расширение возможности использования ВКС на досудебных стадиях процесса и расширение субъектного состава лиц, допрос которых возможен с помощью видеоконференции.

Вышеизложенное свидетельствует о возможностях и перспективах использования ВКС в деятельности правоохранительных органов, а вместе с тем и о том, что остается еще много нерешенных вопросов, касающихся организационного, правового и технического обеспечения использования электронных средств связи в уголовном судопроизводстве.

Список основных источников

1. Плахота, К. С. Видеоконференцсвязь: настоящее и будущее / К. С. Плахота // Вопросы совершенствования правоохранительной деятельности: взаимодействие науки, нормотворчества и практики : сб. материалов IV Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых ; под рук. д-ра. юрид. наук, проф. Р. Б. Осокина / Моск. ун-т МВД России им. В. Я. Кикотя. — М., 2021. — 868 с. [Вернуться к статье](#)
2. Об утверждении Регламента организации применения видео-конференцсвязи в федеральных судах общей юрисдикции : приказ Судебного департамента при Верховном Суде Рос. Федерации, 28 дек. 2015 г., № 401 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2022. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.9

И. Н. Саковец

*заместитель начальника кафедры юридических дисциплин
факультета внутренних войск
Военной академии Республики Беларусь*

**ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОСМОТРА МЕСТА
ПРОИСШЕСТВИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НАРУШЕНИЙ
УСТАВНЫХ ПРАВИЛ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
МЕЖДУ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ**

Осмотру места происшествия и тактике его проведения в криминалистической литературе уделено достаточное внимание. Вместе с тем особенности тактики обозначенного вида следственного осмотра при расследовании нарушений уставных правил взаимоотношений между лицами, на которых распространяется статус военнослужащего, при отсутствии отношений подчиненности (далее — НУПВ) [1, ст. 443] в современных публикациях и научных источниках отражены фрагментарно.

Главными задачами осмотра места происшествия при НУПВ являются: изучение обстановки места происшествия; выяснение характера произошедшего события и связанных с ним обстоятельств; выявление и изъятие следов, имеющих значение для расследования указанных преступлений [2, с. 402]. В соответствии с ч. 2 ст. 173 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, осмотр места происшествия относится к числу процессуальных действий, которые могут производиться следователем и органом дознания до возбуждения уголовного дела.

Качество производства осмотра места происшествия и его результативность при расследовании НУПВ в значительной степени зависят от опыта, знаний и профессиональной подготовленности следователя, лица, производящего дознание, а также от тщательной подготовки к его проведению.

На практике в ходе следственного осмотра при расследовании НУПВ имеют место следующие недостатки: производство осмотра места происшествия не в полной мере подготовленным представителем воинской части; некачественное проведение осмотра места происшествия; неправильная работа со следами преступления; неполное описание элементов следовой картины преступления; недостаточное применение или неприменение технико-криминалистических средств; неправильное составление протокола осмотра; отсутствие планов, схем, чертежей места происшествия и др. [3, с. 207–208].

Местами совершения НУПВ чаще выступают спальное расположение, комнаты для умывания, сушилки, комнаты для уборочного инвентаря, спортивный уголок и др. Отдельное внимание следует уделить редко используемым подсобным помещениям; помещениям, связанным с выполнением служебных задач в ночное время; помещениям с ограниченным для личного состава доступом (склады, варочные цеха, пункты боепитания, кладовые, комнаты для хранения оружия, специальных средств и т. д.).

При наличии информации о том, что при НУПВ применялось физическое насилие, в результате чего в материальной обстановке могли образоваться различные следы, имеющие доказательственное значение, осмотр должен проводиться безотлагательно, в том числе должны быть приняты действия по охране места происшествия.

Осмотр места происшествия можно разделить на три последовательных этапа: подготовительный (до выезда на место происшествия и по прибытии на него), рабочий и заключительный [4, с. 189].

До прибытия на место происшествия в целях предварительного определения характера осмотра и определения состава участников необходимо получить максимально подробную информацию о месте совершения НУПВ. К участию в осмотре места происшествия на территории воинской части целесообразно привлечь представителей командования для обеспечения взаимодействия и получения материалов справочного или иного характера.

При подготовке осмотра уточняются и дополнительно формулируются задачи осмотра, решаются вопросы, связанные с определением тактических приемов его проведения, составом участников, использованием технико-криминалистических средств и др.

Большинство НУПВ совершаются с применением физического насилия, в связи с чем необходимо искать предметы военного обмундирования и снаряжения, которые могут остаться в результате борьбы: головные уборы, ремни, погоны, пуговицы, эмблемы, кокарды и т. п. (практически все предметы военной одежды военнослужащих подлежат клеймению).

С целью проведения эффективного следственного осмотра органам следствия и дознания целесообразно использовать криминалистическую характеристику НУПВ [5, с. 63–64], в частности сведения об обстановке, следах, месте совершения НУПВ и др.

Осмотр места происшествия целесообразно проводить с участием потерпевших и свидетелей, которые могут пояснить, где располагались участники НУПВ, их действия и перемещения. Следует отметить, что при подборе иных участников осмотра не целесообразно привлекать лиц, которые могут быть

причастны к совершению НУПВ либо могут быть заинтересованы в сокрытии преступления (начальник столовой, склада, старший повар-инструктор, кладовщик и др.).

Решение задач осмотра места происшествия при расследовании НУПВ на практике осуществляется посредством использования простейших приборов и инструментов. Вместе с тем для обеспечения объективности, всесторонности и полноты осмотра, обнаружения максимально возможного количества имеющихся следов целесообразно использовать специальные технико-криминалистические средства: приборы оптического увеличения, люминоскопы, ультрафиолетовые осветители, светофильтры и др.

Заключительный этап включает в себя процессуальное оформление осмотра места происшествия: составление протокола осмотра, фотографирование места происшествия, оформление схем, планов помещения и т. п. Для эффективной работы следователю целесообразно использовать имеющиеся схемы и планы помещений воинской части, находящиеся в квартирно-эксплуатационной службе части, где имеются большинство из необходимых сведений (данных).

Таким образом, сведения, полученные по результатам осмотра места происшествия, ориентированы на получение доказательной информации и являются основой для дальнейшего планирования расследования.

Список основных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2022 г. // Бизнес-Инфо / ООО «Профессиональные правовые системы». — Минск, 2022. [Вернуться к статье](#)
2. Саковец, И. Н. Методика расследования нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии отношений подчиненности / И. Н. Саковец // Криминалистика : пособие / В. Б. Шабанов [и др.] ; под ред. В. Б. Шабанова, В. Л. Григоровича. — Минск : БГУ, 2019. — Гл. 40. — С. 394–404. [Вернуться к статье](#)
3. Саковец, И. Н. Подготовка офицерских кадров внутренних войск Республики Беларусь: проблемы и пути их решения / И. Н. Саковец // Направления и перспективы развития образования в военных институтах войск национальной гвардии Российской Федерации : сб. науч. ст. XIII Межвуз. науч.-практич. конф. с междунар. участием ; под общ. ред. В. В. Косухина / Новосиб. воен. ордена Жукова ин-т им. генерала армии И. К. Яковлева войск нац. гвардии Рос. Федерации. — Новосибирск, 2021. — Ч. 3 — С. 205–209. [Вернуться к статье](#)
4. Порубов, Н. И. Криминалистика : учеб. пособие / Н. И. Порубов, Г. И. Грамович, А. Н. Порубов ; под. ред. Н. И. Порубова. — Минск : Выш. шк., 2007. — 575 с. [Вернуться к статье](#)
5. Саковец, И. Н. К вопросу о методике расследования нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими / И. Н. Саковец // Труд. Профсоюзы. Общество. — 2020. — № 2. — С. 62–66. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.98

*Д. А. Свиридов**начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики
Могилевского института МВД Республики Беларусь*

**К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «МАССАЖ»
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОЙ БЕЗ СПЕЦИАЛЬНОГО
РАЗРЕШЕНИЯ (ЛИЦЕНЗИИ)**

Видится верным согласиться с тем, что одним из самых эффективных способов лечения, укрепления здоровья, а также профилактики множества заболеваний является массаж. Он используется практически на всех этапах медицинской реабилитации, для восстановления работоспособности организма после травм, приведения с его помощью в тонус мышц, снятие напряжения и уменьшения жировых отложений.

Вместе с тем одним из острых является вопрос необходимости получения лицензии для осуществления массажа. При этом, как правило, интересует вопрос необходимости получения такой лицензии на различные виды массажа (расслабляющий, спортивный, антицеллюлитный, тайский и т. д.). Ответ весьма неоднозначный, в том числе при установлении обстоятельств по уголовным делам о предпринимательской деятельности, осуществляемой без специального разрешения (лицензии) [1, с. 56].

В чем же заключается сложность? Прежде всего следует отметить, что в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 25 мая 2020 года № 307 «О перечне процедур (исследований, манипуляций), относящихся к работам и услугам, составляющим лицензируемую медицинскую деятельность» (далее — постановление № 307) содержится понятие «лечебный массаж», под которым понимается механическое и (или) рефлекторное дозированное воздействие на ткани и органы человека, осуществляемое руками с применением специальных массажных приемов и (или) приспособлений для купирования расстройств здоровья или предупреждения обострения имеющихся заболеваний в целях достижения лечебного, реабилитационного или профилактического эффекта [2]. Такого рода массаж вправе проводить только специалист, который занимает, в соответствии с законодательством, должность медицинского работника в организации, где эта процедура проводится, либо же медицинским работником, который привлекается индивидуальным предпринимателем.

При этом ни Указ Президента Республики Беларусь от 1 сентября 2010 года № 450 «О лицензировании отдельных видов деятельности» (далее —

Указ № 450) [3], ни постановление № 307 не раскрывают различий между лечебным массажем, подлежащим лицензированию, и иными видами массажа, когда такое лицензирование не требуется. В связи с этим в практических подразделениях зачастую не могут осуществлять правоприменительную деятельность на должном уровне, в том числе связанную с расследованием уголовных дел о предпринимательской деятельности, осуществляемой без специального разрешения (лицензии).

Проанализировав определения понятия «массаж», содержащиеся в различных толковых словарях, были получены следующие результаты. В Толковом словаре Д. Н. Ушакова под массажем понимается «растирание тела с лечебной целью». Толковый словарь русского языка Ю. В. Алабугиной указывает, что массаж — это «растирание и другое механическое воздействие на поверхность тела с лечебной или оздоровительной целью». В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова дается такое определение массажа: «это растирание лица и тела в лечебных и гигиенических целях». Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона под «массажем» понимает лечение механическими приемами, производимыми на теле больного руками или снарядами [4]. Исходя из этого, видится верным отметить тот факт, что массаж всегда относился к медицинским услугам. Следовательно, видится правильным любой массаж считать медицинской услугой, для предоставления которой индивидуальным предпринимателям и организациям необходимо иметь соответствующую лицензию.

Зачастую в практической деятельности организации, не являющиеся медицинскими (косметические салоны, салоны красоты, спа-центры, спортивные клубы), оказывают услуги массажа без соответствующей лицензии. Вместе с тем ясно, что включить в перечень медицинских услуг различные виды массажа, названия которых зачастую формулируются исходя из географических признаков, маркетинговых соображений и т. п., практически невозможно: ни сам законодатель, ни любой другой государственный орган в сфере здравоохранения просто не сможет перечислить все виды массажа, как их именуют коммерческие организации.

В связи с этим представляется верным любой массаж относить к лечебному, который подлежит лицензированию. О правильности указанного положения может свидетельствовать в том числе судебная практика (хотя и не очень богатая): зачастую суды берут за основу то, что массаж как таковой относится к медицинской услуге. Осуществление любых услуг, связанных с массажем, требует соответствующей лицензии. Оказание этого вида услуг без лицензии

может повлечь для индивидуального предпринимателя или организации (юридического лица) административное взыскание или уголовное наказание.

Для того чтобы лучше разобраться с данными категориями, следует также рассмотреть понятие спа-услуги, под которой понимается услуга комплексного общеоздоровительного, косметического и (или) релаксирующего воздействия на организм человека, оказываемая для гармонизации физического и (или) психоэмоционального состояния, улучшения и поддержания внешнего эстетического вида, за исключением услуг, относящихся к медицинской деятельности. В соответствии с абз. 2 ч. 3 п. 320 Указа № 450, спа-услуги лицензированию не подлежат.

Вопрос отнесения либо неотнесения оказываемых спа-салонами видов услуг к лицензируемым, составляющим медицинскую деятельность, решается на основании анализа норм п. 26 приложения 1 к Указу № 450 и постановления № 307. Медицинская деятельность подлежит лицензированию в порядке, установленном в гл. 32 Положения № 450, и включает услуги, перечисленные в п. 26 приложения 1 к Положению № 450, в том числе: косметологию; лечебный массаж; физиотерапию; эстетическую хирургию [3].

Таким образом, анализ определения термина «лечебный массаж» позволяет утверждать, что практически любой массаж можно отнести к лечебному, поскольку из общего понимания он выполняется с применением каких-либо специальных массажных приемов. Исходя из прямого и дословного толкования норм законодательства, такая деятельность относится к медицинской практике и, соответственно, должна лицензироваться, что также подтверждают некоторые судебные решения. Более того, в некоторых случаях к ответственности привлекают массажистов, предоставляющих другие виды массажа и не имеющих при этом лицензии. Впрочем, имеет место и иное решение данной проблемы — закрепить на законодательном уровне понятие «нелечебный массаж», которое позволит правоприменителю четко разграничить действия, подлежащие лицензированию, и оказываемые без нее.

Список основных источников

1. Свиридов, Д. А. Расследование незаконной предпринимательской деятельности / Д. А. Свиридов. — Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2017. — 184 с. [Вернуться к статье](#)
2. О перечне процедур (исследований, манипуляций), относящихся к работам и услугам, составляющим лицензируемую медицинскую деятельность [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 25 мая 2020 г., № 307 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022. [Вернуться к статье](#)

3. О лицензировании отдельных видов деятельности [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 1 сент. 2010 г., № 450 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 27 мая 2021 г., № 200 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022. [Вернуться к статье](#)

4. Значение слова массаж [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://znachenie-slova.ru/%D0%BC%D0%B0%D1%81%D1%81%D0%B0%D0%B6>. — Дата доступа: 08.02.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 343.985

А. Б. Соколов

*заместитель начальника кафедры криминалистики
Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент*

ОЧНАЯ СТАВКА КАК СРЕДСТВО ОСПАРИВАНИЯ ПРЕСЛЕДУЕМЫМ ЛИЦОМ ДАННЫХ ПРОТИВ НЕГО ПОКАЗАНИЙ В ХОДЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА: ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

В соответствии с подп. е п. 3 ст. 14 Пакта о гражданских и политических правах и подп. d п. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, каждый обвиняемый имеет право допрашивать показывающих против него свидетелей. Согласно официальным разъяснениям Верховного Суда Российской Федерации [1] очная ставка выступает эффективным средством оспаривания преследуемым лицом данных против него показаний потерпевшим и свидетелем в ходе досудебного производства.

Очная ставка представляет собой следственное действие, заключающееся в допросе в присутствии друг друга ранее допрошенных лиц в целях устранения существенных противоречий в их показаниях, а также для оспаривания подозреваемым, обвиняемым показаний свидетельствующих против него участников процесса.

Организационный аспект проведения очной ставки состоит в определении и последующей реализации правоприменителем совокупности действий, а также в создании условий, направленных на достижение целей рассматриваемого следственного действия.

Формируя системное понимание организации деятельности предваряющей производство очной ставки, с учетом рассматриваемой специфики обратим внимание на ключевые позиции, которые следует учесть:

- доскональное изучение показаний потерпевшего, свидетелей, соучастников противоправного деяния, содержание которых изобличает подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления;
- соотнесение показаний потерпевшего, свидетелей, соучастников противоправного деяния, содержание которых изобличает подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления, с иными имеющимися доказательствами по уголовному делу, в том числе с содержанием протокола допроса подозреваемого (обвиняемого);

- определение и подготовка доказательств по уголовному делу, в том числе вещественных, к которым потребуется обратиться при оспаривании преследуемым лицом данных против него показаний;
- определение участников очной ставки с учетом положений уголовно-процессуального закона, предусматривающего случаи обязательного обеспечения присутствия иных лиц, например, при производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних [2];
- сбор и изучение сведений, характеризующих взаимоотношения между предполагаемыми участниками очной ставки (прогнозирование поведения каждого из них);
- определение очередности задавания вопросов участникам очной ставки;
- определение последовательности задавания вопросов каждому из участников очной ставки;
- формулирование вопросов с учетом предположения относительно стратегии оспаривания преследуемым лицом данных против него показаний, а также направленных на получение сведений, позволяющих устранить имеющиеся существенные противоречия в ранее данных показаниях;
- определение места и времени производства очной ставки;
- определение необходимости применения технических средств фиксации хода и результатов очной ставки; следует обратить внимание на эффективность использования устройств, осуществляющих видеозапись (web-камера, смартфон, видеокамера); данные устройства запечатлевают как вербальные (устные), так и невербальные акты поведения, последующий анализ которых позволит дополнительно изучить личность участника очной ставки, определить наиболее эффективные способы воздействия на него в будущем;
- составление плана очной ставки с указанием точной формулировки и последовательности задаваемых вопросов, а также подходящих условий реализации тактических приемов.

Учитывая, что очная ставка, по сути, является разновидностью допроса, при ее производстве целесообразно применять аналогичные тактические приемы [3].

К числу организационных также следует отнести действия следователя по обеспечению наличия средств демонстрации видеозаписи оспариваемых преследуемым лицом данных против него показаний (ноутбук либо стационарный компьютер с установленным программным обеспечением для просмотра видео). Данный прием эффективен в ситуации, когда на лицо, изобличающее подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления, во время очной

ставки было оказано психологическое воздействие с целью изменения им ранее данных показаний. Обратим внимание, что реализация указанного способа действия должна находиться в рамках правового поля — оглашение показаний допрашиваемых лиц, содержащихся в протоколах предыдущих допросов, а также воспроизведение аудио- и (или) видеозаписи этих показаний допускаются лишь после дачи показаний указанными лицами или их отказа от дачи показаний на очной ставке (ч. 4 ст. 192 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации).

Немаловажным организационным аспектом очной ставки как средства оспаривания преследуемым лицом данных против него показаний является избранная следователем последовательность и правила фиксации в протоколе соответствующего следственного действия его хода и результатов.

Показания допрашиваемых лиц целесообразно записывать в той очередности, в какой они давались. В случае предъявления участникам очной ставки доказательств данный факт обязательно отражается в протоколе. Допрашиваемые лица подписывают свои показания, каждую страницу протокола и протокол в целом.

Знание организационных аспектов очной ставки, как средства оспаривания преследуемым лицом данных против него показаний в ходе досудебного производства позволит наиболее оптимальными способами достичь поставленных целей.

Список основных источников

1. О судебном приговоре [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 29 нояб. 2016 г. № 55 (п. 4) // Рос. газета. — 2016, 7 дек. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
2. Соколов, А. Б. Организация работы следователя на этапе подготовки к допросу подозреваемого по уголовным делам о преступлениях, совершенных группой несовершеннолетних / А. Б. Соколов // Законодательство и практика. — 2012. — № 1. — С. 40–43. [Вернуться к статье](#)
3. Соколов, А. Б. Тактические приемы допроса подозреваемого в конфликтной ситуации / А. Б. Соколов // Мир закона. — 2019. — № 2. — С. 49–54. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.985.3

*А. Р. Сысенко**доцент кафедры криминалистики
Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент*

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО ГОРЯЧИМ СЛЕДАМ

Обнаруженные на месте происшествия вещественные доказательства должны немедленно проверяться по различным учетам, картотекам, коллекциям. Без надлежащего информационного обеспечения значительно затрудняется раскрытие и расследование по горячим следам преступлений.

Регистрация, сосредоточение и обработка учетной информации могут быть основаны на специальных знаниях, не относящихся к сфере профессиональных знаний оперативных работников и следователей. В значительной степени на этом базируются криминалистические учеты, экспертно-криминалистические коллекции и картотеки органов внутренних дел. Объем применения сведений, содержащихся в названных видах учетов, коллекциях и картотеках, зависит от того, насколько сотрудник органов внутренних дел осведомлен о том или ином учете, его назначении, регистрируемых объектах, порядке обращения к учету и исполнения запросов. Эти и другие вопросы регламентированы в ведомственных приказах и инструкциях [1]. Так, 31.08.2021 г. в г. Омске на остановке общественного транспорта «50 лет ВЛКСМ» около 2 часов ночи неизвестными лицами было совершено разбойное нападение с причинением тяжкого вреда здоровью гр. Л. В ходе осмотра места происшествия было обнаружено и изъято горлышко стеклянной бутылки со следом пальца руки. В результате проверки по массиву АДИС «Папилон» было установлено, что след оставлен гр. Т., который в течение дежурных суток был задержан и сознался в совершенном преступлении.

Будучи предназначенными для обеспечения оперативно-розыскных и судебных органов систематизированными сведениями о ранее совершенных преступлениях, преступниках и иной информацией вспомогательного характера, криминалистические информационные системы способны решать различные задачи, две из которых (информационные и розыскные) нам представляются наиболее важными при раскрытии и расследовании по горячим следам преступлений:

1. Информационные системы — когда с помощью накопленных данных осуществляется идентификация конкретных криминалистических объектов, в частности:

- установление личности дактилоскопируемого с помощью массива учетных дактилокарт;
- проверка дактилокарт подозреваемых по следотекам, автоматизированным дактилоскопическим системам;
- наличия факта оставления следов обувью, изъятой у подозреваемого;
- установление факта оставления следов одной и той же обувью на местах разных происшествий;
- отождествление конкретного орудия преступления;
- огнестрельного оружия по следам на пулях и гильзах;
- факта использования одного и того же орудия при совершении нескольких преступлений;
- факта оставления на месте происшествия волокон, одежды, изъятой у подозреваемого, частиц веревки, которой он связывал жертву;
- факта оставления на различных местах происшествий одинаковых волокон от одежды или других предметов из волокнистых материалов;
- лиц, причастных к конкретным преступлениям по запаху, изъятому с места происшествия;
- лица, совершившего ряд преступлений, по запаху;
- принадлежности потерпевшему краденых вещей — по запаху;
- групповой принадлежности — по следам крови, поту, слюне, волосам, моче и т. д.;
- отождествление лица по признаку внешнего облика;
- по фонограмме;
- преступников — по способу совершения преступления [2; 3];
- отождествление различных объектов при проведении судебных экспертиз и т. д.

Возможности существующих учетов, коллекций и картотек достаточно подробно рассмотрены в криминалистической литературе [4; 5]. Вместе с тем заслуживает внимания предложение о создании новых криминалистических учетов. Например, В. И. Шапочкин предлагает разработать автоматизированную информационно-поисковую систему (АИПС), которая должна содержать справочный материал, позволяющий установить общую групповую и родовую принадлежность элементов конструкции самодельного взрывного устройства (СВУ) [6, с. 76].

2. Розыскные системы предполагают содействие розыску лиц и объектов, информация о которых содержится в учетах, картотеках и коллекциях. Решение розыскных задач тесно связано с распознаванием образов криминалистических объектов. Так, большой практический интерес представляют

экспериментальные методики диагностики пола, возраста, различных заболеваний, профессий по отпечаткам пальцев рук [7, с. 99], по следам обуви, по различным биологическим объектам.

Таким образом, информация, содержащаяся в криминалистическом учете по способу совершения преступлений, может быть использована для решения таких розыскных задач, как определение круга подозреваемых, т. е. установление типологических характеристик личности по отображениям связанных с ними элементов преступления (способ, обстановка совершения преступления, предмет преступного посягательства и др.); использование данных о способе для познания механизма следообразования и для обеспечения объективности, всесторонности и полноты изучения следов преступления в ходе следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

Список основных источников

1. Инструкция по формированию, ведению и использованию экспертно-криминалистических учетов, картотек, коллекций и справочно-информационных фондов органов внутренних дел [Электронный ресурс] : утв. приказом М-ва внутр. дел Рос. Федерации от 1 июня 1993 г. № 261 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2022. [Вернуться к статье](#)
2. Жбанков, В. А. Специфика личности преступника при расследовании таможенных преступлений : монография / В. А. Жбанков, В. А. Авдонин ; Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Российская таможенная академия». — М. : Рос. тамож. акад., 2017. — 122 с. [Вернуться к статье](#)
3. Перебаскин, И. В. Понятийно-категориальный аппарат как структурный элемент учения о криминалистическом учете / И. В. Перебаскин // Пробелы в рос. законодательстве. — 2017. — № 3. — С. 394. [Вернуться к статье](#)
4. Пахомов, А. В. Коллекции в правоохранительных органах России : монография / А. В. Пахомов. — М. : Юрлитинформ, 2001. — 132 с. [Вернуться к статье](#)
5. Криминалистическая регистрация: проблемы, тенденции, перспективы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Акад. упр. М-ва внутр. дел Рос. Федерации. — М., 1999. — 43 с. [Вернуться к статье](#)
6. Шапочкин, В. И. К вопросу о создании новых автоматизированных информационно-поисковых систем самодельных взрывных устройств во взрывотехнической экспертизе / В. И. Шапочкин, В. А. Ручкин, М. Ю. Гераськин // Проблемы использования автоматизированных систем в экспертно-криминалистической практике : материалы науч.-практ. конф. / под ред. В. Н. Хрусталева. — Саратов : Сарат. юрид. ин-т М-ва внутр. дел Рос. Федерации, 2000. — 426 с. [Вернуться к статье](#)
7. Корноухов, В. Е. Комплексное судебно-экспертное исследование свойств человека / В. Е. Корноухов. — Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1982. — 183 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.98

*Е. А. Тюлеева**преподаватель кафедры криминалистики
Омской академии МВД России*

**ПРЕСТУПНЫЙ ПЛАН КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ПОДЛЕЖАЩЕЕ
УСТАНОВЛЕНИЮ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ МОШЕННИЧЕСТВА
В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ,
СОВЕРШЕННОГО В СОСТАВЕ ГРУППЫ**

С развитием финансово-кредитной системы в России среди всех преступлений имущественного характера распространение получили мошенничества. Злоумышленники постоянно совершенствуются, изобретая новые способы совершения преступлений, умело используя информационно-телекоммуникационные системы, современные компьютерные технологии.

Стоит отметить, что кредитные организации с целью привлечения клиентов вынуждены были упростить требования к выдаче денежных средств, что не может не привлекать различного рода мошенников. В настоящее время большое распространение получили онлайн-приложения или онлайн-выдача кредитов.

На сегодняшний день наибольшую опасность представляют мошенничества, совершаемые преступными группами (группой лиц по предварительному сговору, в составе организованной преступной группы), в том числе в сфере кредитования физических лиц. В методике расследования мошенничества сведения о преступной группе должны сосредотачиваться в отдельном элементе криминалистической характеристики видового преступления. Вид преступной группы, количество членов, традиционно входящих в ее состав для совершения подобных преступлений, длительность их существования и иные сведения позволяют следователю определить направления поиска доказательственной информации о совершении мошенничества в сфере кредитования физических лиц именно в составе устойчивой преступной группы. Не углубляясь в анализ точек зрения, отметим, что до появления криминалистической характеристики преступления авторами учебников по криминалистике установление состава преступной группы при совершении любого преступления рассматривалось как обстоятельство, подлежащее установлению [1]. Следует учитывать, что в ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации приведен перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию. В начале расследования информация о составе преступной группы бывает очень неопределенной, поэтому приходится собирать сведения, которые напрямую могут не учитываться

как обстоятельства, подлежащие доказыванию. Например, сведения об эмоциональном состоянии подозреваемого могут существенно повлиять на выбор тактического приема допроса. «Перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, представляет собой то, что необходимо доказать в процессе расследования преступления. Необходимо учитывать, что есть обстоятельства, подлежащие выяснению, которые хотя и не включаются в предмет доказывания, но на практике устанавливаются, так как без них во многих случаях практически невозможно установить то, что входит в предмет доказывания по уголовному делу» [2, с. 18]. Одним из таких обстоятельств, подлежащих установлению при совершении мошенничества в составе преступной группы, является выяснение сведений о существовании преступного плана между соучастниками для достижения ими преступного результата.

Преступный план, в нашем понимании, может быть составлен не обязательно в письменном виде. Он может быть представлен в виде различных записей, содержаться в каких-либо документах, на электронных носителях информации, а также может быть представлен в виде идеальных следов. Выяснение, в чем состоял план преступной группы, способствует пониманию следователем, как появилось намерение совершить преступление и почему именно мошенничество в сфере потребительского кредитования, проследить распределение ролей и иерархию, согласованные действия всех участников преступной группы. Так как подобные преступления совершаются неоднократно, то такой план позволяет установить соучастников по каждому эпизоду преступной деятельности. Изложение такого плана кладется в основу итогового документа, составляемого следователем, — обвинительного заключения. Чтобы сформировать общее представление о существовании преступного плана, предлагается установить следующее:

- место, время встречи злоумышленников для принятия решения о совершении мошенничества с целью хищения денежных средств заемщиков путем предоставления банкам заведомо ложных и недостоверных сведений при оформлении кредитных договоров;
- цель организации группы (систематическое извлечение преступного дохода за счет неоднократного совершения имущественных преступлений);
- организованность и устойчивость преступной группы;
- время, место, сроки привлечения в преступную группу каждого дополнительного участника, какие цели перед ними ставились и кем именно;
- кто осуществлял общее руководство, кто координировал действия соучастников по каждому эпизоду преступной деятельности, кто был исполнителем;

- кто осуществлял приискание денежных средств для обеспечения деятельности преступной группы, особенно на начальном этапе ее существования;
- привлечение соучастников, отведение им ролей в преступной группе, а также привлечение лиц для обеспечения функционирования механизма совершения преступлений;
- разработку индивидуальных планов и способов совершения преступлений;
- приискание кредитных учреждений, которые предлагают наиболее выгодные условия потребительского кредитования (предоставления займа) и обладают наименее сложными процедурами контроля за подаваемыми с целью заключения кредитных договоров (договоров займа) заявками и документами;
- изменение первоначального содержания официально выданных паспортов граждан Российской Федерации соучастникам, на имена которых впоследствии оформлялись кредитные договоры (договоры займа) в кредитных учреждениях;
- приискание информации об организациях, реквизиты которых использовались в подложных документах, свидетельствующих о трудовой деятельности и платежеспособности соучастников;
- приискание средств сотовой связи и сим-карт различных операторов сотовой связи для осуществления телефонных переговоров с сотрудниками кредитных организаций в случае проверки ими заявлений (анкет), подаваемых для заключения кредитных договоров (займов).

И иные сведения в своей совокупности свидетельствуют о подготовленном плане преступной группы для систематического совершения названных преступлений.

Содержание преступного плана достигается путем проведения оперативно-розыскных мероприятий, тактических комбинаций и следственных действий. Одним из основных следственных действий является допрос участников преступной группы. Выяснение содержания преступного плана поможет следователю определиться в очередности допросов соучастников, в выборе того или иного тактического приема его проведения.

Представляется, что наличие преступного плана у соучастников является важным обстоятельством, подлежащим установлению при расследовании мошенничества в сфере кредитования физических лиц, совершенного в составе группы.

Список основных источников

1. Криминалистика : учебник. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1963. — 620 с. [Вернуться к статье](#)
2. Ермолович, В. Ф. К вопросу о противодействии раскрытию и расследованию преступлений / В. Ф. Ермолович, М. В. Ермолович // Информ. вестн. Комитета по организованной преступности и коррупции при МВД Респ. Беларусь. — 2000. — № 10/279. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.982.34

В. А. Чванкин

*доцент кафедры криминалистических экспертиз
следственно-экспертного факультета
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент*

СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ СЛЕДОВ РУК НА КЛЕЕВЫХ ПОВЕРХНОСТЯХ В ЭКСПЕРТНОЙ ПРАКТИКЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

От качественного обнаружения и выявления следов как на месте происшествия, так и в лабораторных условиях зависит возможность расследования преступлений и изобличение виновных лиц.

Для этого как специалисту, так и судебному эксперту необходима практическая возможность для работы с различными объектами и выявления следов в любых условиях. С этой целью органами Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь постоянно осуществляется совершенствование имеющихся и разработка или приобретение новых криминалистических средств выявления следов рук (растворов, суспензий, смесей и т. д.). В экспертной практике определенные трудности возникали при работе специалистов и судебных экспертов с объектами, обладающими клеевыми, влажными и жирными поверхностями, и выявлением на них следов рук.

Ранее для выявления следов рук на таких поверхностях использовались специальные дактилоскопические суспензии «Дакти» и «Дакти-2» [1, с. 52], которые были разработаны в 2000-х годах. Однако трудоемкость самого процесса подготовки суспензий к работе, незначительные сроки годности суспензий, а также необходимость соблюдения значительного количества условий, необходимых для работы с данными растворами, не позволили в полной мере эффективно их применять.

Однако в последнее время «на вооружение» органов Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь поступили специальные растворы, которые позволяют выявлять следы рук на клеевых поверхностях объектов, а также на объектах, подвергшихся воздействию влаги, грязи, жира и пр.

Для выявления следов рук на клеевых поверхностях используются готовые суспензии черного (на основе углерода) и белого (на основе диоксида титана) цветов производства BVDA (Голландия) (далее — суспензия BVDA), а также производства ООО НПП «КРИМТЕХТРЕЙД» (Россия) «ГЕKKОН» (да-

лее — суспензия «ГЕККОН»). Указанные суспензии в практической деятельности могут использоваться для работы с клеевыми поверхностями изоляционных полимерных лент, клейких лент (скотча), бумажных либо полимерных наклеек и пр.

Цвет суспензии выбирают в зависимости от цвета исследуемой поверхности объектов: для поверхностей темных тонов используется суспензия белого цвета, для прозрачных и поверхностей светлых тонов — суспензия черного цвета. Суспензии представлены в готовом виде, но перед использованием их необходимо тщательно перемешать при помощи подручных средств. Для нанесения суспензий используются мягкие кисти, а также емкости для помещения в них объектов исследования с ровной поверхностью дна (ванночки, кюветы и пр.).

Если слои объекта склеены между собой либо исследуемая поверхность наклеена на «подложку», для разделения слоев или отделения объекта от других поверхностей необходимо использовать нейтрализатор*. Для этого нужно набрать 2–3 мл нейтрализатора в пипетку (шприц) и, равномерно смачивая зону отделения клеевого слоя от поверхности, осторожно отделить пинцетом объект.

Обработка клеевого слоя. Обрабатывается клеевая поверхность объекта при помощи мягкой кисти, суспензия наносится плотным слоем (2–3 мм), который фиксируется на объекте и затем смывается слабой струей чистой (проточной) воды.

Для выбора оптимального времени фиксации суспензии на объекте судебному эксперту необходимо провести экспериментальную обработку клеевых поверхностей иных объектов, которые в дальнейшем и использовать. После смывания суспензии производится осмотр исследуемых поверхностей объектов на наличие либо отсутствие на них следов рук. Если проведенной обработки недостаточно (нечеткие изображения выявленных следов), то слой суспензии наносится повторно и увеличивается время фиксации (вдвое). При этом необходимо обратить внимание на то, что при повторном нанесении суспензия накладывается еще более толстым слоем.

Все объекты высушиваются в естественных условиях при комнатной температуре. Использование фена и иных устройств для ускоренной просушки недопустимо.

* Нейтрализатор — жидкость для нейтрализации клейких свойств липкой стороны объектов, которая позволяет отклеить объекты от каких-либо предметов или расклеить слипшиеся слои объекта, не повреждая ни клеевого слоя, ни следов рук, которые, возможно, на них находятся.

Далее выявленные следы фотографируются, в случае необходимости наклеиваются на белую или прозрачную подложку.

Кроме того, хотелось бы отметить, что выявление следов рук на клеевых поверхностях объектов с использованием суспензий BVDA и «ГЕKKOH», а также нейтрализатора негативно влияет как на количество, так и на качество биологического материала на объектах.

В связи с вышеизложенным при наличии в постановлении вопросов о наличии на исследуемых объектах биологических следов (крови, слюны, клеток эпителия и пр., за исключением волос, т. к. в отношении них биологические исследования проводятся в первую очередь), информации (ссылки, указания, разъяснения и пр.) о дальнейшем проведении генетических (биологических) исследований использовать нейтрализатор и суспензии для выявления следов рук на клеевых поверхностях объектов запрещено. В данном случае выбираются методы выявления следов рук в зависимости от материалов, из которых изготовлены объекты (их структуры и состояния поверхностей), не разрушающие следы биологического происхождения.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что учет вышеназванных рекомендаций по выявлению следов рук на клеевых поверхностях позволит более качественно работать с данными объектами и оптимизирует деятельность сотрудников следственных подразделений и органов Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

Список основных источников

1. Дактилоскопия и дактилоскопическая экспертиза : учеб. пособие / И. А. Анищенко [и др.] ; под ред. И. А. Анищенко ; учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь». — Минск : Акад. МВД, 2014. — 119 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.98

*Д. И. Шнейдерова**преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
Могилевского института МВД Республики Беларусь*

УСТАНОВЛЕНИЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ЛИЦУ КРИПТОКОШЕЛЬКА ПО ДЕЛАМ О ХИЩЕНИЯХ В СФЕРЕ ОБОРОТА КРИПТОВАЛЮТ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Криптовалюты, благодаря своим функциональным особенностям, способам обращения и эмитирования, за последние несколько лет прочно укрепились в качестве универсального цифрового средства платежа, обмена и инвестирования, сформировав обширный блок сфер своего распространения и многочисленную пользовательскую базу. В свою очередь, преимущества криптовалют были отмечены не только добросовестными пользователями, но и киберпреступниками, разработавшими ряд успешно применяемых схем по хищению криптовалют путем мошенничества, вымогательства и модификации компьютерной информации.

На стадии возбуждения уголовных дел о хищениях в сфере оборота криптовалют и на первоначальном (последующем) этапе их расследования правоохранительные органы сталкиваются с рядом проблем, одной из которых выступает вопрос доказывания принадлежности определенных криптовалют и криптовалютных кошельков конкретному пользователю (потерпевшему — на стадии возбуждения и первоначального этапа расследования, подозреваемому — на последующем этапе). Например, при поступлении от гражданина заявления о незаконном списании с его криптовалютного кошелька определенного количества криптовалют в первую очередь необходимо убедиться, что заявляемый кошелек действительно принадлежит обратившемуся лицу. Знания адреса кошелька и входных данных, которые, как правило, предоставляет заявитель, недостаточно, чтобы судить и о принадлежности ему кошелька, и о наличии факта хищения из него криптовалют.

Центральным объектом исследования при установлении принадлежности криптокошелька потерпевшему или подозреваемому выступает пользовательское устройство (компьютер, планшет, смартфон), изучение содержимого которого способствует выявлению цифровых следов, доказывающих владение криптокошельком и криптовалютами. Исследование устройства возможно в рамках осмотра места происшествия с участием специалиста в IT-сфере, при изъятии системного блока, мобильного устройства и съемных накопителей

памяти, аппаратных кошельков в ходе обыска или выемки с последующим назначением компьютерно-технической экспертизы.

В ходе указанных следственных действий специалистом (экспертом) могут быть выявлены следующие следственные индикаторы, свидетельствующие о взаимодействии владельца устройства как с криптовалютами в целом, так и с определенным криптовалютным кошельком: локальное программное обеспечение для хранения криптовалют и совершения сделок с ними (программные криптокошельки, программы для авторизации и синхронизации аппаратных кошельков); история браузера с журналом загрузок файлов (программные файлы для работы с криптовалютой, файлы с вирусными программами-вымогателями / шпионами) и журналом посещения веб-страниц (среди которых могут быть выявлены сайты онлайн-кошельков, криптобирж и обменников, торговых площадок, производящих расчет через криптовалюты, фишинговые сайты крипторесурсов, ссылки к облачному хранилищу и т. д.); менеджер паролей (сохраненные логины и пароли для доступа к онлайн-криптокошельку, облачному хранилищу, учетные данные аккаунтов на криптобиржах и обменниках); текстовые и графические файлы с сохраненными открытыми и приватными ключами для совершения транзакций с криптовалютой определенного кошелька, QR-кодами для доступа к криптокошелькам), системные файлы работы на устройстве с определенными программами; второй windows-клиент, где пользователь осуществлял работу исключительно с криптовалютой, а для иных целей пользовался основной учетной записью в операционной системе; на смартфоне — приложения для хранения, покупки и обмена криптовалют, СМС-сообщения аутентификации.

Пользовательское устройство является не единственным источником информации, связывающим конкретного пользователя с криптокошельком и похищенной криптовалютой. В рамках оперативной и следственной работы должны быть исследованы интернет-трафик, связанный с определенным устройством, что может способствовать не только доказыванию принадлежности кошелька потерпевшему, но и установлению устройства подозреваемого, связь банковских карт потерпевшего и подозреваемого с криптобиржами и криптообменниками, а также через поисковые запросы в сети Интернет должен быть проанализирован адрес криптокошелька, в том числе с использованием криптоанализаторов и обозревателей.

Анализ интернет-трафика возможен при получении требуемой информации через запрос от оператора сети, предоставляющего услуги интернет-соединения проверяемому пользователю (потерпевшему или подозреваемому). Для формирования такого запроса необходимы первоначальные сведения либо

о самом пользователе (анкетные данные, адрес места жительства), либо об используемом им устройстве (в частности, IP-адрес компьютера или смартфона). При этом в рамках исследования входящего и исходящего трафика можно установить, с какими устройствами и серверами взаимодействовал пользовательский компьютер или смартфон, определить их IP-адреса, характер взаимодействия, факт передачи данных и файлов, но определить внутреннее содержимое файлов без доступа к месту их хранения не представляется возможным. Следовательно, данные трафика сети способствуют подтверждению факта связи устройства пользователя с серверами криптовалютных сервисов (кошельки, обменники, биржи, распределительные реестры) в области управления аккаунтами, что может свидетельствовать о принадлежности определенного криптокошелька проверяемому лицу, а также поможет установить стороннее вмешательство третьих лиц к памяти устройства. Однако могут возникнуть затруднения в случаях, если пользователь использовал сервисы для анонимного сетевого соединения (например, браузеры VPN или Tor), которые заменяют реальный IP-адрес на адрес сервера такого сервиса, и обращаться с запросами уже необходимо к его владельцам.

В случае если пользователь приобретал или обналичивал криптовалюту с использованием фиатных денежных средств в безналичной форме, появляется возможность установить привязку банковских карт лица с аккаунтом на криптобирже, обменнике или к криптокошельку, взаимодействующему с указанными сервисами, что свяжет определенного пользователя с адресом кошелька. Также эффективным представляется способ поиска информации о криптокошельке через поисковые системы Google, DuckDuckGo и другие, которые позволяют выявить такие индикаторы связи криптокошелька и человека, как аккаунты в социальных сетях и на торговых площадках, электронную почту, номер мобильного телефона, записи в блогах и на форумах, фотографии, видеоролики, иные общедоступные источники, где пользователь хотя бы единожды публиковал адрес кошелька [1].

Таким образом, в рамках криминалистической методики расследования хищений в сфере оборота криптовалют можно выделить четыре способа, позволяющих связать конкретную личность с адресом криптокошелька и похищенными монетами: исследование пользовательского устройства, анализ интернет-трафика, установление факта использования банковских карт для покупки или обналичивания криптовалют, анализ сведений публичного доступа об адресе кошелька через поисковые запросы и блокчейн-анализаторы.

Список основных источников

1. Использование общедоступных источников информации для деанонимизации криптовалютных кошельков [Электронный ресурс] // Habr. — Режим доступа: <https://habr.com/ru/company/tomhunter/blog/579180/>. — Дата доступа: 03.02.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 343.98

*Н. В. Якимович**адъюнкт научно-педагогического факультета
Академии МВД Республики Беларусь***ПРЕДМЕТ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК ЭЛЕМЕНТ
ИХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ**

Вопросы, связанные с криминалистической характеристикой преступлений, являлись актуальным направлением развития в криминалистике с середины XX века. Указанной проблеме посвящены многочисленные исследования. В настоящее время в криминалистике не сформировано единого подхода к понятию, структуре и содержанию криминалистической характеристики. На наш взгляд, при рассмотрении элементов криминалистической характеристики различных видов преступлений необходимо учитывать специфику конкретного совершенного противоправного деяния.

Специфичность и новизна, а также многообразие предметов, методов и способов преступных посягательств способствуют латентности киберпреступлений, что создает определенные проблемы при их раскрытии и расследовании. Под криминалистической характеристикой киберпреступлений мы понимаем совокупность наиболее характерной, криминалистически значимой и взаимосвязанной информации о признаках и свойствах киберпреступлений, полученной в результате обобщения материалов следственной практики и служащей решению задач раскрытия и расследования преступлений.

Исходя из анализа современных точек зрения ученых-криминалистов, можно выделить следующие элементы криминалистической характеристики киберпреступлений:

- типичные следственные ситуации;
- сведения о предмете преступного посягательства;
- обстановка преступления (время, место);
- способ совершения преступления;
- способ сокрытия преступления;
- следовая картина преступления;
- характеристика личности преступника.

Указанные элементы криминалистической характеристики киберпреступлений в своей совокупности и взаимосвязи образуют единую информационную основу расследования киберпреступлений.

Предмет преступления — это материальный или нематериальный объект, воздействуя на который причиняется вред в сфере конкретных общественных

отношений, охраняемых уголовным кодексом. Предмет киберпреступлений как объект исследования представляет интерес не только для уголовного права, но и для криминалистики. Анализируя различные подходы к определению киберпреступлений, можно сделать вывод, что большинство авторов рассматривают в качестве предмета киберпреступлений компьютерную информацию.

Понятие «информация» относится к таким общефилософским категориям, как пространство, время, движение, энергия. Данное понятие широкое и не всегда однозначно используется и в законодательстве, и в литературе, и в обиходной речи.

Одно из первых определений информации принадлежит Н. Винеру, который полагал, что «информация — это обозначение содержания, полученного из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему и приспособления к нему наших чувств» [1, с. 31].

В более общем смысле информация — это сведения об окружающем мире, которые являются объектом хранения, преобразования, передачи и использования для определенных целей. Согласно этому определению, человек находится в постоянно изменяющемся информационном поле, влияющем на его образ жизни и действия. Информация может быть перенесена в пространстве; сохранена во времени; передана другому познающему субъекту или техническому устройству; подвергнута иным операциям, совокупность которых именуют информационными процессами. Информационные процессы лежат в основе познания и любого действия, являющегося элементом того или иного вида человеческой деятельности.

В криминалистическом аспекте важными являются две формы информации: дискретная и непрерывная.

Дискретная информация является основной формой информации и существует (передается, обрабатывается, хранится) в виде конечных совокупностей качественно различных символов (печатные, рукописные документы, состояния цифровых автоматов и т. п.). Непрерывная информация воплощается в образах (зрительных, звуковых и др.) и в непрерывно наблюдаемых траекториях процессов [2, с. 39].

В 1995 году машинная информация была определена Законом Республики Беларусь «Об информатизации» следующим образом: «Данные — документированная информация, циркулирующая в процессе ее обработки на электронно-вычислительных машинах» [3].

Согласно пункту «б» статьи 1 Соглашения о сотрудничестве государств — участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации, компьютерная информация — это «информация, находящаяся

в памяти компьютера, на машинных или иных носителях в форме, доступной восприятию ЭВМ, или передающаяся по каналам связи» [4, с. 729].

Компьютерная информация, будучи разновидностью информации в целом, имеет свою специфику:

- 1) объемна и быстро обрабатываема;
- 2) удаляема и возобновляема;
- 3) обезличена;
- 4) многоэкземплярна;
- 5) легко передаваема.

Таким образом, одним из важных элементов криминалистической характеристики киберпреступлений является предмет преступного посягательства, которым, по мнению большинства исследователей, является компьютерная информация. Можно сделать вывод о том, что компьютерная информация — это сведения или набор команд (программ), созданные, обработанные и полученные с использованием компьютера и представленные на материальном носителе в виде, позволяющем их использовать в качестве криминалистически значимой информации, имеющей значение для дела.

Список основных источников

1. Винер, Н. Кибернетика и общество / Н. Винер ; пер. Е. Г. Панфилова ; общ. ред. и предисл. Э. Я. Кольмана. — М. : Изд-во иностр. лит., 1958. — 200 с. [Вернуться к статье](#)
2. Шаповалова, Г. М. Возможность использования информационных следов в криминалистике: вопросы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Г. М. Шаповалова. — Владивосток, 2005. — 210 л. [Вернуться к статье](#)
3. Об информатизации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 6 сент. 1995 г., № 3850-XII // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022. [Вернуться к статье](#)
4. Международное уголовное право в документах : учеб. пособие : в 2 т. / сост.: Р. М. Валеев, И. А. Тарханов, А. Р. Каюмова. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — М. : Статут, 2010. — Т. 1. — 792 с. [Вернуться к статье](#)

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

УДК 343.9

В. А. Абрамов

*преподаватель кафедры трасологии и баллистики
учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России*

ОТЛИЧИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВ ОТ ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ

Судебная экспертиза в уголовном процессе имеет большое значение как для раскрытия преступлений, так и для их расследования. От заключения эксперта, данного по тому или иному событию, зависит то, как будет вестись доказательственная база по уголовному делу. Ведь в некоторых случаях только заключение эксперта будет единственным доказательством вины человека в том или ином деянии. Именно поэтому эксперт как участник уголовного процесса должен быть компетентен в своей работе и тем более беспристрастен.

Так, например, без проведенной экспертизы холодного и метательного оружия невозможно возбуждение дела о незаконном изготовлении оружия [1]. А без технико-криминалистической экспертизы органы дознания и следствия не смогут возбудить и доказать причастность лица к подделке, изготовлению или обороту поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков [1].

Однако не все экспертизы так полезны для органов следствия и дознания. По некоторым вещественным доказательствам, изъятым в ходе проведения осмотра места происшествия, экспертизы не назначаются по разным причинам, к которым можно отнести следующие:

- сокращенная форма дознания — когда нужно сдать уголовное дело на проверку прокурору в течение короткого времени (дознание не назначает экспертизы в связи с тем, что экспертизы будут делаться дольше, чем само расследование);
- преступление раскрыто и в ходе следствия открываются новые обстоятельства, в связи с которыми проведенный осмотр места происшествия и изъятые вещественные доказательства оказываются не нужны (события преступления происходили в другом месте) и др.

Во всех таких случаях объекты, изъятые в ходе осмотра места происшествия или иного следственного действия, исключаются из числа вещественных доказательств.

Однако стоит отметить, что такие факты немногочисленны и почти по всем объектам назначаются те или иные экспертизы.

Основную роль для доказывания вины подозреваемого в совершении преступления из всего перечня судебных экспертиз можно выделить следующие:

- дактилоскопическая;
- трасологическая (следы подошвы обуви);
- биологическая.

Хотя в теории и описываются возможности проведения разных видов экспертиз, которые будут служить доказательствами совершенного преступления конкретным человеком, однако на практике они редко находят подтверждение.

Объясняется это тем, что в теории описаны случаи при идеальных отображениях тех или иных следов. Так, например, идентификация следов одежды в реальных условиях почти невозможна, т. к. данные следы отображаются в виде небольших фрагментов, в которых не отображается достаточный комплекс признаков, способствующий их идентификации с объектом. Или идентификация конкретного вида оружия по следам повреждений на одежде в практической работе в принципе невозможна, так как в данных следах зачастую не отображаются какие-либо частные признаки объекта, т. к. сами объекты данными признаками не обладают.

Также в теории подробно описаны возможности определения функциональных признаков человека по дорожке следов обуви, однако в практической работе это почти невозможно. Объясняется это тем, что во многих случаях как таковой дорожки следов, по сути, нету (городские условия) или же следы в дорожке следов не идеальны (отображаются в виде частей подошвы обуви — либо подметочная, либо каблучная часть).

При производстве почерковедческих исследований также зачастую невозможно выявить какие-либо особенности лица, написавшего текст, так подробно описанные в учебных пособиях. Так, например, для установления пола и возраста человека, написавшего текст, нужно определенное количество рукописного текста. В практике же очень редко встречается такое количество рукописного текста. Обусловлено это тем, что в современном мире люди перестали много писать, т. к. основная часть документов теперь имеет печатный формат. А объекты, по которым могут ставиться такие вопросы, зачастую являются не-

большими записками и, соответственно, по ним невозможно ответить на конкретно поставленные вопросы.

Исходя из всего вышеперечисленного, можно сделать вывод, что теоретические возможности судебных экспертиз не всегда находят свое отражение в практической деятельности. Но нельзя сказать, что описанные в учебных пособиях идентификация конкретного объекта по его следам или установление личности человека невозможны. Просто нужны определенные условия для этого, которые когда-нибудь в определенное время и месте могут возникнуть.

Список основных источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. от 09.03.2022 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2022. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.148.7

В. В. Воробьёва

*стажер младшего научного сотрудника
лаборатории исследования материалов, веществ и изделий
Научно-практического центра
Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь*

Д. А. Данилова

*стажер младшего научного сотрудника
лаборатории исследования материалов, веществ и изделий
Научно-практического центра
Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь*

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ВОПРОСА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОРГАНИЧЕСКИХ ПРОДУКТОВ ВЫСТРЕЛА В СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Факт производства стрельбы подозреваемыми лицами, устанавливаемый по следам на их руках и одежде, является важной уликой, свидетельствующей о совершении преступления с применением огнестрельного оружия. Большое количество преступлений, связанных с применением огнестрельного оружия, и наличие нерешенных вопросов в этой области обуславливают необходимость разработки новых экспертных методик. Ведущие исследовательские направления включают анализ продуктов выстрела огнестрельного оружия, а также изучение составов бездымных порохов.

Продуктами выстрела называют частицы, образующиеся в результате выстрела из огнестрельного оружия [1]. Неорганические продукты представлены в основном такими металлами, как олово, свинец, барий и сурьма, образующимися из капсюля для боеприпасов. К органическим продуктам выстрела относят компоненты пороха и смазочных материалов. Устоявшиеся методики идентификации продуктов выстрела направлены как раз на анализ металлов. В отношении органических продуктов выстрела наблюдается недостаток научных исследований и, как следствие, экспертных методик, особенно в Республике Беларусь и ближнем зарубежье. Актуальность анализа органических продуктов выстрела обусловлена, с одной стороны, стремлением производителей сократить количество металлов в составе боеприпасов, с другой — возможностью бытового загрязнения металлами. В таких случаях наличие одновременно как металлов, так и органических продуктов выстрела повышает достоверность экспертного заключения.

В научной и специальной литературе при упоминании органических продуктов выстрела наибольшее внимание уделяется дифениламину, который используется в качестве стабилизирующей добавки к бездымным порохам. Поскольку дифениламин, как правило, присутствует в порохе и вступает в реакции окисления только с долгохранящимся порохом, то его следовые количества можно обнаружить на руках и одежде стрелявшего лица.

В связи с постоянным развитием аналитических приборов, подходы к определению органических компонентов продуктов выстрела, в частности дифениламина, совершенствуются с конца прошлого века по настоящее время. Низкие концентрации дифениламина на руках и одежде проверяемых лиц требуют высокочувствительной аналитической техники. Наиболее перспективным методом анализа для этих целей на данный момент считается хромато-масс-спектрометрия. По вопросу установления факта выстрела по следам на руках и одежде стрелявших методом хромато-масс-спектрометрии существует достаточно много публикаций [2]. Некоторые из них освещают определенные аспекты проблемы, а некоторые предлагают комплекс условий для проведения экспертного исследования.

Процедура определения следовых количеств органических компонентов в продуктах выстрела состоит из нескольких этапов: отбор проб с рук или одежды проверяемого лица, выделение целевого компонента путем экстракции, подготовка пробы к проведению анализа и непосредственно сам хромато-масс-спектрометрический анализ. Для каждого этапа в литературе предлагается несколько вариантов его осуществления.

Отбор проб с рук или одежды может осуществляться марлевым, ватным, хлопковым тампоном или ватной палочкой. Тампон используют сухим или смачивают, как правило, в спирте или ацетоне. Для обнаружения дифениламина на одежде некоторые исследователи предлагают вырезать интересующий участок ткани и переходить к этапу экстракции. Выбор метода зависит от задач анализа, от поверхности, с которой производят смыв, от доступности тех или иных расходных материалов. Выделение целевого компонента осуществляют методами жидкостной экстракции или твердофазной микроэкстракции. Литературные данные об эффективности вышеупомянутых подходов неоднозначны. Последующая подготовка пробы к анализу зависит от условий хромато-масс-спектрометрического анализа. Как правило, экстрагент испаряют, а сухой остаток растворяют в новой порции подходящего для анализа растворителя.

Для хромато-масс-спектрометрического анализа используют газовый или жидкостной хроматограф. Газовый хроматограф в подавляющем большинстве публикаций оснащен одноквадрупольным масс-детектором. Жидкостная

хроматография в современных исследованиях представлена ультравысокоэффективной хроматографией с тандемным масс-детектором. В зависимости от поставленных задач варьируются параметры разделения и детектирования пробы. Учитывая малые количества органических компонентов, в частности дифениламина, в продуктах выстрела, актуальной задачей является снижение предела детектирования аналита.

На основании изученного научного материала в области определения дифениламина в продуктах выстрела можно сделать вывод о том, что методом хромато-масс-спектрометрии можно детектировать органические компоненты следов продуктов выстрела на руках и одежде проверяемых лиц. Но в то же время воспроизводимость результатов не всегда приемлема для судебно-экспертных исследований. Помимо этого, принципиальная возможность обнаружения органических компонентов продуктов выстрела прежде всего зависит от предела детектирования аналитического оборудования. Так же на количественное содержание искомого соединения в анализируемой пробе влияет исходный состав пороха, время, прошедшее с момента выстрела, вид используемого оружия, количество произведенных выстрелов, качество материала одежды, условия окружающей среды, условия хранения и качество упаковки вещественных доказательств, а также методика пробоподготовки. Зависимость концентрации дифениламина в продуктах выстрела от количества выстрелов носит неявный характер. Для одних видов оружия наблюдают непропорциональное накопление дифениламина, для других — концентрации после одного и двух выстрелов не отличаются.

В заключение следует отметить, что отсутствие дифениламина в исследуемых пробах не позволяет исключить возможность производства выстрела проверяемым лицом. Во-первых, порох может изначально содержать другой стабилизатор, поэтому есть смысл анализировать и другие продукты выстрела в пробе. Во-вторых, остается открытым вопрос о стабильности дифениламина. Многие исследователи указывают на то, что концентрация дифениламина в продуктах выстрела достаточно стремительно снижается с течением времени, в том числе за счет превращения дифениламина в его нитрозо- и нитропроизводные.

Таким образом, исследование дифениламина в продуктах выстрела — сложная, но одновременно с тем актуальная и перспективная задача, решение которой принесет пользу судебным экспертам.

Список основных источников

1. Микляева, О. В. Криминалистическая экспертиза следов и обстоятельств выстрела / О. В. Микляева. — Н. Новгород : Вектор ТиС, 2009. — 276 с. [Вернуться к статье](#)
2. Brožek-Mucha, Z. Trends in analysis of gunshot residue for forensic purposes / Z. Brožek-Mucha // Analytical and bioanalytical chemistry. — 2017. — Vol. 409, № 25. — P. 5803–5811. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.98

Л. Н. Евдохова

*доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Могилевского института МВД Республики Беларусь,
кандидат технических наук, доцент*

**СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ
СУДЕБНЫХ ТОВАРОВЕДЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ СЫРЬЯ
РАСТИТЕЛЬНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ:
ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛУЧЕНИЯ ОБРАЗЦОВ**

В ходе расследования преступлений против порядка осуществления экономической деятельности нередко требуется экспертиза партий товара одного вида, наименования, модели, а в некоторых случаях и сырья растительного происхождения (например, зерновые массы, сырье для комбикормовой промышленности и т. д.). Исключительная важность правильного отбора образцов для сравнительного исследования при проведении судебных товароведческих экспертиз сырья растительного происхождения обусловлена его объемностью и неоднородностью [1]. Так как при проведении товароведческих исследований масса навески зерна может колебаться от 1,0 до 1000 г, а характеризуют они десятки тонн продукции, то ошибки при определении качества сырья растительного происхождения связаны в основном с неправильным отбором проб.

Зерновую массу составляет не только само зерно (рожь, пшеница и т. д.), но и неотъемлемые составляющие зерновых масс — примеси (зерновая, сорная, вредная). В ходе транспортировки, хранения и иных технологических перемещений структура зерновых масс, ее однородность меняются. Так, например, в ходе перемещения зерновой партии из одного хранилища в другое основное зерно, выходя из транспортного оборудования, располагается в центре хранилища, а более легкие примеси располагаются по периферии. Кроме того, на структуру зерновых масс также влияют процессы самосогревания и наличие зараженности зерна вредителями хлебных запасов. Для нивелирования неоднородности зерновых партий существует ряд специальных методов отбора проб. Так как зерновые массы могут храниться бестарным методом (в хранилищах), в транспортной таре или потребительской упаковке, то для каждого способа хранения зерновых масс существуют свои методы отбора проб [2].

Остановимся на качественном составе комиссии по отбору образцов. Протокол получения образцов для сравнительного исследования — классический процессуальный документ в данном случае не оформляется. В данном

случае составляют акт отбора образцов (проб) установленной формы для Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь. В комиссию по отбору проб включаются ряд лиц, которые удостоверяют своим присутствием правильность отбора проб. В первую очередь в состав комиссии необходимо включить материально ответственное лицо. Данный субъект сможет разобраться в тонкостях технологических документов хранящегося зерна, укажет место хранения конкретной партии зерна (отсек, силос, емкость). Кроме того, материально ответственное лицо пояснит, какие операции проводились с партией зерна в ходе ее хранения. Любые технологические операции, проводимые с партией зерна, меняют ее качественный состав. Так, например, сушка зерна увеличивает количество сорной и зерновой примесей, но снижает влажность. А очистка только снижает количество сорной и зерновой примесей. Все эти обстоятельства необходимо учитывать впоследствии на этапе оценки заключения эксперта [3].

В качестве носителя специальных знаний в данной области целесообразно привлекать старших инспекторов республиканского учреждения «Государственная хлебная инспекция». Специалисты данного учреждения имеют в своем распоряжении весь перечень технических средств и нормативных документов для осуществления компетентного отбора образцов для сравнительного исследования зерновых масс. Знание частных методов отбора проб различных видов сырья растительного происхождения, владение специфическими терминами технологии хранения зерновых партий позволят максимально снизить субъективизм при отборе образцов для сравнительного исследования.

Список основных источников

1. Евдохова, Л. Н. Товарная экспертиза : учеб. пособие / Л. Н. Евдохова., С. Л. Масанский. — Минск : Выш. шк., 2013. — 332 с. [Вернуться к статье](#)
2. Зерно. Правила приемки и методы отбора проб : ГОСТ 13586.3-2015 ; введ. 01.06.2017. — Минск : Гос. комитет по стандартизации Респ. Беларусь, 2017. — 18 с. [Вернуться к статье](#)
3. Евдохова, Л. Н. К вопросу лабильности признаков идентификации сырья растительного происхождения [Электронный ресурс] / Л. Н. Евдохова // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики : сб. ст. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» / Могилев. ин-т МВД ; редкол.: Ю. П. Шкаплеров (председ.) [и др.]. — Могилев, 2020. — 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). — С. 53–57. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.92

С. Н. Колмыков

*старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки
Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина,
кандидат географических наук*

ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Наибольшую актуальность имеют вопросы, касающиеся оценки результатов деятельности экспертов, поскольку необходимо учитывать достоверность и объективность экспертного заключения. Ведь от верной и бескорыстной работы зависит как состояние преступности в целом, так и престиж работы правоохранительных органов во взаимодействии с экспертными центрами.

Из средств массовой информации все чаще становятся известны случаи неверных или же сфальсифицированных заключений экспертов, ярким примером может послужить ситуация, которая произошла 23 сентября 2017 года и стала известна всему миру. Ольга Алисова сбила насмерть шестилетнего ребенка во дворе дома. В ходе расследования уголовного дела стало известно, что в крови маленького мальчика было обнаружено 2,7 промилле алкоголя. В дальнейшем уголовное дело было возбуждено в отношении судмедэксперта Михаила Клейменова, который в последующем был осужден по ст. 293 Уголовного кодекса Российской Федерации «Халатность». Довольно резонансное уголовное дело было под личным контролем Министра внутренних дел Владимира Александровича Колокольцева [1].

Именно поэтому так необходимо объективное, точное и корректное экспертное заключение.

Экспертиза — самостоятельная процессуальная форма получения новых и проверки (уточнения) имеющихся доказательств. В следственной практике судебные экспертизы используются для изучения следов и иных вещественных доказательств, установления причины смерти, определения психического состояния обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего или свидетеля, а также для решения многих других вопросов, требующих специальных познаний ведущих лиц [2].

Значение экспертизы при расследовании уголовных дел, безусловно, велико, ее необходимость определяется в следующем:

— неотъемлемую роль играет заключение эксперта, поскольку оно считается независимым источником доказательственной базы и имеет важную информацию, необходимую для расследования и рассмотрения уголовных дел.

В ходе экспертизы устанавливаются ранее неизвестные данные, проверяются уже имеющиеся. Это необходимо для более объективного и корректного расследования. Наиболее частое явление — использование экспертизы для проверки и уточнения собранных по делу доказательственных материалов;

— в ходе исследования и экспертной оценки можно установить факты, имеющие неотъемлемую значимость в расследовании уголовного дела и в принятии решения для установления уголовной ответственности (например, к таковым относится возраст лица, имеет место факт алкогольного опьянения на момент совершения преступного деяния, половая зрелость и т. д.).

Судебная экспертиза является одним из источников доказательственной базы, данное процессуальное действие не стоит путать с предварительным исследованием, поскольку они выступают как самостоятельные институты, хотя и тесно взаимосвязаны друг с другом. При этом один является продолжением другого, что исключает их отождествление.

Подводя итог, необходимо отметить, что экспертиза имеет важное процессуальное значение. В процессе экспертного изучения исследуются важные стороны природы происхождения веществ, качественные и количественные характеристики того или иного предмета доказывания. Данное процессуальное действие помогает и облегчает работу правоохранительных органов, поскольку решаются юридически значимые вопросы и аспекты, необходимые как для расследования уголовного дела, так и для назначения уголовной ответственности и установления соответствующей меры наказания для виновного лица.

Список основных источников

1. Кто ответит за «пьяного» мальчика? [Электронный ресурс] // Свободная Пресса. — Режим доступа: <https://svpressa.ru/society/article/176572/>. — Дата доступа: 08.01.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Белуха, Н. Т. Судебно-бухгалтерская экспертиза : учеб. пособие / Н. Т. Белуха. — М. : Дело ЛТД, 2012. — 272 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.98.065

Е. А. Ланно

*начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности
Могилевского института МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СУДЕБНЫХ БАЛЛИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ

Деятельность правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений представляет собой систему, включающую в себя процесс получения, анализа и обработки информации. В указанном контексте на одно из первых мест встает вопрос достоверности такой информации, быстроты ее получения и использования в процессе установления обстоятельств произошедшего события, лица, совершившего противоправное деяние, сведений об оружии преступления. В современных условиях информатизации общества одним из качественных и достоверных источников ориентирующей информации о лицах, фактах или событиях являются различные банки данных и автоматизированные поисковые системы.

Как правило, на первоначальном этапе раскрытия преступлений в процессе обнаружения и фиксации следов и вещественных доказательств сведения об их свойствах носят релевантный характер. Таким образом, недостаток информации является одним из основных детерминирующих факторов, негативно влияющих на возможность установления лица, совершившего противоправное деяние, осложняет выдвижение версий произошедшего события и установления источника происхождения следов и вещественных доказательств, изымаемых на местах происшествий и преступлений.

Преступления, связанные с использованием нарезного ручного стрелкового огнестрельного оружия, характеризуются повышенной степенью общественной опасности, вызывают значительный общественный резонанс. Криминалистикой и оперативно-розыскной деятельностью за период их развития разработаны многочисленные правила и рекомендации по раскрытию и расследованию подобного рода преступлений. В указанном контексте актуальным остается вопрос о получении информации об образце ручного стрелкового огнестрельного оружия, использовавшегося в качестве средства совершения преступлений.

В настоящее время в процессе производства судебных экспертиз и исследований широко используются автоматизированные информационно-поисковые системы и базы данных, позволяющие осуществлять накопление, анализ и обработку данных о различного рода объектах и их свойствах, подлежащих регистрации. Это касается и сведений об образцах ручного стрелкового огнестрельного оружия, а также следах его применения.

Учитывая потребность правоохранительных органов Республики Беларусь, а также экспертных подразделений Республики Беларусь, авторским коллективом кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета милиции, отдела образовательных информационных технологий и Могилевского межрайонного отдела Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь была разработана и апробирована автоматизированная информационная поисковая система «Оружие» (далее — АИПС «Оружие»), предназначенная для накопления, систематизации и получения сведений об образцах ручного стрелкового огнестрельного оружия, патронах (боеприпасах), используемых в нем для стрельбы, следах на пулях и гильзах, изъятых с мест нераскрытых преступлений и происшествий.

Разработанная автоматизированная система позволяет решать отдельные задачи экспертного исследования различного рода объектов баллистических экспертиз (нарезного ручного стрелкового огнестрельного оружия, патронов (боеприпасов) используемых в нем для стрельбы (их элементов), а также позволяет получать достоверную ориентирующую информацию, необходимую для раскрытия и расследования преступлений.

В АИПС «Оружие» содержатся:

1. Сведения о промышленно выпускаемом образце ручного стрелкового огнестрельного оружия: его наименование, тактико-технические характеристики, вид и номенклатура используемых для стрельбы патронов (боеприпасов), характеристики следов, оставляемых на пулях и гильзах.
2. Сведения об образце патрона, используемого для стрельбы либо ее имитации в ручном стрелковом огнестрельном оружии: наименование патрона, а также вид оружия, в котором он может быть использован).

Форма карточки зарегистрированного объекта учета, содержит поле для помещения в него его фотоизображения высокого качества, с возможностью увеличения в режиме пользовательского просмотра, без распечатывания на периферийном устройстве.

Разработанная поисковая система позволяет в кратчайшие сроки (в течение 1–2 с) устанавливать:

1. Образец оружия по введенным в поисковую форму критериям.

2. Вид и тип патрона, используемого в оружии для стрельбы.
3. Модель (образец) оружия по следам на пулях и гильзах.

Полученные в результате обработки поискового запроса результаты впоследствии могут быть уточнены.

В АИПС «Оружие» предусмотрена возможность осуществления перекрестного поиска по схемам: «оружие ↔ патрон», либо «следы оружия → оружие», «элементы патрона → патрон → оружие».

Проведенная авторами предварительная апробация разработанной АИПС «Оружие» свидетельствует о ее высоком быстродействии, простоте обслуживания и ввода необходимых данных, высокой наглядности и информативности содержащейся в нем графической и текстовой информации об объектах.

Вышеперечисленные свойства позволят в максимально короткие сроки получить достоверную криминалистически значимую информацию, снизить трудовременные затраты при производстве судебных баллистических экспертиз. Авторским коллективом планируется практическое внедрение разработанной АИПС «Оружие» в деятельность экспертных подразделений Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.98

Д. С. Зинченко

научный сотрудник отделения организации

научно-исследовательской работы научно-исследовательского отдела

Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СФЕРЕ МОШЕННИЧЕСТВА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

В XXI веке констатируется динамичное развитие компьютерных и информационно-коммуникационных технологий, которые прочно вошли в повседневную жизнь населения. Так, около 85 % населения планеты зарегистрировано в различных социальных сетях и сети Интернет. На сегодняшний день наибольшую популярность среди пользователей социальных сетей приобрели такие сервисы, как: «ВКонтакте» — 53,8 млн чел., Instagram — 48,9 млн чел., «Одноклассники» — 35 млн чел., Facebook — 26,7 млн чел., а также Viber и WhatsApp — около 19,2 млн чел. [1].

При всех положительных характеристиках реализации данных технологий в практической деятельности и экономической глобализации и интеграции государств прослеживается положительный потенциал прогрессивного развития. Однако существует и ряд негативных последствий. Одним из них выступает современная преступность, а именно мошенничество в социальных сетях. Например, анализ статистики, приведенной Министерством внутренних дел Российской Федерации «О состоянии преступности за май – ноябрь 2020 года», показал, что за данный период было зарегистрировано 1,29 млн преступлений, квалифицируемых по ст. 159.6 Уголовного кодекса Российской Федерации «Мошенничество в сфере компьютерной информации». Для сравнения, в 2010 году их доля составила всего лишь 9,6 тыс. [2]. Общий объем ущерба, который ежегодно наносится данными преступлениями, составляет около 34 млрд долларов. С октября по декабрь 2021 года в России было зарегистрировано 10,3 тыс. преступлений, связанных с мошенничеством в сети Интернет [3]. Это серьезная проблема, которая все больше и больше волнует мировое сообщество. Борьбой с указанным видом мошенничества занимаются практически все страны, в том числе и Россия.

Ввиду этого правоохранительными органами Российской Федерации ведется усиленная борьба с мошенничеством в социальных сетях. Для этого не только проводятся мониторинг социальных сетей, анализ и выработка

путей предупреждения и предостережения от указанного вида преступлений, но и осуществляется оперативно-розыскная деятельность (далее — ОРД) посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ). Для того чтобы детально разработать методы и приемы ОРД для борьбы с интернет-мошенничеством, необходимо иметь представление об их видах. На современном этапе развития правоохранительные органы преследуют следующие разновидности мошенничества в социальных сетях: 1) проведение различных аукционов и онлайн-торговля; 2) деловые возможности, т. е. противоправное получение данных банковских карт под вымышленными предложениями; 3) кража личных персональных данных.

Анализ ОРД показал, что наиболее эффективными ОРМ для раскрытия и расследования преступлений, связанных с мошенничеством в социальных сетях и сети Интернет, являются: оперативное внедрение, оперативный эксперимент, снятие информации с технических каналов связи и получение компьютерной информации [4, с. 124].

Существует ряд особенностей проведения вышеуказанных ОРМ. На практике складываются несколько следственных ситуаций — благоприятная и неблагоприятная. Благоприятная следственная ситуация складывается в тех случаях, когда в ходе ОРМ подозреваемый готов сотрудничать и добровольно предоставляет интересующую следствие информацию. К примеру, в Краснодарском крае мошенник, представляясь сотрудником службы безопасности, совершал рассылки сообщений в социальных сетях и сообщал лицам, что их привязанная к аккаунту банковская карта подверглась взлому, в связи с чем необходимо было указать данные банковской карты для безопасности. Данная преступная схема «успешно» им применялась в течение трех месяцев, за которые он похитил около 3 млн рублей [5]. В ходе проведения ОРМ злоумышленник сам предоставил технику и все данные (пароли от аккаунтов, переписки и т. д.), при помощи которых совершал мошеннические действия.

Но правоприменительной практике известны и неблагоприятные ситуации, связанные с активным противодействием со стороны злоумышленников расследованию. Например, в ходе проводимых ОРМ злоумышленники пытаются уничтожить или повредить технику, изменить или удалить значимую для следствия информацию и данные и т. д.

В то же время для недопущения возникновения указанных выше ситуаций законодательно закреплена за провайдерами и владельцами интернет-сервисов обязанность сохранять историю посещений и личную информацию в облачном хранилище данных, которые пригодны к использованию в качестве доказательств. Но и здесь возникают проблемы. Дело в том, что большинство

компаний, которые обеспечивают работу мессенджеров и социальных сетей, находятся за рубежом (США, страны Европы). А это значит, что при проведении ОРМ органы, осуществляющие ОРД, направляют запросы этим зарубежным компаниям, в результате которых в большинстве случаев получают отрицательные ответы или не получают их вообще [6, с. 18].

Таким образом, ОРМ играют важнейшую роль в борьбе с мошенничеством в социальных сетях и сети Интернет, так как в процессе их проведения можно получить оперативные данные о подготовке и совершении мошенничества, установлении криминальных связей, данных, имеющихся на технических устройствах и аккаунтах, однако ввиду своих особенностей при проведении указанных ОРМ нередко возникают проблемы, связанные с рисками потери информации или неполучении ее вообще.

Список основных источников

1. Энциклопедическая статья «Социальная сеть» [Электронный ресурс] // Свободная энциклопедия Википедия. — Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Социальная_сеть. — Дата доступа: 20.12.2021. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
2. Состояние преступности в России за 2020 год [Электронный ресурс] // М-во внутр. дел Рос. Федерации. — Режим доступа: <https://mvd.ru/upload/site1/>. — Дата доступа: 21.12.2021. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
3. Статистические данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/statistic>. — Дата доступа: 01.12.2021. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
4. Особенности расследования сетевых компьютерных преступлений / А. Л. Осипенко // Рос. юрид. журнал. — Екатеринбург : Урал. гос. юрид. ун-т. — 2019. — № 2. — С. 121–126. [Вернуться к статье](#)
5. Мошенник обманул жителей Краснодарского края в социальных сетях [Электронный ресурс] // Аргументы и Факты. Социальная сеть [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://kuban.aif.ru/incidents/criminal/internet-moshennik_obmanul_neskolko_zhiteley_sochi-v-socialnyh-setyah. — Дата доступа: 10.01.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
6. Батоев, В. Б. Использование мессенджеров в преступной деятельности: проблемы деанонимизации пользователей и дешифрования информации / В. Б. Батоев // Оперативник (сыщик) : науч. журнал. — 2017. — Вып. 2 (51). — С. 15–20. [Вернуться к статье](#)

УДК 340

А. Ю. Коптяев

*начальник кафедры информационно-аналитического
и документационного обеспечения органов внутренних дел
Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России,
кандидат юридических наук*

СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА ПРОВЕДЕНИЕМ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ, ОГРАНИЧИВАЮЩИХ КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА ГРАЖДАН

В статье 2 Конституции Российской Федерации закреплено, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита — это обязанность государства [1]. Вместе с тем ограничение конституционных прав граждан порой необходимо в целях организации эффективной работы правоохранительных органов в борьбе с преступностью.

В научной литературе вопросы относительно судебного контроля за оперативно-розыскной деятельностью (далее — ОРД) не раз выступали предметом научных дискуссий со стороны ученых-правоведов. Одни ученые считают судебный контроль за ОРД необходимостью, в целях соблюдения конституционных прав граждан, другие, наоборот, говорят о неэффективности такого вида контроля. В частности, Н. С. Железняк утверждает, что функция судебного контроля за ОРД — это не более чем фантазии отдельных авторов, попытки выдать желаемое за действительное [2, с. 23].

Не вдаваясь в научную полемику противоположных мнений относительно рассматриваемого вопроса со стороны приверженцев функции судебного контроля за ОРД, автор данной работы придерживается мнения Н. С. Железняка по ряду объективных причин.

Судебный контроль на досудебных этапах уголовного судопроизводства — это особый, самостоятельный вид судебной деятельности, направленный на обеспечение прав, свобод человека и гражданина, а равно их защиту и незамедлительное восстановление, в случае их нарушения.

Исходя из смысла вышеприведенного определения судебного контроля, представляется, что его эффективность зависит от возможности суда в данной стадии провести анализ на соответствие действующему законодательству и наличия оснований для принятия решения, в частности о проведении оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан.

Осуществление судом контрольной функции относительно вопросов проведения оперативно-розыскного мероприятия является возможным в случае, когда предмет рассмотрения содержит в себе информацию о наличии всех юридических критериев, которые по закону являются основаниями для проведения того или иного действия и которые судья как субъект контроля может всесторонне изучить и дать правовую оценку. Вместе с тем следует отметить, что в рамках действующего законодательства суд не вправе вмешиваться в деятельность оперативных подразделений в части, касающейся выбора средств и методов проведения оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных ст. 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности Российской Федерации» [3] (далее — ФЗ «Об ОРД»). Из этого логично следует вывод, что суд не может влиять на решения, принимаемые должностными лицами органа, осуществляющего ОРД, а значит, эффективность контрольной функции находится под большим сомнением.

Суд как субъект контроля за ОРД не только не влияет на процесс ОРД, но и вряд ли способен, исходя из его полномочий, принять решение о законности проведения оперативно-розыскного мероприятия, ограничивающего конституционные права граждан, в случае обращения органа, осуществляющего ОРД в порядке, предусмотренном статьей 9 ФЗ «Об ОРД».

Например, в статье 7 ФЗ «Об ОРД» предусмотрен исчерпывающий перечень оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий, среди которых в подпункте 1 законодателем указано основание, а именно: ставшие известными органам, осуществляющими ОРД, сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния. При наличии таких сведений орган, осуществляющий ОРД, в соответствии со статьей 10 «ФЗ Об ОРД», вправе заводить дела оперативного учета, в рамках которого проводить оперативно-розыскные мероприятия, предусмотренные статьей 6 вышеназванного Федерального закона.

Из приведенных суждений автор задается вопросом, может ли суд, при осуществлении подобной функции в порядке, предусмотренном статьей 9 ФЗ «Об ОРД», дать объективную правовую оценку о наличии оснований проведения оперативно-розыскного мероприятия, если дело заведено на основании сведений, полученных из иных источников, а также лиц, осуществляющих конфиденциальное содействие. Насколько в данной ситуации суд как субъект контроля может удостовериться в реальном наличии источника подобных сведений, может ли суд быть уверен в том, что сведения, на основании которых заведено дело оперативного учета не являются «бурной фантазией» должностных лиц, осуществляющих ОРД. По мнению автора, суд, исходя из своих пол-

номочий, в данной стадии судебного контроля вряд ли может дать объективную оценку наличию оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан.

По мнению автора, судебный контроль над проведением оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан, не только не эффективен, но и создает трудности в оперативном принятии решения о проведении подобных мероприятий, создает проблемы в обжаловании проведенных оперативно-розыскных мероприятий, так как де-юре данное решение ранее принято судом законным и обоснованным.

Учитывая то обстоятельство, что ОРД осуществляется как гласно, так и негласно, представляется, что ведомственный контроль над проведением оперативно-розыскных мероприятий является наиболее эффективным, объективным, своевременным и достаточным.

На основании вышеизложенного считаем целесообразным проводить оперативно-розыскные мероприятия, ограничивающие конституционные права граждан по решению руководителя органа внутренних дел, с последующим уведомлением суда по месту проведения оперативно-розыскных мероприятий о законности их проведения, в связи с чем существует необходимость внесения соответствующих изменений в ФЗ «Об ОРД» и другие нормативно-правовые акты.

Список основных источников

1. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : офиц. текст : с изм. от 1 июля 2020 г. — М. : Инфра-М, 2021. — 120 с. [Вернуться к статье](#)
2. Железняк, Н. С. О проблемах законодательного регулирования судебного ограничения конституционных прав граждан в оперативно-розыскной деятельности / Н. С. Железняк // Оперативник (сыщик). — М., 2009. — № 1 (18). [Вернуться к статье](#)
3. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ : в ред. от 30.12.2021 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2022. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.35

*Н. Н. Лесовая**доцент кафедры организации оперативно-розыскной деятельности**Академии ФСИН России,**кандидат юридических наук, доцент*

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Современный производственный сектор уголовно-исполнительной системы (далее — УИС) Российской Федерации имеет достаточно мощный потенциал, который позволяет ежегодно производить около 100 тысяч наименований товаров и охватывает практически все отрасли промышленного производства. Ряд подразделений Федеральной службы исполнения наказаний (далее — ФСИН) России являются единственными в стране изготовителями отдельных наименований сертифицированных изделий машиностроения и электротехнической продукции либо занимают доминирующее положение в соответствующих отраслях промышленности (трубопроводная арматура, тягодутьевые машины, высоковольтные предохранители и разъединители, понижающие и измерительные трансформаторы, экранирующая плетенка) [1].

По состоянию на 1 января 2022 года в УИС Российской Федерации функционирует: 29 федеральных государственных унитарных предприятий, находящихся в ведении ФСИН России, 603 центра трудовой адаптации осужденных, 73 производственных мастерских [2].

Вместе с тем суммы потерь товарно-материальных ценностей и денежных средств, связанных с неправомерной деятельностью должностных лиц учреждений и органов УИС и иных лиц, достаточно велики, а скрытый, замаскированный характер преступлений экономической направленности обуславливает необходимость и приоритет поисковой деятельности главным образом в рамках оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) подразделениями, среди которых приоритетным является подразделение собственной безопасности уголовно-исполнительной системы (далее — ПСБ УИС). В его компетенцию входит не только проведение широкого круга оперативно-розыскных мероприятий, но и использование различных способов и методических приемов документального контроля и собственных конкретно-научных эмпирических методических приемов экономического исследования на основе применения знаний бухгалтерского учета, финансов, экономики, банковского дела и других отраслей [3, с. 10]. Все это, безусловно, требует от сотрудников высокого

профессионализма и компетенции в решении стоящих перед ними задач найти материальные следы совершения преступлений или их признаки, которые отражаются в системе экономической информации на различных уровнях, а именно знать и умело применять:

1) *методы формально-правовой проверки документов* (законность, правильность и полнота составления документов, соблюдение правил учета отдельных хозяйственных документов, арифметическая проверка расчетов);

2) *методы достоверности, отраженной в документах информации* (сопоставление данных в различных документах, отражающих операцию; проверка данных регистров бухгалтерского учета и отчетности; встречная и взаимная проверки и др.);

3) *методы фактического контроля* (проведение широкого комплекса таких оперативно-розыскных мероприятий, как: «наблюдение»; «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств»; «контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений»; «прослушивание телефонных переговоров»; «снятие информации с технических каналов связи»; «оперативный эксперимент»; «проверочная закупка»; инвентаризация; стадии производства продукции; способы лабораторного анализа сырья, материалов и готовой продукции; проверка объемов выполненных работ и др.);

4) *методы экономическо-правового анализа* (сопряженных сопоставлений; специальных расчетных показателей; стереотипов; корректирующих показателей) [4, с. 39].

Анализ статистических данных ФСИН России, характеризующих экономическую безопасность, показывает, что в учреждениях и органах УИС России большая часть правонарушений связана:

- с хищениями товарно-материальных ценностей и денежных средств (кража, присвоение, мошенничество, растрата);
- со злоупотреблениями при заключении и исполнении государственных контрактов, а также иных гражданско-правовых договоров на поставку товаров, выполнение работ и оказание услуг для государственных нужд.

В то же время в каждом регионе структура направлений деятельности ПСБ УИС в области обеспечения экономической безопасности и их приоритет могут меняться. Важно учитывать «региональную» специфику и оперативную обстановку, то есть подробно знать курируемый оперативный объект в лице как осужденных, так и сотрудников УИС; применять комплексы гласных и негласных оперативно-розыскных мероприятий [5, с. 198]; изучить специфику функционирования данного предприятия или организации (объекта оперативного обслуживания), провести анализ его внешних и внутренних угроз [6, с. 128].

Таким образом, требование времени — это высокий профессионализм и компетенции в решении стоящих перед ПСБ УИС задач, которые заключаются в том, чтобы найти материальные следы совершения преступлений или их признаки.

Для решения указанных задач ПСБ УИС последовательно внедряют в свою деятельность различные способы и методические приемы борьбы с преступлениями экономического характера. Управлением собственной безопасности ФСИН России (далее — УСБ) разработаны соответствующие методические рекомендации для сотрудников ПСБ УИС России. На базе Академии ФСИН России организована подготовка сотрудников ПСБ УИС, в обязанности которых входит решение задач по линии обеспечения экономической безопасности, в рамках дополнительной профессиональной программы «Обеспечение экономической безопасности учреждений и органов УИС». Дополнительная профессиональная программа предполагает овладение компетенциями в области: межличностных отношений с лицами, оказывающими содействие; бухгалтерского учета, анализа и аудита, государственных закупок; оперативно-розыскных методик расследования преступлений экономической направленности.

В число основных направлений деятельности ПСБ УИС по обеспечению экономической безопасности УИС войдут федеральные и региональные приоритеты, оперативная обстановка, а решение задач во многом зависит от скоординированной работы всех управленческих звеньев УИС и обеспечит ей нормальное функционирование.

Список основных источников

1. Управление организации производственной деятельности и трудовой адаптации осужденных [Электронный ресурс] // Федер. служба исполнения наказаний. — Режим доступа: <https://fsin.gov.ru/structure/adaptation/>. — Дата доступа: 12.02.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
2. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации [Электронный ресурс] // Федер. служба исполнения наказаний. — Режим доступа: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20harka%20UIS/>. — Дата доступа: 12.02.2022. [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
3. Выявление неучтенной готовой продукции, сырья и материалов, достоверности оценки стоимости выполняемых работ и оказываемых услуг в производственном секторе УИС : метод. рекомендации / М. Н. Козин [и др.] / УСБ ФСИН России, ФКУ НИИ ФСИН России. — М., 2018. — 50 с. [Вернуться к статье](#)
4. Основные направления и используемые методы выявления скрытой (неформальной) экономической деятельности в производственном секторе УИС : аналитический обзор / М. Н. Козин [и др.] / УСБ ФСИН России, ФКУ НИИ ФСИН России. — М., 2018. — 67 с. [Вернуться к статье](#)

5. Татаринов, Р. А. Деятельность подразделений собственной безопасности уголовно-исполнительной системы по предупреждению коррупционных преступлений / Р. А. Татаринов // Апробация. — 2017. — № 2(53). — С.198–201. [Вернуться к статье](#)

6. Филиппова, Д. Г. Пути создания системы экономической безопасности в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы / Д. Г. Филиппова // Экономика. — 2016. — № 1(28). — С. 127–130. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.102

К. С. Малышев

*преподаватель кафедры оперативно-разыскной
деятельности органов внутренних дел
Уральского юридического института МВД России*

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОПЕРАТИВНЫХ СОТРУДНИКОВ

Работа оперативных сотрудников — одно из важнейших направлений деятельности органов внутренних дел Российской Федерации. Ее целью является защита жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности и обеспечение защиты общества и государства от различных противоправных посягательств.

Данное направление деятельности связано с большим объемом документооборота, высокой степенью напряженности, поиском и проверкой информации, психологической работой с потерпевшими, свидетелями и другими объектами. Следовательно, данное направление является одним из самых сложных и приоритетных. Именно поэтому не только юридическая подготовленность, но и морально-психологические качества оперативных сотрудников напрямую влияют на выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие подготавливаемых, совершаемых или совершенных преступлений.

Основополагающими качествами оперативного сотрудника являются: коммуникабельность, наблюдательность, внимательность, быстрое реагирование на трансформацию оперативной обстановки, психологическая устойчивость, хорошая память.

Под *коммуникабельностью* понимается умение находить общий язык и способность вести конструктивный диалог с разными категориями граждан как Российской Федерации, так и иностранных государств. Данное качество оперативного сотрудника можно рассматривать в двух аспектах [1].

Первый аспект — способность найти общий язык с объектами, которые предрасположены к девиантному поведению, в частности, с лицами подготавливающими, совершающими или совершившими преступления. В таком случае с помощью данного качества оперативный сотрудник сможет посредством проведения разведывательного опроса или иных оперативно-розыскных мероприятий узнать оперативно значимую информацию, причем не только о преступлении, к которому причастен объект, но и, возможно, о других противоправных деяниях и лицах, причастных к ним.

Второй аспект заключается в умении найти подход к коллегам, руководителям и иным субъектам, оказывающим содействие оперативному сотруднику. Благодаря данному содействию оперативный сотрудник может обеспечить себя любой дополнительной оперативно значимой информацией. Примером будет выступать получение сведений от информационного центра Министерства внутренних дел Российской Федерации или от подразделения оперативно-розыскной информации.

Наблюдательность. Это качество также напрямую влияет на результаты проведения оперативно-розыскных мероприятий. В частности, проявляется при проведении всех контактных оперативно-розыскных мероприятий: опрос, сбор образцов для сравнительного исследования, отождествление личности и т. д. Во время опроса оперативный сотрудник должен непосредственно наблюдать за изменением мимики, движений тела, дыхания и других изменений девиантного субъекта.

При сборе образцов для сравнительного исследования оперативный сотрудник может обнаружить иные предметы и вещи, которые несут в себе оперативно значимую информацию для выявления и раскрытия преступления. В ходе исследования предметов и документов наблюдательностью должно обладать сведущее лицо, имеющее специальные познания в сфере, к которой относится данный предмет или документ. Отождествление личности может проводиться как оперативным сотрудником, так и опознающим лицом. В случае если отождествление личности проводится в искусственно созданных условиях, то оперативному сотруднику и опознающему лицу следует сосредоточить все усилия, так как время может быть ограничено. Таким образом, наблюдательность является одним из основных качеств оперативного сотрудника, так как в большей степени именно от него зависят положительные результаты проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Быстрое реагирование на трансформацию оперативной обстановки. Данная особенность также имеет прямую связь с результатами оперативно-розыскной деятельности. Посредством быстрого реагирования в экстремальной ситуации оперативного сотрудника можно внести координирующие изменения в порядок проведения оперативно-розыскного мероприятия, что может иметь решающее значение.

Психологическая устойчивость важна при всех аспектах служебной деятельности оперативных сотрудников. Как известно, работа оперативного сотрудника является одной из самых сложных по различным обстоятельствам. Ему приходится контактировать как с девиантными субъектами, так и с коллегами по службе, принимать решения самостоятельно, исходя их

складывающейся оперативной обстановки. Для того чтобы находить общий язык со всеми субъектами, оперативный сотрудник должен обладать психологической устойчивостью.

Хорошая память необходима на всех этапах оперативно-служебной деятельности, при проведении всего перечня оперативно-розыскных мероприятий. Оперативный сотрудник должен запоминать большой объем информации при проведении мероприятий, в частности, таких как опрос, отождествление личности, сбор образцов для сравнительного исследования, исследование предметов и документов и наведение справок.

Таким образом, в совокупности все вышеназванные характеристики личности складываются в образ хорошего, работоспособного сотрудника оперативного подразделения. Сотрудник, обладающий всеми вышеуказанными качествами, может с легкостью выполнять любые поставленные перед ним задачи.

Список основных источников

1. Чуфаровский, Ю. В. Психология оперативно-розыскной и следственной деятельности : учеб. пособие / Ю. В. Чуфаровский. — М. : Проспект. — 2015. — 208 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.711

А. Б. Свистильников

*профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности
Белгородского юридического института
МВД России имени И. Д. Путилина,
кандидат юридических наук, доцент*

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ КРАЖ ЛОМА МЕТАЛЛА ПРИ ЕГО ПЕРЕВОЗКЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫМ ТРАНСПОРТОМ

Россия обладает значительным количеством электрифицированных железных дорог. В этой связи многие хозяйствующие субъекты для перевозки лома черного металла используют железнодорожный транспорт.

Анализируя состояние преступности в стране, приходится констатировать, что данный вид транспорта активно используют и маргинальные слои населения для совершения различных видов преступлений. Озабоченность вызывают кражи грузов на транспорте, которых в 2021 г. совершено 1552. Из них 1107 преступлений раскрыты, а 496 остались нераскрытыми. Усилиями сотрудников транспортной полиции в 2021 году выявлено и привлечено к уголовной ответственности 1149 лиц [1, с. 52].

Среди предметов преступного посягательства зачастую выступает лом металла. Анализ уголовных дел о кражах лома металла при его транспортировке железнодорожным транспортом, а также оперативно-служебных материалов органов внутренних дел (далее — ОВД) и научных публикаций отдельных исследователей [2, с. 89–92; 3, с. 23–25] позволил нам выявить основные причины и условия, влияющие на совершение данных преступлений.

Основными причинами совершения краж лома металла при его транспортировке по железной дороге являются:

- экономические причины: низкая заработная плата, отсутствие рабочих мест для трудоустройства мужчин по их специальностям в отдельных населенных пунктах по пути следования вагонов;
- нежелание (со стороны отдельных граждан) переучиваться либо вообще трудиться и зарабатывать средства для жизни законным способом;
- негативное влияние криминальной среды, пропагандирующей криминальную субкультуру и возможность безбедного существования на средства, добытые преступным путем.

Основными условиями, влияющими на совершение краж лома металла, являются:

- отсутствие охраны груза в пути его следования, а также во время стоянки вагонов на отдельных станциях;
- отказ от установки защитной металлической сетки, закрывающей сверху транспортируемый в открытом полувагоне груз;
- неправильная укладка лома металла в полувагоне (зачастую сверху лежат крупногабаритные фрагменты лома весом 50–100 кг. Такие фрагменты более привлекательны для хищения);
- нежелание хозяйствующих субъектов приобретать оборудование для прессовки металла в более крупные (неподъемные без использования кранового оборудования) фракции;
- наличие удобных подъездов к железнодорожному пути, а также лесополос либо лесного массива, позволяющих скрывать тайники из сброшенного с проходящих вагонов металла;
- значительные искривления железнодорожного пути (на отдельных участках дороги, например, на подъездах к станции «Роговое»), из-за чего грузовые поезда вынужденно снижают скорость до 15–20 км/ч. Это позволяет преступникам проникать в движущийся состав и разъединять воздушную тормозную магистраль. Данные действия влекут принудительную остановку поезда, а преступники в это время сбрасывают с вагона лом металла;
- наличие у преступников информации о номенклатуре и времени перевозимых грузов [4, с. 115].

Исследовав основные детерминанты, способствующие совершению краж лома черного металла, перевозимого железнодорожным транспортом, отметим, что для предупреждения данных видов преступлений необходимо решить следующие вопросы:

- осуществлять укладку мелкофракционного лома в верхней части полувагона либо осуществлять прессование мелкогабаритного груза в крупногабаритные фракции весом более одной тонны;
- обеспечить использование защитной металлической сетки поверх перевозимого лома металла с закреплением ее на груз электросваркой;
- обратиться к хозяйствующим субъектам с ходатайством об установке на железнодорожных станциях оборудования, позволяющего осуществлять в круглосуточном режиме фото- или видеофиксацию (в трех проекциях) проходящих вагонов, а на отдельных станциях, где ведутся погрузочно-разгрузочные работы, — рельсовых весов для взвешивания вагонов;

– совместно с ОАО «РЖД» и иными заинтересованными хозяйствующими субъектами рассмотреть вопрос об ограждении по периметру территории железнодорожных станций;

– с целью исключения возможности информирования преступников о номенклатуре и времени перевозимых грузов силами оперативных подразделений транспортной и территориальной полиции обеспечить оперативным прикрытием объекты транспортной инфраструктуры и прилегающие к ним населенные пункты.

Представляется, что изложенные в статье рекомендации будут востребованы в правоохранительной деятельности оперативных подразделений транспортной и территориальной полиции и позволят снизить уровень и динамику рассматриваемых преступлений.

Список основных источников

1. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2021 года // ГИАЦ МВД России. — М., 2021. — 66 с. [Вернуться к статье](#)
2. Михуля, И. В. Предмет современной железнодорожной кражи / И. В. Михуля // Закон и право. — 2009. — № 4. — С. 89–92. [Вернуться к статье](#)
3. Сапожников, Г. А. Предупреждение краж черных и цветных металлов органами внутренних дел / Г. А. Сапожников // Рос. следователь. — 2007. — № 22. — С. 23–25. [Вернуться к статье](#)
4. Свистильников, А. Б. Первоначальный этап раскрытия краж грузов как алгоритм деятельности транспортной полиции по обеспечению сохранности и безопасности грузов, перевозимых железнодорожным транспортом / А. Б. Свистильников, Н. В. Дьяков // Вестн. Науч. центра безопасности жизнедеятельности. — 2018. — № 2 (36). — С. 113–117. [Вернуться к статье](#)

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО 7

Агеев А. С. Объективная сторона незаконной розничной продажи алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции 7

Акимов М. А. Некоторые вопросы квалификации домашнего насилия по уголовному кодексу Украины..... 11

Антонова Е. Ю. Поощрительные нормы как средство противодействия коррупции..... 14

Астафьев И. Н., Яловик В. С. О некоторых вопросах ответственности за неповиновение и сопротивление сотруднику органов внутренних дел (полиции) по законодательству Республики Беларусь и Российской Федерации 17

Винокуров В. Н. Объект преступления и квалификация преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 21

Воспякова О. Ф. Отрицание геноцида белорусского народа: новация в уголовном законодательстве 25

Вульвач Р. С. Налоговое мошенничество: современные тенденции уголовного законодательства Республики Беларусь 28

Гараева Д. М. Современное состояние законодательства об ответственности за воспрепятствование оказанию медицинской помощи ... 31

Дрозд А. Н. «Грабь награбленное!», или К вопросу о предмете хищения.. 34

Духовник Ю. Е. О неочевидной абсолютно-определенной санкции в нормах Особенной части Уголовного кодекса Республики Беларусь 38

Дюко Р. А. О правовом регулировании оборота инструментов, оборудования для изготовления (переработки) наркотиков 42

Ермаков С. В. Проблемные аспекты замены штрафа в случаях его неисполнения 45

Ермакова О. В. Нарушение правил создания составов преступлений при использовании бланкетной диспозиции 48

Забелов А. Ю. Соотношение понятий провокации, инсценировки и подстрекательства к совершению преступления в уголовном праве России и Беларуси 51

Захарова С. С., Корнеев С. А. Становление и развитие уголовной ответственности за киберпреступления в России..... 54

Исаченко Е. А. К вопросу об объекте преступления 57

Казак С. В. Уголовно-правовая характеристика преступлений террористической направленности 60

<i>Караваева В. А.</i> Проблемные аспекты закрепления признаков субъективной стороны преступлений против интересов службы	64
<i>Каразей О. Г.</i> Об ответственности за жестокое обращение с животными	67
<i>Кирюшин И. И., Русакова П. А.</i> Использование радиостанций гражданами Российской Федерации	71
<i>Кожевников И. И.</i> Вопросы определения места совершения религиозных обрядов в контексте федерального законодательства Российской Федерации	75
<i>Кукеев А. К.</i> Правовые гарантии социально-правового механизма противодействия преступности	78
<i>Куричков Д. О.</i> Бесконтактный способ сбыта наркотиков: к вопросу о квалификации сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенного с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет).....	82
<i>Лобач Д. В.</i> Уголовная ответственность за преступления против мира и безопасности в России и Беларуси: сравнительно-правовой анализ	87
<i>Макеева И. С.</i> Некоторые особенности регламентации уголовной ответственности за реабилитацию нацизма	90
<i>Муксинова А. Ф.</i> Уголовное законодательство Российской Федерации и Республики Беларусь об ответственности за легализацию (отмывание) преступных доходов.....	94
<i>Петров С. А.</i> Усиление ответственности за незаконный оборот оружия: необходимость или излишняя суровость наказания.....	97
<i>Пушко Н. В., Власенко Е. Ф.</i> Актуальные вопросы привлечения к уголовной ответственности за нарушение правил охраны труда	101
<i>Рябцева Л. А.</i> Понятие «иные низменные побуждения» в уголовном законодательстве Республики Беларусь	104
<i>Савенок А. Л.</i> Искусственный интеллект как субъект уголовного права: теоретические и прикладные аспекты.....	107
<i>Сидорова Н. В.</i> Концепция международного уголовного права в тезисах	110
<i>Сухарев С. Н.</i> Сотрудник УИС как объект преступления, предусмотренного ст. 319 Уголовного кодекса Российской Федерации	113
<i>Черненко Т. Г.</i> Некоторые вопросы квалификации разбоя с применением предмета, используемого в качестве оружия	116
<i>Шарафиева Г. И.</i> Вопросы квалификации хищений безналичных денежных средств.....	119

КРИМИНОЛОГИЯ..... 122

Вишневская Т. И. Типология личности преступника и потерпевшего пожилого возраста..... 122

Демидова И. А. Конституционализм как условие обеспечения правового порядка..... 125

Демидова-Петрова Е. В. Познание преступности несовершеннолетних: теория пересечений 128

Жайлов А. А., Леонов В. А. О некоторых проблемах использования носимых видеорегистраторов при обеспечении правопорядка во время проведения официальных массовых мероприятий, а также при пресечении групповых нарушений общественного порядка 131

Каралёк В. И. О совершенствовании мер международного сотрудничества в сфере борьбы с наркопреступностью 136

Коченогов О. А., Ломыкина Т. В. Использование учебно-имитационного стрелкового оборудования при подготовке сотрудников ОВД к практической деятельности..... 139

Лемешевский О. О., Шишко М. И. Причины преступной деятельности среди молодежи: Интернет как фактор влияния..... 143

Новоселов Н. Г. Деятельность закладчика как сбытчика наркотических средств и психотропных веществ 147

Петрашев Д. Л., Третьяк К. В. Прохождение службы в органах внутренних дел в особых условиях: правовые и организационные аспекты морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел при выполнении служебно-оперативных задач 150

Скоробогатый А. В. Соотношение незаконной миграции и торговли людьми..... 156

Советова М. В. Проблема скулшутинга в России: детерминанты криминализации несовершеннолетних 159

Хохлов Е. Е. Меры противодействия криптовалютным операциям в сфере незаконного производства синтетических наркотических средств и психотропных веществ 162

Шайкова М. В. Психолого-правовые парадигмы предупреждения делинквентного поведения несовершеннолетних 167

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО 170

Вечкаев Н. С., Вечкаев А. С. Оперативно-розыскная информация в УИС: понятие, сущность, назначение 170

Казакова Т. А. Реинтеграция несовершеннолетних осужденных как одна из форм противодействия подростковой преступности 174

<i>Кузьменкова С. В.</i> О недопустимости пыток и иного жестокого обращения с осужденными	178
<i>Мельников С. Ю.</i> Соотношение избирательных прав лиц, содержащихся под стражей, и осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы.....	181
<i>Павленко Д. А.</i> Объединения по интересам как перспективное направление расширения возможностей для ресоциализирующей активности осужденных	184
<i>Пронина О. В.</i> Азартные игры как фактор, влияющий на возможность возникновения угроз личной безопасности осужденных в исправительных учреждениях.....	189
<i>Смирнов С. Н., Кошелюк Б. Е.</i> О противодействии экстремизму и терроризму в уголовно-исполнительной системе России	193
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС	196
<i>Винокуров Э. А., Белоусова К. В.</i> Актуальные проблемы производства отдельных следственных действий на этапе проверки сообщения о преступлении	196
<i>Гаркуша А. Г.</i> Некоторые особенности определения уровня доверия суда к поручителю.....	200
<i>Жижилев А. А.</i> Институт преюдиции в современном уголовном процессе.....	203
<i>Каширский Д. Ю., Долгова Е. А.,</i> Рассмотрение уголовных дел с использованием систем видео-конференц-связи	207
<i>Кутуков С. А.</i> Оперативно-розыскное документирование в условиях исправительных учреждений	210
<i>Лифанова Л. Г.</i> Потерпевший как субъект уголовного преследования	214
<i>Павлов П. А., Моисеев Н. Д.</i> Некоторые вопросы освобождения из-под стражи.....	217
<i>Политыко О. Е.</i> Внутреннее убеждение как основание установления обстоятельств уголовного дела.....	220
<i>Стародубов В. В.</i> Актуальная проблема замены законного представителя несовершеннолетнего в уголовном процессе	224
<i>Топчиева Т. В., Топчиев А. А.</i> Использование видео-конференц-связи в ходе досудебного производства по уголовным делам (по УПК России и УПК Республики Беларусь).....	227
<i>Шилко Ж. А.</i> Об отдельных процессуальных полномочиях по осуществлению ускоренного производства	231

<i>Шкаплеров Ю. П.</i> Задержание в досудебном производстве БССР во второй половине XX в.....	234
<i>Щелконогова И. С.</i> Проблемные вопросы, связанные с производством обыска в отношении спецсубъектов, в том числе адвоката.....	237
КРИМИНАЛИСТИКА.....	240
<i>Агеева А. А.</i> Криминалистическая модель преступлений, совершаемых преступниками-мигрантами	240
<i>Баранова Т. Ю.</i> Элементы криминалистической характеристики преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий на объектах воздушного транспорта.....	243
<i>Воробьёв С. Ю., Мишнев Г. В.</i> Нормативно-правовое обеспечение защиты банковского терминального оборудования от вредоносного программного обеспечения	246
<i>Гаркуша Ю. Н.</i> Некоторые вопросы методики расследования хищений горюче-смазочных материалов	249
<i>Григорович В. Л.</i> Предупреждение террористических актов с помощью радиоголографии	251
<i>Данькова Т. Н.</i> О необходимости совершенствования методики расследования злоупотребления властью или служебными полномочиями	256
<i>Демченко И. А.</i> Безопасность участников следственных (розыскных) действий как условие их проведения	259
<i>Дерюгин Р. А., Шевырталов Е. П.</i> Криминалистическая характеристика современных способов хищения автотранспортных средств.....	262
<i>Едомский Е. А.</i> Особенности осмотра частей расчлененного трупа на месте их обнаружения.....	266
<i>Зайцева Е. В.</i> К вопросу о расследовании незаконной рубки лесных насаждений.....	269
<i>Климова Е. И.</i> Тактическое решение при расследовании преступлений: этапы принятия	272
<i>Кононов П. А.</i> Об актуальности криминалистического обеспечения расследования преступлений, связанных с нарушением правил безопасности движения автотранспорта (по материалам Республики Беларусь).....	275
<i>Костюкович Э. П.</i> К вопросу о правовом регулировании использования полиграфа в деятельности органов внутренних дел.....	278
<i>Кузнецов А. А.</i> Ситуации, возникающие при проверке сообщения о краже, совершенной с незаконным проникновением в жилища.....	281
<i>Логвин В. М.</i> О некоторых теоретических вопросах следственной деятельности	285

<i>Лозовский Д. Н.</i> Особенности криминалистической характеристики преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершенных с использованием сети Интернет.....	289
<i>Мотолько А. Ф.</i> Использование информационно-коммуникационных технологий в ходе предварительного следствия.....	292
<i>Неупокоева И. А., Гутникова О. И.</i> Факторы, влияющие на проведение осмотра места происшествия при взрывах	296
<i>Нуждин А. А.</i> Субъекты использования специальных знаний в предупреждении пенитенциарных преступлений (криминалистический аспект).....	300
<i>Павлова Н. В.</i> Актуальные вопросы усовершенствования деятельности следователя по расследованию мошенничеств	303
<i>Пашута И. В.</i> Криминалистические аспекты расследования незаконных действий в отношении огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ	306
<i>Пашута Н. Н.</i> Криминалистическое образование как элемент криминалистического обеспечения деятельности подразделений уголовного розыска	309
<i>Петлицкий С. В.</i> Роль уголовного права в межнаучном подходе к организации раскрытия и расследования преступлений (по материалам Республики Беларусь)	312
<i>Плахота К. С.</i> Проблемы, возникающие в суде в ходе применения видео-конференц-связи.....	315
<i>Саковец И. Н.</i> Тактические особенности осмотра места происшествия при расследовании нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими.....	319
<i>Свиридов Д. А.</i> К вопросу о понятии «массаж» по уголовным делам о предпринимательской деятельности, осуществляемой без специального разрешения (лицензии)	322
<i>Соколов А. Б.</i> Очная ставка как средство оспаривания преследуемым лицом данных против него показаний в ходе досудебного производства: организационный аспект	326
<i>Сысенко А. Р.</i> Криминалистические информационные системы при расследовании преступлений по горячим следам.....	329
<i>Тюлеева Е. А.</i> Преступный план как обстоятельство, подлежащее установлению при расследовании мошенничества в сфере кредитования физических лиц, совершенного в составе группы.....	332
<i>Чванкин В. А.</i> Современные возможности выявления следов рук на клеевых поверхностях в экспертной практике Республики Беларусь	336

Шнейдерова Д. И. Установление принадлежности лицу криптокошелька по делам о хищениях в сфере оборота криптовалют: криминалистический аспект..... 339

Якимович Н. В. Предмет киберпреступлений как элемент их криминалистической характеристики..... 343

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ 346

Абрамов В. А. Отличия теоретических основ от практической деятельности при производстве судебных экспертиз 346

Воробьёва В. В., Данилова Д. А. Современное состояние вопроса определения органических продуктов выстрела в судебной экспертизе 349

Евдохова Л. Н. Сравнительное исследование при проведении судебных товароведческих экспертиз сырья растительного происхождения: тактические особенности получения образцов 353

Колмыков С. Н. Понятие и значение судебной экспертизы 355

Лаппо Е. А. Использование современных информационных технологий при производстве судебных баллистических экспертиз 357

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ 360

Зинченко Д. С. Оперативно-розыскная деятельность в сфере мошенничества в социальных сетях..... 360

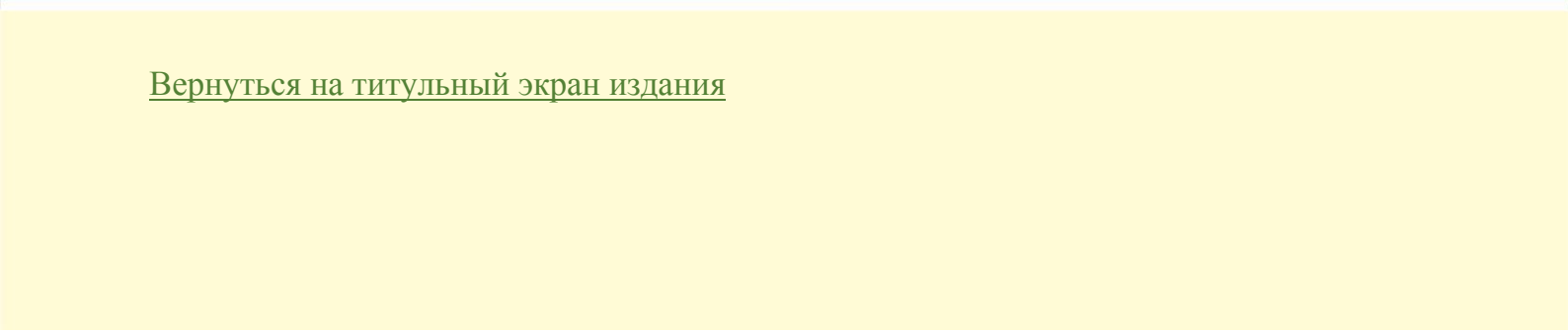
Коптяев А. Ю. Судебный контроль за проведением оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан 363

Лесовая Н. Н. Оперативно-розыскное обеспечение экономической безопасности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации 366

Мальшев К. С. Психологические особенности в деятельности оперативных сотрудников 370

Свистильников А. Б. Предупреждение краж лома металла при его перевозке железнодорожным транспортом 373

[Вернуться к статьям](#)

[Вернуться на титульный экран издания](#)